

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

№ 1

**Москва
Издательство МГОУ
2009**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. – кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А.В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, профессор
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – № 1. – 2009. – М.:
Изд-во МГОУ. – 244 с.

«Вестник МГОУ» является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., с. 5. и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г.). На сайте МГОУ имеется информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и правилах для авторов статей.

Подписной индекс серии «История и политические науки» Вестника МГОУ - 36765 (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же Агентства на первое и второе полугодия 2007 г., первое и второе полугодия 2008 г.).

© МГОУ, 2009

© Издательство МГОУ, 2009

Смоленский Н.И.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена анализу проблемы философских основ российской историографии с момента возникновения науки до современности. Эта проблема рассматривается на материале учебного пособия «История и философия отечественной исторической науки», подготовленного коллективом авторов Российской академии государственной службы и Института российской истории РАН. Проблематика философских основ российской историографии анализируется в качестве предмета научного исследования и преподавания одновременно.

Ключевые слова: философия истории, истина, методология истории, теория истории, историческое сознание.

Коллектив историков Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации с привлечением учёных Института российской истории РАН подготовил труд по истории и философии отечественной исторической науки. Издание вышло в свет в 2006 г. под грифом учебного пособия для студентов высших учебных заведений по специальности «история» [1]. Это – первое учебное издание по данной проблематике. Прошедшее с момента публикации время не снизило ни актуальности анализируемых в нем философско-исторических проблем в качестве предмета обучения, ни научной значимости – во многих случаях – той сути их интерпретации, которая предлагается авторами, что делает обращение к содержанию пособия оправданным не только в вузовской аудитории.

Одно из основных требований к учебному изданию – научность. Научность – при том, что это понятие в различных вариантах гносеологии имеет сегодня существенно разный, в том числе и антинаучный смысл – предполагает все-таки опору учебного издания на проверенный материал научного исследования, в том числе новейшего. Опора на истину в равной мере характеризует научное исследование и учебное издание с той, однако, оговоркой, что путь к истине может быть долог и извилист, что невозможно, а порой и не нужно воспроизвести в ходе усвоения материала в учебном процессе. Здесь необходим его отбор, уход от частных деталей, изложение сути изучаемого, понимание чего является важным элементом усвоения знаний. Не любые знания говорят о их качестве и высоком уровне.

Далее, усвоение знаний не обязательно повторяет логику и ход научного исследования в отношении языка и формы изложения, то есть стиля. Стиль – это также и проблема научного исследования, хотя далеко не самая важная и определяющая. Стиль исследования Н.М. Карамзина по истории государства Российского является его украшением, однако то, что столь же фундаментальный труд С.М. Соловьева отличается иным стилем, и это не роняет его, показало время. И всё же в учебном издании проблема стиля более значима: язык и стиль должны способствовать усвоению материала, а не затруднять его. Доступность и образность языка, уход от общих рассуждений или от погружения

* © Смоленский Н.И.

в детали, одним словом, всё то, что привлекает внимание и способствует усвоению, тем более – возбуждает интерес к изучаемому, – всё это относится к числу несомненных достоинств учебного издания. Один пример. Наряду с научными исследованиями Гегель вел преподавательскую работу, в том числе с 1818 г. – в качестве профессора философии Берлинского университета. К чтению курса лекций по философии истории в университете Гегель был готов в том смысле, что разработал свою концепцию развития всемирной истории и изложил её в «Энциклопедии философских наук» («Философия духа»: объективный дух). Между «Философией духа» и «Философией истории», изданной в качестве курса лекций, нет разницы по содержанию, но разница по стилю огромна: в последнем случае стиль отличается той мерой доступности понимания, которой даже приблизительно нет в философских исследованиях Гегеля. К этому следует добавить, что лекции Гегеля воспринимаются с интересом, в них наглядно видна мощная работа мысли, которая доступное изложение делает глубоким и содержательным, а не банальным или посредственно-отталкивающим, а сущность заключает в принципиальном, важном, как и в деталях, порой в одной фразе, вследствие чего в тексте не обнаруживается чего-либо малозначащего или лишнего. Конечно, проблема стиля и взглядов Гегеля на историю – разные вещи.

Учебное издание в любом случае должно решить по крайней мере две задачи, с неизбежностью возникающие в университетской аудитории: чему учить и как учить? Размышления по поводу рассматриваемого учебного пособия начнём с основной и фундаментальной проблемы: чему оно учит?

Стержнем изложения является анализ «философской составляющей» в развитии историографии отечественной истории. Из содержания книги – хотя это не сформулировано кем-либо из её авторов – следует, что под «философской составляющей» подразумеваются проблемы философии истории и – шире – теоретико-методологические проблемы исторического познания. Хронологический охват их анализа – от становления исторических знаний в Древней Руси до методологических поисков в советской исторической науке в период «оттепели», включительно. Логика изложения материала включает в себя: выделение основных направлений или отдельных представителей – отечественной исторической науки с характеристикой теоретических основ их мышления; выявление истоков этих основ в российской действительности или в идейных источниках их влияния извне; определение и оценка объективной сути излагаемых теоретических позиций прежде всего в связи с научным потенциалом объяснения на их основе конкретного кода событий.

Упомянутая логика изложения, вполне обоснованная сама по себе, в разной мере насыщена материалом теоретического анализа и конкретным историографическим материалом, имеющим, впрочем к упомянутому анализу порой весьма косвенное отношение. Очевидно, это связано с тем, что пособие является – по его названию – историей и философией отечественной исторической науки. Анализируя проблему «философской составляющей» во времени, в развитии, нельзя обойтись без историографического подхода, без опоры на историографию, однако области историографических и методологических проблем не совпадают ни по общему смыслу, ни по конкретному характеру в каждом случае. Скажем, предметом историографического анализа может быть – и является в данном случае [1, 98-99] – изучение разработки способов, приёмов критического анализа исторических источников тем или иным историком или целым направлением. Однако это область не методологии, а методики исторического

исследования, причём практика этого исследования, уже со времен итальянской гуманистической историографии как колыбели источниковедения, вполне определённо расставила акценты в соотношении методологии и методики: определяющая роль принадлежит в этом соотношении методологии. Современный уровень развития исторического познания, несмотря на его страноведческие или иные особенности, не изменил упомянутое соотношение в структуре познания. Обусловленность способов критического анализа источников методологией с очевидностью проявляется по отношению к основополагающему из них – требованию достоверности. Это требование становится в исторической науке осознанным и фундаментальным принципом с эпохи гуманизма и приобретает в начале XIX в. относительно завершённую для того уровня знаний структуру, что с наибольшей определённостью проявилось в немецкой историографии (Нибур, Ранке и др.) и не утратило некоторого значения и сегодня: внешняя критика – анализ источника по времени его происхождения, авторству, подлинности или подложности, по характеру содержания – первоисточник или заимствование; внутренняя критика – анализ источника по его содержанию. Поскольку в основе всего в первом и во втором случае лежит требование выявления достоверности, нельзя не заметить, что за этим фигурирует уже определённая теоретическая позиция, даже если она не выражена в некоторой развитой теоретической форме, и эта позиция заимствуется историком вовсе не из источника и имеется у историка до знакомства с ним. Суть этой позиции – в стремлении историка добиться достоверности, истины, в его уверенности в возможности точного фактического знания, ибо подлинные факты – это своего рода кирпичи, и чтобы их передать без искажений, историк должен на изучаемое прошлое смотреть глазами прошлого (Нибур) или же заставить замолчать своё «я», т.е. свои взгляды, позицию в современном ему мире (Ранке) [2]. Следует подчеркнуть: это уже теоретическая позиция, вариант гносеологии с опорой на представление о первичности объекта и вторичности субъекта, она предшествует обращению к анализу источника. Данный вариант гносеологии соответствовал тому уровню представлений о механизме исторического познания, когда ещё отсутствовало понимание неизбежной обусловленности позиции историка окружающей его средой. Но развитие познания приводит к этому, опять-таки, теоретически наиболее полно и раньше, чем где-либо – в Германии (теория познания И. Г. Дройзена). Доказательство этого не устраняет в любом случае первичности изучаемой реальности по сравнению с мышлением историка, ведь он изучает то, что не им создано и что было бы и в том случае, если бы этого историка вообще не было. Тем не менее, одним из последствий упомянутого доказательства стало у части историков – это есть и сегодня – выдвижение на первый план в теории познания субъекта, что влекло за собой отказ от понимания источника как некоего вместилища фактов и оценку последних в качестве продукта конструкции мышления. В свете этого, в частности, очевидно, что современный постмодернизм уже не оригинален и не нов. Таким образом, источниковедение не может объединять интересы и взгляды историков [1, 276] в большей степени, чем это позволяют их теоретические позиции.

Выявление и отбор проблематики и имен историков является одной из важных задач любого учебного издания. Основные направления российской историографии до 1917 г. являются в пособии предметом обучения; что же касается «философской составляющей» отдельных имен историков, то здесь очевидны пробелы. Заслуживает, хотя бы краткого изложения, система праг-

матической истории Н.Г. Устрялова – труд, ставший основанием для присуждения ему степени доктора наук по истории в 1836 г. [3]. Здесь излагается его понимание систематизирующего подхода к изучению конкретного материала в каждом случае до выработки общего взгляда на ход развития Руси в целом, в связи с чем рассматриваются проблемы соотношения государства и общества, роли личности в истории, своеобразия исторического развития Руси по сравнению с Западом, проблема истины и др.

Пропущена, далее, цивилизационная теория Н.Я. Данилевского, родоначальника итого подхода к пониманию истории в целом, за которым стоят взгляды Шпенглера, Тойнби и других, менее известных, авторов; суть этого подхода – в отрицании истории как целого, единства. При всей теоретической ошибочности данного подхода, это, тем не менее, первый опыт системного анализа всемирной истории как простой арифметической суммы цивилизаций (культурно-исторических типов); ошибочность этого взгляда не означает, что в концепции ошибочно и всё остальное. В университетской аудитории целесообразно обращаться к взглядам Н.Я. Данилевского не только как отечественного ученого, родоначальника нового взгляда на историю, но и потому, что сегодня проблема истории как целого является одной из фундаментальных в области теоретических поисков.

Наконец, в этой аудитории не следует обходиться без обращения к «философской составляющей» тех историков прошлого, которые сами читали лекции по проблемам философии и методологии истории – Н.И. Кареева, М.М. Хвостова, В.М. Хвостова. В особенности Н.И. Кареев был специалистом в изучении как многообразных конкретно-исторических проблем, так и теоретических проблем исторической науки. Его докторская диссертация посвящена вопросам философии истории (1883 г.), с чем впоследствии была связана и его преподавательская деятельность. Содержание лекций показывает его как профессионала высокого класса, и не только по этому урону развития исторического познания и его теоретических основ. Различая теоретические проблемы истории, как действительности и истории, как познания, что и сегодня является одним из отправных пунктов логики теоретического мышления, Н.И. Кареев выделил целый ряд таких проблем в качестве предмета обучения: что такое теория истории, критика источников, обобщение в науке, сравнительно-исторический метод, философия истории, историзм, исторический объективизм, историческая наука и общественная жизнь и др. [4]. Прошедшее со времени начала чтения лекций столетие не показало, что названные проблемы устарели по их сути, а к некоторым это относится и по их формулировке. Многие в этой проблематике выглядят гораздо более близким к современной методологической проблематике, чем, скажем, это имеет место в курсе лекций по методологии русской истории В.О. Ключевского [5], хотя он приступил к их чтению в 1884/85 уч. году. Впрочем, это также отмечено в данном учебном пособии, целый ряд высказывавшихся тогда В.О. Ключевским теоретических положений не утратил своего научного значения сегодня, в частности «... особое внимание ученого к анализу внутренних социально-экономических процессов...» [1, 149].

О развитием понятийном аппарате теоретического мышления свидетельствуют лекции М.М. Хвостова, прочитанные им в 1912/13 уч. году в Казанском университете. Обращает на себя внимание структура курса: теория истории, методология истории, философия истории [6]. Развитие теоретического

мышления и исторического познания в целом привело к видоизменению, обогащению содержания этих понятий, а не к их отторжению, что, в частности, произошло с категорией «историология» в теоретическом мышлении Н.И. Кареева. Более того, отдельные аспекты теоретических взглядов М.М. Хвостова входят и в современные представления о предмете теории, методологии и философии истории; в частности, под методологией он понимал область приемов, методов исторического исследования.

Отмеченные изъяны в изображении общей картины развития «философской составляющей» отечественной историографии не исключают наличия в ней и тех элементов, без которых представления об этом развитии в целом добиться было бы невозможно. Это, прежде всего логика развития мышления от провиденциалистской концепции к светскому его варианту. Десакрализация исторического мышления – тенденция общеевропейского – или даже более того – характера и значения; её конечной основой стали те ростки новых, несвойственных средневековью, хозяйственных распорядков, которые раньше всего появились в Западной Европе, точнее, в Италии в XIV-XV столетиях. Вследствие этого первый ласточкой нового типа исторического мышления стал гуманизм – звено, которого в развитии отечественной историографии не было и быть не могло по характеру и уровню общественно-экономического развития страны. В пособии вполне обоснованно связывается формирование рационалистических основ исторического исследования российской историографии с XVIII в. [1, 55]. Впрочем, вопрос о приоритете формирования научного подхода к изучению истории России по отношению к конкретным именам историков выглядит дискуссионным: если в одном случае приоритет признается за А.И. Лызловым и оспаривается в этой связи роль и место В.Н. Татищева [1, 39], то в другом, напротив, последний рассматривается в качестве первого профессионального историка, заложившего фундамент исторической науки в России [1, 62]. Однако уже приведённый в том и другом случае материал взглядов свидетельствует о невозможности усматривать в них основополагающий характер в свете общего состояния исторического познания и его теоретических основ того времени, хотя это были, несомненно, знаковые фигуры российской историографии.

Каковы предпосылки того поворота в развитии познания, который приводил к уходу от накопления знания, преимущественно эмпирических форм историописания, к аналитически-исследовательским светским формам осмысления материала, что вело и к соответствующим переменам в области представлений об истории как реальности и как науки, об источниках и способах их использования и т.д.? В пособии к числу таких предпосылок относится идейное влияние извне и российская действительность. В первом случае авторы пособия вполне обоснованно обращаются к выяснению влияния на российскую историографию, начиная со второй половины XVIII в., идей западноевропейского рационализма и позже – идей Просвещения. Берётся во внимание и ещё более ранняя по времени система теоретических взглядов на историю – гуманистическая [1, 42-43]. Надо сказать, характеристике взглядов представителей этих направлений, особенно рационализма и просвещения, в пособии уделяется большое внимание – отводятся десятки страниц. То, что эта информация не нова и стала своего рода расхожей, ещё не является в данном случае минусом: ведь речь идёт об учебном издании. Но обучающий эффект этого материала определяется здесь не сам по себе, а в качестве одного из источников упомянутых взглядов. Эта же часть материала пособия – и по содержанию, и

по объёму – выглядит по сравнению предыдущей весьма скромно, чтобы не сказать больше. Как это понять: является ли это упущением, недоработкой авторов? Нет, они показали влияние тех идей, которое имело место в реальном состоянии умов и взглядов российских историков. Это, прежде всего, концепция просвещенного абсолютизма Вольтера, опиравшаяся, помимо всего прочего, и на российское самодержавие в годы правления Екатерины II. Посвящённые изложению данного сюжета страницы пособия весьма поучительны: они показывают соотношение в степени влияния внешнего источника и условий российской действительности. Далее, речь идет о признании российскими историками роли географической среды в объяснении событий, что также в первоначальном варианте является просветительским приемом мышления; есть некоторые другие нюансы влияния просветительских идей [1, 75, 81-82, 84].

Но дело в том, что в этом ещё далеко не весь дух и смысл просветительского типа исторического мышления. Ещё есть вольтеровское «раздавите гадину», как грубый символ рационализма; в отличие от этого, например, В.Н. Татищев относил к числу способов «всемирного умопросвещения» принятие христианства [1, 62]. Идея неотъемлемых и прирождённых прав человека, предполагающая равенство всех перед законом; концепция правового государства и разделения властей; идея народного суверенитета (Руссо), идея общественного договора, которой придерживалось большинство просветителей и т.д. Всё это конечно, продукт мыслящего рассудка просветителей, многое стало реальностью впоследствии, но не благодаря этому рассудку как первопричине, а благодаря предшествующей жизненной практике, подготовившей рассудок к формулировке подобных взглядов. Формирование в недрах позднесредневекового общества новых отношений собственности и элементов гражданского общества стало подлинной основой возникновения этих взглядов в XVIII в. В Западной Европе почва для них была подготовлена вполне; одним из первых декретов Французской революции конца XVIII в. стала отмена титулов, званий и введение единого понятия «гражданин».

Очевидно, что перенос указанных идей на российскую действительность XVIII в. не мог обойтись без проблем: эта действительность в целом была иной, мало восприимчива к просветительским идеям в весьма существенном объёме их содержания и смысла. В пособии обращает на себя внимание деталь, весьма многозначительная по содержанию: «Надежды Екатерины и российских министров на то, что иностранцы смогут создать подходящую историю России, не оправдались. При общей мировоззренческой позиции, общих философских представлениях об историческом развитии, то, что писали последователи философов-просветителей о России, полностью расходилось с мнением как императрицы, так и отечественных историков. И итогда Екатерина II сама взялась за перо» [1, 75-76]. Суть, очевидно, в другом: Екатерина взялась за перо, поняв, что писать надо с иных, чем у просветителей, позиций, хотя в чем-то они совпадали в обоих случаях как до этого порыва, так и после него. Это, прежде всего, концепция просвещённого абсолютизма Вольтера. Отношение к ней Екатерины II является ярким примером непосредственного вмешательства государства в работу историка, хотя это проблема не столько научная, сколько политическая: в отношении Екатерины к данной концепции, в её переписке с Вольтером, о которой злые языки говорили, что она более выгодна первой помещице, чем первому философу, много личного, хотя дело не только в этом. Опора на идеи просвещения была, по существу, средством укрепления и оправ-

дания власти самодержавия и общественных распоряжений в России. Во всем этом не могло не быть противоречий ввиду несоответствия этих распоряжений и просветительских идей. Данные распоряжения оказались сильнее не только тех умов, которые, как например, А.Н. Радищев, искренне следовали в своих исторических взглядах идеям Руссо, и хорошо известно, что из этого вышло. Они были сильнее и самой царицы. В них, в частности, уходят истоки её гнева по поводу появления во Франции книги Леклерка об истории России, усматривавшего в ней нарушение самодержавием условий общественного договора; путь развития России, действительно, плохо согласовывался с идеями просвещения. Далее, – не более, чем благой наивностью выглядела надежда Екатерины II с помощью этих идей улучшить положение крепостных.

Ссылки российских историков на идеи просветителей в положительном смысле ещё не означали, как правило, наполнение этих идей тем реальным содержанием и смыслом, которые на самом деле заключала в себе историческая действительность России. Да и как можно было, в частности, наполнить духом и смыслом российского самодержавия идею разделения властей? Если стержнем просветительского представления о природе государственной власти была идея её ограничения, недопустимости её сосредоточения в одних руках или в одном органе, то Болтин, Щербатов, Ломоносов и др. отстаивали идею исконности самодержавия, как единственной для России формы правления. Что в таком случае означают их ссылки на просветителей? И потом, в их оценке самодержавия есть известная доля истины: во всей предшествующей сегодняшнему дню истории России роль государства, властных полномочий и роли его первого лица были несколько иными, чем в странах Западной Европы. Не считаться с этим – значит, не считаться с прошлым, следовательно, наша история пошла «не так», а «так» – это то, как думали просветители и как это было на Западе. Но история не ходит «не так», её надо изучать такой, какой она произошла, даже если кому-то это очень не нравится. Тут помочь невозможно: история, прошлое только в единственном числе. Далее, если говорить о реальности, а не об идее, то изменило ли природу самодержавия в России появление государственной Думы в начале XX в., т.е., введение определенного разделения властей? Скорее нет, чем да, что стало одной из причин его заката. Выходит, ошибались просветители, ибо подлинная природа власти скрыта в её социальном качестве, а не в области права, которое вторично. Делится не власть, а исполнение её функций, что не меняет природу власти, иначе сущность государственной власти, скажем, в Англии XIII в. после возникновения в 1265 г. парламента и в современной Англии пришлось бы считать чем-то одним и тем же: там и там – разделение властей. Кстати, помогает понять эту разницу и то, что под названием классового подхода рассматривается в пособии в качестве источника ошибок, упущений историка [1, 92].

Формирование теоретических представлений историка, формулировка им частных и общеисторических теоретических проблем определяются влиянием на его мышление окружающей его действительности и идейного влияния извне. Соотношение того и другого в различных ситуациях развития общества и науки было неоднозначным, однако приоритет всё же остаётся всегда за конкретными условиями и состоянием окружающей историка среды, что в конечном счёте определяет и степень его восприимчивости к тем или иным влияниям извне. Этим обусловлена и логика исследования проблемы истоков и предпосылок формирования теоретических позиций историков, как и изложение дан-

ной проблемы в качестве предмета обучения: сначала – влияние действительности, потом – идейное влияние извне. Французская революция конца XVIII в. способствовала определённому «откату» просветительских идей в российской историографии, что подчёркивает значимость разницы исторических условий для формирования теоретических позиций историков; значительную роль сыграла в этом «откате» Отечественная война 1812 г. В пособии отход от просвещения рассматривается в качестве возврата к исконным началам жизни в России: «Абстрактная философия сущность Просвещения столкнулась с предметным русским историческим представлением и проиграла» [1, 96]. Но вывод о возврате теоретического мышления от космополитических идей просвещения к утверждению самобытности исторического процесса [1, 103] означает, что следование просветительским идеям было изначально временным отходом этого мышления от истины, заблуждением. В таком случае это не вполне соответствует выводу о том, что влияние просветительских идей «было огромно» [1, 92]. Какова реальная роль этих идей в формировании структуры и содержания теоретических представлений российских историков XVIII в.? Без выяснения этого не может быть и необходимой определённости трактовки данной проблемы в университетской аудитории, импульс к чему даёт данное пособие.

Приоритет российской действительности в формировании теоретических позиций историков в разной мере проявлялся в ходе возникновения и развития различных научных школ и направлений отечественной историографии XIX-XX вв. Это относится и к взглядам самых крупных её представителей – Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, прежде всего, к их пониманию предмета и задач исторического исследования применительно к истории России и в целом. Государство, по понятиям Н.М. Карамзина, находится в центре исторического процесса, следовательно, категория «государство» является стержнем его исторического мышления. Эти взгляды ученого – продукт влияния на него российской действительности, они получены им в наследство от предыдущего развития российской историографии – достаточно сослаться на В.Н. Татищеву – и обусловлены его социально-политическими позициями в современной ему жизни. От первобытного народного правления к княжевластию и от него к самодержавию – такова ведущая нить развития российской истории, что является и стержнем концепции Н.М. Карамзина. Роль самодержавия – поистине мессианская: всё нужное для развития России исходит от монарха, что, впрочем, объявляется Н.М. Карамзиным и обязанностью, долгом самодержавного правления [7]; в этом есть определённый отпечаток влияния просветительских идей (Монтескье).

Историческая концепция С.М. Соловьёва является прежде всего продуктом влияния российской действительности, его социально-политических позиций в ней и предшествующих традиций российской историографии. Этим объясняется первостепенное внимание к истории Российского государства, которое уделяется С.М. Соловьёвым в «Истории России» и включает в себе принципиальное сходство с концепцией Н.М. Карамзина. Но здесь же и элементы её отрицания, это видно уже из названия труда; по его содержанию отрицание заключается в отходе от преимущественно политической истории и включении в предмет исследования многообразного и значительного по объёму материала по истории российского общества. Через это сито просеивалось любое идейное влияние извне. Об этом говорит уже следующая деталь, по-своему многозначительная: в студенческие годы С.М. Соловьёв признавал, что Ге-

гель «...кружил всем головы», хотя из сочинений философа он прочёл только «Философию истории», которая произвела на него «сильное впечатление» [8]. Впоследствии он, следуя Гегелю, делил в своём труде народы на исторические и неисторические, однако это был уже не точный смысл взглядов заимствованного: к историческим он относил славян, хотя в схеме всемирно-исторического развития Гегеля этого нет. В пособии заметно преувеличено значение Гегеля в формировании теоретических позиций российских историков [1, 131-132]; представление о ведущей роли государства в истории, в частности, необоснованно считать продуктом влияния Гегеля: такое представление было в российской историографии традиционным и до Гегеля.

Развитие российской историографии всё более обнажало значимость изучения прошлого и опоры на знание прошлого в научном, как и в социально-практическом, смысле. Следует подчеркнуть важность вывода Н.М. Карамзина, связанного с оценкой роли самодержавия в истории России и выводящего его за рамки этого: властители зависят от прошлого, они «...действуют по указанию истории и смотрят на её листы, как мореплаватели на чертежи морей» [9]. В знании прошлого нуждаются, однако, утверждал Н.М. Карамзин, не только правители, но и рядовые граждане, хотя расшифровка им значимости этого не является в данном случае достаточно раскрытой и обоснованной. Общественная практика и историческое мышление в прошлом и настоящем показывают порой весьма радикальный разрыв с этим заветом великого историка, что, однако, не делает его ошибочным: память о прошлом остаётся неустранимым элементом человеческого бытия, и сделать бывшее не бывшим не удавалось никому. Фундаментальным свойством поведения человека как общественного индивида и частного лица является историческое сознание – ощущение связи времён между прошлым, настоящим и будущим. Здоровой уверенности в будущем, в чем жизненно заинтересованы и общество в целом и индивид, не бывает из ничего, она вытекает из настоящего и опоры на прошлое. Фрагментаризация памяти делает историческое сознание разорванным, клочкообразным, лишает индивида и людские массы, даже если речь идёт о миллионах, возможности адекватно реагировать на происходящее, ориентироваться в настоящем, что делает их предметом манипуляций тех или иных общественных сил и целей. Разрушение связи времён – это своеобразная шизофренизация сознания, невозможность связать одно с другим; исторический склероз – одно из проявлений кризиса, болезни общественного сознания.

Каковы причины распада связи времён? Историческое познание не является ни единственной, ни главной причиной этого распада, его корни уходят в реальную действительность назревающих общественных перемен. В свою очередь, общественные перемены и сознание взаимосвязаны и взаимодействуют, хотя первичной всегда остается жизнь, реальность – сознание не способно вызвать любые перемены безотносительно ко времени. Однако устойчивой потребностью эпохи перемен является стремление в той или иной мере развенчать, перечеркнуть, изъять из памяти то время, о разрыве с которым в реальности идёт речь; чем круче этот разрыв, тем глубже провалы в памяти. Заказ эпохи перемен адресуется сознанию, в том числе историческому мышлению, и воспринимается им. Этим объясняется отношение просветителей к Средним векам, которые были объявлены ими временем мрака, невежества, религиозного фанатизма, нелепой ошибкой в развитии истории, случайностью: история пошла не так, не туда. Противоположная реакция общественных сил, заинте-

ресованных в сохранении средневековых распорядков – западноевропейские романтики, объявившие Средние века самой лучшей, прекраснейшей из эпох. Судьей в этом споре сознания и исторического мышления оказалась жизнь, история: перемены, о которых идёт речь, совершились и показали неадекватность во многом ни той, ни другой точки зрения. В особенности в первом случае речь идёт о крахе попытки зачеркнуть, т.е. изъять из памяти Средние века и превратить это беспамятство в норму мышления: в социально-политическом, как и в научном смысле отношение к Средним векам сейчас в целом иное. Утихают жизненные страсти, восстанавливается связь времён. Значимость и судьбу перемен помогает понять историческая перспектива, историческое мышление эпохи перемен в этом отношении бессильно, причём это объясняется не слабостью мышления, его ущербностью – такова его природа: надо подождать.

В истории Отечества, России были две эпохи перемен, по-своему значимых по отношению к проблеме исторического сознания и исторического мышления: Октябрь 1917 г. и крушение СССР, с изменением общественного строя в стране. Как это отражено в пособии и чему оно учит в качестве учебного издания? В нём приводятся данные, которые до сих пор – ни в советское, ни в постсоветское время – не привлекали сколько-нибудь заметного внимания, хотя они сами по себе и в рассматриваемой связи весьма значимы. С установлением советской власти встал вопрос о том, какую историю и в каком объёме следует преподавать. Был дан ответ, казавшийся верным, ибо он соответствовал представлениям о новом мире, новом обществе: уйти от царского прошлого в обучении, как ушли от него в жизни. В 20-е гг. с преподаванием истории как хронологической цепи событий было покончено: историко-филологические и юридические факультеты университетов были заменены факультетами общественных наук, в школе историю заменило обществоведение [1, 198-223]. Истории как самостоятельной дисциплины, изучающей неразрывную цепь событий и времён, в сфере обучения не стало. Эта ситуация важна своим весьма скорым по времени и знаменательным по смыслу исходом: из этого ничего не вышло, хотя в основе этого лежали не просто взгляды отдельных историков, пусть и влиятельных, а властные мотивы и структуры. Жизнь заставила вернуть историю в сферу образования, «...историческое образование и воспитание историей оказалось востребованным властью» [1, 247], постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) были восстановлены с 1 сентября 1934 г. Исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов [1, 248]. Срочно занялись подготовкой новых учебников по истории для школы. Ближайшим мотивом возврата дореволюционного прошлого в сферу образования стала осязаемая необходимость власти в опоре на это прошлое в свете надвигавшейся в 30-е гг. угрозы войны. Следует подчеркнуть: на всем последующем периоде советской истории это прошлое всё более и более возвращалось на страницы учебников, статей, книг, диссертаций и т.д. и отнюдь не только в критически-негативном духе.

Развал СССР стал новым импульсом к изменению отношения к прошлому, в данном случае, прежде всего, к советскому. Составной частью этого отношения стали проблемы исторического образования: чему учить? В данной ситуации, как это было и всегда в прошлом, решение этого вопроса не обходится без вмешательства государства в содержание образования. Следует отметить, что роль и масштабы этого вмешательства выглядят сейчас несколько иначе, чем в годы становления советской системы исторического образования. Основные

уставные документы, действующие образовательные стандарты однозначно несовместимы с теоретическим монизмом советского времени в изучении прошлого и в его преподавании и исходят в обоих случаях из теоретического плюрализма. Конечно, это не размывает социально-политического качества содержания образования, однако, во всяком случае, не изымает из этой сферы те или иные элементы теоретического понимания истории, связанные, в частности, с марксизмом: «Общее и особенное в историческом развитии России, её место во всемирно-историческом процессе в свете теорий общественно-экономических формаций и цивилизаций, концепций крупнейших русских историков» [10]. Это – из стандарта по дисциплине «История России». И ещё: «Формационная и цивилизационная концепции общественного развития» [11] - из стандарта по дисциплине «Философия». Плюрализм, об элементах которого в данном случае идёт речь, является гораздо более продвинутой формой обучения в университетах Англии, Германии, Франции и т.д. XX в., где работают историки марксистской ориентации или даже школы историков-марксистов [12]. Это сопровождается порой острой идейно-теоретической полемикой; такого рода полемика имеет место и у нас. «Поиск новых подходов к изучению истории диктуется», согласно утверждению одного из оппонентов Маркса, «необходимостью преодолеть пережитки марксизма в сознании историков, преодолеть марксизм как метод исследования, как инструмент научного анализа. Несостоятельность этой теории слишком очевидна, и я не буду останавливаться на этом» [13]. Это откровение слишком напоминает известную притчу об одной даме, которая ставила себя выше Маркса, потому что она – старший экономист, а Маркс был всего лишь экономистом.

Как в рассматриваемом пособии оценивается мера научности марксистского варианта методологии, т.е. какому отношению к нему студентов оно учит? Следует прежде всего отметить различия во взглядах между авторами по проблеме, которая является по своему содержанию весьма однозначной, а не дискуссионной. «Принципиальный грех этой методологии заключался в том, что марксизм-ленинизм объявлялся единственно (подч. автором – Н.С.) правильным учением...» [1, 197]. На самом деле, грех имел бы место в том случае, если бы такой объявляла себя сама теория, чего в ней, однако, нет; таковой её объявляла господствующая идеология, что ничего, кроме вреда, не принесло ни ей самой, ни теории: монополии на истину нет и не может быть у любого варианта методологии. Впрочем, в пособии указан и настоящий автор данного тезиса – государство [1, 181]. Тезис о «единственно научной» настойчиво повторяется в пособии в качестве оговорки со знаком минус для самой теории [1, 281]. Следует подчеркнуть: упомянутый тезис не имеет никакого отношения к содержанию, сути теории и является следствием того, что она стала основой идеологии. Все, что связано с различиями или, как в данном случае, с несовместимостью идеологий того времени, означает их борьбу, в которой идеологическая противоположность объявляется врагом и выступает таковым не только в собственном идеологическом или политическом значении и смысле, но и по стандартам и меркам научности: нечто не только идеологически вредно, является злом, но и лживо, ненаучно, ошибочно. Корни упомянутого тезиса следует искать не в идеологии только советского общества, а в идеологическом противоборстве того времени. Примером такого противоборства, перенесённого в область исторической науки, является вопрос о виновниках развязывания «холодной войны» в советской и западной историографиях второй половины XX в.

В пособии отмечено, что «марксизм содержал в себе несколько положений, каждое из которых в отдельности не противоречили ряду положений прежней историографии» [1, 227]. Непротиворечивость является частью соотношения содержания и структуры данной теории с предшествующим этапом научного познания, что важно для её понимания. Проблема истоков марксистской методологии и её соотношения с ними показывает, во-первых, что она возникла не на пустом месте, а на основе развития научного познания, во-вторых, что некоторые её идеи были подготовлены им и заимствованы ею, в-третьих, что эти заимствования переосмыслены с существенным элементом вносимой в них новизны содержания. Так обстояло дело с экономическим фактором, идеей классовой борьбы, проблемой динамики исторического развития (прогресс), рядом проблем гносеологии и т.д. Учёт этого важен для формирования отношения к данному варианту методологии в студенческой аудитории.

Ещё более важен в этой связи другой вывод пособия, который мы приведём по необходимости подробно: «Сегодня важно отнестись к марксизму непредвзято, что обусловлено рядом причин. Марксистские положения органически входят во многие современные теории исторического познания [1, 281] или развиваются вместе с ними. На основе марксизма (марксизма-ленинизма) осуществлялись общественные преобразования в СССР и других странах и без учёта этого обстоятельства не могут быть поняты и объяснены исторически, даже если исследователь вооружился другими, отличными от марксизма, учениями и идеологиями. Марксизм в нашей стране долгое время является теорией и методологией общественных наук и до сих пор (даже в перевёрнутом виде) лежит в основе большинства научно-исторических построений» [1, 282]. Это – призыв к изменению отношения к теории, крайним вариантом которого является отказ от признания за ней каких бы то ни было стандартов научности. Это изменение – у тех, у кого произошел откат от позиции «верных ленинцев» советского времени – имеет одну объективную предпосылку – крушение общественного строя в стране. Однако вполне очевидно: изменение отношения к теории в любом случае означает не изменение самой теории – если в неё не вносится чего-либо нового – а характеризует позицию лица меняющего, свои взгляды, и является проблемой этики поведения. В ситуации плюрализма это выглядит весьма обычным актом. Можно лишь предположить, что к подобному поведению в постсоветское время имеет отношение диктат идеологии в советском обществе: диктат веры в научность теории не сделал эту веру ни осмысленной и глубокой, ни искренней.

Далее, если с опорой на марксистскую теорию осуществлялись общественные преобразования в стране, то в какой мере причины их краха следует искать в её содержании? Впрочем, проблема возникает несколько раньше, что выражено и в пособии: «Октябрьская революция свершилась «по Марксу» или вопреки ему?» [1, 196]. Поскольку представление о революционной ломке старого мира не изложено где-либо в работах Маркса и Энгельса в целостном и завершённом виде, оно, тем не менее, было и, по сути, сводится к следующим положениям: капиталистическое общество само, в ходе своего естественного процесса развития создает условия и предпосылки своего отрицания; на ступени зрелости этого общества его экономические устои превращаются в оковы его дальнейшего развития, следствием чего является революционный взрыв; общественной силой, его осуществляющей, выступает рабочий класс, который в условиях нарастающей имущественной и иной поляризации в обществе в ко-

личественном отношении постоянно растёт, а в материальном – нищает (закон абсолютного обнищания); революционный взрыв способен привести к победе нового строя лишь одновременно в ряде стран; экономической сутью перехода к социализму является уничтожение частной капиталистической собственности и утверждение общественной. Следует отметить, что взгляды основоположников теории ими частично менялись. Так, по отношению к тезису из «Манифеста коммунистической партии» о том, что экономическое развитие созрело для устранения капиталистического способа производства, Энгельс в 1895 г. высказался в духе ошибочности этого представления как преждевременного: основа производства в 1848 г. «... обладала ещё очень большой способностью к расширению» [14]. Более того, Энгельс пишет об иронии всемирной истории, которая «ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [15]. Этот вывод сделан в свете состояния немецкого рабочего движения и роли в нём социал-демократии в последней трети XIX в.

Формирование рационального обоснованного отношения к марксистской теории в университетской аудитории – пособие содержит один из вариантов такого отношения – нереализуемо без соотношения данной теории со всем последующим ходом исторического развития, в том числе, прежде всего, с советским опытом общественных перемен; кроме этого, необходимо учитывать её место и роль в структуре современных вариантов исторического мышления. Именно соотношение помогло Энгельсу рассматривать вывод о созревании условий для революционного перехода к новому обществу как преждевременный. Сопоставление любой теории с опытом исторического развития показывает меру её научной обоснованности в целом или тех или иных её сторон. Закон абсолютного обнищания пролетариата [16] и роста его численности обнаруживал его несоответствие уже во времена Маркса; прогресс техники во все возрастающем масштабе приводит к сокращению физической занятости людей на производстве.

Далее, Октябрьская революция в России произошла не «по Марксу» и «по Марксу», в неразрывной связи того и другого. Очевидность первого в том, что речь идёт об одной стране, причём по уровню зрелости капиталистических отношений и антагонизма между трудом и капиталом она не согласуется с логикой соответствующих взглядов Маркса: в России накануне Октября 1917 г. около 80% населения составляло крестьянство, пролетариат – 6-7%. Но революция произошла и «по Марксу», ибо идея такого перехода к новому обществу – составная часть взглядов В.И. Ленина и большевиков, заимствованная из марксистской теории. Однако это такое заимствование, в котором жёсткий учёт конкретной ситуации в России перевешивал всё остальное. Это – вопрос не теории, а тактики В.И. Ленина следовать идее, но без сопровождающих её условий реализации по Марксу: условия в той ситуации были иными, своими, что хорошо понимал В.И. Ленин. Все последующие рассуждения о неизбежности, закономерности именно данного исхода событий являются некоторым упрощением той ситуации, которая в действительности висела на волоске вплоть до даты вооружённого выступления, выбору которой В.И. Лениным придавалось решающее значение. Позиция В.И. Ленина и его сторонников сводилась к пониманию необходимости не упустить наиболее благоприятный момент для выступления, но это вовсе не позиция некой предопределённости, неизбежности желаемого исхода. Решающим в данной ситуации был фактор человеческой

воли и действий, а не некая абстрактная необходимость. Впрочем, это относится к сути всех радикальных перемен в истории, особенно революционного характера. Взрывной, неустойчивый характер революционных потрясений ориентирует общественное сознание на перемены или на сопротивление им, что лишает общественную ситуацию стабильности, то есть тех исторических условий, в которых медленно, постепенно формируются устойчивые признаки и свойства исторической реальности, проявляющиеся с исторической необходимостью, неизбежностью. Это – долговременные процессы, а не кратковременные, быстро сменяющие друг друга всплески перемен: уход старых отношений собственности и формирование новых, складывание социальной структуры общества, формирование новых форм идеологии и общественного сознания и т.д. Эти процессы в такой же мере продукт воли и деятельности людей, как и события перемен, с той, однако, разницей, что в первом случае речь идёт о массовых процессах, в которых отдельная воля тонет во множестве таких волей и действий; далее, истоки перемен вторичны по отношению к периодам долговременного и стабильного развития и подготовлены ими.

Именно такая логика развития исторического процесса в России XIX-начала XX вв. привела к событиям Октября 1917 г. Корни этих событий – прежде всего в аграрном секторе экономики. В ходе длительного процесса исторического развития в стране созрели острые противоречия, требовавшие с необходимостью своего разрешения и не получившие его ни в революции 1905-07 гг., ни в ходе Февральской революции и последующей деятельности Временного правительства. Однако эти противоречия не имели какого-либо одного неизбежного варианта их решения, что зависело не от упомянутой необходимости, а от конкретной ситуации с её расстановкой общественных сил. В той конкретной ситуации было несколько вариантов (альтернатив) их решения, и само решение зависело от исхода столкновения, борьбы этих вариантов; определяющим был фактор силы конкретных обстоятельств, к числу которых относится и то, что правомерно причисляется к категории случайностей. Борьба альтернатив привела к победе Октября 1917 г.; так пошла история и с этим ничего не поделаешь тем, для кого это было или остаётся неприемлемым.

Что же касается оценки периода советской истории на протяжении более чем 70 лет с учётом масштабов перемен в стране и их влияния на окружающий мир, то очевиден вывод: такое общество возможно, жизнеспособно, это вовсе не тупик развития, не нелепая ошибка, за которую сегодня надо лишь извиняться. В пособии изложен один из здравых подходов к оценке этих страниц отечественного прошлого: «Рассматриваемый нами период – это богатейшие годы отечественной истории... При объективном подходе невозможно отрицать того, что в это время страна добилась больших успехов в развитии экономики, особенно промышленности, образования, культуры. За эти достижения дорого заплачено. На алтарь социализма были положены судьбы миллионов эмигрировавших, репрессированных, а замученных подневольным трудом людей» [1, 177].

Крушение начатых Октябрём 1917 г. общественных перемен в стране стало продуктом столь же конкретных причин и особой ситуации, в том числе в международном аспекте, как и сам Октябрь. Это – продукт конкретной политики, связь которой с марксистской теорией является весьма косвенной или отсутствует совсем. Кукуризацию всей страны, отказ от реформ А.Н. Косыгина, перенапряжение экономики страны военными расходами, спровоцированное США и Саудовской Аравией падение цен на нефть в начале 80-х гг. XX в.,

антиалкогольную кампанию, «перестройку» и т.д. невозможно рассматривать на доказательном уровне в качестве глубинных противоречий общественной системы, заложенных в ней изначально и погубивших её ввиду своей неразрешимости, или рассматривать их в качестве результатов применения марксистской теории на практике. В этом высвечивается не вина теории, а, скорее, её отсутствие. Следовательно, в этом нет и свидетельств её научной несостоятельности.

Впрочем, по крайней мере, в одном отношении причины краха советского строя уходят в область теории. Это, прежде всего, проблема собственности. Её теоретическое и практическое значение огромно, что стали понимать уже до Маркса, в частности, Сен-Симон с его тезисом, хотя и не расшифрованным им вполне: нет изменения общественного строя без изменения собственности. В реальной истории формирование античных отношений собственности, переход от античных к средневековым, от средневековых – к собственности нового времени и последующего этапа развития занимал столетия. Новые формы собственности в ходе естественной эволюции утверждались постепенно тем, что они оказывались более эффективными. Революции на ступени перехода от средних веков к новому времени не формировали частную собственность, поскольку она уже складывалась, а помогали её утверждению. Уничтожение частной собственности – стержень взглядов Маркса и Энгельса о переходе к новому общественному строю. Форма собственности – общественная, какой-либо теоретической расшифровки данной проблемы в работах Маркса и Энгельса нет. Октябрьская революция 1917 г. произошла в этом смысле «по Марксу» - с резким изменением формы собственности. Это, по существу, вызвало «поправку» - НЭП. Другая «поправка» в истории – реформы в Китае (Дэн Сяо-пин). Крутой поворот в отношениях собственности в России в 90-е гг. XX в. (в руках государства осталось 10% собственности) обрушил десятки миллионов в нищету; потребовалась ещё одна «поправка» - создание госкорпораций. Самой существенной поправкой в господство частной собственности в современном мире является то, что удельный вес государственной собственности в странах с развитой экономикой составляет не менее 30%.

Таковы некоторые проблемы, связанные с формированием в учебном процессе рациональных основ теоретического мышления в целом, отношения к марксистской теории – в частности. Последнее является выражено дискуSSIONным в связи с изменениями в мире в конце XX- начала XXI вв. Отсюда прощание с марксизмом, порой лирически – приговорное: «Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым... И это настолько истинно, что, расставаясь с самим марксизмом и тем, что он произвел, человечество тоже немало поводов имело и имеет посмеяться. Часто сквозь слёзы. Кровавые» [17]. Следует уточнить: с марксизмом расстаётся А. Адамович, но это ещё не человечество. Это называется: гора с плеч, правда, не человечества, а А. Адамовича.

В связи с попыткой понять сегодня роль и значение этой теории в познании общественный явлений не будет самым убедительным ссыла на отношение к ней её сторонников. Важно выяснить её значение во взглядах тех, кто не причисляет себя к числу её приверженцев. Только одно признание, по необходимости подробно: «Мой продолжительный анализ марксистской исторической теории некоторые читатели могут расценить как субъективную приверженность автора вышедшему из моды радикализму... Сейчас ещё рано утверждать, каким будут долгосрочные последствия сдвига 1989-1992 гг. в интеллектуаль-

ном плане, но сразу ... можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов... нынешнее, враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном и в количественном смысле... Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции» [18].

В заключительном разделе пособия дана характеристика основных направлений философско-исторической мысли новейшего времени за рубежом. Эта характеристика является одним из наиболее научно обоснованных вариантов представлений из того, что есть в отечественной литературе на эту тему. Важной теоретической предпосылкой формирования таких представлений является в данном случае «признание возможности объективного познания прошлого...», что сопровождается, хотя и в вероятностном варианте рассуждений, такой расшифровкой понятия объективности: «...следует, видимо, выдвигать принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования...» [1, 337]. Напротив, требование адекватности языка, приемов и методов исследования, способов анализа источников, в конечном итоге – картины изображаемой реальности самой этой реальности является фундаментальным признаком объективности познания в целом, конкретных его результатов в особенности. Без этой адекватности - следует добавить: примерной, не буквальной – понятие исторической истины теряет свой смысл: мышление, не только историческое, но и любое другое, лишено опоры в самом себе, такой опорой может быть только изучаемая реальность, независимо от того, выступает ли она перед исследователем непосредственно, как в естественных науках, или в основном в опосредованной через источник форме, как у историка. Такое понимание объективности, истины является общенаучным: там, где нет приблизительного соответствия познавательного образа тому, что изучается, о науке говорить не приходится. В области исторического познания данное понимание объективности не является ни марксистским, ибо оно сложилось до Маркса, но присуще и ему, ни антимарксистским, ни каким-либо ещё. Различные направления исторической науки, варианты методологии и т.д. различались и будут различаться по степени, глубине постижения объективного смысла изучаемой реальности, но это отнюдь не проблема понимания того, что такое объективность, истина. Напротив, перевод проблемы именно в данную плоскость означает стремление расстаться с истиной в области теоретического мышления и в практике конкретного исторического исследования. Является произвольной разновидность такого перевода, согласно которому понятие истины совместимо и с отрицанием адекватности познавательного образа объекту изучения. Крайний вариант такого произвола – гносеология постмодернизма: «Нет на свете такой вещи, как единственно правильный взгляд на исследуемый предмет, но есть множество правильных взглядов, каждый из которых требует собственного стиля репрезентации» [19]. И ещё: «Историю, как совокупность свидетельств прошлого, можно изложить весьма изрядным числом равно состоятельных способов» [20]. Единственно правильной теории, точки зрения и т.д. нет в том смысле, что любая теория, позиция, взгляд не исчерпывает всё богатство действительности, что не дает никому возможности на монопольное обладание истиной – в этом нет какой-либо теоретической проблемы, требующей особого доказательства. Важно другое: нет и не может быть равноценности, с точки зрения уровня, меры постижения сути явлений,

в разных теоретических подходах, позициях, взглядах, что также весьма очевидно. Если же перевести тезис о равноценности из области научного познания в реальную действительность, то создаётся ситуация абсурда: в окружающем его мире индивид должен реагировать на происходящее возможно более адекватно, иначе у него будут проблемы. Язык, живая человеческая речь является одним из главных средств достижения адекватности такого поведения. Сюда весьма подходит фраза Гегеля, хотя и без переноса её точного философского смысла на ситуацию: кто на мир смотрит разумно, на того и мир смотрит разумно. Но не меньшим абсурдом является тезис о равноценности и в области научного познания: ничего невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Это даже хуже, чем абсурд – это потеря памяти, исторического сознания, возможности ориентироваться в окружающем мире общественных перемен и в его вероятностном будущем. Это – предпосылка манипулирования общественным сознанием, в чем заинтересованы те силы и слои современного общества, которые, что выражено, в частности, Ф. Фукуямой, исповедуют идею финализма, конца истории, обозначенного в виде американской либеральной модели. Увы, это всего лишь стадия, и она не вечна, как всё в истории.

В пособии дана вполне адекватная оценка постмодернизма: «Постмодернизм проявляется в постоянном бесконечном расшатывании устоявшихся стереотипов в языке, общественной жизни, предлагая взамен ничем не сдерживаемый поиск новых смыслов и значений. История как система научных знаний отвергается и заменяется множеством виртуальных историй» [1, 316]. Следуя логике постмодернизма, надо признать: этот взгляд на него столь же истинен, как и восторженная оценка его сторонников. С этим они, конечно, не согласятся, но тут помочь невозможно.

Российская историография переживает время перемен, одну из тех ситуаций, когда отношение к прошлому в области научного познания и общественного сознания не может не меняться. Впрочем, образ прошлого в той или иной мере меняется всегда, что является неизбежным результатом развития научного познания и так или иначе влияет на структуру и содержание исторического сознания. Однако структура последнего в любом случае не зависит от времени в том смысле, что всегда предполагает связь прошлого, настоящего и будущего, в чем жизненно заинтересованно любое общество: в наличии этой связи – одна из необходимых основ его стабильности. Время перемен связано с наиболее радикальными формами вторжения в историческое сознание, ведущими в той или иной мере к его фрагментаризации, разрушению. Но исторический опыт свидетельствует, что даже самые радикальные перемены в истории оставляют после себя не только разрыв с прошлым в реальной действительности и в общественном сознании, но и преемственность, что по отношению к историческому сознанию означает преодоление его фрагментарности, клочкообразности. В этом реализует себя историческая необходимость опоры на прошлое, которое никуда не уходит и остаётся с людьми. Восстановление исторического сознания не является процессом стихийного развития, зависит от позиций общественных сил, в том числе от историков. Последние в этом отношении делятся на две категории: способствующие восстановлению или поддержанию здорового исторического сознания и способствующие его разрушению. Содержание данного учебного издания неоднозначно: оно содержит элементы того и другого варианта влияния на историческое сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История и философия отечественной исторической науки. Учебное пособие. М. Изд. РАГС, 2006. Науч. ред. проф. Пихоя Р.Г., проф. Чернобаев А.А.
2. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. Учебное пособие. М.: Академия, 2007. – С. 173-176.
3. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. – СПб., 1856.
4. Кареев Н.И. Теория исторического знания. – СПб., 1913; его же. Историология (теория исторического процесса). – Тб., 1915.
5. Ключевский В.О. Сочинения. Т. VI. М., 1989. – С. 5-93.
6. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. – Казань, 1913. – С. 3-5.
7. Карамзин Н.М. Сочинения. – М., 1820. – С. 57.
8. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. – М., 1983. – С. 268.
9. Карамзин Н.М. Предания веков. – М., 1987. – С. 31.
10. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 032600 История. – М., 2000. – С. 14.
11. Там же. – С. 9.
12. См. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Под ред. проф. И.П. Деметьева и проф. А.И. Патрушева. – М., 2000. – С. 262, 267, 288, 339; Шарифжанов И.И. Английская историография XX в. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 2004. – С. 211-223.
13. Иванов Н.А. Восток: новые подходы к изучению истории. – Восток, 1993. – № 4. – С. 5.
14. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. – С. 535.
15. Там же. – С. 546.
16. См. Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории. – Новая и новейшая история, 1991. – № 5. – С. 7.
17. Адамович А. Смех сквозь слёзы кровавые. – «Московский комсомолец», 1993, 16. XI.
18. Джон Тош. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Перев. с англ. Коробочкин М.Л. Третье издание. – М.: Весь мир, 2000. – С. 211.
19. White H. Topics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore, 1978, p. 46.
20. White H. Metahistory. The Historical Ymadination in Nineteenth – Century Europe. Baltimore, 1973, p. 283.

N. Smolensky

PHILOSOPHICAL BASES OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: TRAINING AND RESEARCH PROBLEMS

Abstract: Article is devoted the analysis of a problem of philosophical bases of the Russian historiography from the moment of occurrence of a science to the present. This problem is considered on a manual material «History and philosophy of a domestic historical science», prepared by collective of authors of the Russian academy of public service and Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences. The problematics of philosophical bases of the Russian historiography is analyzed as a subject of scientific research and teaching simultaneously.

Key words: history philosophy, true, history methodology, the history theory, historical consciousness.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ И НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Попов Г.Г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ*

Настоящая статья посвящена проблеме демографических циклов в степях Евразии и их связи с русским историческим процессом в средние века. Отстаивается идея, что демографические циклы кочевников оказали ключевое влияние на развитие Руси.

Ключевые слова: Средние века, Русь, Евразия, кочевники, демографические циклы.

Циклический характер исторического процесса – научно-философская концепция, отстаивавшаяся в прошлом веке многими учеными и мыслителями. Циклическая теория противоречит идее поступательного прогресса, ставшей базисом на протяжении ряда эпох как западной, так и отечественной исторической мысли. Согласно прогрессивной теории исторического развития, каждую эпоху со времен неолита общество делает шаг вперед. Таким образом, все эпохи связаны между собой линией прогресса, предыдущий исторический период опосредует следующий, поколения одной эпохи становятся преемниками своих предшественников, наследуя особенности их политического, экономического и культурного развития. Но если мы обратимся к русской истории, то связь преемства между историческими периодами нам достаточно сложно отыскать, например, если мы сопоставим Московское государство эпохи Ивана Грозного и Новгородскую республику времен Владимира Мономаха, то обнаружим между ними очень мало общего, а это – общественные системы одного этнографического пространства.

На слабую преемственность между периодами в российской истории обратили внимание евразийцы. Они проложили резкое разделение между допетровской Русью и последующими периодами отечественной истории, между Киевским государством и Русью монгольского периода. Такая интерпретация русского исторического процесса в корне противоречит объединявшим между собой в логическое целое различные эпохи русской истории советским и некоторым дореволюционным историкам.

Евразийцы, как Н.М. Карамзин, шли от внешнего воздействия на историю России. Если для С.М. Соловьева и представителей государственной школы Русь – это замкнутый в себе организм, слабо подвергнутый влиянию извне, то, в понимании евразийцев, Русь – крайне открытая система, сильно трансформируемая другими обществами и долгое время являвшаяся лишь частью

* © Попов Г.Г.

целого – Монгольской империи и Золотой Орды, отсюда происходит такая непохожесть между собой эпох русской истории.

Внешнее воздействие как ключевой фактор конструирования русского феодального государства признала советская историография [1], только в отличие от евразийцев, советские историки увидели в отношениях Руси и кочевников не симбиоз, а постоянную вражду. Заняв «непримиримую» по отношению кномадам позицию, советская историография зашла в идеологический тупик, поскольку официально существовал тезис о преимущественно добровольном характере вхождения тюркских и финно-угорских народов в состав Русского государства, хотя в 1920-е – первой половине 1930 гг. под влиянием школы Покровского отстаивалась идея феодальной агрессии Московского государства [2].

Принимая дореволюционную концепцию постоянной вражды народов леса и степи, советская историография отрицала свою же базисную идею об объединении Русью, а затем – Российской империей, ряда народов будущего СССР. В конце 1930-х гг. советская историческая наука повернула в иное русло проблему насильственного характера присоединения народов Поволжья, Урала и Сибири к Русскому государству, выдвинув концептуальную идею «наименьшего зла», согласно которой русская экспансия спасла народы Поволжья от турецких порабощения и ассимиляции [3]. В 1990-е годы однозначная оценка отношений кочевых и полукочевых народов Евразии с Русью и затем – Россией, практически исчезла, некоторые ученые придерживались старых позиций, кто-то выдвинул принципиально другие идеи, как, например, Э.С. Кульпин.

Что же касается кочевых народов евразийских степей, с которыми контактировала Киевская Русь до монгольского завоевания, то эти народы были признаны исчезнувшими почти бесследно к концу XIII в., и длительное время изучение истории хазар, печенегов, торков, болгар и половцев велось не столь углубленно и преимущественно – в контексте истории Киевской Руси. Даже появилась гипотеза о полном истреблении половцев татаро-монголами, предками современных татар, которыми некоторые историки до сих пор считают, образно говоря, пришедших из азиатских степей воинов Батыя.

Обращаясь к евразийской теории, мы видим многовековой симбиоз русского народа и его предков с номадами Евразии, их отношения, разумеется, не всегда носили мирный и позитивный характер. Кочевые и полукочевые культуры Евразии оказали серьезное воздействие на ход исторического развития русского народа. Если мы сопоставим периоды спадов и подъемов развития Русского государства с процессами, имевшими место в евразийских степях, то увидим их тесную связь.

В свое время последователь Петра Савицкого – Лев Гумилев – обратил внимание на циклический характер истории номадов Евразии, он связал эти циклы с климатическими изменениями [4] (засухи и увлажнения степи), но немного позднее увлекся сильно оспариваемой в науке теорией пассионарности, объяснив через ее призму историческое развитие не только евразийских номадов, но и всего человечества. Вместе с тем, интерпретируя историю древних тюрков посредством теории пассионарности, Л.Н. Гумилев обошел стороной вопросы демографии, хотя в некоторых трудах он их касается. Упадок Восточного тюркского каганата он объясняет снижением уровня все той же пассионарности у кочевников, а не в действительности имевшим место голодом, случившимся вследствие перенаселения монгольских степей [5].

Вся история кочевников Евразии носит циклический характер, это – демографические циклы. Когда рост населения в периоды существования кочевых империй достигал своего определенного максимума, например, для Монголии он составлял 600 тысяч человек, травянистый покров степи истощался. Как доказывает Э.С. Кульпин, данное обстоятельство привело к гибели Золотую Орду [6]. Кочевые империи создавали положительные условия для демографического роста: высокая степень безопасности, доступ кочевников к рынкам земледельческих народов и к достижениям их цивилизаций. По Э.С. Кульпину, вследствие демографического роста в степи наступал голод и распад в ходе междоусобных войн кочевых империй [7], исходя из этой концепции, можно проследить циклы подъема и распада крупнейших государственных образований у кочевников.

Обращаясь к истории древних кочевников, нам трудно проследить у них циклы развития из-за недостаточного объема информации, но начиная с Тюркского каганата, мы можем четко увидеть периоды демографического подъема и спада в евразийских степях.

Тюркский каганат образовался в середине VI в., через почти полсотни лет он распадается на две части – западную и восточную. Для первой трети VII в. мы обнаруживаем сообщения китайских источников о массовом голоде среди тюрков, после чего следует гибель их Восточного каганата. Вероятно, голод имел место среди западных тюрков, их империя тоже распалась, правда, позднее. Преемником Западного тюркского каганата стала Хазария, на время ей удалось поставить под контроль степи Поволжья, Дона, Кубани и Причерноморья, но войны с арабами обескровили хазар, после чего произошел упадок их государства. Именно в период расцвета Хазарского каганата происходит колонизация славянами Дона [8], отдельных районов Поволжья (правда, некоторые исследователи считают, что славяне дошли только до Северного Донца [9]).

Движение славян вниз по Днепру и Северному Донцу относится в основном к VII в., это означает, что хазары и славяне имели тогда хорошие отношения, таким образом, мы имеем пример, когда полукочевая империя покровительствовала земледельческой культуре, вызывая рост этой культуры. Поэтому кочевники и земледельцы не всегда были врагами. Однако, по всей видимости, хазары все-таки ограничивали движения славянских поселенцев в излучине Дона, поскольку после неудач хазар в войнах с арабами начинается сравнительно недолгое противостояние каганата с племенами славян. Есть вполне обоснованная версия, что хазары специально переселили на Дон алан, чтобы сдерживать славянский натиск [10]. Хазары так и не смогли восстановить свой людской потенциал после войн с арабами [11], это позволило Русскому государству осуществить экспансию на юго-восток от Днепра, дружины Святослава дошли до дельты Волги. Таким образом, последнее государство-преемник Тюркского каганата рухнуло, и восточноевропейские степи открылись для варварских племен печенегов, огузов (торков) и половцев.

Плохо организованные и малочисленные печенеги не могли представлять серьезной угрозы для Киевской Руси, их внимание в основном привлекали Балканы. С русскими у печенегов до князя Святослава было только два вооруженных столкновения. После гибели Святослава вплоть до вокняжения Владимира Святого никаких набегов печенегов на русские земли не было. Столкновение русских с печенегами в конце X в. произошло в основном из-за проблемы колонизации земледельцами лесостепи и, возможно, попыток насильственной христианизации печенегов. Так или иначе, но мы имеем определенное свиде-

тельство того, что Причерноморье в середине X в. находилось под контролем Руси, это – русско-византийский договор 944 г.

Обратимся к некоторым пунктам русско-византийского договора 944 года, перевод которого приведен у Карамзина. Интересен, например, пункт IX: «Русские да не творят никакого зла херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у св. Еферия; но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю» [12]. Это означает, что русские и нападали на византийских рыбаков, и зимовали в устье Днепра, словом, хозяйничали в этой части Причерноморья, что, в принципе, противоречит концепции самого же Карамзина о печенежской угрозе Руси.

Но, допустим, какие-то племенные дружины восточных славян действовали эпизодически в низовьях Днепра, но вот другой пункт того же договора, указывающий нам на юридическую принадлежность степей Причерноморья Руси: «Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому» [13]. Заметим, в этом пункте четко указывается русская юрисдикция северных берегов Черного моря, о печенегах и хазарах ни слова, если бы они имели какие-либо права на устье Днепра и прилегающие к нему береговые зоны, то это нашло бы отражение в договоре. Но, допустим, что речь идет о некоей ничейной земле, печенегов византийцы не рассматривали как народ, с которым стоит считаться, а русские опять-таки могли эпизодически появляться на побережье во время своих торговых экспедиций.

Но десятый пункт договора уже напрямую дает нам понять, что Северное Причерноморье было тогда под властью Киева: «Князь Русский да не пускает черных болгаров воевать в стране Херсонской» [14]. Черными болгарами византийцы называли кубанских болгар, теперь представим, как могли болгары попасть в Крым, то есть в «страну Херсонскую», они могли это сделать, только следуя через степи Северного Причерноморья. Значит, Рюриковичи решали, кому проходить по землям печенегов, а кому нет.

На смену печенегам пришли половцы, историография по этому народу содержит немало противоречивых материалов, анализ которых выходит за рамки настоящего исследования. Половцы демонстрируют нам важный процесс в евразийской степи – начало демографического подъема, в отличие от малочисленных печенегов, огузов и булгар, половцы обладали достаточно крупной численностью. Если половцы выступают показателем начала демографического подъема, то монголы находились на его зрелой стадии.

Принципы построения Монгольской империи в значительной степени повторяли основы Тюркского каганата и державы хунну. Пик демографического роста в империи монголов был достигнут к середине XIV в., и тогда же как на востоке, так и на западе владений рода Чингизидов развиваются междоусобицы, степь переживала перенаселение. Таким образом, независимое Русское государство сложилось на границах леса и степи, а именно там располагалось первоначальное главное месторазвитие русской цивилизации в силу благоприятных климатических условий, и произошло это в период демографического спада в степях Евразии, вызванного голодом и столкновениями кочевников с развитыми земледельческими цивилизациями – Китаем, Персией и арабским миром.

Демографический спад в степях пришелся на середину VII – XII в.в. До VII в. славяне на Великорусской равнине являлись малочисленными и плохо организованными сообществами кочевых земледельцев-колонистов. Когда Хазарский каганат клонился к упадку, государственные образования восточных славян укреплялись. Расцвет Древнерусского государства приходится именно на период упадка номадов, порожденное этим обстоятельством отсутствие серьезной внешней угрозы привело русскую знать к междоусобицам, а Русское государство к распаду, который почти совпал с началом нового демографического подъема у кочевников.

Графически демографические циклы номадов Евразии можно представить так (см. рис. 1):

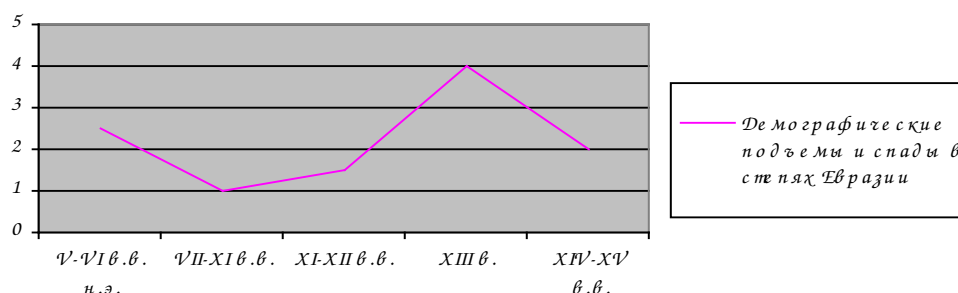

Рис. 1. Демографические циклы евразийских степей (по вертикальной оси приблизительная численность номадов, рассчитанная по работам Э.С. Кульпина [15], Л.Н. Гумилева [16], Н.Я. Бичурина [17], Ю.С. Худякова [18] и по косвенным данным исследования демографии народов Сибири Нового времени С.Г. Скобелева [19])

По рис. 1 нетрудно заметить, что периоды подъема Русского государства в средние века приходятся именно на эпохи демографических спадов в степях Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX – XIII века // Вопросы истории, 1962. – № 4. – С. 40, а также Каргалов В.В. Русь и кочевники. – М.: Вече, 2008. – С. 54.
- 2 И.В. Зайцев. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – первая половина XVI вв.). – М., 2004. – С. 22.
- 3 Смирнов И.И. Восточная политика Ивана IV // 120 лет Ленинградскому государственному университету. Научная сессия. Тезисы докладов. – Л., 1939. – С. 92 – 93.
- 4 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 100–103.
- 5 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 233.
- 6 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 7 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 8 Рыбаков Б.А. Древние славяне в Причерноморье. Славяне, 1954. – № 2. – С. 23.
- 9 См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1968.
- 10 Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант

- салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. - Вып. 2; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. – М., 1993. – С. 123-150, а также А.В. Комар, О.В. Сухобоков. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. – № 2,3. – 2000.
- 11 Подробно об арабо-хазарских войнах смотрите: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1968.
- 12 Цитата по: Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I. – С. 79.
- 13 Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I, – С. 79.
- 14 Н.М. Карамзин. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Т. I. – С. 79.
- 15 Э.С. Кульпин. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- 16 Л.Н. Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Алгоритм, 2007.
- 17 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950.
- 18 Ю.С. Худяков. Золотая волчья голова на боевых знамена: Оружие и войны тюрков в степях Евразии. – СПб., 2007.
- 19 Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII - XX вв. Колебания численности и их причины // Электронный журнал «Сибирская заимка» URL: http://www.zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml

G. Popov

DEMOGRAPHIC CYCLES OF NOMADS OF EURASIA IN A CONTEXT OF HISTORICAL PROCESS OF MEDIEVAL RUSSIA

Abstract: The present article is devoted a problem of demographic cycles in steppes of Eurasia and their communication with Russian historical process in the Middle Ages. The idea settles that demographic cycles *номадов* have made key impact on development of Russia.

Key words: the Middle Ages, Russia, Eurasia, nomads, demographic cycles.

МУХАДЖИРСТВО¹ ГОРЦЕВ КАВКАЗА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В XIX В. *

Автор в статье исследует особенности процесса переселения адыгейских племен Северного Кавказа на территорию Османской Порты под влиянием российско-турецкого политического противоборства. В статье также рассмотрены проблемы, связанные с позициями России, Турции и западных стран в отношении судьбы черкесского населения, вовлеченного в политическое противостояние на северокавказском плацдарме.

Автором самостоятельно доказано, что исторический опыт дипломатического взаимодействия с Турцией позволял не только освободить территорию Северного Кавказа от враждебных самодержавной политике горских племен, но и добиться приоритета в решении Восточного вопроса перед западными странами, ведущими борьбу за создание и поддержание многолетнего этнического конфликта у южных границ Российской империи.

Ключевые слова: мухаджирство, приоритет в решении Восточного вопроса, северокавказский плацдарм, черкесское население, горские племена, российско-турецкое противоборство.

Причины и характер возникновения и формирования тех или иных путей и способов расширения российских территорий за счет регионов Кавказа и Средней Азии в немалой степени зависели от постепенного увеличения в рамках государственной национальной политики доли колониальных предприятий.

Внимание противоборствующих держав к Северному Кавказу обуславливалось их военно-стратегическими, политическими и экономическими интересами. Поэтому в международных отношениях и политике держав на Ближнем Востоке и в районе Черного моря черкесский вопрос как составная часть кавказской проблемы занял самостоятельное место, хотя в силу ряда исторически сложившихся специфических условий той эпохи, он не стоял формально в повестке дня “большой” дипломатии. Интерес к нему по-прежнему велик среди современных историков. До сих пор, например, в нем особый интерес привлекает проблема мухаджирства [1].

В первую очередь черкесский вопрос затрагивал интересы России как черноморской державы. Политика русского правительства определялась стремлением укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе и не допустить превращения этого района в антирусский плацдарм, откуда могла бы исходить военная угроза Кавказу и югу России. Однако методы, которыми русский царизм пытался отстоять свои позиции в Черкесии, были военно-феодальными, колониальными, что и вызвало освободительное движение горцев.

Присоединение Кавказа к России шло вразрез с захватническими устремлениями Османской Порты и западных держав – Англии и Франции. Под флагом “защиты” кавказских горцев и создания “независимой” Черкесии турецкая и западная дипломатия, особенно английская, маскировали экспансионистс-

* © Платицына Т.В.

кую политику своих правительств, стремясь обмануть общественное мнение. Известный русский историк-кавказовед А.П. Берже отмечал: «Во всяком случае, нельзя не признать, что вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какой-нибудь гуманной или нравственной целью, а являлось как средство загребать жар чужими руками. Горцы в глазах турок и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости» [2. С. 133].

Впервые мысль о выселении горцев из родных мест и колонизации Северного Кавказа казачьим и русским населением была высказана начальником Главного штаба Кавказской армии, генералом Д.А. Милютиным. В своей докладной записке от 1857 г. «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен» он писал, что «покорившихся горцев направлять туда, куда мы им укажем. Необходимо переселять их на Дон, потому что в Ставропольской губернии нет свободных земель, что водворение их в тылу казачьего населения было бы неудобно и отклонило бы нас от главной цели, т.е. развития русского населения на северной покатости Кавказского хребта до решительного перевеса его над живущими там племенами азиатского происхождения. Не обращая там горцев в казаки, нужно устроить из них на Дону особенные поселения вроде колоний. Мы должны тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для исполнения ее» [3].

Развивая дальше эту мысль Д.А. Милютина, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский предложил применить эту меру главным образом в отношении горцев Северо-Западного Кавказа. Свое предложение он обосновал тем, что «закубанских черкесов трудно привести к покорности», так как этому препятствует «распространяющийся между ними мюридизм, привычка к безначалию и вольность». К тому же эта часть Кавказа «представляет обширное поле для тайных политических происков европейских агентов, которые всегда будут подстрекать черкесов к борьбе с Россией». В заключение А.И. Барятинский писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель» [4].

Вопрос о колонизации адыгских земель обсуждался в Кавказском комитете, который признал пользу и важность предложений А.И. Барятинского, но «усомнился в возможности дать этому делу столь обширные размеры»: во-первых, потому, что «считал опасным крайнее стеснение горцев в поземельном довольствии»; во-вторых, едва ли государство могло выделить для этого «огромные средства». Касаясь вопроса переселения горцев на донские земли, комитет высказал опасения, что эти меры могли привести к отрицательным последствиям — единодушному восстанию горцев против русских: «Глубокая привязанность их к родине известна, а потому нельзя сомневаться, чтобы они не предпочли смерть водворению на степях Донской земли. Не только целые племена, но и одиночные семейства не решатся покориться на таких условиях, и применение предлагаемой меры повело бы не к покорности горцев, а к их

истреблению. Кроме того, эта мера может повлечь за собою общее волнение, и даже восстание самых мирных и преданных нам обществ» [5].

Убедившись на практике, что адыги решительно отказываются принимать покорность с последующим выселением их в русские пределы, высшее кавказское начальство решило избрать более легкий и удобный путь — выселение горцев в Турцию. Как пишет в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, вопрос этот был одним из важнейших, по которому лично докладывал царю А.И. Барятинский в начале 1860 года. Ему удалось убедить петербургские власти в возможности выселения части горцев кавказских в Турцию. «Мера эта, — писал А. Барятинский в отзыве к военному министру, — избавит нас от таких личностей, которые отличаются фанатизмом и вредным для нас влиянием на соплеменников, и ускорит окончание войны, а следовательно, уменьшит издержки, с нею сопряженные» [6].

Историк Р.А. Фадеев откровенно заявлял, что «земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности» [6]. Вместе с тем, выселяя адыгов с родных мест, самодержавие также исходило из военно-стратегических соображений, позволявших решить ряд задач по приобретению дипломатического приоритета и избежать возможных осложнений во время внешних войн. Положение Северо-Западного Кавказа, как заявляло царское командование, требовало «для лучшего селения и совершенного вследствие этого удаления туземцев». В донесении русского консула в Трапезунде прямо говорилось, что «переселяются преимущественно люди богатые и влиятельные из горцев» [7]. Но переселенческое движение еще не носило массового характера. Переселение в Турцию шло под видом паломничества в святыне места — Мекку и Медину. Массовый характер приняло переселение прикубанских ногайцев, которых в течение 1858-1859 гг. ушло в Турцию до 30 тысяч [8]. По мере того как все теснее сжималось железное кольцо российских войск вокруг адыгских и других народов Северо-Западного Кавказа, переселенческое движение принимало массовый характер. Но особенно оно приняло громадные размеры тогда, когда непокорные горцы увидели, что царское правительство «твердо решилось занять оставленные ими на плоскости земли казачьими станицами» [9].

Массовое выселение закубанских горцев в Турцию проходило в два этапа: первый — 1861-1862 гг.; второй — в 1863-1864 гг. Первыми, кому пришлось покинуть свои родные места, были бесленеевцы, занимавшие течение реки Хода, где началось с 1861 г. возведение казачьих станиц.

В отношении «...бесленеевцев как самых опасных и вредных из адыгов, дававших всегда отличных вожаков» царские власти считали, что «...им нельзя было оставаться на прежних местах жительства, а потому им было предложено перейти на указанные места или отправиться в Турцию в самый короткий срок». Они внезапно были окружены царскими войсками и выведены силою на Кубань, оттуда 600 семейств отправились под конвоем в Турцию, а остальные 200 семейств поселились на указанных местах на левой стороне Кубани, образовав первое ядро закубанских аулов [10].

В июле 1859 г. русский посланник в Стамбуле А.Б. Лобанов-Ростовский сообщал, что великий визирь Фуад-паша и министр иностранных дел Али-паша в беседе с ним заявили об ограничении свободы переселения кавказских мусульман в Турцию, которое в последнее время «чрезмерно усилилось и об-

ременяет Порту», и чтобы впредь оно не совершалось без предварительного согласия обоих правительств [11].

Когда в 1861 г. абадзехи (одна из адыгских народностей) объявили Н.И. Евдокимову, что царские войска должны остановиться на реке Фарсе, так как дальше горцы их не пустят, то получили такой ответ: «Я требую от абадзехов не мирного соседства, а безусловной покорности; не прекращу наступления до тех пор, пока последний горец не переселится на места, указанные мною». Тогда абадзехи направили депутацию к Александру II, который находился в это время на Кавказе. От имени всего абадзехского народа депутаты заявили царю: «Мы все без изъятия, как-то старцы, жены, юноши и дети убедительно просим Ваше Величество оставить за нами в неприкосновенности все земли». Но ответ царя был еще более резким и категоричным: «Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу Евдокимову, желаете ли вы перейти на места, указанные вам по р. Кубани, или же переселяйтесь в Турцию» [12].

Везде и всюду горцы получали один и тот же ответ: либо на Прикубанскую низменность, либо в Турцию. В мае 1862 г. черкесам было объявлено, что они «должны непременно поселиться на указанные им места». В противном случае царским генералам предписывалось «принудить натухайцев к этому силою оружия». Если же они «пожелают удалиться целыми обществами в Турцию, то не только им в этом не препятствовать, но способствовать всеми зависящими средствами всегда и во всякое время» [13].

К концу 1862 г. горцы оказались в кругу казачьих поселений, а в следующем году основная их масса двинулась к побережью Черного моря для переселения в Турцию. В октябре 1863 г. приняли безусловную покорность абадзехи и шапсуги с единственной просьбой: разрешить им остаться на местах, чтобы в следующем году эмигрировать [14].

Уже к весне 1864 года все Закубанье было «очищено» от горцев, которых царские войска под конвоем согнали к Черноморскому побережью. «При переселении горцев в Турцию с мест их жительства, — писало в своих донесениях царское командование, — нужно было принять особые меры, чтобы не заставить разбежаться их по трущобам и тем наделить край бездомными людьми, готовыми на всякое хищничество. Необходимо было устроить дело так, чтобы они шли на переселение массами с наименьшими растратами своего имущества и чтобы не доводить их до крайности... войска должны были двигаться облавой и понуждать целые аулы к переселению, давая им кратковременный срок для сбора имущества...» [15].

В результате военного погрома «...горцы упали совершенно духом и не знали, на что решиться» [16]. Основная масса горского крестьянства отказывалась переселяться на места, указанные царскими властями. Они также не желали идти в Турцию, куда их тянули князья, дворяне и старшины. Крестьяне целыми семьями уходили в горы и оттуда продолжали вести борьбу за свою свободу и независимость. Несмотря на то, что царское правительство май 1864 г. считало временем окончательного завершения покорения горцев Северо-Западного Кавказа, полупартизанская борьба здесь продолжалась еще и в 1865 г.

Военно-дипломатические методы колониальной, завоевательной политики самодержавия были одной из главных причин переселения горцев в Тур-

цию. К политическим причинам выселения добавились также причины экономические и религиозные. Как известно, завершающий этап освободительного движения горцев совпал с крестьянской реформой 1861 г., после которой Россия вступила в капиталистическую стадию своего развития. Под влиянием падения крепостного права в России среди горского крестьянства все шире развертывалась борьба за свое освобождение от феодально-крепостнического гнета. Классовые противоречия, как заявляла царская администрация, настолько обострились, что «нужны были особые усилия, чтобы отклонить кровавые столкновения между крестьянами и феодалами» [17].

В свою очередь и Турция направляла на Кавказ многочисленных агентов, которые, опираясь на мусульманское духовенство, обещали горцам на земле единоверных турок на небе рай, а тех, кто не согласится на переселение и останется на родине под властью гяуров-русских, запугивали страшными наказаниями в обоих мирах. Так, в одном из архивных документов говорится, что «появились тайные прокламации, распускаемые духовными лицами, которые приглашали всех правоверных идти в Турцию, где для них устраивается оттоманским правительством самый щедрый прием, и где им будет жить несравненно лучше, чем у русских» [18].

Первыми покидали родину исламизированные князья с челядью и домохладцами. За ними десятки тысяч горцев, бросая имущество, оставляя скот и хлеб, в морозы и в жару пробирались через Кавказский хребет на берег Черного моря, в Анапу, Новороссийск, Туапсе, Сочи и другие пункты, где скапливалось огромное количество переселенцев. Большая часть их была готова покориться русским, лишь бы остаться на родине. Но царские власти на Кавказе стремились как можно быстрее избавиться от беспокойного и вредного, как они называли, горского населения. «Для исполнения общего плана покорения Западного Кавказа, — говорилось в отношении главнокомандующего Кавказской армией к военному министру от 10 ноября 1863 г., — мы должны теперь приступить к очищению прибрежной полосы» [18].

Царское правительство выделило для переселенцев часть черноморской эскадры и коммерческие суда. Оно определило небольшое пособие деньгами и продовольствием. Но все это делалось не ради человеколюбия, а в целях ускорения переселения, так как оно тесно было связано с вопросом об окончательном умиротворении Кавказа. Это откровенно выражено в рескрипте наместника Кавказа М.Н. Романова (А.П. Барятинский ушел в отставку по болезни в конце 1862 г., и его место занял великий князь Михаил Николаевич Романов) на имя военного министра от 26 марта 1864 г., в котором говорилось: «Вопрос о времени окончания войны при настоящих обстоятельствах приводится к тому, во сколько времени успеем мы отправить в Турцию враждебное нам население» [19].

К концу 1864 г. закончилось выселение в Турцию основной массы адыгов Северо-Западного Кавказа. В документах кавказской администрации того времени отмечалось: «В настоящем 1864 г. совершился факт, почти не имевший примера в истории: огромное горское население, обладавшее некогда большим богатством, вооруженное и способное к военному ремеслу, занимавшее обширный Закубанский край от верховьев Кубани и нижнего склона Кавказского хребта, от Суджукской бухты до р. Бзыба, владея самыми неприступными местностями в крае, вдруг исчезает с этой земли. Между ними происходит пе-

реворот поразительный: ни один из горских жителей не остается на прежнем месте жительства, все стремятся очищать край с тем, чтобы уступить его новому русскому населению. Разумеется, такой факт не может быть плодом усилий одного года, — не сразу можно было поднять и выселить из гор неприязненное население, необходимы были для этого подготовительные меры и исподволь приучить их к такому переселению. В противном случае неожиданность такой великой меры могла поставить туземные племена в безвыходное положение и довести их до отчаянного сопротивления» [20].

Чтобы ускорить решение вопроса о переселении горцев и предотвратить препятствия со стороны турецкого правительства, в 1860 г. в Стамбул был командирован генерал-майор граф М.Т. Лорис-Меликов. Было заключено специальное соглашение, разрешавшее переселение горцев в Турцию «не разом, а малыми партиями».

Русскому правительству удалось также получить согласие Порты на расселение горцев подальше от кавказской границы, во внутренние районы Османской империи. В то же время русское правительство опасалось возвращения переселенцев из Турции, поскольку «они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России» [20]. Таким образом, русской дипломатии удалось добиться у Порты расселения кавказских мухаджиров в основном во внутренних районах Азиатской Турции. Основная масса переселенцев 1859-1865 гг. была расселена в Сивасском вилайете, на обширном безлесном пространстве между Токатом и Сивасом. Общая численность западных адыгов, переселившихся в Турцию за время с 1858 по 1864 гг., по официальным данным, составляла 398 955 человек, включая и 30 тысяч прикубанских ногайцев. В основном переселение приходится на 1864 г. [21].

Турция, в частности ее военное ведомство, пыталась получить из переселенческих масс горцев «пушечное мясо» для войн с Россией и славянскими государствами. Тем более, у турецкой армии существовал богатый опыт формирования султанской гвардии — корпуса янычар, отличавшегося интернациональным составом.

Надежды турецкого правительства найти в переселенцах новый источник для пополнения регулярной армии не оправдались. Вначале вербовка черкесов шла удачно. «Томимые голодом и лишениями и увлекаемые приманчивыми обещаниями, они являлись толпами, и в продолжение осени 1864 г. более 14 000 из них вступило в ряды регулярной армии. Но вскоре обнаружилась неукротимость горцев и невозможность приучить их к дисциплине и к систематическому порядку казарменной жизни. Смертность между ними была очень велика... побегі приняли такие размеры, что правительство принуждено было отказаться от своего намерения и отпустить их всех» — вспоминали современники [22].

Знакомство широких масс населения с исторической правдой в регионах, где ныне имеют место межнациональные конфликты, позволило бы в значительной степени умерить националистические амбиции, нейтрализовать причины этнического противостояния. Тем более, что судьбу горских мухаджиров (переселенцев) частично разделили сотни тысяч казаков Кубанского и Донского войска, которые зачастую насильственно переселялись на освободившиеся от горцев земли и долгие годы, защищая новые российские рубежи, волей-неволей выполняли роль боевого форпоста империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухаджирство (араб.) – переселение мусульман в исламизированные страны.
2. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа//Русская старина. 1882. – Т. 33. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА), ф. 38, оп. 30//286, св. 866. д. 2, л. 123-124, 126.
3. Там же.
4. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696. ч. 2, л. 272.
5. Архив внешней политики России (далее- АВПР), ф. – СПб. Главн. архив 1 - 9, д. 19, л. 165.
6. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период //История СССР. –1957. № 1.
7. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 259.
8. РГВИА, ф. 460, д. 8, л. 5.
9. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 260.
10. РГВИА, ф. 450, д. 64, л. 9.
11. РГВИА, ф. 38, оп. 30//286, св. 870, д. 19, л. 9-11.
12. РГВИА, ф. ВУА, д. 6696, л. 271-272.
13. РГВИА, Ф. ВУА. д. 6696. л. 262.
14. Там же, ф. ВУА., д. 6696., л. 267.
15. Там же, л. 261.
16. РГВИА, ф. ВУА. д. 6696. л. 246.
17. Там же, л. 258.
18. РГВИА, ф. 1. оп. 1. д. 26643. л. 1. Там же, ф. 400, д. 8, л. 17.
19. РГВИА, ф. ВУА. д. 6696. л. 253.
20. Русская старина. 1862. – Т. 33. – С. 342.
21. РГВИА, ф. 450, д. 64, л. 10.

T.V. PLATITSYNA

The senior teacher of faculty of public - humanitarian disciplines of the Moscow state pedagogical university it. Sholokhov.

The author in the articles investigates features of process of resettlement Adygei tribes of Northern Caucasus on territory Osmanli Ports under influence of Russian - Turkish political confrontation. In the article the problems connected to positions of Russia, Turkey and the western countries also are considered concerning destiny of the Caucasian population involved in a political opposition on North Caucasian jumping-off place.

To the author it is independently proved, that historical experience of diplomatic interaction with Turkey allowed not only to release territory of Northern Caucasus from mountain tribes hostile to an autocratic politics, but also to achieve a priority in the decision of East question before the western countries leadings struggle for creation and maintenance of the long-term ethnic conflict at southern borders of Russian empire.

Key words: muhajirun, a priority in the decision of East question, North Caucasian base, the Circassian population, mountain tribes, a Russian-Turkish antagonism.

ТЕРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В статье рассматривается становление и развитие Терского казачьего войска. Определена роль благотворительности в рамках социальной помощи войсковому сословию в пореформенный период. Представлены виды и способы войскового общественного призрения; обозначена роль государства в становлении этой системы. Отражены мотивация и актуальность возрождения войскового казачьего общества в современной России.

Ключевые слова: Терское казачество, пореформенный период, казачье самоуправление, социальная политика, благотворительность.

Заселение казачеством Северного Кавказа уходит историческими корнями в XVI в., когда роль проводника российских интересов и важного инструмента государственной политики в этом крае стала отводиться и особому служилому сословию. Первая русская крепость в Северокавказском регионе была заложена на левом берегу Терека и получила название Терки. Гарнизон состоял из стрельцов и казаков, которые составили основу терского и гребенского казачества. Официальной датой основания Терского казачьего войска считается 1577 г., когда поселенные в Терском городке казаки объединились для отражения нападения крымских татар. В 1668 г. терские низовые казаки были официально включены в состав военного гарнизона крепости Терки, а указом Сената от 1721 г. вошли в состав ведомства Военной коллегии [1]. В дальнейшем именно Терское казачество, окруженное со всех сторон горскими народами, не раз менявшими свою политическую и экономическую ориентацию по отношению к России, стало одним из важнейших трансляторов царской политики, а также и инструментом влияния в этом регионе.

В 1832 г. все казачьи войска на Кавказе (кроме Черноморского) были объединены в одно – Кавказское линейное казачье войско. Из бывших войск Терско-Семейного, Терско-Кизлярского и Гребенского были сформированы Терский, Кизлярский и Гребенские полки. В 1870 г. Военный Совет преобразовал Кавказское казачье войско в Кубанское и Терское, занимавших территорию к концу XIX в. 75 и 22 тысячи квадратных километров соответственно [2]. Главное и местное управление Кубанской и Терской областями, вместе с входящими в их состав городами, гражданским русским и иногородним населением и всеми казачьими войсками осуществлял наместник Кавказский, которому присваивалось звание войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск. Для местного управления казачьими делами при Наказном атамане был создан войсковой штаб, руководивший деятельностью атаманов отделов. Вооруженные силы каждого войска состояли из служилого состава и ополчения. Всего к началу XX в. в Российской империи существовало 11 казачьих войск, сформированных в процессе колонизации окраин. К войсковому сословию было приписано 4 165 000 чел. из более чем 120-миллионного населения страны [3]. Численность Терского казачьего войска к 1915 г. доходила до 255 068 чел. [4].

* © Туаева Б.В.

В пореформенный период в права и обязанности казаков были внесены некоторые дополнения. Так, к обязательной службе добавлялись почтовая, дорожная, паромная повинности, а также содержание и ремонт общественных зданий, укрепление берегов Терека и пр. [5]. В военное время Терское войско выставляло на службу: две лейб-гвардии Терских сотни Собственного Его Величества Конвоя, 12 конных казачьих полков, 2 конные казачьи батареи, 4 местные казачьи команды. На атаманов отделов возлагался надзор за содержанием личного оружия, обмундирования, конного снаряжения, которые казаки должны были приобретать за свой счет. Но не все казаки имели материальную возможность, по разным причинам, подготовиться к несению службы. Для назначения пособий бедным войскового сословия были созданы специальные капиталы, выделяемые на снаряжение беднейших казаков, расходы при мобилизации, продовольствие, а также сиротское призрение. Источником войскового дохода служили: денежные вознаграждения из государственного казначейства за отошедшие в казну питейные и торговые сборы; доходы от оброчных статей; проценты на войсковой капитал, обращающийся в кредитных учреждениях; пошлины, собираемые за отдачу в арендное содержание месторасположений нефти и нефтяных источников; доходы с войсковых лесов и рыбного промысла; денежные сборы с казаков неслужилого разряда; сборы со случайных поступлений [6].

Пополнение войсковых капиталов позволило выделить особый вид благотворительной помощи – войсковое общественное призрение, которое оформилось в дореволюционной России в организованную систему помощи нуждающемуся населению. Войсковые капиталы находились под строгим контролем и учетом управлений отделов. В мирное время по приговорам станичных сборов – собраний сельчан выдавались взаимобразно беспроцентные ссуды на снаряжение беднейших казаков (в отличие от военного времени, когда выдавались и безвозмездные пособия). Сиротские капиталы, принадлежащие малолетним сиротам, состоящим в опеке, имелись в станицах всех отделов области. До совершеннолетия детей-сирот капиталы обращались в приращения процентами – частью в кредитных учреждениях, частью в ссуде у местных жителей.

Главное заведование делами общественного призрения в конце XIX в. стало принадлежать в Терской области областному правлению, а в казачьих станицах – военному министру. В казачьих войсках были созданы благотворительные и «человеколюбивые» заведения, представленные лечебницами, богадельнями, детскими больницами, «сиропитательными домами», домами для умалишенных и пр. [7].

В начале XX в. в Российской империи стало действовать «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств» [8]. Правом на призрение на счет казны на основании правил Положения, могли пользоваться: «нижние чины, утратившие как в мирное, так и в военное время трудоспособность вследствие полученных ими ран..; а также семейства сих лиц». Семейства нижних чинов войскового сословия, находящихся на действительной службе «в мобилизованных казачьих частях или в войсковом ополчении», призывались на основании «закона 18 мая 1911 года [Собр. узак., ст. 950; ПСЗ, 1911, № 35217], но с тем, что расходы по такому призрению относятся на счет казны как в мирное, так и в военное время и что упомянутое призрение производится независимо от имущественного положения означенных семейств» [9]. Закон

был разработан как нельзя кстати, так как последствиями войн, в которых участвовала Россия в первой четверти XX в., были многочисленные жертвы и огромное число инвалидов. Но не всех нуждающихся и не в полной мере государство могло охватить. Интеллигенция и передовые слои населения, в том числе и Терской области, не могли оставаться безучастными в этой ситуации. Ими создавались благотворительные общества и добровольные союзы для оказания помощи искалеченным защитникам Отечества, а также вдовам, сиротам. В области социальной опекой занимались войсковые, городские и частные благотворительные учреждения. Только на территории Грозненского округа Терской области было зарегистрировано в этот период 7 подобных военных обществ.

Грозненская городская исполнительная комиссия под председательством члена городской управы Муратова состояла из 14 человек. Члены комиссии обследовали личный состав семей призванных на войну нижних чинов. Семьи запасных нижних чинов получали как казенное пособие, так и благотворительную помощь. Всего было единовременно выдано обследованным семьям пособий на сумму 9 588 руб. 75 коп. [10] Не забывала комиссия и о праздничных подарках. Так, в 1913 г. к рождественским праздникам семьи запасных нижних чинов получили материальную помощь в размере 115 руб. и дров в количестве 4 000 возов [11].

«Попечительство о семьях запасных из старых грозненских нефтяных промыслах» возглавляла Е.Д. Дроздовская. Попечительство обследовало жилищные условия семей призванных на войну нижних чинов и шефствовало над 289 семьями. Материальная помощь была адресной и нескольких видов: взрослые получали пособия по 3 руб., дети до 5-летнего возраста – по 1 руб. 50 коп. Находящиеся на учете две безработные семьи – по 10 руб. на оплату квартиры [12]. Средства общества состояли из пожертвований, процентов и добровольных отчислений из жалованья служащих и рабочих. Всего в 1912 г. было выдано семьям запасных 1 132 руб. 70 коп., при неприкосновенном капитале в 2 000 руб. [13].

В Моздоке 19 октября 1914 г. был образован уездный комитет помощи пострадавшим от войны, действовавший до июля 1919 г. Обществом был создан специальный фонд на основе добровольных пожертвований для выдачи материальной помощи нижним чинам, отправляемым из лечебных заведений на родину. Только в 1915 г. на эти нужды из фонда было выплачено 306 руб. 02 коп. [14]. Общество помогало не только пострадавшим и раненым на войне, но и беженцам с австрийского фронта и Турции.

В Пятигорском отделе Терской области были зарегистрированы и осуществляли благотворительную деятельность три частные организации по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на службу по мобилизации и пострадавших на войне. Помощь общества выражалась в призрении бедных детей, сирот, сборе пожертвований и выдаче пособий [15].

Во Владикавказе к 1915 г. возникла целая сеть социальных и благотворительных учреждений. «Комиссия для призрения раненых и больных воинов» была учреждена городской управой. Возглавил ее городской голова Владикавказа Георгий Васильевич Баев. Для лечения раненых были организованы лазареты, большая часть которых размещалась в учебных или общественных учреждениях, а также частных домовладениях. Под лазареты были арендо-

ваны: лечебница доктора Епифановича, Георгиевская больница, лечебница доктора Шмиргельда по улице Л. Толстого, лечебница доктора Салтыкова на Вокзальном проспекте, лечебница доктора Туганова в Александровском переулке. Лазарет для раненых находился и во Владикавказском Покровском женском монастыре. Здесь больные находили «живое, деятельное сочувствие без всякого различия национальностей. Словом, то, что потом было провозглашено как акт величайшего по гуманности международного соглашения нашего времени, нашло впервые осуществление в идее передовых русских деятелей и в самопожертвовании русской женщины» [16]. Монахини заботились о доставлении больным качественной пищи, смотрели за чистотой и сменой белья, за частой переменой соломы в матрацах; принимали больных, перевязывали; писали письма.

Радикальные перемены в социальной и политической сфере произошли в российском государстве с угасанием царского режима. В ходе Гражданской войны и социалистического строительства органы советской власти ликвидировали системообразующие основы российского казачества как социально-политического института. Только в конце XX в., в соответствии с общей тенденцией демократизации политической системы и развития гражданского общества, в стране началась массовая самоорганизация социальной общности, претендующей на признание ее правопреемником казачества, существовавшего до 1917 г.

В настоящее время осуществляется попытка включения возрождающегося казачества в систему российской государственности в качестве самостоятельной силы. При этом неизбежно встает вопрос о целесообразности такого процесса, требующего в новых условиях иных форм организации, чем прежде, потому что перед страной не стоят те задачи, которые казачество выполняло в прошлом. Тем не менее выработка государственной политики в отношении этой своеобразной части российского населения уже идет. Для беспокойного Кавказского региона это особенно важно, как и многовековой опыт постепенного, но закономерного приобщения казаков к охране державных границ и сближения народов Северного Кавказа с Россией, вплоть до вхождения в ее состав. В конце 90-х гг. XX в. было возрождено Терское войсковое казачье общество, охватывающее территории Республики Дагестан, Республики Северная Осетия-Алания, Чеченской Республики и Ставропольского края. 12 февраля 1997 г. был обнародован Указ Президента РФ за № 97 «Об утверждении устава Терского войскового казачьего общества». Согласно уставу, Терское казачье войско создавалось с целью «объединения граждан РФ, взявших на себя обязательства по несению государственной и иной службы (деятельности)», «развития в современных условиях традиционного казачьего уклада жизни и форм хозяйствования; возрождения и сохранения исторических, культурных и духовных традиций казачества». Актуальным видится тезис о повышении «престижности военной службы, проведения мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодежи, культурно-массовой и спортивной работе». Месторасположением правления Терского казачьего войска традиционно стал город Владикавказ.

Сегодня Терское казачье войско имеет пять округов, расположенных на территории пяти субъектов Южного федерального округа. В эти округа входят 33 казачьих отдела. Самые крупные округа – Ставропольский, насчитываю-

ций 18 отделов, и Аланский в Осетии – 9 отделов. Определенная сложность управления войском в многонациональном крае способствует развитию взаимосвязи с органами государственной власти. Основные положения порядка заключения «федеральными органами исполнительной власти или их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований договоров (соглашений)» с казачьими обществами нашли отражение в Законе № 154-ФЗ от 5 декабря 2005 г. «О государственной службе российского казачества».

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Фактически начиная с XVII в. в России шел планомерный процесс оформления казачества в особое военно-служилое сословие, который ко второй половине XIX столетия был завершен.

2. Процессу формирования и развития войскового сословия в социокультурном пространстве России отводилось немаловажное место. При этом специфика полиэтничного общества, в частности Северокавказского региона, привносила в этот процесс характерные черты, такие, как: немалое количество среди казачества представителей горского населения; взаимообогащение культур и пр.

3. Российский политический и социокультурный фон XIX – начала XX вв. способствовал развитию благотворительности и войскового общественного призрения. Многочисленные войны активизировали усилия передовой части населения по оформлению добровольной помощи в организованную систему социального призрения. Из общественных сумм станичного общества обедневшие казаки получали денежные ссуды на постройку, на покупку снаряжения для воинской службы.

Таким образом, в конце XIX - в начала XX вв. благотворительность и социальное призрение на Кавказе получили широкое распространение. Многочисленные благотворительные общества и заведения, частная благотворительность, система казачьего и крестьянского общинного попечительства в определенной мере компенсировали слабость социальной политики царской власти и сглаживали трудности повседневной жизни малоимущих слоев населения.

4. Процесс радикальной модернизации современного российского общества сопровождается формированием принципиально новых и восстановлением утраченных в советское время институтов гражданского общества. К их числу относится и казачество, которое в Российской империи имело социально-политический статус сословия, выполнявшего военно-служилые, пограничные, милицейские, экономические, культурно-просветительские и иные обязанности, определенные государством. Но также нужно учитывать необходимость государственной поддержки в процессе возрождения казачества в новых исторических условиях и изменившейся роли в них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Казачество. Энциклопедия/ Под ред. А.П. Федотова. – М., 2003. – С. 328.
- 2 Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903. – С. 8-9.
- 3 Хорошхин М. Казачьи войска. – СПб., 1881. – С. 104.
- 4 Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991. – С. 163.

- 5 Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). – Махачкала, 1986. – С. 176.
- 6 Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А.). Ф. 11. Оп. 58. Д. 2362. Л.1.
- 7 ЦГА РСО-А. Ф. 14. Оп. 51. Д. 543. Л.1-3; Ф. 11. Оп. 58. Д. 2362. Л. 20.
- 8 Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы. В 2-х т. www.stolypin.ru
- 9 Там же.
- 10 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1484. Л.11.
- 11 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1484. Л.11 об.
- 12 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1484. Л.4.
- 13 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1484. Л.4 об.
- 14 ЦГА РСО-А. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.
- 15 ЦГА РСО-А. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 233.
- 16 Боцяновский В. Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста// Антология социальной работы. Сб. ст. – Т. 1. – М., 1994. – С.166.

B. TUAEVA

TERSKY COSSACKS IN THE SOCIOCULTURAL SPACE OF RUSSIA

Vladikavkaz Institute of Management, Russia

The article tells about the formation and development of Tersky Cossack troops. The author has considered the function of charity within the boundaries of social assistance to a military estate in a post reform period. The kinds and means of social care and charity carried out by Cossack troops have been vastly represented; the role of the state for the formation of this system has also been defined. The author has managed to motivate and prove the urgency of the revival of Cossack troops in Russia.

Key words: Tersky Cossacks, post reform period, the Cossack self-management, social policy, charity.

ВОПРОС ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН В ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА I В 1801-1803 гг.

Статья посвящена вопросу о складывании программы Александра I по освобождению владельческих крестьян в России в начале XIX вв. и деятельности так называемого Негласного комитета в этом направлении. Статья основана на ряде источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: крепостные крестьяне, крестьянский вопрос, освобождение крестьян, Александр I, Негласный комитет.

Проблема, заявленная в заглавии статьи, представляет значительный интерес для исследователя предпосылок крестьянской реформы 1861 г. на дальнейших подступах к ней. Действительно, царствование Александра I было первым правлением, когда самодержавие непосредственно приступило к освобождению владельческих крестьян от помещичьей власти, так как до него вопрос об этом в законодательстве и политике правительства так не ставился. Его выдвижение в сферу реальной политики было вызвано и экономическими факторами, и опасениями новой пугачевщины, но на первое место мы бы поставили влияние «духа времени», гуманизм, личные либеральные пристрастия монарха и небольшой группы сановников империи, склонявшихся к подобным идеям.

Но этим стремлениям самодержавия противостояла толща дворянского сословия, не желавшего ничего менять в системе крепостного права. Поэтому и действия самодержавия в этот период в данном направлении были ограниченными. Вот что писал об этом Н.В. Басаргин: «Давно уже – в первые годы царствования Александра I – вопрос об уничтожении крестьянского состояния обсуждался передовыми людьми своего времени... Сам император желал этого освобождения, особенно в начале своего правления. Деланы были даже некоторые попытки, окончившиеся ничтожными и ни к чему не ведущими мерами и учреждениями». По словам М.А. Корфа, «Император Александр имел сперва намерение совсем уничтожить крепостное состояние и что в сем смысле приготовлены были разные предположения». Николай I говорил, что «император Александр в начале своего царствования имел намерение дать крепостным людям свободу, но потом сам отклонился от своей мысли, как совершенно еще преждевременной и невозможной в исполнении» [1, 431-432; 2, 14 об.; 3, 59].

Заметим, что именно в первые годы правления Александра I имеет место складывание программы крестьянской «эмансипации» и делаются первые шаги в ее реализации, которые, в основном, были связаны с деятельностью так называемого Негласного комитета. Правда, по словам С.В. Мироненко, Александр оказался не в состоянии выработать определенные представления не только о способах осуществления реформ, «но и о самих их принципах». Убежденный, что «крепостное право есть зло, что отношения помещиков и крестьян не могут более существовать в прежнем виде, он так и не смог даже для самого себя определить принципы переустройства крепостной деревни...». Действительно, как указывал М.М. Бородкин, члены Негласного комитета П.А. Стро-

ганов и В.П. Кочубей усматривали в воззрениях императора в ту пору «много туманного и неопределенного, а в его проектах отсутствие порядка и всякого плана. Государь точно «стучался во все двери» и не был уверен в том, чего хотел». Иное мнение было высказано М.М. Сафоновым, ссылавшимся на запись цесаревича Александра в особой тетради (датируемую 12 июня 1798 - 1 ноября 1800 гг., впервые опубликованную А. Орельским). Среди мер, предусмотренных в ней, рассматривалось «издание указа, которым бы позволено было всякого рода людям покупать земли даже и с деревнями, но с таким установлением, чтобы мужики тех деревень были обязаны только платить повинность за землю, на которой они живут, и в случае их неудовольствия могли перейти, куда хотят», а «по прошествии времени» можно было бы издать указ, «которым бы повелено было все покупки земель и деревень между дворянами не иметь иначе, как на вышереченном основании». Наконец, позднее предполагалось позволить всякому крепостному, «заплатившему за себя некоторое положенное число денег, пользоваться правами вольного». Таким образом, вопрос ставился им не просто о смягчении участи крепостных, но и о постепенном их освобождении, правда, при этом обходилась проблема наделения их землею. По мнению Сафонова, Александр, осуждая крепостное право ... боялся крутых мер, надеясь «путем медленных и осторожных шагов постепенно прийти к намеченной цели», стремясь «использовать те процессы, которые явочным порядком развивались в экономике России – переход земли путем фиктивных сделок из рук дворянства в руки купцов, государственных и помещичьих крестьян» – и учитывая стремление купцов иметь собственных крестьян. «Легализация этих процессов, отступление от дворянской монополии на землю и крестьян, т.е. даже в некотором смысле расширение сферы деятельности крепостного права с одновременным введением его в известные границы», должно было, по мысли Александра, способствовать постепенной ликвидации крепостничества [4, 65-67; 5, 14; 6, 61-64]. Итак, наследник престола на рубеже веков выдвинул два возможных пути освобождения крестьян: 1) через посредство распространения права владения населенными имениями представителям других сословий с одновременным ограничением прав новых помещиков на крепостных, а в дальнейшем, в случае перемены хозяев крестьян, давать им право выхода на волю; 2) через введение фиксированной суммы выкупа крепостными свободы. Оба этих положения рассматривались в Негласном комитете.

Первая из этих идей Александра была высказана им на заседании Комитета 4 ноября 1801 г. в процессе обсуждения проекта А.Б. Фока - Н.С. Мордвинова, разрешавшего «тем, кто не находился в рабском состоянии, покупать земли». В проекте предлагалось в целях развития экономики разрешить покупать ненаселенные земли лицам некрепостного состояния. В этой связи император заявил, что, соглашаясь с таким предложением, «он хотел, чтобы у этих тех же людей, в то время как они имели бы способность покупать земли, была также возможность покупать крестьян, которые, обладая людьми, но, будучи недворянами, были бы введены в определенные рамки и не могли бы обращаться со своими рабами так же жестоко, как дворяне, и это могло бы быть большим шагом к их благосостоянию», т.е. «собирался позволить мещанам покупать и землю, и крестьян». Судя по всему, предложение монарха, как минимум, вызвало удивление правительствующего синклита. Как мягко выразился Строганов, «вначале нам показалось, что было бы слишком большим нововведением поз-

волять сразу покупать и земли, и крестьян. С другой стороны, купленные крестьяне, таким образом, обретали надежду, что с новым владельцем их жизнь будет не такой безрадостной. Кроме того, мещане, которые станут владельцами недвижимых имуществ без крестьян, увеличат цену земли и станут извлекать из неё пользу, используя труд крепостных. Земли, которые продавались без крепостных, были бы выгодны для промышленности и увеличили бы свою ценность и стоимость. Его Величество положительно оценил изложенные нами основания». Таким образом, либерал Строганов фактически перевел обсуждение на другие рельсы – к разрешению некрепостным покупать ненаселенные земли. В дальнейшем к рассмотрению этой проблемы Комитет вернулся лишь 9 ноября 1803 г. Как гордо писал Строганов, «мы добились разрешения купцам покупать деревни с крестьянами таким образом, чтобы последние не были рабами, а служили по свободному контракту у нового хозяина», а также «чтобы были организованы фонды, ссужающие крестьянам деньги для выкупа по согласованию с хозяином» (речь, видимо, шла о готовившемся издании указа о разрешении купцам, получившим 8-классные чины, покупать деревни и владеть ими на условиях, заключенных с крестьянами (утвержденном монархом 18 октября 1804 г.). Дело этим и завершилось.

Возможно, в связи с этим заседанием Строганов обратился к императору с запиской о расширении права покупки земель с крестьянами. Утверждая, что одним из недостатков «классовой системы» империи было отсутствие личной свободы, автор отмечал, что монарх сделал «важные шаги в этом отношении», но «надо работать упорно, но в то же самое время со спасительной медлительностью», чтобы нейтрализовать волнения, которые могут произвести такие внезапные изменения. Автор упоминал и такую проблему, как отсутствие средств «у малообеспеченного класса», которым правительство, по его мнению, должно оказать финансовую поддержку на условиях ипотеки. Рассматривая идею о распространении права на покупку населенных земель на другие категории населения, он считал, что «ни в коем случае торговцы не могут приобретать на них те же права, как дворяне. Это бы помешало осуществлению благой цели, а именно - упразднению рабства». Взаимоотношения между новым хозяином и крестьянами должны регулироваться особым договором, утвержденным властями. Со стороны крестьян он должен быть подписан «старшим в деревне и несколькими депутатами, чтобы крестьяне не могли отговориться его незнанием». При этом новый владелец имения «должен провести свободный торг между ним и его крестьянами относительно работ, которые он может требовать от них», а правительство должно защитить крестьян «от произвола нового владельца», обеспечив «ему пользование новой землей на некоторое время», а крестьянам дав «право на землю, которой они всегда пользовались». Автор отмечал, что нужно обязать нового владельца в случае, если он не может договориться с крестьянами об условиях их взаимоотношений, дать им паспорта. Данная записка показывает, что идея освобождения крестьян через расширение прав владения населенными имениями на некрепостные категории населения имела хождение в круге деятелей Негласного комитета, но разрешения в ту пору не нашла [7, 49, 90-91; 8, 47-57, 102-103, 241].

Вторая идея императора была затронута впервые на заседании Комитета 23 июля 1801 г.: императором был представлен крестьянский проект св. князя П.А. Зубова, созданный, видимо, по распоряжению царя. Наряду с мерами

смягчения крепостного права, Зубов предложил определить фиксированную цену выкупа дворовыми и крестьянами свободы, таким образом высказавшись уже и о самом освобождении крепостных. Но члены Комитета обратили внимание на то, что его автор стремился к «абстрактным идеям, не разбираясь в состоянии и особенностях нашей страны», а на заседании 29 июля Новосильцев заявил о том, что он и не думал, что монарх принимает проект «всерьез», заявив, что в этом случае крестьяне должны заплатить «слишком большой выкуп помещику за свою свободу», а казна просто не справится с выкупом дворовых. На заседании 4 ноября члены Комитета заметили, что для выкупа дворовых казной в случае, если их владельцы захотели бы их продать, автор проекта указал «недостаточные средства; на такой предмет потребовались бы от казны огромные расходы». На заседании 11 ноября Н.Н. Новосильцев высказался по поводу суммы выкупа крестьянами свободы с рассрочкой на 6 месяцев (рекрутскими квитанциями или наличными деньгами). Как отмечал Строганов, он сам и Кочубей находили, что этот способ выкупа вначале потребовал бы значительных средств, «чтобы обеспечить нормальное существование крестьян после выплаты ими выкупа, иначе они просто окажутся без средств к существованию... Конечно, из выкупившихся крестьян можно было бы сделать колонистов и перевести их в какую-нибудь специально отведённую местность, но такая мера потребовала бы ещё больших приготовлений и денежных средств, что вызвало бы определённые неудобства». Новосильцев отметил, «что расходы на выкуп не были бы столь большими, как можно себе это представить. Граф Кочубей, князь Чарторыйский и я не были не согласны с его точкой зрения». После новых прений на заседании 18 ноября 1801 г. император согласился «отсрочить личный выкуп» крестьянами свободы. Тем не менее к данному вопросу, хотя и в ином контексте, Комитет вернулся 9 ноября 1803 г. Как писал Строганов, «мы говорили о возможности выкупа крестьян. Было решено отказаться от дарения и найти другой способ возвращения долга казне». Так или иначе, никакого решения на сей счет принято не было [7, 43-44, 49-51, 91; 8, 79, 83, 104, 106-107, 242-243; 9, Т. I, 207-209; Т. II, 164-171].

На заседании Комитета 20 января 1802 г. рассмотрение крестьянского вопроса получило дальнейшее развитие, и эта новая идея пришла извне. Новосильцев заявил, что два лифляндских помещика представили ему «проекты насчет определения прав господ над их крестьянами». В связи с созывом лифляндского ландтага представителями местного дворянства было также высказано пожелание, чтобы «им было дозволено заняться улучшением быта их крестьян, уверяя в согласии на то большей части своих сочленов». По данному вопросу голоса в Комитете разделились. Новосильцев полагал, что для прохождения этих проектов нет препятствий в силу одобрения их монархом, утверждая при этом, что его уверенность подкреплялась и позицией большинства помещиков этого региона», считая, что «рано или поздно надо будет сделать этот первый шаг». Что касается освобождения крестьян, то именно хозяева должны первыми его начать «в одной провинции, которая дала бы пример другим». На остальной территории империи это может иметь некоторый успех, и «если эти владельцы согласятся с нашими условиями и не будут препятствовать нашей дальнейшей деятельности, то можно надеяться на успех нашей реформы». Эти положения были поддержаны А. Чарторыйским. Но, как писал Строганов, Кочубей высказал опасения, что из-за сложившейся уже «репутации Императора

в отношении его склонности к освобождению крестьян было бы опасно позволять заниматься подобным предметом в одной из провинций Империи», предлагая сначала проконсультироваться с Советом, но ему заметили, что в Совете «вначале были бы, вероятно, против», что создало бы проблемы в реализации проекта и «просто связало бы руки Его Величеству на ранней стадии этой реформы». Как замечал Строганов, «я желал, чтобы эту проблему рассмотрели именно в нашем комитете на одном из заседаний в тесном кругу, а не в ассамблее. Всё-таки лучше, если данный вопрос будет обсуждаться при минимальном количестве людей». Окончательного решения на сей счет принято не было [7, 61-62; 8, 166-168]. Стоит заметить, что, как и в случае с планом Фока-Мордвинова, и здесь инициатива постановки проблемы, связанной с улучшением положения крепостных, не принадлежала членам Комитета (хотя, например, у Кочубея были наработки в этой сфере), но они развили ее, выдвинув здесь впервые план постепенного («погубернского») освобождения крепостных, следствием чего стало начало реформ в Прибалтике, завершившихся в 1816-1819 гг. безземельным освобождением крестьян в этом регионе.

Кроме этих основных направлений решения крестьянского вопроса, уже в начале царствования Александр выдвинул и другую мысль – не жаловать больше в частные руки крестьян. Эту идею он начал осуществлять, тем более что здесь никто не мог покуситься на его прерогативы в этом отношении. Так, на заседании Комитета 29 июля 1801 г., в связи с грядущей коронацией, монарх заявил, что «никому не даст крестьян, и что в этом отношении он не отступит от принятого им намерения». Подобные заявления делались им в то время неоднократно. В целом надо признать, что он остался верен этому завету, и после 1801 г. в России крестьян в частные руки уже не жаловали [7, 44; 8, 82-83]. Наконец, не забудем и введение указом 20 февраля 1803 г. категории вольных хлебопашцев, последовавшее после получения императором записки графа С.П. Румянцева. Заметим, что самый крупный и наиболее реальный проект освобождения крепостных с землею пришел также со стороны, не был выношен предварительно монархом и не обсуждался в Негласном комитете.

Подводя итог сказанному, стоит заметить, что в начале правления Александром I и его «молодыми друзьями», членами Негласного комитета, были намечены ряд направлений в деле крестьянской «эмансипации». Несмотря на малые итоги их деятельности в этой сфере, налицо изменение позиции властей по отношению к данной проблеме. Как полагал В.А. Писемский, «именно в этот период выработался общий подход Александра I к осуществлению любых преобразований в области крепостнических отношений. И обсуждение вопроса в кругу друзей, и неудачная попытка запретить продажу крестьян без земли показали ему, сколь сильно будет сопротивление крепостников любым преобразованиям в этой сфере. По своей природной нерешительности, а также постоянно помня о судьбе своего отца, Александр не мог пойти на открытое столкновение с большинством дворянства. Поэтому определяющей линией его политики в крестьянском вопросе вплоть до поворота к реакции в начале 20-х годов стало ожидание инициатив со стороны самого дворянства» [10, 45].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Изд. подг. И.В. Порохом. – Иркутск, 1988.
2. Записка барона М.А. Корфа «Историческое обозрение устройства сельского состояния в Рос-

- сии» 1847 г. // ГА РФ. Ф. 722 (Мраморный дворец). Оп. 1. Д. 223 (1847 г.).
3. Сборник РИО. – Т. 98. – СПб., 1896.
 4. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989.
 5. Бородин М.М. История Финляндии. Время Императора Александра I. – Т. 4. – СПб., 1909.
 6. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. – Л., 1988.
 7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I. – Т. 1. – СПб., 1869. Приложения. 2-я паг.
 8. Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – Т. 2. – СПб., 1903.
 9. Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): Дворянское общество и власть. Сб. документов: В 2 т. / Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А.Н. Долгих. – Липецк, 2005.
 10. Писемский В.А. Отмена крепостного права в России. На дальних подступах к реформе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 1995. – № 5.

THE QUESTION OF THE EMANCIPATION OF THE POSSESSION PEASANTS IN POLITICS OF ALEXANDER THE FIRST IN 1801-1803 YEARS.

A.N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical university.

The question of the forming of Alexander's The First programme directed to the emancipation of the possession peasants in Russia at the beginning of the XIX-th century, and to the so called Private Committee in that direction. The article is based upon the wide range of sources some of which have been brought in scientific resource for the first time.

Key words: serfs, a country question, clearing of peasants, Alexander I, Private committee.

«ЯЗЫК» ИЛИ «НАРЕЧИЕ»? ПОЛЕМИКА ВОКРУГ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В XIX В. *

Данный обзор посвящен некоторым важным аспектам этногеографической и этнолингвистической номенклатуры, а именно употреблению таких терминов, как «язык» и «наречие», а также «Малороссия» и «Украина», и производных от них понятий в Российской империи XIX в.

Ключевые слова: этнолингвистическая терминология, XIX век, полемика, Украина/Малороссия, украинский язык.

Прежде всего, следует отметить характерное для изучаемого периода несовершенство научных, в том числе этнографических и лингвистических знаний о восточнославянских народах. Начавшийся в первой половине XIX в. процесс дифференциации наук требовал от ученых, в частности, установления в каждой из сфер более точной терминологии. Описывая в своих воспоминаниях начальный период деятельности Русского географического общества, Д.А. Милютин сообщает о том, что одним из первых был затронут вопрос о терминологии. Это нашло отражение в записке, поданной в Совет Общества молодым русским ученым Я.В. Ханыковым, о научной географической терминологии, в которой автор указывал на недостаточную точность терминов и предлагал их пересмотреть [1].

Это имело и самое прямое отношение к таким важным этнолингвистическим понятиям, как «язык» и «наречие».

Начиная со второй четверти XIX в., украинская тематика начинает вызывать живой интерес в различных кругах российского общества. Во многом это было связано с процессом развития славянских наций и дальнейшим национальным пробуждением украинского народа. Со временем потребность в осмыслении «украинского вопроса» явилась стимулом для научных разработок в области истории, этнографии, лингвистики, фольклористики и т. д. История Украины была достаточно мало известна, и когда стали появляться первые опыты изучения украинского народа, русским ученым приходилось как бы «открывать Малороссию». Появляются первые песенные сборники Цертелёва и Максимовича; затем, в тридцатые годы, издания Срезневского, повести Квитки, статьи Вадима Пассека, первые работы Бодянского и т. д.

В 1818 г. в Петербурге вышла первая грамматика украинского языка, написанная А. Павловским (полное название «Грамматика малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями»). Нужно отметить, что у Павловского не было соответствующей лингвистической подготовки для обоснования столь далекоидущих выводов (автор, великоросс, случайно познакомился с украинским языком и счел небезынтересным познакомить с ним читателей). Однако данное произведение интересно нам по той причине, что в нем Павловский затрагивает проблему определения языка и наречия. Уже в самом названии книги есть противопоставление «чистый российский язык» и

* © Александровский И.С.

«малороссийское наречие». Стремясь пробудить в российском обществе интерес к украинской проблематике, Павловский пишет: «Если разбирание Архангельского, Новгородского, Полотского, Стародубского, Муромского и других наречий (не говорю Финских, Ордынских, Югорских, Сибирских, Камчатских языков), которые отличаются только несколькими или нечистыми или смешными, или весьма странными словами, занимает иногда любопытствие и время многих знающих справедливую цену вещи людей ...; то для чего же не заняться сколь-нибудь и таким наречием, которое составляет почти настоящий язык?» Определив украинский язык как наречие, Павловский тем не менее указывает на дальнейшие перспективы его развития [2].

Как было отмечено выше, для первой четверти XIX в. характерно весьма малое знание об Украине, ее культуре, народе и языке. Этим можно объяснить периодические появления даже у самых образованных людей того времени различных гипотез в определении украинского языка. В частности, Н.И. Греч в «Опыте истории русской литературы» в 1822 г. писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в юго-западной России, и может даже называться областным польским» [3]. Впоследствии, в своей грамматике русского языка, изданной в 1827 г. с предисловием Ф.В. Булгарина, Греч вновь повторил, что «малороссийское наречие может даже называться наречием языка польского». Объяснение генезиса украинского языка польским влиянием казалось в тот период наиболее естественным по причине долгого нахождения южнорусских земель под польским владычеством, а также наличия в украинском многих польских слов и выражений. Подобный взгляд на украинский язык был характерен и для самих поляков. В том же 1827 г. Максимович, в первом сборнике малороссийских песен, одним из первых напишет об украинском языке как о языке особом, отличном от великорусского, а тем более – от польского [4].

У этой полемики существовал определенный политический подтекст, в котором термины «язык» и «наречие» приобретали особый смысл. Употребляя в отношении украинского языка термин «наречие», многие исследователи и общественные деятели как бы «принижали» его, подчеркивали его «неполноценность», противопоставляя ему язык русский, или общерусский.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что даже лидер радикального крыла Белинский в отношении к украинскому вопросу занимал весьма определенную позицию. Украинцы, по мнению Белинского, – не народ и не нация, а племя; украинский язык – областной малороссийский диалект; «история Малороссии – это река, которая вливается в великую реку российской истории», а потому не может быть и самостоятельной украинской литературы [5]. Подобный взгляд на перспективы развития украинского языка и литературы был широко распространен в 30-40 гг. и среди представителей других общественно-политических течений. В своей неприязни к «малороссийскому языку» Белинский нисколько не отличался от Греча, Кукольника, Булгарина, Сенковского и др., разделяя господствующее мнение о том, что «малороссийское наречие» пригодно только на «жарты». В связи с публикацией рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» в русском переводе, критик откровенно писал: «Так-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а еще более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия» [6].

Некоторые российские авторы пытались провести четкую грань между языком и наречием. Так, в «Ливонских письмах» 1852 г. Булгарин указывал на историческое разделение России на Великую Россию, Малую Россию, Белую Россию и Черную Россию. «Жители всех этих четырех исторических отделений, - писал он, - различаются друг от друга наречием». Далее Булгарин приводит точное определение того, что есть язык, а что наречие, и в каком иерархическом соотношении они состоят: «Должно заметить, что наречие не то, что язык, но есть только различие главного языка у племен, составляющих один народ» [7].

В критических отзывах российских публицистов на произведения украинских литераторов украинский язык рассматривался как некое «областное наречие» (здесь следует обратить внимание на такие понятия, как «область» и «областничество»), а всякие попытки его развития воспринимались фактически как стремление к культурной обособленности. В качестве примера можно привести рецензию А. Афанасьева на «Байки и прибаутки» Л. Боровиковского. Наречие, подобное малороссийскому, по мнению Афанасьева, не создает классической литературы и остается достоянием простого народа. Автор рецензии говорит о стагнации в малороссийском языке, считает, что он не имеет данных для развития. Малороссии «в поэзии своей должно сохранять первобытные формы, потому что попытки поставить подобный язык на ходули будут казаться неестественными и даже смешными» [8].

О. Сенковский употреблял в отношении украинского языка такие определения, как «неизвестный», «гибридный» [9].

Подобные выступления русской прессы против украинского языка и литературы еще больше усиливали полемику между российскими и украинскими литераторами. В частности, представители харьковской литературной школы весьма болезненно отреагировали на оценку рецензентом «Ластовки». В письме редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому Г. Квитка писал: «Должен Вам сказать, что при появлении у нас той книги «Отечественных Записок» здесь все взбунтовались против Вашего журнала... О желании Вашем поспорить с нами печатно я передавал здешней ученой молодежи. Это надобно видеть, как все это сословие (их, студентов, большая часть из губерний, знающих наш язык) закипит, забурлит, хватаясь за перья, писать против «Отечественных Записок». Не знаю, напишут ли, но многие собирались. И знаете ли? Этот раскол, произведенный русскими журналами против нашего языка, недолго будет существовать. Дайте нашим юношам возмужать, опериться, т. е. познакомиться с пером, они докажут и утвердят, что великороссийский язык есть только наречие нескольких губерний, дитя то не старше нашего языка, старшего сына коренного славянского» [10]. Можно предположить, что в данном случае такое использование Квиткой определений «языка» и «наречия» в отношении украинского и русского было скорее спровоцировано и являлось некой «защитной реакцией».

В многочисленных статьях и публикациях «Маяка», посвященных украинским реалиям, авторы, как правило, говорят об украинском *языке* (понятие «наречие», если и встречалось, то крайне редко, и какого-то особого смысла в него не вкладывалось). Более того, многие статьи свидетельствуют о том, что журналисты «Маяка» пристально следили за развитием полемики по украинскому вопросу и по возможности принимали в ней участие. Так, возвращаясь

к приведенной ранее рецензии Н. Тихорского на поэму Т. Шевченко «Гайдамаки», можно привести небольшой пассаж, в котором автор от имени журнала отстаивает право украинского языка на самобытность. В своем обозрении Тихорский подверг критике сложившееся в русском обществе мнение о том, будто украинский язык «это не особый язык, а наречие русского языка!»

И.И. Срезневский, работавший в Харьковском университете с 1831 по 1847 гг., в «Запорожской старине» (1834) писал: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниваться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, - язык поэтический, музыкальный, живописный» [11].

Любопытен взгляд на обозначенную проблему Н.И. Надеждина. Являясь членом Русского географического общества, а с 1848 г. – управляющим Отделением этнографии РГО, Надеждин особое внимание уделял восточнославянской проблематике. В 1846 г. на общем собрании РГО Надеждин выступил с докладом «Об этнографическом изучении народности русской». В своем докладе он определил «великорусский, малорусский и белорусский» как главные «видоизменения» русского языка. Основная задача исследователя, по мнению Надеждина, - определить в каком отношении находятся эти «видоизменения», что составляет существенные признаки их лексического состава и т. д. [12].

В той же работе, что при обращении к некоторым чертам языка и национального характера закарпатских русинов, Надеждин находит гораздо большее сходство последних не с малорусами, а с великорусами: «язык венгерских русинов ... ближе и понятнее нам, великороссиянам, чем наречие украинских малороссиян». Противопоставление: «язык» - «наречие» достаточно четко демонстрирует позицию видного ученого.

Впоследствии наблюдалась тенденция одновременного существования таких понятий, как «украинский язык» и «малороссийское наречие».

Помимо терминов «язык» и «наречие» употреблялись и такое понятие, как «жаргон». В иерархии оценок «жаргон» находился еще ниже наречия, и если у последнего были определенные шансы развития в язык, то «жаргон» являлся абсолютно тупиковой ветвью. В рецензии на «Кобзаря» Т. Шевченко, помещенной в журнале «Маяк» в 1840 г., П. Корсаков, обращаясь к украинскому языку, писал: «В нем таится еще много драгоценных преданий, недоступных для тех исследователей истории, которые говорят о нем с презрением, как о каком-нибудь безграмотном jargon» [13].

Можно сделать вывод, что под жаргоном в то время понималось нечто искусственное, исковерканное. И гораздо позднее, в 1914 г., В.Н. Перетц в письме к А.А. Шахматову писал: «Грушевский и его соратники - Дорошенко и Ко (у нас в «Украине») хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо старого не знают, с историей языка совсем не знакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченко) в ход «какотворы», либо коверкают русские слова...», и далее «...Грушевский с Дорошенко - гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону... Суди их Бог!» [14].

В отношении белорусов следует отметить, что, по выражению Надежди-

на, в тот период ученые не обладали еще достаточным материалом, и вопрос о них оставался открытым. Что же касается белорусского языка, то почти во всех случаях (даже в «Маяке») к нему употреблялось понятие «наречия». Во многом это было обусловлено отсутствием корпуса новых литературных произведений на белорусском языке, в отличие от украинского.

В конце XIX в. А.Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» полагал, что «в нынешнем составе русского языка есть две основные ветви: великорусская и малорусская (третья, белорусская, не имела особого книжного развития ни в старину, ни в новейшее время, и хотя занимает довольно обширную область земли и народа в западном крае, но по своим чертам так сближается с ветвями главными, что филологи считали это наречие подразделением, одни - языка великорусского, другие - малорусского)» [15].

Еще в 1845 г. И.И. Срезневский в статье «Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских» выделял два наречия, принадлежащие к «Восточному отделу»:

- 1) Великорусское (с поднаречием белорусским);
- 2) Малорусское (Восточное и Западное, в котором представлен также Закарпатский говор) [16].

В своем труде «Белорусы» академик Е. Карский противопоставляет литературе на белорусском наречии художественные произведения на «общерусском» литературном языке. В отношении народного Карский употребляет термин «язык», тогда как литературный белорусский ученый рассматривает как нечто искусственное, несостоявшееся: «Литература на белорусском наречии все же не возникла» [17].

В завершение хотелось бы привести некоторые рассуждения о соотношении языка и наречия достаточно известного литературного критика А. Милюкова, в которых он фактически выразил господствующее в российском обществе мнение об украинском языке. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х гг., Милюков писал следующее: «Местные патриоты уверяют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский – и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений, прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое – самостоятельным языком». Как видим, в этих словах ясно прослеживаются опасения автора, связанные с дальнейшим развитием малороссийского национального возрождения. «Украинцы, - продолжает Милюков, - говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Согласно автору, эту монополию дал русскому языку не «кружок патриотов», а «ход самой истории». В доказательство своей мысли о превосходстве русского над малороссийским Милюков проводит параллели с английским и шотландским, а также итальянско-флорентийским и пьемонтским и неаполитанским. Таким образом, по мнению автора: «В истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно также, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским» [18].

Следует отметить, что вопрос отношения и определения украинского языка стоял весьма остро на протяжении всего XIX и начала XX вв. Это нашло отражение и в политике российских властей. Точка зрения правительства была выражена в «высочайше одобренном» циркуляре министра внутренних дел графа Петра Валугева от 20 июня 1863 г. Опираясь на высказываемые в прессе (например, в киевском «Вестнике Юго-Западной России») лояльные украинофильские взгляды об употреблении украинского языка, Валугев писал, что «большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши...» [19].

На протяжении второй половины XIX в. украинский язык обсуждался с точки зрения трех проблем:

1) Язык это или наречие (диалект) великорусского (общерусского, просто русского) языка.

2) Древность этого языка/наречия по сравнению с великорусским.

3) Возможность употребления данного языка не только в художественной литературе, но и в науке и образовании [20].

Вопрос об украинском языке рассматривался в начале XX в. на уровне Академии наук. Обращение к материалам российской прессы демонстрирует тот факт, что во многих случаях использование таких понятий, как «язык» и «наречие» имело ярко выраженный подтекст. Несовершенство научных знаний и не устоявшийся понятийный аппарат способствовали широкому хождению политически ангажированных концепций. Тем не менее следует отметить, что еще чаще ученые и общественные деятели употребляли обозначенные понятия достаточно произвольно, не видя между ними особой разницы. В частности, в статье Журнала Министерства народного просвещения, посвященной учреждению кафедры славянской литературы во французской коллегии, автор рассматривает славянский язык как язык мертвый, и выделяет его «ныне существующие» наречия: русское, польское, богемское, сербское и т. д. [21]. В опубликованной в 1900 г. статье «Малорусский язык и «Украинско-русский» литературный сепаратизм» Т.Д. Флоринский - видный филолог-славист, профессор Киевского университета Св. Владимира, полагал, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное» [22]. Даже такой видный идеолог украинского национального движения, историк, этнограф, писатель и критик Н. И. Костомаров в своих трудах об украинском языке также периодически употребляет обозначение «малорусское наречие» по отношению к «русскому языку» (хотя, безусловно, в данном случае следует учитывать фактор существования цензуры) [23].

Помимо языка и наречия, исследователи оперировали и такими понятиями, как «поднаречие», «диалект», «жаргон», выстраивая, таким образом, целую лингвистическую иерархию. Можно предположить, что понятия «язык» и «наречие» находились в таком же соотношении, как понятия «народ» и «племя». Наконец, можно проследить определенную корреляцию: с одной стороны – малороссийское наречие, с другой – украинский язык.

Несмотря на тот факт, что научное изучение проблем, связанных с языком Малороссии, началось на рубеже XIX и XX вв., полемика о месте украинского языка среди других славянских языков и о перспективах его развития

была начата на страницах русской прессы еще в первой половине XIX в.

Еще сложнее дело обстоит с понятиями «Малороссия» и «Украина», являвшимися одними из наиболее дискуссионных. Два понятийных ряда долго сосуществовали. По мнению Л.Е. Горизонтова, эти термины могли выступать:

- 1) как взаимозаменяемые;
- 2) Украина могла пониматься как часть Малороссии;
- 3) одно понятие употреблялось наряду с другим при обозначении двух различных смежных территорий.

«Во всех этих комбинациях, – считает Горизонтов, – Малороссия и Украина сосуществовали вполне мирно, часто «через запятую»: семантическое наполнение каждого из терминов отражало не этнополитические реалии, а историко-географические традиции» [24]. Действительно, на основании собранных материалов можно констатировать тот факт, что российские исследователи и литераторы использовали в отношении Украины как термин «Малороссия», так и «Украина». Безусловно, между ними существовало определенное различие, но оно никогда не уточнялось. Несмотря на то, что многие разграничивали этнонимы «малоросс» и «украинец», их различие также никогда не уточнялось. Более того, эти понятия употреблялись с далеко неодинаковой частотой. Для первой половины XIX в. все же более характерно более частое употребление понятий «малоросс, Малороссия».

Тем не менее, уже в первой половине XIX в. понятие Украины наряду с Малороссией прочно вошло в русский лексикон. В течение долгого периода эти «книжные» термины функционировали лишь в среде образованного общества. В отношении содержательного наполнения этих двух понятий можно сделать вывод, что у разных авторов соотношение их было весьма различным и неоднозначным. Однако в определенный момент, примерно к концу 40-х гг., понятия Малороссии и Украины приобрели политически ангажированное, жестко конфронтационное по отношению друг к другу звучание [25]. Одним из первых такой смысл стал вкладывать в них Т. Шевченко.

Данный обзор не претендует на полноту и лишь свидетельствует о том, что затронутая тема нуждается в более пристальном внимании и разработке. Как справедливо заметил А.И. Пыпин: «Надо пожелать, чтобы, хотя для сохранения научного достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было внимание, которого он заслуживает, и чтобы «спор между южанами и северянами» кончился на спокойной и свободной научной почве» [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Милютин Д. А. Воспоминания. 1843 - 1856. – М., 2000. – С. 139.
- 2 Цит по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. - СПб., 1891. - Т. 3. - С. 310-311.
- 3 Опыт истории русской литературы. – СПб. 1822. – С. 12.
- 4 Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – Київ, 1993. – С. 157.
- 5 Цит. по: Барабаш Ю. Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995. – С. 77.
- 6 Белинский В. Г. ПСС. – М., 1979. – Т. 2. – С. 275-276.
- 7 Северная пчела. – 1852. – № 221.
- 8 Северная пчела. – 1852. – № 221.
- 9 Библиотека для чтения. – 1841. – Т. 48. – С. 43-45.
- 10 Цит. по: Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – С. 157.
- 11 Цит. по: Saunders D. The Ukrainian impact on Russian culture 1750-1850. – Edmonton, 1985.

- Р. 142-143.
- 12 Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Кн. 2. – СПб. 1847. – С. 112.
- 13 Маяк 1840. – № 6. – С. 94.
- 14 Минувшее. Исторический альманах. – СПб., 1998. – Т. 23.
- 15 Пыпин А. И. История русской этнографии. – Т. 3. – СПб., 1891. – С. 307-308.
- 16 Журнал министерства народного просвещения. – 1845. – Ч. 48. – № 12. – С. 11.
- 17 Карский Е. Ф. Белорусы. – Вильна, 1904. – С. 430.
- 18 Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления. – СПб., 1875. – С. 131-132, 141-142.
- 19 Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 240-241.
- 20 См.: Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. – Edmonton. 1981.
- 21 Журнал министерства народного просвещения. – 1840. – Ч. 26. – № 6.
- 22 Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм в России. – М., 1998. – С. 337.
- 23 См. Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М., 1995.
- 24 Горизонтов Л. Е. // Белоруссия и Украина: История и культура. – М., 2003. – С. 135.
- 25 Там же.
- 26 Пыпин А. И. История русской этнографии. – Т. 3. – СПб., 1891. – С. 338.

I. Alexandrovsky

«LANGUAGE» OR «DIALECT»? DISPUTE ON UKRAINIAN LANGUAGE IN THE XIX-TH CENTURY

This review is devoted to some significant problems of ethnographic and language expressions usage, such as language and dialect as well as Ruthenia and Ukraine in Russian empire in the XIX-th century.

Key words: ethnolinguistic terminology, XIX-th century, polemic, Ukraina/Malorossiaya, the Ukrainian language.

ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» И РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ*

В статье А.В. Завражина речь идет о реорганизации системы образования в России в период царствования Николая I, в 20 – 40-е годы XIX столетия. В основу царской политики была положена теория «официальной народности», ядро которой составляла идеологическая триада монархии – православие, самодержавие, народность. Теория имела своей целью подчинить всю систему просвещения в стране воле монарха, дабы избежать возможности революционных потрясений в России; осуществить политику русификации на всех подчиненных территориях и ввести имперский патриотизм как главный элемент идеологии самодержавия в воспитании русских молодых людей.

Ключевые понятия: «официальная народность»; идеологическая триада монархии; православие, самодержавие, народность; концепция «официального национализма»; политика русификации; имперский патриотизм.

Процесс построения гражданского общества, создание эффективной экономики, укрепление безопасности государства немыслимы без решения одной из первоочередных задач – повышения качества образования в Российской Федерации. Центральным, стержневым элементом реализации этой задачи является осуществление приоритетного национального проекта «Образование», комплексных проектов совершенствования региональных систем образования, которые стимулируют многие изменения в образовательных системах различного уровня.

В этой связи было бы целесообразно пересмотреть весь образовательный процесс с учетом национальных традиций и исторического опыта страны. Перестраивать его как бы через призму тех исторических уроков прошлых столетий, которые позволили значительно поднять и расширить всю систему образования в России, придав ей государственную направленность в соответствии с интересами и потребностями обучения и воспитания подрастающего поколения.

20-30-е гг. XIX века характеризуются стремлением российского самодержавия укрепить свою власть, сохранить имперский характер политического мировоззрения общества. После известных событий 14 декабря 1825 года и сделанных из них выводов Николай I ставит задачу покончить с «полуобразованностью», которая, по его мнению, создала неразбериху в умах и вызвала преступные посягательства мятежников. Становится актуальной задача не только всеобъемлющего контроля над развитием в России общественной мысли, но и возможного управления этим процессом согласно правительственным установкам. С этой целью молодой государь переходит к конкретным практическим действиям, направленным на упрочение образования и приведения его в единую систему, полностью подконтрольную государству. В числе первых создается Комитет устройства учебных заведений, учрежденный 14 мая 1826 г. Его задачей являлось обсуждение мер, необходимых для введения единства и единообразия в системе воспитания и обучения.

* © Завражин А.В.

Император пристально следил за деятельностью Комитета и самолично выносил резолюции на принимаемые им решения. Так, на решение Комитета, принятое на заседании 3 сентября 1827 г. по делу о проекте академика Г.-Ф. Паррота «Memoire sur les universities de l'interieur de la Russie», он собственноручно написал: «Из всего этого извлекаю следующее: чтоб были у нас университеты по делу, а не по одному названию, как ныне, нужно: 1. Уставы, 2. Профессоры, 3. Студенты. – 1. Уставы есть, но или не хороши, или худо соблюдаются; - стало должно исправить и строжайше Министерству просвещения смотреть за их соблюдением. 2. Профессоры: есть достойные, но их не много, и нет им наследников; их должно готовить; и для сего лучших студентов, человек двадцать, послать на два года в Дерпт, а потом в Берлин, или в Париж, и не одних, а с надежным начальником на два же года; все сие исполнить не медля. 3. Студенты; так как граф Строганов весьма справедливо заметил, у нас их нет, а называются такими сволочь шалунов, или мальчишек, не только не готовых следовать курсам университетов, но и с трудом готовящихся в высшие классы гимназий. Сие не исправится доколе Комитет будет столь медленно заниматься порученным ему делом, а пройдет еще год до появления ожидаемых мной уставов низших училищ. Я требую непременно, чтоб дело шло поспешнее» [1].

Необходимо отметить, что в заданном направлении была проведена значительная работа. В 1828 г. был принят Устав гимназий, уездных и приходских училищ, а в 1835 г. – Общий устав российских университетов. Суть этих уставов и применение их на практике неоднократно подвергались анализу в дореволюционной, советской и современной историографии. Однако именно благодаря созданному по инициативе академика Георга-Фридриха Паррота так называемому Дерптскому профессорскому институту, в российских университетах появилось молодое поколение замечательных профессоров.

В этот период ведущая роль в развитии образования принадлежала государству. Император покончил с остатками университетской автономии. Сфера образования была подчинена государственному контролю, причем этот контроль был ужесточен настолько, что даже за частным и домашним образованием был установлен надзор со стороны государства. Было произведено четкое разделение учебных заведений на разряды, соответствовавшие ступеням обучения, что позволило привести все образование в стране в определенную систему, сформировать политическое мировоззрение молодежи в строго имперском, самодержавном духе.

Необходимо отметить, что высшее образование в России являлось мужской монополией вплоть до 1872 г., когда были учреждены Женские врачебные курсы (первоначально они назывались Курсами ученых акушеров) при Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Старейшие женские учебные учреждения заведения – Смольный институт благородных девиц и аналогичный ему Екатерининский институт давали весьма специфическое образование и не готовили выпускниц к профессиональной деятельности. Хотя выпускницы могли поступать в гувернантки, все же полученное ими образование в силу своей специфичности существенно отличалось от мужского «стандарта».

Вся система образования в стране носила ярко выраженный ведомственный характер. При этом важно учитывать то, что университеты и лицеи составляли лишь часть высших учебных заведений. Хотя руководство делом народного образования в империи входило в задачу Министерства народного

просвещения, каждое министерство и главное управление имело собственные учебные заведения, которые готовили необходимых для него специалистов и давали некоторую возможность получить образование подведомственным ему категориям населения, например, кантонистам, детям государственных крестьян и т. д. [2].

Учебные заведения значительно разнились по возрасту воспитанников, программам и срокам обучения, а также правам, которые предоставлялись их выпускникам. Император задался целью навести порядок в сфере образования и делал это на свой манер, далеко не всегда во благо просвещения. При нем проводился принцип жесткой централизации управления по ведомствам. Порядок в сфере образования, действительно, стало больше, и император имел все основания для того, чтобы с удовлетворением отмечать, что он привел учебные заведения к одному знаменателю.

По мере развития среднего и начального образования отпадала необходимость обучения в одном учебном заведении от азбуки до высших наук. Учебные заведения приобрели вид высших учреждений, не совмещая под одной крышей начальное, среднее и высшее образование. Ко времени университетской реформы 1835 г. в России насчитывалось 24 высших учебных заведения, в том числе 6 университетов (Московский, Дерптский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Святого Владимира в Киеве), 4 лицея (Демидовский в Ярославле, Царскосельский, Ришельевский в Одессе, князя Безбородко в Нежине) и 3 духовных академии (Киевская, Московская, Петербургская).

Из 11 оставшихся высших учебных заведений 10 находились в Санкт-Петербурге. Это были: Главный педагогический институт, Военная академия, Главное инженерное училище, Артиллерийское училище, Морской кадетский корпус, Институт инженеров путей сообщения, Институт корпуса горных инженеров, Медико-хирургическая академия, Училище правоведения, Учебное отделение для восточных языков при Восточном департаменте Министерства иностранных дел.

В ведении Министерства народного просвещения состояло 11 из 24 высших учебных заведений и больше половины всех учебных заведений страны. В учебных заведениях этого Министерства обучалось менее трети общего числа учащихся. Вместе с тем к этому периоду времени существовал ряд других учебных заведений, которые впоследствии приобрели права первого разряда (Лесной институт, Санкт-Петербургский практический технологический институт, Константиновский межевой институт, Академия художеств и др.).

Излюбленным типом учебного заведения у императора Николая I был кадетский корпус. Военизация затронула высшие учебные заведения, где изучение оружейных приемов, маршировки, парады, экзерциции отнимали много времени и подчас шли в ущерб специальным дисциплинам. Однако, несмотря на просчеты и неурядицы, процесс развития образования в стране был необратим. Ко времени Великих реформ 1860-х гг. существенно возросло число высокообразованных специалистов в России и в целом улучшилось качество образования. Император считал, что военными людьми легче командовать, поэтому философов и поэтов недолюбливал. Ему нужны были не мыслители, а исполнители – вестовые, как выразился А.И. Герцен. Будучи ярким поборником солдафонства и гонителем просвещения, царь уделял первоочередное внимание военному и инженерно-техническому образованию, направленному

на удовлетворение потребностей армии. Специальным учебным заведениям император отдавал явное предпочтение перед университетами, к которым он относился с недоверием. Так, например, Московский университет он называл «волчьим гнездом» и объезжал его стороной, когда бывал в первопрестольной столице.

Государь сознавал опасность, которой было чревато просвещение для самодержавия, и в этом его наглядно убеждал опыт Европы. Он видел, какой кровавой вакханалией, а говоря современным языком, грандиозной «гуманитарной катастрофой» закончился век Просвещения. Император слабо верил в успех, но другого пути у него не было. Без образованных людей Россия не только не могла служить оплотом монархических режимов, но сама рисковала стать легкой добычей противников. Тем самым Николай I пытался создать безопасное просвещение, чтобы уберечь империю от революционных потрясений, которым была подвержена Европа.

С целью сохранения и упрочения самодержавия Николай I сделал максимум возможного, не зря его царствование историк А.Е.Пресняков назвал апогеем самодержавия [3]. Школа была призвана не только давать знания, но и воспитывать учащихся в духе преданности престолу, во главу угла было положено воспитание политической лояльности. Этому служила сформулированная так называемая теория «официальной народности», которая была возведена в ранг государственной доктрины и на долгие годы стала идеологической основой самодержавия.

Появление теории «официальной народности» связано с именем николаевского министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова (1786-1855). Еще будучи товарищем министра, С.С. Уваров представил Николаю I отчет о ревизии Московского университета в 1832 г., где впервые сформулировал основные положения своей знаменитой триады – православие, самодержавие, народность. Именно они, по мнению С.С. Уварова, в наиболее концентрированном виде представляли собой живительные источники силы и могущества России, «последний якорь спасения» и «вернейший залог силы и величия империи». На этих началах С.С. Уваров и предлагал Николаю I построить все воспитание подрастающего поколения, формирование его политического мировоззрения, нравственности. Внедрять их в качестве основополагающих принципов отечественной литературы, искусства, науки и просвещения. Как справедливо писал С.М. Соловьев, С.С. Уваров внушил царю «мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие – будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестански; самодержавие – будучи либералом; народность – не прочитав за свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки» [4].

В идеологической триаде С.С. Уварова не было ничего нового. Еще Н.М. Карамзин в записке «О древней и новой России» [5] писал, что самодержавие есть «палладиум» России. И он же утверждал мысль о нерасторжимом единстве православия с самодержавием, а того и другого – с Россией. У Н.М. Карамзина не было только идеи о том, что государство должно взять на себе функции активного насаждения этих постулатов. Николай I же, глубоко поверив в них, принял их как свою программу и начал добиваться ее реализации. А способов

борьбы за свои цели у самодержца было более чем достаточно: от поддержки (моральной, а главное, материальной) адептов угодных правительству воззрений до прямого насилия над своими идейными оппонентами. Вместе с тем, развивая основные положения своей доктрины в рамках дальнейшего укрепления просвещения в России, С.С. Уваров предложил своего рода компромисс между западным просвещением и самодержавной Россией, который выражался в попытке приспособить западную науку и просвещение в целом к российской действительности, не побуждая к изменению последней. При этом русская модель развития образования, заимствуя определенные достижения европейской цивилизации, приоритет отдавала самобытным национальным принципам, отстаивающим самостоятельность империи в вопросах просвещения и политического порядка. Авторитет и неприкосновенность идеологической триады должны были стать определяющими в развитии российского образования.

В период деятельности С.С. Уварова на посту министра просвещения (1834-1849 гг.) окончательно складывается система государственного контроля над развитием образования в России [6]. В учебных округах усиливается власть попечителей, под влияние которых попадают не только низшие и средние учебные заведения, но и университеты. Новый университетский устав 1835 г. фактически лишил их прежней автономии. В результате учебный процесс стал подвергаться более жесткому контролю и регламентации со стороны властей. Политическую окраску приобретает процесс интеграции частных школ и домашних учителей в государственную систему образования. Идет процесс централизации управления государственной системой просвещения. Политика С.С. Уварова в этой области была составной частью общей внутренней политики в царствование Николая I, так как основывалась на тех же принципах государственного контроля, что и вся политическая система самодержца. В свою очередь, подобный подход позволял правительству более эффективно контролировать процесс внедрения в сознание обучающейся молодежи основных начал, заложенных в государственной идеологии, имеющей целью повысить уровень российской системы образования. По мнению министра просвещения, образование в России должно стоять на одном уровне с европейским, но сохранять при этом установленную правительством нравственную и политическую основу.

Одной из наиболее острых проблем, стоящих на пути реализации теории «официальной народности», являлась политика по отношению к дворянскому сословию. Правительством предпринимаются попытки нейтрализовать возможные опасные последствия дальнейшего самостоятельного развития европеизированной дворянской культуры. Вводится государственная система просвещения, основанная на национальных началах, трактуемых самодержавием в рамках уваровской триады. Реализация этого плана предполагалась путем полного включения представителей высшего сословия в эту систему.

В этой связи отметим, что взгляды Николая I на предназначение государства, государственной власти и монарха на основе вышеизложенного окончательно сложились к концу 40-х годов XIX века. Их суть очень удачно сформулировал один из самых близких к императору людей – Я.И. Ростовцев, ставший к тому времени крупным бюрократом. В написанном им «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений» раскрывается значение личной совести для деятельности человека. «Закон совести, закон

нравственности обязателен человеку, как правило, для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный обязателен ему, как правило, для его общественных отношений», - писал Я.И. Ростовцев. Для него, как и для Николая I, воля отдельного человека и воля целого общества есть элемент анархический, который и призвана подавлять государственная власть, «чтобы охранить общество от разрушения и утвердить в нем порядок нравственный» [7]. В этом проявляется закон верховной власти, основа которого, с одной стороны, «ничем не ограниченная преданность» воле Отца небесного, с другой – «покорность земная, как данная свыше».

Основываясь на подобном понимании отношений общества и государства, Николай I, как справедливо писал А.Е. Пресняков, «пытался свести государственную власть к личному самодержавию «отца-командира», на манер военного командования, окрашенного в духе всего быта эпохи патриархально-владельческим, крепостническим пониманием всех отношений властвования и управления» [8]. К тому же огромное внимание уделялось российскому патриотизму как составной части российской триады: православие, самодержавие, народность. Российский патриотизм, точнее, русский национализм, составлял основу теории «официальной народности».

Царствование Николая I А.Е. Пресняков назвал «золотым веком русского национализма». Первый шаг в этом направлении был сделан в одном из манифестов, изданных сразу после восстания декабристов. В нем специально подчеркивалась необходимость «очистить Русь святую от заразы, извне к нам нанесенной». В манифесте, изданном по завершении следствия над декабристами, было сказано, что подавление восстания «очистило Отечество от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Утверждалось, что зараза эта пришла с Запада, так как «не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел». Для упрочения государственной власти предлагалось насаждать «отечественное, природное, не чужеземное воспитание» [9].

С.С. Уваров искал компромисс в отношениях между властью и обществом, стремясь не навязывать, а, по возможности, внушать идеи, удобные правительству, склоняя общество на свою сторону, хотя и не обходясь при этом без определенных ограничительных мер, в частности цензуры. Утверждая, что письменное обращение к публике является привилегией, которую правительство может дать и отнять по своему усмотрению [10], министр просвещения и в этой сфере действовал так же, как и в области образования. Таким образом, выдвинутый им тезис о руководящей роли правительства в развитии просвещения, а также его реализация во многом определяли и политику правительства в отношении литературы и журналистики. Несмотря на то, что цензура в николаевское царствование работала в довольно жестком режиме, С.С. Уваров, однако, был сторонником более осторожного подхода. Поощряя активную работу цензуры, он, одновременно с этим, пытался привлечь на свою сторону наибольшее число писателей и журналистов, превращая их, тем самым, в основных пропагандистов и популяризаторов государственной идеологии. Желая предотвратить проникновение и распространение в умах подданных вредных идей и понятий, С.С. Уваров на первое место ставил, прежде всего, пропаганду правительственного мнения, официальной идеологии.

Доктрина С.С. Уварова изначально имела структуру национально-государственной идеологии и включала в себя, соответственно, две одинаково зна-

чимые и взаимосвязанные идеи: национальную и государственную. Однако такая постановка вопроса наибольшую эффективность приобретала именно в центральной части России, в пределах так называемой Великороссии, вступая, при этом, в противоречие с полиэтничностью Российской империи. Концепция «официального национализма», создаваемая в рамках укрепления имперского абсолютизма, заставляла правительство реализовывать идеологическую программу во многом через унификацию империи и культурную интеграцию населяющих ее нерусских народов.

Своеобразным опорным пунктом этой политики становились западные губернии. Объединение славянских народов этого края с великороссами в единую русскую нацию должно было в значительной степени способствовать расширению базы идеологического влияния в пределах империи. Деятельность правительства в этом регионе распадается на три отдельных, но взаимосвязанных направления, условно совпадающих с уваровской триадой: укрепление позиций православной церкви, усиление государственного контроля путем полной интеграции административной и образовательной систем края в общеимперские и расширение влияния русского образования, направленного на создание единой русской народности. Деятельность министерства просвещения в Западном крае сводилась главным образом к противостоянию русского влияния польскому и римско-католическому, которые, по мнению правительства, выступали не только источником идей сепаратизма, но и активно участвовали в репрезентации западноевропейских политических учений.

Непосредственно в Царстве Польском С.С. Уваров склонен был действовать более осторожно, в отличие от польского наместника И.Ф. Паскевича и самого Николая I, пытавшихся решать вопросы административными и силовыми мерами. По мнению министра просвещения, нравственное сближение поляков с русскими в Царстве приобретало большее значение, чем сближение политическое, и должно было предшествовать последнему. Тем не менее, в данном регионе увеличивалась роль именно политических факторов, которым оказались подчинены попытки культурной ассимиляции поляков. Они были направлены на подавление идей польского национального сепаратизма и формирование верноподданнических чувств к имперской власти. Принадлежность России, пользование ее покровительством, соблюдение всех обязанностей русских верноподданных объявлялось единственным гарантом спокойного существования и стабильного развития региона. Политика в образовательной системе Царства также была интегрирована в общеимперскую систему. Однако С.С. Уваров пытался сочетать польские и русские элементы, не торопясь вытеснять первые последними. В частности, долгое время сохранял свое значение во всех сферах жизни общества польский язык.

Наиболее явственно несостоятельность политики русификации проявилась в Остзейском крае. Местное дворянство активно противодействовало любым попыткам министерства просвещения вмешаться в процесс развития образовательной системы края. Постепенно С.С. Уваров отходил от идеи исключительно умственного слияния двух народов, полагаясь больше в этом вопросе на усиление роли в регионе центральной власти.

Национальная политика правительства (особенно в Царстве Польском и Остзейском крае) сыграла значительную роль в развитии государственной идеи. В процессе противостояния местным элитам С.С. Уваров все больше ру-

ководствовался именно имперскими категориями. В результате уваровская триада распадалась, и наиболее продуктивным оставался принцип самодержавия.

В 1847 г., под впечатлением раскрытия Кирило-Мефодиевского общества [11], сочетающего панславистские идеи с ярко выраженным украинофильством, для правительства актуализировалась проблема противостояния идеи общеимперского единства чисто национальному патриотизму, который за пределами центральных губерний приобрел явно двоякий смысл. Начинает более отчетливо пропагандироваться идея собственно имперского патриотизма, в которой понятие отечества тесно переплеталось с империей. Такой подход несколько размывал значение триады С.С. Уварова, однако способствовал оформлению на ее фоне действительно общеимперской идеологии.

События 1848-49 гг., произошедшие в Европе, остановили процесс идеологического творчества, сделав наиболее приоритетными ограничительные и репрессивные меры. Идеи «официальной народности» не утратили совсем своего значения, но возможность диалога власти и общества стала еще более затруднительной.

С целью обеспечения незыблемости самодержавия император считал необходимым сохранять существующее сословное разделение. В его царствование были приняты меры по ограничению доступа лиц из непривилегированных сословий к высшему образованию. Однако правительство не ставило перед собой заведомо недостижимой цели создания строго сословной школы. Сословия в России никогда не имели характера замкнутых каст. Несмотря на введение ряда сословных ограничений, продолжался процесс размывания сословной структуры, лежавшей в основе общественных отношений.

В стране среди высших учебных заведений университеты выделялись «демократичным» составом студенчества. Желая уберечь страну от каких бы то ни было революционных поползновений, правительство изменило ход дальнейшего развития образовательной политики. Университеты, как очаги вольнодумности, были поставлены на грань закрытия. Решением правительства от 30 апреля 1849 г. число студентов в каждом из шести университетов страны повелевалось сократить до трехсот человек. Однако вскоре правительство пошло на попятную, отменив нелепые ограничения. Позднее были созданы ряд новых университетов в Казани, Харькове, Варшаве.

Особое внимание Николай I уделял развитию специального, инженерно-технического и военного обучения. При его непосредственном участии был открыт целый ряд замечательных учебных заведений. Император ориентировался на лучшие мировые образцы и не скупился на затраты, когда был убежден в их реальной пользе. Он многое сделал для того, чтобы поднять качество образования, обеспечивая его материально-техническую и финансовую базу. Декларативная риторика образования в духе идей века Просвещения во время царствования Николая I постепенно приобретала ярко выраженную практическую направленность.

Реорганизация системы образования, проведенная в период царствования Николая I, оказалась довольно прочной. В последующем некоторые из ее основополагающих принципов даже перешли в советскую систему образования, где были сохранены лучшие образовательные стандарты, централизация государственного управления школой всех ступеней в сочетании с ведомствен-

ной принадлежностью и спецификой профессионального образования. В этом заключалась национальная ценность будущего российского образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 87813, л. 224 об. - 225.
2. См.: Сборник постановлений по министерству народного просвещения. – СПб., 1862.
3. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925.
4. Российские самодержцы. – М.: Международные отношения, 1985. – С. 138.
5. См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. Примечания Ю.С.Пивоварова.
6. См.: Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. // Река времен. Книга истории и культуры. – М., 1995. Кн. 1.
7. Ростовцев Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утвержденное 24 декабря 1848 г. — СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1849. — С. 34-35.
8. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925. – С. 15.
9. Пресняков А.Е. Указ. соч. – С. 15.
10. Никитенко А.В. Дневник. – Л., 1955. – Т. 1. – С. 141.
11. См.: «Мнение» о Кирило – Мефодиевцах гр. Орлова, поданное им императору Николаю // Наше минуле. Журнал історії, літератури і культури. 1918. №2; Доклад графа С.С. Уварова императору Николаю I // Там же; Об украинско - славянском обществе (из бумаг Д.П. Голохвастова) // Русский архив. 1982. № 7.

A. Zavrazhin

THE THEORY OF “OFFICIAL NATIONALITY» AND EDUCATION SYSTEM REORGANISATION IN RUSSIA

In A.V.Zavrazhina's clause are a question of reorganization of an education system in Russia during Nikolay's I reign, in 20- 40th years of XIX century. The theory has been put in a basis of imperial policy «An official nationality», which kernel was made with an ideological triad of a monarchy - orthodoxy, autocracy, a nationality. The theory had the purpose to subordinate all system of education in the country to will of the monarch to avoid an opportunity of revolutionary shocks in Russia; to carry out a policy of russification in all subordinated territories and to enter imperial patriotism as the main element of ideology of autocracy in education of Russian young men.

Key words: «official nationality»; ideological triad of a monarchy; Orthodoxy, autocracy, nationality; the concept of “official nationalism»; a policy of russification; imperial patriotism.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ 1860-НАЧАЛО 1900 гг.)*

В России, начиная с 1860-х годов, общественное движение в области просветительства приобрело широчайший размах. В разных губерниях вели оживленную работу отдельные частные лица и «кружки», объединившие энтузиастов. В ряде случаев деятельность общественности выходила на первый план, превосходя государственную инициативу. Поэтому особый интерес представляет деятельность обществ, их включение в решение проблем в сфере образования и культуры. В статье «Участие общественных организаций в просветительной деятельности в провинции (на примере Нижегородской губернии 1860-х - нач. 1900 гг.)» рассматриваются общества просветительного направления деятельности, работавшие в Нижегородской губернии, а также методы и формы их работы.

Ключевые слова: просветительская деятельность, общественные организации, Нижегородская губерния, пореформенный период.

С падением крепостного права в сознании интеллигенции укрепилась идея о выполнении «долга» перед народом. Уплату этого долга она видела в просветительстве [1] и распространении образования, повышении уровня культуры населения. Общественное движение в области просветительства приобрело широчайший размах. В разных частях России вели оживленную работу отдельные частные лица и «кружки», объединившие энтузиастов. В ряде случаев деятельность общественности выходила на первый план, превосходя государственную инициативу. Поэтому особый интерес представляет деятельность обществ, их включение в решение проблем в сфере образования и культуры.

Задача нашей работы – выявить общественные организации, которые участвовали в просветительной деятельности, определить формы и методы их работы на примере обществ, действовавших во второй половине XIX – начала XX веков в Нижегородской губернии.

Исследователи, как правило, классифицируют общественные организации по основному направлению их деятельности: благотворительные, сельскохозяйственные, научные, просветительские и прочее. Такая классификация представлена как в работах XIX, так и начала XX века (Фон Плато К.Г., Ильинского К., Чарнолуского В.И. Роговина Л.М. [2]), а также у современных исследователей (Степанского А.Д., Соболевой О.Ю., Тумановой А.С., Хаченьяна А.Л. и других). Такой подход очевиден: он позволяет разделить общества на однородные группы по основному направлению деятельности. Недостатком таких классификаций является то, что они не учитывают тот факт, что общественные организации часто преследовали несколько целей. Поэтому выделить главную из них часто бывает сложно. Так, благотворительные общества параллельно с материальной помощью решали и другие, в том числе, просветительские задачи, а просветительные общества оказывали материальную помощь и

* © Капранова Е.Г.

занимались научной работой.

До 1970-х гг. в отечественной историографии просветительная деятельность неполитических общественных организаций практически не рассматривались. В 1970-х–1980-х гг. вышел ряд работ, посвященных дореволюционным общественным организациям, в которых рассматривались вопросы классификации обществ, направления их деятельности, социальный состав и прочее [3].

С 1991 года неполитические общественные организации стали объектом пристального внимания многих исследователей, наметился региональный подход к исследованию деятельности обществ [4].

Большую группу составляли общества, основной уставной задачей которых было распространение знаний и культуры среди широких слоев населения. Они имели различные названия: Комитеты грамотности, общества распространения образования, разумных развлечений, распространения книг. Первыми стали Московский и Петербургский комитеты грамотности, открытые в 1861 году. В 1898 году таких обществ насчитывалось уже 135. Через пять лет – примерно 200 [5].

Просветительные общества возникли по территории России неравномерно: в частности, центральные районы значительно уступали южным. Абрамов указывает (кроме столичных) лишь четыре просветительные общества, работавшие в провинции в 1896 году: Нижегородское общество грамотности (Общество распространения начального образования в Нижегородской губернии), Орловский комитет народных чтений, Тамбовское общество народных чтений, Верхотурское общество попечения о народном образовании [6].

На рубеже XIX – XX веков в провинциальных городах России с расширением круга творческой интеллигенции возникла группа культурно-просветительных обществ (литературных, музыкальных, художественных), которые занималась пропагандой культуры и искусства.

На территории Нижегородской губернии действовали Нижегородское отделение Императорского русского музыкального общества (1873 г.), Драматическо-музыкальный кружок (1885 г.), Кружок любителей хорового пения (1888 г.). Культурно-просветительные общества вели широкую просветительную работу, решая важную задачу – повышение уровня культуры населения.

Наиболее многочисленной на рубеже XIX–XX веков являлась группа попечительно-просветительных обществ. Они существовали в форме обществ вспомоществования и касс взаимопомощи. «Грань между ними порой трудноуловима: кассы ограничивались чисто материальной взаимопомощью, а общества далеко не всегда практиковали взаимопомощь духовную» [7]. Эта группа обществ была самой разносторонней по масштабам своей деятельности. В 1897 году в России насчитывалось 1690 таких организаций, в период первой русской революции имелось уже до 4,5 тысяч подобных обществ [8]. Эти организации нередко называют благотворительными, так как они предоставляли ссуды и оказывали другую материальную поддержку своим членам [9].

До 1890-х гг. в России существовали единичные учительские общества, представлявшие собой фактически ссудо-сберегательные кассы с очень узким кругом задач. С 1890-х гг. в России началось движение за создание обществ взаимопомощи учащихся, которые, наряду с материальной поддержкой, предлагали учителю профессиональную помощь. Эта помощь заключалась в орга-

низации библиотек для сельских учителей, проведение лекций, льготное получение газет и лекарств. Денежные ссуды учителя также зачастую тратили для поездки в город с целью участия в учительском съезде, встреч с коллегами, посещения выставок и библиотек. Возвращаясь из таких поездок, учителя часто внедряли в своих школах новые формы образования, организовывали библиотеки для учеников при школах, брали на себя обязанности по распространению книг с книжных складов.

До 1890 года было известно всего о 4-х обществах вспомоществования учителям, работавших в России. В 1890–1892 гг. прибавилось еще 5. В 1893–1895 гг. их количество возросло до 14. В 1896–1898 – 28. В 1899 – 1902 на территории страны насчитывалось 200 таких обществ [10].

В Нижегородской губернии Общество вспомоществования учителям и учительницам возникло в 1894 году. На время проведения учительских курсов, лекций и съездов общество представляло бесплатные квартиры учителям: «кровать, матрац, пользование самоваром и чайной посудой» [11]. Неприхотливых в быту учителей столь скромные условия проживания устраивали, и они охотно пользовались такими квартирами. В течение одного только 1904 года подобными квартирами воспользовались примерно 200 человек [12].

С 1895 по 1904 гг. общество начало организовывать систематические публичные лекции по истории для сельских учителей. Их проводили профессора Московского университета И.И. Иванов и П.Н. Милюков. Именные билеты (150 шт.) были бесплатными, другие очень дешево стоили.

В 1895 году на средства общества начали формироваться передвижные библиотеки для учителей сельских школ. Их значение было огромно: «...Культурные одиночки в деревне – учителя и учительницы, оторванные от умственных центров и заброшенные в глушь, лишены бывают всякой возможности добыть новую и полезную книжку. Для них является благодеянием всякая, даже малая, помощь в этом направлении» [13]. В 1903 году таких библиотек было 16. В них числилось 2006 томов книг 1152 названий [14].

Общества вспомоществования ученикам чаще всего курировали одно учебное заведение. Позднее появились общества, распространившие свою деятельность на группу начальных учебных заведений одного города. Таким обществом в Нижегородской губернии стало Общество для пособия учащимся в начальных народных училищах.

Большое значение придавалось материальной поддержке учеников. Нуждающимся предоставлялись стипендии на обучение, квартиры и общежития. Они снабжались одеждой и обувью. Без подобной поддержки многие ученики вынуждены были бы бросить обучение. Кроме этого, ряд учеников получал учебники и пособия бесплатно или по льготной цене. При училищах создавались библиотеки, которыми пользовались как преподаватели, так и учащиеся.

Значимой формой работы этих обществ стала организация летних колоний для больных и ослабленных учеников. Впервые такие колонии были созданы по частной инициативе в Варшаве (1881 г.). Положительный зарубежный опыт уже в следующем году был апробирован в России. К 1892 году в империи насчитывалось шесть детских колоний: три в Московской губернии, по одной в Смоленской, Орловской и Ярославской губерниях [15].

Крупные расходы общества падали на содержание ученических квартир,

которые нанимались у частных лиц. С этими учениками дополнительно занимались приглашенный репетитор либо преподаватель училища. В дальнейшем общества стремились построить здания общежитий, в которых ученики училища могли проживать на льготных условиях. Часто при общежитиях работал медицинский кабинет, столовая и библиотека.

Деятельность обществ вспомоществования помогала получению образования для большого числа учащихся. Кроме того, для учеников создавались условия для получения дополнительных знаний в библиотеках, на лекциях и чтениях, которые они могли посещать бесплатно.

Все вышеперечисленные организации можно отнести к обществам, осуществлявшим просветительную деятельность. Эти общественные организации, вне зависимости от того указано ли было в уставных целях просветительство, содействовали повышению культуры населения, приобщения к разным формам просветительной деятельности.

Методами и формами просветительной деятельности обществ стали публичные выступления в форме народных чтений, лекций, праздников для детей и взрослых; распространение книг через книжные склады, открытие временных и постоянных библиотек; открытие учебных заведений.

Самым распространенным методом просветительной деятельности стали народные чтения. Однако при их организации и проведении общества столкнулись с рядом трудностей. Лекторы обществ не могли самостоятельно определять тематику чтений, поскольку она была строго регламентирована МНП. Каталог произведений, разрешенных для прочтения, включал лишь 141 брошюру. По тематике они распределяются следующим образом: книг духовного содержания – 38; исторического и географического содержания – 46; биографии – 7; литературного содержания – 24; естествоведения – 15; разного содержания – 11. Всего – 141 книга [16]. Однако «предписанных тематик» было явно недостаточно для удовлетворения интересов слушателей, круг которых постоянно расширялся. Устный пересказ и личные пояснения не допускались [17]. Для проведения чтений требовалось одобрение местного административного, духовного и учебного начальства [18]. Отсутствие оборудованных для чтений просторных помещений вынуждало использовать манежи, открытые площадки, частные дома и прочие случайные аудитории [19]. Тем не менее, народные чтения стали необходимым толчком для продолжения образования в школах для многих слушателей.

Литературные праздники для детей и тематические лекции для взрослых появились чуть позже. Они проходили реже, чем чтения, но свою просветительную задачу выполнили. Их организаторами делалась ставка на читающую публику. Лекции были тематические: сельскохозяйственные, медицинские, географические, исторические. Они были ориентированы на слушателя, освоившего программу хотя бы начальной школы, поэтому большой процент посетителей составляли учащиеся [20].

Для детей дошкольного и младшего школьного возрастов большой познавательный интерес вызывали детские «утра», на которых в доступной и легкой для детского восприятия форме давались знания по русской литературе и истории.

У взрослых успехом пользовались литературные праздники, посвященные дням рождения русских поэтов и писателей. Средства, собранные на этих

мероприятиях, шли на организацию закупку книг для библиотек-читален [21].

Другим методом просветительной деятельности было распространение в народе книг. Общество распространения начального образования открыло книжный склад в Нижнем Новгороде, имевший филиалы в разных частях губернии, количество которых к началу XX века дошло до двухсот. Склады комплектовали тематические библиотеки, которые рассылались в школы и продавали книги в розницу. Важной формой деятельности обществ стала организация библиотек-читален. Они поддерживали устойчивый интерес к обучению у молодого населения, разнообразили досуг взрослых, став средством отвлечения части населения от пьянства и карточных игр. Особое значение библиотеки-читальни приобрели в деревне: грамотное население перечитывало все имеющиеся книги не один раз. Неграмотная часть населения знакомилась с книгой опосредованно, через читающих родственников, чаще всего – детей [22].

К началу XX века в Нижегородской губернии насчитывалось в общей сложности около 40 общественных организаций. Среди них удалось выделить 12 обществ, осуществлявших просветительную деятельность.

Таблица 1

Общества просветительного направления деятельности 1860-1905 гг.

№	Название	Основное направление деятельности	Формы участия в просветительной деятельности
1	Общество распространения начального образования (грамотности)	просветительское	организация народных чтений, открытие и содержание библиотек-читален и книжных складов
2	Отдел Императорского русского музыкального общества	культурно-просветительное	организация концертов, праздников; материальная поддержка учеников
3	Драматическо-музыкальный кружок	культурно-просветительное	организация публичных музыкальных выступлений
4	Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии	попечительско-просветительное	материальная поддержка учителей, организация лекций и семинаров, льготное обеспечение книгами и периодическими изданиями
5	Общество для пособия учащимся в начальных народных училищах	попечительско-просветительное	снабжение учебниками и пособиями; комплектация библиотек; организация концертов и праздников
6	Общество поощрения высшего образования	попечительско-просветительное	материальная поддержка учеников при получении высшего образования

7	Общество вспоможения бедным ученикам реального училища	попечительно-просветительное	снабжение учебниками и пособиями;
8	Общество вспомоществования бедным ученицам Мариинской женской гимназии	попечительно-просветительное	организация концертов и праздников
9	Общество вспомоществования бедным ученицам 1-ой женской гимназии	попечительно-просветительное	комплектация библиотек;
10	Общество вспомоществования бедным ученицам 2-ой женской гимназии	попечительно-просветительное	организация концертов и праздников
11	Общество вспомоществования бедным ученицам гимназии Т.Е. Хреновской	попечительно-просветительное	
12	Общество вспомоществования нуждающимся ученикам в городских училищах Н.Новгорода	попечительно-просветительное	

Итак, общества начали активно вести просветительную работу уже с 1860-х гг. Своими силами и на свои средства они включились в решение давно назревших вопросов просветительства взрослого населения, поднятия культурного уровня народа. Реакция правительственных чиновников на деятельность общественных сил была неоднозначной. С одной стороны, просветительная деятельность обществ не противоречила общему направлению образовательной политики государства, однако она же вызывала серьезные опасения: под видом образовательных мероприятий могла быть организована революционная пропаганда. Выход был найден в жестком контроле просветительной деятельности с момента ее возникновения и на всех этапах существования.

За тридцать лет, до начала XX века, количество обществ, осуществлявших просветительную деятельность в Нижегородской губернии выросло с одного до двенадцати. Увеличилось число их членов. Так, в обществе вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии состояли свыше 55 % всех народных учителей Нижегородской губернии.

Приведем некоторые цифры, характеризующие охват населения различными формами просветительной деятельности: за двенадцать лет (1883-1895 гг.) в одном только Нижнем Новгороде народные чтения посетили свыше 80 тыс. человек, причем 20 тыс. из них – бесплатно. В уездах Нижегородской губернии количество чтений за тот же период выросло с 3 до 90 в год [23]. За пятнадцать лет существования обществом поощрения высшего образования было выдано 27 188 рублей ссуд. С 1892 по 1902 год количество учеников, получающих пособие от Общества для пособия в начальных народных училищах, выросло с 161 до 460 человека [24].

Просветительная деятельность обществ подготовила успех земств в распространении начального образования, внесла свой вклад в развитие духовной жизни населения губернии. Деятельность обществ охватила широкие массы населения губернии всех возрастов. Просветительная деятельность обществ стала самостоятельным направлением в русле просветительной работы конца XIX – начала XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Просветительство – деятельность, направленная на распространение знаний и повышение культуры населения, приобщения его разным формам просветительной деятельности.
- 2 Положения о частных обществах, учрежденных с разрешения министров, губернаторов и градоначальников. Рига. 1903; Ильинский К. Частные общества. Рига. 1913; Чарнолуский В.И. Учительские организации в России. М., 1908; Роговин Л.М. Законы об обществах, союзах и собраниях. СПб. 1912; Абрамов Я.В. Хроника народного образования // Русская школа. 1894. № 5–6; Браве Я. Попечительства о народной трезвости. // Трудовая помощь. 1900. № 5–6; Белоконовский И.П. Просветительные общества и учреждения на ярославской выставке. // Русская школа. 1904. № 2; Де-ля-Фосе А. Просветительное дело // Исторический вестник. 1898. № 9; Тютрюмова А.М. О деятельности обществ народного образования в России. Новгород, 1899. № 8; Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892-1893 гг. СПб., 1894; Нейдинг И. Медицинские общества в России. М., 1897; Чарнолуский В.И. Учительские организации в России. М., 1908. С. 69; Гациский А.С. Школьное дело в Нижегородском Поволжье. Казань, 1873; Вахтеров В. Народные чтения // Русская школа. 1896. № 9–12.
- 3 Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв: Пособие по спецкурсу. М., 1986; Он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980; Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972.
- 4 Любушкина Е.Ю. Общественные организации Ставропольской губернии и Кубанской области в период с 1860-х гг. по октябрь 1917 год. Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004; Добрынина А.М. Неполитические общественные организации Владимирской области Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000; Туманова А.С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в начале XX в. (1900–1917). Дис.... канд. ист. наук. Воронеж, 1996; Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX XX вв. Дис.... канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Тимченко В. А. Деятельность южнороссийских благотворительных обществ, заведений, братств и попечительств во второй половине XIX века. На материалах Дона, Кубани и Ставрополья. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2004.
- 5 Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1. М., 1907. С. 279–287.
- 6 Русская школа. 1896. №11. С. 79.
- 7 Т.П. Коржихина А.Д. Степанский. Из истории общественных организаций // Историки спорят. М., 1989. С. 406.
- 8 Чарнолуский В. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 131.
- 9 Благотворительные учреждения Российской империи. Тт. 1–3. СПб., 1900. Благотворительность в России. Тт. 1–3. СПб., 1907.
- 10 Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. М., 1912. С. 116.
- 11 Отчет VII очередному собранию членов общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1900 г. Н. Новгород, 1901. С. 9.
- 12 Отчет правления общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1904 г. Н. Новгород, 1906. С. 4.
- 13 IV отчет общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии с 1 мая 1896 года по 1 января 1898 года. Н. Новгород, 1898. С. 11.
- 14 Итоги деятельности общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 10 лет существования его 1894–1904 гг. Н. Новгород, 1905. С. 31-32.
- 15 Отчет правления общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии за 1904 г. С.4.
- 16 Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. С. 168.
- 17 Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. С.169.
- 18 ПСЗРИ. Собр.3-е. Т. XIV. СПб. 1898. С. 596.
- 19 Отчет общества распространения начального образования в Нижегородской губернии за 1896 г. Н. Новгород, 1894. С. 38.
- 20 Труды секции гигиены, воспитания и образования за 1900 г. Н. Новгород, 1901. С. 4.
- 21 Отчет Совета общества распространения начального образования в Нижегородской губер-

- нии и Комитета по постройке здания народного театра за 1901 г. Н. Новгород, 1902. С. 100, 101.
- 22 Краткий очерк развития начального образования в Нижнем Новгороде. Отчет о состоянии начальных училищ в Нижнем Новгороде за 1899 г. Н. Новгород, 1900. С. 76.
- 23 Краткий очерк развития начального образования в Нижнем Новгороде. Отчет о состоянии начальных училищ в Нижнем Новгороде за 1899 г. С. 5.
- 24 Семнадцатый годовой отчет правления общества для пособия учащимся в начальных народных училищах г. Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1909. С. 9.

E. Kapranova

THE ACTIVE PARTICIPATION OF SOCIAL ASSOCIATIONS IN ENLIGHTENMENT ACTIVITY (BY THE EXAMPLE OF NIZHEGORODSKAY GOVERNMENT IN 1860S – AT THE BEGINNING OF 1900S).

The social movement in Russia in the field of enlightenment has extended since 1860s. There was bright work of individual enthusiasts and groups of them in various governments. In some cases social activities anticipated the state`s initiative. That`s why the activity of associations, involving of them in the sphere of educational and cultural problems represents particular science interest. The article «The active participation of social associations in enlightenment activity (by the example of Nizhegorodskay government in 1860s – at the beginning of 1900s)» is devoted to enlightenment-oriented associations in Nizhegorodskay government, their methods and forms of activity.

Key words: educational activity, public organisations, the Nizhniy Novgorod province, post reform period.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЕКАТЕРИНинСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 80-Х – 90-Х гг. XIX в.*

В настоящей статье показана историческая необходимость сооружения Екатеринбургской железной дороги. Подробный анализ начального этапа ее становления и развития в эпоху императора Александра III, с 1881 по 1894 г., приводит к глубокому осмыслению, как вскоре после своего открытия данной железнодорожной магистрали удалось стать важнейшей экономической артерией России.

Ключевые слова: Александр III, железнодорожное строительство, Екатеринбургская железная дорога, эксплуатация.

Необходимость в удобных и быстрых путях сообщения возникла гораздо раньше, чем удалось проложить в этом крае Екатеринбургскую железную дорогу. Еще в начале 1870-х гг. местный землевладелец А.Н. Поль, обнаруживший близ местечка Кривой Рог богатые залежи железной руды и образовавший для ее разработки акционерное общество, неоднократно обращался к российскому правительству с ходатайством о строительстве железной дороги. Однако из-за возникших сомнений по поводу ее доходности, ходатайства, в которых Поль предрекал блестящее будущее своему краю, были отклонены [1].

Вместе с тем природные богатства данной местности обусловили настоятельную потребность в железнодорожном строительстве. По этому поводу от представителей Екатеринбургского губернского земского собрания в правительство Александра II поступило новое ходатайство, которое было, наконец, удовлетворено. Проект железнодорожного пути, высочайше утвержденный 22 апреля 1875 г., предполагал строительство двух отдельных участков: от станции Хацепетовки Донецкой железной дороги до ст. Синельниково Лозово-Севастопольской железной дороги и от г. Екатеринослава через Кривой Рог до ст. Казанка Харьковско-Николаевской железной дороги [2].

Военные действия 1877-1878 гг. помешали реализации намеченных планов. И лишь в 1880 году российскому правительству представилась возможность вновь вернуться к рассмотрению проблем, связанных с сооружением железных дорог очереди 1875 г. То обстоятельство, что преимущественное внимание было обращено на Криворожскую [3] и Баскунчакскую железные дороги, объясняется неурожаем, постигшим некоторые южные и восточные российские губернии. Было решено прийти на помощь голодающему населению посредством организации общественных работ в пострадавших районах [4]. Так возникшая в правительственных сферах идея о возвращении к сооружению железных дорог за счет государственных средств стала приобретать вполне осязаемые формы [5].

22 января 1881 г. министр путей сообщения К.Н. Посыет внес в Комитет министров записку № 994 (по Департаменту железных дорог), в которой находился проект положения о Временном управлении по постройке Криворожской и Баскунчакской железных дорог распоряжением правительства [6].

* © Тестов В.Н.

Затем, при рассмотрении в Комитете министров 27 января и 3 февраля 1881 г. вопроса о постройке Криворожской и Баскунчакской железных дорог средствами казны, министр финансов А.А. Абаза, указывая на существовавшее в то время крайне неудовлетворительное состояние хозяйства в громадном большинстве железнодорожных компаний, высказался за необходимость испытать еще раз казенный способ сооружения железных дорог. Причем первым опытом применения данной системы и была бы постройка двух названных линий непосредственным распоряжением казны [7]. Данное положение Комитета министров с учетом некоторых изменений и дополнений было высочайше утверждено 20 февраля 1881 г. [8].

Выписка из журнала Комитета министров 10 и 24 февраля 1881 г. свидетельствует о том, что «постройка Криворожской и Баскунчакской железных дорог производится под главным руководством министра путей сообщения, который действует при этом через посредство особого Временного управления» [9]. Временное управление в пределах сего положения и особо данной ему инструкции (11 июля 1881 г.) пользуется в отношении делопроизводства теми же правами и несет те же обязанности, какие имеет Департамент и Технический инспекторский комитет железных дорог [10]. Временное управление составляют: председатель, 4 представителя от МПС и по одному – от Минфина и Министерства внутренних дел [11].

В начале 1880-х гг. параллельно железнодорожному строительству началось постепенное огосударствление частных железных дорог за счет казны, поступавших после их выкупа в государственное управление. Генерал-адъютант К.Н. Посьет вновь обратился в Комитет министров с запиской № 2199 (по Временному управлению по постройке Криворожской и Баскунчакской железных дорог) о передаче заведывания эксплуатацией казенных железных дорог этому же управлению [12]. Казенные железные дороги, входя в общую железнодорожную сеть, должны состоять в прямом сообщении как по пассажирскому, так и по грузовому движению с частными дорогами, подчиняться всем ныне существующим на сей предмет правилам и конвенциям. Участвовать на Съездах, как общих, так и частных и специальных по разбору претензий через посредство своих представлений [13]. На основании высочайше утвержденного 15 октября 1882 г. положения Комитета министров данное управление было переименовано во Временное управление казенных железных дорог [14]. Отчеты по эксплуатации железных дорог, заведываемых Временным управлением, представлялись ежегодно министрам путей сообщения, финансов и Государственному контролеру [15].

Для ревизии за строительными операциями, согласно положению, учреждался на месте особый контроль. Этим законодательным актом и было положено начало особым железнодорожным контрольным частям, которые образовывались затем по мере сооружения казной новых дорог. Сверх общих прав и обязанностей, им предоставлялось право производить предварительные ревизии отпускаемых на строительство государственных средств и фактическая проверка строительных работ и материалов [16]. Устройство и порядок производства ревизии были определены для контрольных частей на дорогах, строившихся под руководством МПС, временными правилами о контрольной проверке операций по постройке казенных железных дорог, выработанными в Госконтроле и утвержденными им же по соглашению с министром путей сооб-

щения 28 марта 1883 г. [17].

В 1882 г. госконтролер Д.М. Сольский в своем отчете императору Александру III указывал, что все предпринятые Госконтролем мероприятия к устройству на железных дорогах действительного правительственного надзора за эксплуатационным их хозяйством не получили до сих пор практического применения вследствие оказываемых Министерством путей сообщения препятствий [18]. По сооружению Екатерининской железной дороги допущены ошибки и недосмотры, сопровождавшиеся денежным ущербом для казны. По мнению Сольского, было бы желательным постоянное присутствие Временного управления на строительных объектах [19]. Весьма крупной ошибкой, по представлению госконтролера, было вновь избранное направление конечных пунктов дороги. При окончательном установлении направления Криворожской железной дороги по высочайше утвержденному 19 июня 1881 г. положению Комитета министров, первоначально избранное ее направление в связи с результатами дополнительных технических изысканий было существенно изменено. Восточный участок главного пути вместо ранее запланированной ст. Хацепетовки начинался от ст. Ясиноватой, а западный примыкал к Харьковско-Николаевской железной дороге несколько севернее, чем предполагалось раньше (у ст. Долинской вместо ст. Казанки) [20].

Признавалось неудачным разрешение вопроса о ее пропускной способности, необходимость внесения изменений в порядок заключения договоров строительной администрации с различными подрядчиками и поставщиками [21].

«С целью устранения происходящих отсюда убытков, Госконтроль предлагал МПС препровождать проекты договоров и условий на предварительное рассмотрение местного контроля дорог. Однако Министерство отклонило это предложение, находя, что оно стеснило бы самостоятельность начальников работ. Тем не менее, не могу не засвидетельствовать, что сооружение рельсовых путей непосредственным распоряжением казны, по сделанному до сего времени опыту, оказалось вообще предпочтительнее способа концессионного и должно быть признано более ограждающим интересы государства, как в отношении качества сооружений, так и в отношении стоимости» [22]. В отчете отмечалась излишняя роскошь в строительстве некоторых сооружений. По этому поводу уместно привести суждение А.И. Чупрова: «На казенных дорогах, строящихся ведомством путей сообщения, стремление к роскоши в сооружениях играет, к сожалению, очень заметную роль, возвышая стоимость пути на значительный процент» [23].

На данные замечания в ноябре 1883 г. министр путей сообщения К.Н. Посыет в своем объяснении № 48 (секретное) императору Александру III привел веские аргументы в пользу целесообразности предпринимаемых правительственных мероприятий по сооружению Екатерининской железной дороги. В частности, было отмечено, что «порицать выбор конечных пунктов этой дороги, после того как он всесторонне был рассмотрен Комитетом министров при участии самого госконтролера и удостоен Высочайшего одобрения, и называть такой выбор крупной ошибкой МПС, не только неосновательно и ошибочно, но, кажется, и неуместно во всеподданнейшем Государю Императору отчете. Тем более что Госконтролю вовсе не подлежит решение вопроса о пропускной способности какой-либо дороги; и что сделанное МПС предложение присылать все проекты договоров и условий на предварительное заключение местного

контроля – незаконно и в данном случае совершенно неудобноисполнимо» [24]. Потому как открылось бы широкое поле пререканиям и разномыслиям между местным контролем и начальниками работ, – и тогда живое строительное дело могло бы совсем остановиться и причинить казне невознаградимые потери. Иное дело – допустить участие Госконтроля в составлении нормальных условий с подрядчиками. Такие условия уже составлены и сообщены Временным управлением на заключение Госконтроля еще в апреле 1883 г. [25].

Сооружение Екатерининской железной дороги осуществлялось в течение трех лет, с мая 1881 г. по май 1884 г., под руководством министра путей сообщения, распоряжением Временного управления и подведомственного ему начальника строительства при участии Госконтроля в ревизии строительных операций [26]. В 1882 г. Криворожская железная дорога по высочайшему повелению была переименована в Екатерининскую, в честь императрицы Екатерины II, в правление которой к России был присоединен Новороссийский край [27].

Дорога прокладывалась от востока к западу по Екатеринославской и Херсонской губерниям и состояла из двух отдельных участков [28]. Восточный участок располагался от ст. Ясиноватая Донецкой железной дороги до ст. Синельниково Лозово-Севастопольской железной дороги (207 верст) с двумя ветвями. Юзовская ветвь пролегла от ст. Авдеевка Екатерининской железной дороги до ст. Юзова Донецкой железной дороги (13 верст). Соединительная ветвь – между ст. Синельниково и постом № 2 на восточном участке Екатерининской железной дороги (2,5 версты) [29].

Западный участок главного пути простирался от ст. Нижнеднепровск Лозово-Севастопольской железной дороги до ст. Долинская Харьково-Николаевской железной дороги (227 верст) [30] с тремя ветвями: Кайдакская – от ст. Екатеринослав к пристани на берегу реки Днепра у селения Кайдаки (4 версты); Каменская от ст. Запорожье до шпального завода на берегу реки Днепра – ст. Тритузная (9,7 верст); Саксаганская – от ст. Кривой Рог (впоследствии ст. Долгинцево) до ст. Саксагань (ст. Карнаватка), протяженностью 7,4 верст [31], соединявшая главный путь с железными рудниками.

Эксплуатационная длина Екатерининской железной дороги вместе с ветвями составила 471 версту [32]. Оба участка главного пути – западный и восточный – соединились железнодорожной ветвью Лозово-Севастопольской железной дороги Екатеринослав – Синельниково (42 версты), по которому на основании особого соглашения, заключенного Временным управлением с правлением общества Лозово-Севастопольской железной дороги, началось прямое сообщение поездов [33]. Эта линия была присоединена к Екатерининской железной дороге 1 января 1895 г. после состоявшегося в 1894 г. перехода в казну Лозово-Севастопольской железной дороги [34].

Для соединения западного участка с оконечностью Синельниковской ветви Лозово-Севастопольской железной дороги, расположенной на противоположной стороне Днепра, был построен замечательный по своей величине двухъярусный мост, отличившийся той особенностью, что экипажная езда осуществлялась в верхнем ярусе, а паровозное движение – в нижнем [35]. В целом на сооружение Екатерининской железной дороги было израсходовано 21 466 667 руб. или 45 576 руб. на версту. Стоимость Днепровского моста составила 2 633 333 руб. [36] Эти результаты были значительно дешевле стоимости

концессионных железных дорог [37]. Екатерининская железная дорога была открыта 18 мая 1884 г. [38]

Несмотря на большие сомнения в выгодности ее эксплуатации, всего за 7,5 месяцев валовый доход составил 735 831 руб., а чистый – 24 150 руб. [39]. По мнению Госконтроля, сумма эта сравнительно с высокой стоимостью дороги представляется совершенно ничтожной. Тем не менее факт ее получения нельзя считать лишенным значения, учитывая неизбежность неустройств и затруднений на начальном этапе движения, вредно отразившихся как на сумме эксплуатационных расходов, так и на доходности дороги [40].

В 1885 г. чистый доход дороги составил 307 945 руб. [41], в 1886 г. – 390 226 руб. [42], в 1887 г. – 760 000 руб. [43] В 1888 г. чистый доход превысил 1 млн. руб. [44], а в 1889 г. – достиг уже 2 070 000 руб. [45] Таким образом, всего через пять лет со дня открытия Екатерининская железная дорога стала одной из доходнейших казенных дорог России [46].

1890 год ознаменован новыми достижениями в эксплуатации дороги – чистый доход составил 2 300 000 руб. [47] 1891 год принес 2 812 245 руб. чистой прибыли [48]. Такое постоянное и значительное увеличение доходности дороги указывает, что деятельность ее соответствует экономическим условиям местности, по которой она пролегает [49]. Значительная прибыль (2 759 381 руб.) Екатерининской железной дороги в 1892 г. еще раз убеждает в ее важном экономическом значении [50]. Несмотря на неблагоприятные условия эксплуатации: неурожай, кризис в каменноугольной промышленности, холерную эпидемию и на понижение тарифов на многие важнейшие грузы дороги – руду, лес, рельсы, зерно – чистый доход составил 7,2% на затраченный капитал по ее сооружению [51]. 1893 год также был прибыльным (3 200 000 руб.) для этой дороги [52].

Следует отметить, что рост доходности дороги не был прямо пропорционален увеличению объема перевозок, как на других железных дорогах. Это объясняется тем, что важнейшими грузовыми перевозками являлись, за исключением зерна и железа, малоценные грузы – уголь, железная руда, камень, для которых предусмотрены низкие тарифы [53].

Между тем столь быстрое возрастание доходности Екатерининской железной дороги связано, во-первых, с сооружением больших металлургических заводов. Богатые залежи криворожской железной руды и близость донецкого каменного угля обусловили за десятилетнее существование дороги ввод в строй действующих следующих заводов: Каменского – при станции Тритузной, Гданцевского – недалеко от ст. Кривой Рог и Александровского – близ ст. Екатеринослав. Здесь также расположились трубопрокатный завод Шодуара и завод Гантке, изготавливающий скрепления, проволоку, гвозди, болты и другие изделия [54].

Во-вторых, географическое положение способствовало тому, что значительное количество грузов, следовавших ранее из Донецкого района в юго-западный край страны, направилось именно через эту дорогу.

И, в-третьих, оказав большое влияние на развитие сельского хозяйства близлежащих местностей (посевные площади зерновых культур, ежегодно увеличиваясь, к 1894 г. возросли до 450 % по сравнению с началом 1880 гг.), Екатерининская железная дорога приобрела новые грузовые потоки зерна, которые к концу десятилетней эксплуатации достигли 22 600 000 пудов.

На увеличение объемов перевозки и, соответственно, ее доходности большое влияние оказали новая Богодуховская железнодорожная линия (1888 г.) протяженностью 20 верст, с несколькими частными ветвями и продолжение Саксаганской линии (1893 г.) протяженностью 16,5 верст, с подъездными и грузовыми ветвями [55]. Осенью 1892 г. начались работы по устройству второго пути на более трудной части восточного участка от ст. Демурино до ст. Синельниково (91 верста). Несмотря на плотное дорожное движение, строительные работы были окончены летом 1894 г. Проблемы, связанные с продолжением второго пути на остальной части восточного участка между ст. Ясиноватая и Демурино, были решены к 15 ноября 1894 г., с которого началось регулярное движение поездов. Второй участок между ст. Гришино и Демурино открылся уже к лету 1895 г. [56]

Так Екатерининская железная дорога вскоре своего открытия стала одной из важнейших южных промышленно-транспортных артерий России. Соединив Криворожье с Донбассом, она создала благоприятные условия для стремительного развития отечественной тяжелой индустрии [57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. Екатеринослав, 1894. С. 3.
2. Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. С.4.; Радциг А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю. СПб., 1896. С. 95-96.
3. Исходя из того, что в архивных материалах и официальных правительственных документах дореволюционного периода данная железная дорога именуется именно так, автор оставляет за собой право сохранить ее истинное название.
4. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров / Под ред. А.Н. Куломзина. Т.3. СПб., 1902. – С. 185.
5. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров / Под ред. А.Н. Куломзина. Т.4. – СПб., 1902. С.316.
6. Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно. – СПб., 1900. С.3.
7. Обзор деятельности Министерства финансов во время царствования императора Александра III (1881 – 1894). СПб., 1902. С. 569; Министерство финансов 1802 – 1902. Ч. 2. – СПб., 1902. С. 267.
8. Дополнительный выпуск систематического сборника узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с 1 июня 1898 г. по 31 июня 1899 г. СПб., 1901. С. XI; Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III. СПб., 1902. С. 2.
9. Цит. по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 265. Оп. 1. Д. 772. Л. 5.
10. Кульжинский С. О реорганизации центральных установлений МПС по управлению железных дорог // Высочайше учрежденная Особая Высшая Комиссия. В. LVIII. – СПб., 1911. С. 2.
11. РГИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 772. Л. 5; Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно. СПб., 1900. С. 4.
12. Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881

- г. по 31 мая 1898 г. включительно. – СПб., 1900. С. 6.
13. РГИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 772. Л. 46.
14. Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно. – СПб., 1900. С. 6-7.
15. Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно. С. 8.
16. Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III (1881 – 1894). – СПб., 1901. С. 15-16.
17. Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III (1881 – 1894). С.16.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 219. Л. 1 об.
19. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1882 г. – СПб., 1883. С.118.
20. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров / Под ред. А.Н. Куломзина. Т.3. – СПб., 1902. С. 185.
21. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1882 г. СПб., 1883. С. 118-119.
22. Цит по: Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1882 г. – СПб., 1883. С. 120.
23. Цит. по: Чупров А.И. Из прошлого русских железных дорог. – М., 1909. С. 61.
24. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 219. Л. 5 об.
25. Там же. Л. 5 об.
26. Краткий очерк деятельности МПС 1874 – 1886 // Журнал МПС. 1887. № 45. С. 35-36.
27. Исторический очерк развития путей сообщения в России / Под ред. П.Х. Спасского. – СПб., 1913. С. 27.
28. Краткий очерк деятельности МПС 1874 – 1886 // Журнал МПС. 1887. № 45. С. 35-36.
29. Краткий очерк деятельности МПС 1874 – 1886 // Журнал МПС. С. 36.
30. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 202.
31. Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. Екатеринослав, 1894. С. 5-6.
32. Журнал МПС. СПб., 1887. № 46. С.67.
33. Краткий очерк деятельности МПС 1874 – 1886 // Журнал МПС. 1887. № 45. С. 36-37.
34. Исторический очерк развития путей сообщения в России / Под ред. П.Х. Спасского. – СПб., 1913. С. 27.
35. Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела и развития финансово-экономической стороны железных дорог в России по 1897 год включительно / Сост. М.И. Хилков, под ред. В.М. Верховского. Вып. II. СПб., 1901. С. 297.
36. Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела и развития финансово-экономической стороны железных дорог в России по 1897 год включительно / Сост. М.И. Хилков, под ред. В.М. Верховского. Вып. II. С. 297.
37. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 202.
38. Журнал МПС. СПб., 1887. № 46. С. 67; Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. – Екатеринослав, 1894. С. 3.
39. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1885 г. – СПб., 1886. С. 116.
40. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1885 г. – С. 116.
41. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1886 г. – СПб., 1887. С. 117.
42. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1887 г. – СПб., 1888. С. 143.
43. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1887 г. С.144.
44. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1888 г. – СПб., 1889. С. 154.
45. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1889 г. – СПб., 1890. С. 128.
46. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1889 г. С.128.
47. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1890 г. – СПб., 1891. С. 121.
48. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1891 г. – СПб., 1892. С. 108.
49. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1891 г. С.108.

50. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1892 г. – СПб., 1893. С. 120.
51. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1892 г. С.120.
52. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1893 г. – СПб., 1894. С. 118.
53. Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. – Екатеринослав, 1894. С. 10.
54. Краткий обзор деятельности и постепенного развития казенной Екатерининской железной дороги за время деятельности ее существования со дня ее эксплуатации. С. 7.
55. Там же. С. 8.
56. Там же. С. 11.
57. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. – М., 1975.С. 202.

V.N. TESTOV

THE MAJOR PROBLEMS OF CONSTRUCTION AND OPERATION EKATERINSK OF THE RAILWAY IN 80-TH-90-TH XIX OF A CENTURE.

The militarian aviation-engineering university (WAIU) Voronezh

In present clause historical necessity of construction of the Ekaterinsk railway is shown. The detailed analysis of the initial stage of its becoming and development during an epoch of emperor Alexander III, with 1881 on 1894, leads to deep judgement as soon after the opening the given trunk-railway it was possible to become the major economic artery of Russia.

Key words: Alexander III, railway building, the Ekaterina's railway, operation.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»* [1]

В настоящей статье рассматривается вопрос о начале журнала «Сын Отечества» - политического и исторического издания, основанного в первые месяцы войны 1812 г. при поддержке правительства. Анализируются общественно-политические и идеологические факторы, обусловившие необходимость издания нового политического журнала. На основе сравнительного анализа обсуждаются причины, по которым уже существующие печатные издания не могли удовлетворять запросам военного времени.

Ключевые слова: начало XX века, «Сын Отечества», общественно-политическая ситуация, идеология.

Воспоминания о начале «Сына отечества» Н.И. Греч –издатель и ответственный редактор этого журнала, изложил в своих мемуарных «Записках» [2]. Характеризуя моральное состояние российского общества в начале войны 1812 года, Греч указывает, что нашествие Наполеона не вызвало страха или ужаса: «Оно давно уже было предвидено, предсказано и ожидалось со дня на день» [3]. Тем не менее, события, последовавшие вслед за вторжением Наполеона - отступление русской армии, сдача Смоленска, оставление Москвы, вызвали в обществе растерянность, «мертвое оцепенение», безмолвие. Разные настроения бродили среди русской публики: находились и откровенные приверженцы Бонапарта, радующиеся русским неудачам, и патриоты – скептики, считавшие «эту войну обыкновенным решением спора между двумя державами, который мог кончиться для нас, если не с блистательным успехом, то и без важных потерь» [4]. Однако большая часть русской публики – к коим Греч причислял и себя – «видела этот исполинский бой в точном его значении», понимала, что речь идет о существовании России. «Что бы, думал я, теперь затеять русский журнал, в котором бы чувства, помыслы и надежды России нашли верный отголосок, который бы словами чести и правды, заставил молчать глупцов и злонамеренных» [5], - так обозначает Греч основные причины, побуждавшие его взяться за издание журнала, и добавляет, что петербургские газеты – «единственное чтение наше» - были слишком официальны и «серьезны», не давали разыграться воображению вволю. Стечение обстоятельств позволили вскоре Гречу взяться за исполнение задуманного, поскольку идея создания нового политического журнала родилась также и в правительственных кругах. Её высказал в личной беседе с Гречем попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров. Последний предложил Гречу стать редактором нового журнала, и Греч согласился: в считанные минуты он накидал программу и придумал название журналу («не было трудно написать то, что давно зрело у меня в голове!» [6]), а уже через неделю новый проект был одобрен императором Александром, пожаловавшим на первые расходы тысячу рублей и пожелавшим, чтобы журнал начал выходить как можно скорее. Так вкратце описывает Греч начало «Сына Отечества», оставляя, однако, за текстом ряд важных обстоятельств и фактов, в которых рождался новый журнал, полагая, по-видимому, что все они доподлинно известны его читателям-современникам.

В настоящей статье ставится задача проанализировать общественно-по-

* © Федотова Л.В.

литические факторы, обусловившие необходимость издания в первые месяцы войны нового политического журнала и обозначить причины, по которым уже существующие на начало войны печатные издания не могли удовлетворять запроса этого важнейшего исторического момента.

Итак, по мнению Греча, в издании нового журнала были заинтересованы одновременно и общественность, и правительство. Греч очень точно подмечает настроение русского общества в начале войны: растерянность. Действительно, вторжение и присутствие неприятеля на территории России (чего уже не было на протяжении двухсот лет, со времен Смуты) вызвало в русском обществе растерянность и недоумение. Не всем и не сразу был ясен характер войны, серьезность предстоящих испытаний. Гречу вторили и другие современники: «..война казалась вообще войной обыкновенною, похожею на прежние войны..., - писал П.А. Вяземский, - Никто в московском обществе ..не изъяснял себе причины и необходимость этой войны, тем более никто не мог предвидеть её исхода. Только позднее мысль о мире сделалась недоступною русскому народному чувству» [7]. Некая растерянность царила и в русском правительстве: перед глазами был грустный опыт Европы, когда занятие столицы неизбежно приводило к капитуляции страны (как это было в Австрии и Пруссии).

В таких условиях императору Александру необходимо было срочно мобилизовать все силы страны, принять меры к консолидации общества, обеспечив тем самым участие народа на своей стороне. При этом русскому правительству было очевидно, что важнейшим условием победы – наряду с военной мобилизацией - является тщательно выработанный и сложившийся «народный дух», когда, во-первых, общество ясно представляет себе предмет и идею борьбы, а во-вторых, горит сильнейшим желанием победить врага. Эффективным механизмом, посредством которого могли быть успешно решены эти задачи, является пропагандистский аппарат и в первую очередь пропагандистская кампания печатных изданий. Отметим, что коммуникативные связи в начале XIX в. имели свою специфику. Доверие к печатному слову было велико, и газеты и журналы обладали значительным влиянием. Круг читателей любого издания был значительно больше, чем ее тираж. Широко практиковалось чтение вслух, обсуждение и пересказ наиболее интересных статей в литературных салонах, на «собраниях» и на вечерах в дворянских усадьбах. А если большое число печатных изданий начинает действовать в одном направлении, разом заговорив об одном и том же, то и общественное мнение, обрабатываемое все время с одной стороны, в конце концов, поддается их воздействию. Правительственным кругам это было совершенно ясно, именно потому правительство «нашло необходимым поддержать издателей и даже поощрять к новым патриотическим, повременным изданиям» [8].

Потребность в пропаганде еще более ощущалась в связи с необходимостью дать ответ печатной пропаганде Наполеона. Тысячи памфлетов, брошюр и прокламаций, которыми наводнялись завоеванные страны и в которых успехи французов сильно преувеличивались, а неудачи замалчивались; многообещающие обращения к мирным жителям; официальные бюллетени, издававшиеся в «Великой армии» - все это было включено Наполеоном в общую систему информационно-психологического воздействия; и русское общество, зорко следившее за восхождением Наполеона на вершину политического господства и за его военными успехами, было прекрасно осведомлено об этих и прочих

усилиях пропагандистского аппарата Наполеона. Еще в 1807 году журнал «Гений времени», в котором тогда сотрудничал Греч, сообщал о «бесстыдных бюллетенях» [9], в которых Наполеон расточает ложь. Накануне войны гневные обличения в адрес Наполеоновской пропаганды зазвучали более четко: «Перо его опаснее самого меча», «обратить сие самое оружие на посрамление его», - подобные мысли то и дело варьировались в журнальных статьях, в антинаполеоновских памфлетах и, разумеется, были замечены правительством, которое и без того понимало, насколько серьезным и срочным делом является борьба с наполеоновской пропагандой и насколько важно «перехватить» общественное мнение и пустить его в нужное русло, воодушевляя на безоговорочную борьбу с французским завоеванием.

Приведение общественных настроений к общему знаменателю осуществлялось по нескольким направлениям. Уже загодя, до войны, были сделаны значительные шаги, когда, повинувшись мнению царской бюрократии и помещичьего дворянства - главной опоры престола, 9 апреля 1812 года Александр I смещает со всех постов вдохновителя всех преобразовательных планов – Сперанского, и назначает на должность государственного секретаря крайнего приверженца православно-монархических устоев А.Шишкова. На тот момент Шишков, прославившийся поборником чистоты и самобытности языка, ярым обличителем французского влияния, разрабатывавший свою патриотическую риторику в «Рассуждении о старом и новом слоге» (1803) и в «Рассуждении о любви к Отечеству» (1811), был одним из наиболее адекватных ситуации русских идеологов. Торжественный тон его текстов, впечатляющая и местами крайняя патетика как нельзя лучше соответствовала времени. С началом войны Александр вверяет Шишкову пропагандистский официоз: Шишков был автором всех правительственных манифестов, объявлений, важнейших приказов и рескриптов, про которые сам без лишней скромности говорил, что они «производят над умами великое действие» [10].

Спору нет, эти манифесты и воззвания, сыграли определенную роль в мобилизации всех сил отечества на отражение вражеского нашествия. Однако, написанные в торжественно-приподнятом стиле с обилием церковно-славянских изречений, насквозь проникнутые патриархально-консервативным патриотизмом, они были рассчитаны преимущественно на узкий круг шишковских последователей, для большинства же оставаясь лишь односторонними «серьезными» официальными прокламациями, в которых, к тому же, по словам Натальи Нарышкиной, русский народ мало что понимал [11].

Таковыми же «сухими» и односторонними были «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная почта» и прочая официальная пресса, посредством которой царское правительство информировало своих поданных. Заполненные большей частью все теми же шишковскими прокламациями, эти издания лишь сухо констатировали факты и не подразумевали диалога с читателем.

Еще одним глашатаем патриотической пропаганды во время Отечественной войны стал Ф.В. Ростопчин. «Монархист в полном значении слова, враг народных собраний и народной власти, вообще враг так называемых либеральных идей» [12], Ростопчин был назначен в 1812 г. Московским генерал-губернатором и главнокомандующим (возвышение Ростопчина, к которому царь лично не питал никакого расположения - акт того же порядка, что и назначение Шишкова: Александру I было необходимо заручиться поддержкой дво-

рянского большинства). С началом войны Ростопчин приступил к изданию и распространению особых патриотически-пропагандистских афиш, в которых ухарски подзадоривал соотечественников на легкую победу, потешался над воинством Наполеона и его планами: «Вить солдаты-та твои карлики да щегольки... Не токмо што Ивана Великого, да и Поклонной во сне не увидишь» [13]. Возможно, что в народной среде, а точнее, в той мизерной грамотной части «черни», к которой в первую очередь и апеллировал Ростопчин, афиши и принимались с сочувствием и одобрением, однако дворянство – а тем более просвещенная его часть – ростопчинские афиши всерьез не воспринимало, более того – посмеивалось над их ухарски-бахвальским тоном.

Помимо правительственной официальной пропаганды, к патриотической теме с начала войны обратились почти все существующие самостоятельные издания, однако большинство из них – малотиражные и непродолжительные издания, не рассчитанные на массового читателя. Лишь два главных вестника страны – «Русский Вестник» и «Вестник Европы», сохраняли в военное время высокие тиражи (до московского пожара), но содержание этих изданий и стиль изложения материалов не могли полностью удовлетворить запросы мыслящей читательской аудитории.

Журнал «Русский вестник», выпускаемый С.Н. Глинкой, появился вскоре после Тильзита и с самого первого номера был проникнут антифранцузскими настроениями, публиковал материалы, призванные патриотически ориентировать общество в преддверии войны с наполеоновской Францией. Когда эта война действительно разразилась, Глинка всецело посвятил журнал «возбуждению духа народного», привлекая для этого уже опробованные в предыдущих номерах средства: с одной стороны – апофеоз всего русского, проповедь исконных, самобытных русских начал, «расхваление» русского духа, с другой – принижение французов вплоть до самого грубого их осмеяния. При этом в журнале практически не было никаких стратегических, политических или статистических выкладок. По словам А.Г. Тартаковского, «наибольшим успехом наивно доморощенный патриотизм С.Глинки пользовался среди невежественных и косневших в патриархальных предрассудках провинциальных дворян» [14]. Возможно, ограничивать читательскую аудиторию журнала только средним провинциалом было бы неверно, однако несомненно, что откровенным шовинизмом и назойливой хвастливостью журнал отталкивал от себя передового (прогрессивного) читателя-дворянина.

«Вестник Европы» также обратился с началом войны к антинаполеоновской теме, но, имея репутацию проевропейского издания, в сложившихся обстоятельствах никак не мог претендовать на роль рупора мыслящего общества. К тому же к 1812 году «Вестник Европы», редактируемый Каченовским, утратил положительные журнальные качества – современность и злободневность, а все более углублялся в академические изыскания, что делало его все менее популярным среди читателей.

Таким образом, к сентябрю 1812 г. уже действующей пропагандистской печатной системой – правительственной и общественной – не была охвачена очень важная читательская аудитория – среда средних русских интеллигентов, культурных, прогрессивных и активных читателей – публика, которую принято называть мыслящей общественностью. Правительство было заинтересовано в настоящей публике как в активной части общества, способной воспринять

пропагандистскую информацию в нужном правительственным кругам ключе и выступить в сложившихся условиях в качестве реальной побудительной силы. С другой стороны, и сама общественность, взволнованная происходящими событиями, искала выражение своим патриотическим чувствам и нуждалась в поддержке. Таким читателям нужен был журнал, отвечающий их культурным пристрастиям: прогрессивный, патриотический, ободряющий, написанный живым литературным языком. В этом журнале мыслящая публика должна была узнавать свои мысли, чувства, настроения. Однако подобного «читива» на тот момент не было: шишковские манифесты были тяжеловаты и высокопарны по стилю, официальные газеты - сухи и однонаправлены, «Русский вестник» - слишком националистичен, «Вестник Европы», наоборот, слишком европеистичен. Конечно, была еще и патриотическая литература, самого разного стиля и жанра, потоком хлынувшая с началом войны, но и она не снимала задачу выпуска регулярного периодического издания. «Тревожные слухи беспокоили общество – и не находили ни опровержения, ни объяснения, - писал впоследствии Н.П. Колюпанов, - охватившее все общество патриотическое чувство просилось наружу и не находило себе нигде места. Потребность журнала, удовлетворяющего общему любопытству и патриотизму, чувствовалась как нельзя более в обществе» [15].

Таким образом, издание журнала «Сын Отечества» было, с одной стороны, продиктовано желанием правительства держать руку на пульсе у общественного мнения, а с другой - стремлением самой русской мыслящей публики иметь печатный общественный орган, ощущая через него включенность в происходящие события.

«Сын Отечества» начал выходить еженедельно, с октября 1812 г., и сразу был принят публикой с большим одобрением. Прогрессивная патриотическая линия, живой литературный язык, оперативность сводок – эти и другие факторы обеспечили новому журналу высокие тиражи и поставили его на долгое десятилетие едва ли не во главу русской журналистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 «Сын Отечества» - исторический и политический журнал, выходил в Санкт-Петербурге с перерывами с 1812 до 1852 и оказал влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России.
- 2 Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М., 1990.
- 3 Там же. С. 179.
- 4 Там же. С. 181.
- 5 Там же. С. 184.
- 6 Там же. С. 185.
- 7 Вяземский П.А. Мемуарные записки // Державный сфинкс. – М., 1999. С. 419.
- 8 Из собрания П.Я.Дашкова. ОР ИРЛИ РАН. Ф. 590. Оп. 1. Ед. хр. 176.
- 9 Гений времени. 1807. № 49. С. 2.
- 10 Цитировано по Тартаковскому А.Г. Военная публицистика 1812 г. – М., 1967. С. 47.
- 11 Цитировано по Парсамову В.С. Библейский нарратив войны 1812 г. // История и повествование. – М., 2006. С. 100.
- 12 «Полное собрание сочинений П.А.Вяземского», т. VII. – СПб., 1882. С.504.
- 13 Ростопчин Ф.В. Сочинения Растопчина (графа Федора Васильевича). – СПб., 1853. С.163-165, 175.
- 14 Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. – М., 1967. С. 68.
- 15 Колюпанов Н.П. Биография Александра Кошелева. – М., 1889. Т.1. С. 309.

L. FEDOTOVA

THE SON OF FATHERLAND

The Saratov State University under the name of N.G.Chernyshevsky

In the present article the beginning of «The Son of Fatherland» magazine - the political and historical edition founded in the first months of 1812 war with support of the government is discussed. Social, political and ideological factors which have caused necessity of the edition of new political magazine are analyzed. Based on the comparative analysis the reasons on which already existing magazines could not satisfy inquiry of a wartime are discussed.

Key words: the XX-th century beginning, «the Son of Fatherland», political situation, ideology.

**ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ
В РОССИЙСКОМ ПЛЕНУ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАЖСКИХ АРХИВОВ)***

В статье исследуется проблема положения чешских и словацких военнопленных периода Первой мировой войны, размещенных в разных военных округах России. На основе материалов пражских архивов освещается политика российских властей по отношению к военнопленным. В круг аспектов этой политики входили следующие вопросы: численный состав военнопленных, размещение и условия их содержания в российских лагерях, использование труда военнопленных, отношение официальных властей и общества к ним. В статье показано, что в трудах чешских историков в недостаточной мере использованы материалы пражских архивов, поэтому одна из задач данной статьи заключается в расширении источниковой базы.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные в России, чехи и словаки, лагеря,

Первым историком в чешской историографии, обратившимся к проблеме положения чешских и словацких военнопленных, был Карел Пихлик, издавший два труда на эту тему. Первый – «Без легенд. Заграничное сопротивление 1914-1918», был опубликован в 1968 году. Монография была написана на основе принципов нового концептуального подхода. Основными принципами нового подхода стало более осторожное отношение к использованию марксистских исторических схем, попытка «ренессанса» основных достижений межвоенной историографии. В своем исследовании автор освещает три вопроса: жизнь чехов в России, в Америке и в Западной Европе перед началом Первой мировой войны, возникновение чехословацких воинских формирований в России в годы Первой мировой войны, возникновение Чешской социалистической республики в 1918 году.

Работа практически «реабилитировала» национальную политику лидеров освободительного движения, в первую очередь Т.Г. Масарика, уделяя значительное внимание политической роли его авторитета в чехословацких воинских формированиях. Наибольшее внимание в работе уделено не военному, а политическому аспекту национального движения. Об интересующих нас чехословацких военных формированиях Пихлик пишет, что: «17 декабря 1914 года в Чешскую Дружину вступило приблизительно 400 военнопленных чехов и словаков....». Союз Чехословацких обществ в России занимался организацией вступления чешских и словацких военнопленных в «Чешскую дружину» на следующих условиях: 1) Военнопленные, вступившие в дружину, становились свободными. 2) Военнопленные могли получить российское гражданство, как только они вступят в это формирование. 3) Союз Чехословацких обществ в России нес ответственность за военнопленных, находящихся в Дружине [1, 202-205].

* © Остроухов А.И.

Второй труд Пихлика, написанный в соавторстве с другими чешскими историками – «Чехословацкие legionеры (1914-1920)», был опубликован в 1996 г. Основу работы составляет концепция, выдвинутая Пихликом в монографии 1968 г. Однако принципиальное отличие этого издания от первого труда исследователя заключается в том, что в нем автор использовал материалы прессы и воспоминаний legionеров, что позволило ему создать полную и объективную картину освещаемых исторических явлений. Эта монография посвящена описанию лагерей чешских и словацких военнопленных и условия жизни в них. Например, характеризуя жизнь военнопленных в лагерях, автор пишет, что «чехи и словаки принимали помощь (финансового и развлекательного характера) Чехословацких обществ в России, которая должна была улучшить их условия жизни. Представители обществ доставляли им свежие номера газет «Čechoslovák» и «Čechoslovan», организовывали музыкальные кружки» [2, 55].

В исследованиях использован, но в недостаточной мере, документальный материал из архива Национального музея в Праге (фонды Maffie и P. Šámal) и Национального архива (фонд Президиума наместничества, Первая мировая война 1914-1918 - Prezidium místodržitelství, první světová válka 1914-1918, f. MZV(R)). В частности автор не исследует такую важную проблему, как использование труда чешских и словацких военнопленных в российских лагерях и практически не рассматривает вопрос о размещении и условиях содержания военнопленных.

В сборнике «Современная история», посвященном проблемам истории XX века, для нас интересна статья Ивана Шедивого «Австро-Венгерская военная машина и проблема чехословацких legionеров в 1914-1918 годах», опубликованная в 1993 г. Статья основана на материалах из Центрального военного архива в Праге (фонд Отделения Чехословацкого национального совета в России и комиссии по делам военнопленных - OBČSNR v Rusku, zajatecký odbor), и современных исследований чешских историков. Автор статьи были подробно рассмотрены следующие вопросы: 1) информационные источники, из которых австро-венгерские и российские военные ведомства получали сведения о положении чехословацких legionеров в России, Италии, Франции; 2) чехословацкие legionеры как проблема, с которой столкнулись австро-венгерские и российские военные круги. Исследуя эти вопросы, Шедивый на основе архивных документов выделяет два этапа в истории информационного доступа австро-венгерских военных ведомств к данным о чехословацких legionерах: получение информации о legionерах из газетных статей в 1914-1916 гг., legionерами были заинтересованы все воинские институты Австро-Венгрии в 1917 – весной 1918. Ценность работы как исторического исследования достаточно велика, так как автор впервые профессионально поднял вопрос об отношении австро-венгерских и российских военных ведомств к чехословацким legionерам и военнопленным [3, 35].

Таким образом, несмотря на то, что чешские историки использовали материалы пражских архивов, редакционных данных, вопрос в частности о численности военнопленных чехов и словаков остался не выявленным. Между тем в Центральном военном архиве (г. Прага) содержится много сведений не только о численности австро-венгерских военнопленных, но и даются статистические данные о военнопленных словаках, входивших в состав австро-венгерской армии. Все эти документы сосредоточены в фонде Отделение чехословацкого национального совета в России, комиссия по делам военнопленных (OBČSNR

v Rusku, zajatecký odbor).

Согласно «ведомости от 1 марта 1916 года о чехословацком войске и военнопленных», в российских губерниях было следующее количество военнопленных словаков:

1) «Акмолинская губерния:

- Корчетинск – **300 словаков;**

2) Екатеринославская губерния:

- Александровск – 2 словака;
- Алмазная Кадиевка – **130 словаков;**
- Горловка – 6 словаков;
- Енакиево – **250 словаков;**
- Запорожье – 49 словаков;
- Игринь – 20 словаков;
- Любимовский пост – 1 словак;
- Новомосковск – **62 словака;**
- Сартана – 1 словак;
- Шипилово – 8 словаков;
- Лозовая Павловка – 6 словаков;
- Горско Ивановка – 1 словак;

3) Пермская губерния:

- Надеждинский завод – **60 словаков;**
- Сосвинский завод – **50 словаков;**
- Пермь, лесопильный завод – 5 словаков;
- Ревдинский завод – 1 словак;
- Щадринск – **200 словаков;**
- Волосово, деревня Гусинка – 2 словака;

4) Саратовская губерния:

- Хвалинск, лагерь пленных – 20 словаков;
- Ртищево – 10 словаков;
- Васильчиково – 30 словаков;
- Кузнецкий уезд – 6 словаков;
- Петровск – 20 словаков;
- Саратов, Белгородское электрическое общество – 4 словака;
- Царицын, Французский завод – **100 словаков;**

5) Херсонская губерния:

- Широкое – **80 словаков;**
- Александрия, Радковское имение – 20 словаков;
- Кривой Рог – 20 словаков;
- Помимо перечисленных – **1000 словаков;**

6) Киевская губерния:

- Киев, мастерская К.Г.Т.Д. – 6 словаков;
- Березна – 27 словаков;
- Шулявка – 30 словаков;
- Каштановка – 2 словака;
- Казатин – **200 словаков;**
- Мироновка – 14 словаков;
- Паволоч – 33 словака;
- Смела – 3 словака;

- Юстинград – 2 словака;
- Киев, Кудрявская мастерская – 15 словаков;

7) Черниговская губерния:

- Хутор Хлодный – 11 словаков;
- Олимовка – 3 словака;
- Днепровский завод – 8 словаков;
- Корнюковка – 30 словаков;
- Стародуб – **1000 словаков»** [1];

Следовательно, наибольшее число лагерей со словацкими военнопленными были сосредоточены в **Херсонской и Черниговской губерниях**. Однако вышеприведенные цифры являются приблизительными, так как без всеобщей переписи точное количество военнопленных было установить невозможно. Кроме того, важную роль играл и такой фактор, как перемещение военнопленных по случаю болезни, переход в добровольческую категорию или на работы по другим причинам.

Другим важным документом из этого же фонда является «сравнительный список чехословацких военнопленных, занятых на различных работах до 19 марта 1916 и после 19 марта 1916 года»:

1) «Профессия – Агроном:

- Количество военнопленных, занятых по этой профессии до 19 марта – 97;
- Количество военнопленных, занятых по этой профессии с 19 марта – 116;

2) Профессия – Земледелец:

- Количество военнопленных, занятых по этой профессии до 19 марта – 551;
- Количество военнопленных, занятых по этой профессии с 19 марта – 742;

3) Профессия – Рабочий:

- Количество военнопленных, занятых по этой профессии до 19 марта – 176;
- Количество военнопленных, занятых по этой профессии с 19 марта – 217;

4) Профессия – Столяр:

- Количество военнопленных, занятых по этой профессии до 19 марта – 146;
- Количество военнопленных, занятых по этой профессии с 19 марта – 207;

5) Профессия – Торговец:

- Количество военнопленных, занятых по этой профессии до 19 марта – 112;
- Количество военнопленных, занятых по этой профессии с 19 марта – 137» [2];

Согласно этому архивному документу, чехословацкие военнопленные владели многими профессиями, но наиболее востребованными в российских лагерях были следующие: 1) Земледелец, то есть работающий в сельском хозяйстве (с 19 марта 1916 года количество военнопленных, использовавшихся по этому профилю, увеличилось на 191 человека); 2) Портной (с 19 марта 1916 года количество военнопленных, работавших по этой профессии, увеличилось

на 80 человек).

Все военнопленные, впервые попадавшие в российские лагеря, были обязаны заполнить анкеты, выдававшиеся им или ГУГШ (эвакуационный отдел по заведыванию военнопленными) или ЧНС (комиссия по делам военнопленных). В этих анкетах военнопленные указывали сведения о себе, носившие в основном биографический характер.

В Национальном архиве в Праге содержатся анкеты чехословацких военнопленных, прибывших в лагерь «Царицын» 1 сентября 1916 года. Приведем для ознакомления с характером информации две из них:

«1) Профессия в гражданской жизни:

- Пекарь;
1.2) Имя, отчество, фамилия:
- Фрейсх Онджей Эммануэль;
1.3) Нынешний адрес в России:
- Лагерь «Царицын на Волге»;
1.4) Последнее место работы в Чехии:
- Пекарь в Кутне Горе;
1.5) Особые способности:
- Отсутствуют;
1.6) Имеются ли способности к другим работам:
- Да;
1.7) Работа в плену:
- Повар у офицера;
1.8) Школьное образование:
- Городская школа;
1.9) Адрес в Чехии:
- Кутна Гора;
1.10) Холост или женат:
- Женат;
1.11) Дата рождения:
- 10 февраля 1882 года;
1.12) Религия:
- Католичество;
1.13) Чех или словак:
- Чех;
1.14) Полк и звание в австро-венгерской армии:
- Младший сержант в 21 пехотном полку;
1.15) Состояние здоровья:
- Здоров;

2) Профессия в гражданской жизни:

- Мыловар;
2,2) Имя, отчество, фамилия:
- Адамек Йозеф Вацлав;
2,3) Нынешний адрес в России:
- Лагерь «Царицын на Волге»;
2,4) Последнее место работы в Чехии:
- Мыловар в городе Слатин;
2,5) Особые способности:

- Отсутствуют;
- 2,6) Имеются ли способности к другим работам:
 - Да;
- 2,7) Работа в плену:
 - Слуга у офицера;
- 2,8) Школьное образование:
 - Общеобразовательная школа;
- 2,9) Адрес в Чехии:
 - Слатин;
- 2,10) Холост или женат:
 - Женат;
- 2,11) Дата рождения:
 - 6 января 1885 года;
- 2,12) Религия:
 - Католичество;
- 2,13) Чех или словак:
 - Чех;
- 2,14) Полк и звание в австро-венгерской армии:
 - Младший сержант в 18 пешем полку;
- 2,15) Состояние здоровья:
 - Здоров [3];

Согласно данным этих анкет, в российские лагеря попадали в основном здоровые чешские военнопленные, входящие в различные полки австро-венгерской армии и работавшие в российском плену чаще всего по своей профессии.

Наиболее ярко положение чехословацких военнопленных описывает пражская газета «Чех», обнаруженная в архиве Национального музея в Праге, за 23 мая 1917 года. Корреспондентка этой газеты, являвшаяся также членом организации Красного Креста посетила все крупнейшие российские лагеря, где содержались чехословацкие военнопленные. В статье «Ужасная участь наших военнопленных в России» она попыталась обобщить собранные материалы об их положении. Статистика выглядит следующим образом: «В Олонцкой губернии умерло **40000** военнопленных, из них **10000** цингой, а остальные замерзли; в «Тощком лагере» в Самарской губернии умерло **17000** военнопленных из них **9000** человек в результате заболевания тифом; в Тобольской губернии **2000** военнопленных были **размещены в ямах**, погибли все; в окрестностях Оренбурга из военнопленных, размещенных в ямах, ослепло **40%**, а **50%** заболело туберкулезом; в Скобелеве за два месяца скончалось около **3000** военнопленных; в Самарканде (Туркестан) около **5000** военнопленных умерло от малярии; в Уфимской губернии на заводе «Ивановский» заболело **10000** военнопленных; в концентрационных лагерях от туберкулеза умирало наибольшее количество военнопленных; в Красноярске из **12000** военнопленных умерло **5000** человек тифом; в «Енисейском лагере» из **600** военнопленных **100** скончалось от цинги; в «Вержединском лагере» из-за эпидемий умерло за год **23000** военнопленных» [4].

Не менее трагичны и ее личные впечатления. По убеждению автора статьи, в ужасном положении находились инвалиды-военнопленные, размещенные в бараках под Омском: «без рук и без ног, с выбитыми зубами, способные принимать пищу только лежа, которую им никто не приносил, они умирали

от голода вместе с военнопленными, лишенными челюстей». Из-за недостатка продовольствия в лагерях военнопленные занимались грабежом или совершали побег из лагерей. «Исходя из перечисленных случаев жестокого обращения с военнопленными, заключает корреспондент, – можно сделать вывод, что российские власти считали чехов и словаков и других славян своими самыми большими врагами».

С утверждением автора этой статьи, что российские власти считали военнопленных своими врагами, следует не согласиться, так как ни в архивных документах, ни в литературе об этом не упоминается. Военное министерство, несмотря на трудности в стране с продовольствием, утвердило правила для улучшения жизни чехословацких военнопленных в российских лагерях.

Очевидно, что автор в оценках сгустил темные краски, но и следует признать, что он сконцентрировал свое внимание на наиболее тревожных моментах, на которые обращали внимание сотрудники Красного Креста. Им было важно активизировать все службы, отвечающие за быт военнопленных. В положении военнопленных, содержащихся в российских лагерях, на основании разных источников можно установить следующие недостатки: 1) наличие всевозможных болезней и эпидемий; 2) отсутствие отопления; 3) плохое снабжение питанием военнопленных; 4) равнодушное отношение к военнопленным-инвалидам, отсутствие в лагерях врачей для них; 5) изолированность от окружающего мира; 6) неприемлемые гигиенические условия; 7) использование военнопленных на тяжелых работах способствовало ухудшению их положения.

Таким образом, благодаря материалам из пражских архивов, мы можем исследовать такие важнейшие аспекты жизни чешских и словацких военнопленных, как их численный состав в российских лагерях и вопрос их размещения и содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Pichlík Karel. Bez legend. Zahraniční odboj 1914-1918. Praha, 1968, S. 202-205.
- 2) Pichlík Karel. Českoslovenští legiónáři. Praha, 1996, S. 55.
- 3) Šedivý Ivan. Rakousko-uherská branná moc a problém československých legionářů 1914-1918. // Moderní dějiny, № 1, Praha, 1993, S. 35.
- 4) Vojenský ústřední archiv, f. OBČNR v Rusku, zajatecký odbor, karton 67.
- 5) Vojenský ústřední archiv, f. OBČNR v Rusku, zajatecký odbor, karton 68.
- 6) Národní archiv, f. MZV(R), karton 8-1-92-19.
- 7) Archiv národního muzea, f. P. Šámal, karton 2 // Čech, č.6, 1917.

Список литературы

- 1) Pichlík Karel. Bez legend. Zahraniční odboj 1914-1918. Praha, 1968.
- 2) Pichlík Karel. Českoslovenští legiónáři. Praha, 1996.
- 3) Šedivý Ivan. Rakousko-uherská branná moc a problém československých legionářů 1914-1918. // Moderní dějiny, № 1, Praha, 1993.

A. OSTROUKHOV

THE POSITION OF CZEKHEs AND SLOVAKS IN RUSSIAN CAPTIVITY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (ON MATERIALS OF THE PRAGUE ARCHIVES)

Moscow State Regional University, Russia

In article is investigated a problem of social and economic and political position of the Czech and Slovak prisoners of war of the First World War placed in military districts of Russia. On the basis of materials of the Prague archives the policy of Russian authorities is shown, related to finding of prisoners of war on territory of Russia. The followings questions were included in the circle of aspects of this policy: numerical strength of prisoners of war, placing and terms of their maintenance, use of labour of prisoners of war, attitude of official authorities and society toward them. As it will be shown in the article, in works of the Czech historians are insufficiently used materials of the Prague archives therefore the purpose consists in expansion source base of this point.

Key words: The First World War, prisoners of war in Russia, Czechs and Slovaks, camp,

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Гаврилов А.Ю.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОЦЕНКАХ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА» НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ*

Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценкам ведущими лидерами меньшевизма установления большевистской диктатуры. В исследовании проанализированы редакционные и авторские статьи, опубликованные в «Социалистическом вестнике», главным образом в связи с пятилетием Октябрьской революции. Показано, что основное острие меньшевистской критики было направлено на разоблачение коммунистической социальной утопии и пагубности политической диктатуры для страны и общества.

Ключевые слова: меньшевистская публицистика, Октябрьская революция, коммунистическая утопия, большевистская диктатура.

Произошедшая более 90 лет назад в России Октябрьская социалистическая революция 1917г. стала важнейшим событием, повлиявшим на ход как мировой, так и отечественной истории в XX веке. Именно под ее воздействием претерпевала изменения политическая обстановка в большинстве стран планеты, укрепились социал-демократические и коммунистические партии, а идеи общественной справедливости воплотились в создании и укреплении в развитых капиталистических странах эффективных государственных систем социальной поддержки граждан. Однако при наличии безусловных социальных завоеваний, направленных на улучшение положения малоимущих слоев населения, Октябрьская революция 1917г., как известно, породила в нашей стране в результате установления большевистской диктатуры тоталитарный политический режим. Оценка этого режима в нашей историографии и публицистике остается неоднозначной. С одной стороны, в заслугу ему ставят сохранение единого, мощного государства, проведение индустриализации, превращение СССР в одну из крупнейших промышленных и военных держав к середине XX столетия, сыгравшую главную роль в разгроме германского фашизма. С другой стороны, созданный в результате большевистской революции тоталитарный политический режим стал виновником гибели десятков миллионов как правило, лучших, наиболее образованных, активных и трудолюбивых наших соотечественников, подвергшихся жестоким репрессиям в 1920-х – начале 1950-х гг. Кроме того, большевистский политический режим в конце 1940-х гг. породил в освобожденных Красной Армией странах Восточной и Юго-Восточной Европы и в ряде других государств родственные ему тоталитарные режимы, просуществовавшие около сорока лет. Несмотря на то, что Советское государство не существует уже почти два десятилетия, споры о последствиях революции и установления большевистской диктатуры не утихают до сих пор.

* © Гаврилов А.Ю.

В этой связи представляется интересным анализ оценок советской пролетарской диктатуры, данный в первое пятилетие ее существования в прошлом соратниками большевиков по Российской социал-демократической рабочей партии - меньшевиками, совместно с ними боровшимися против самодержавно-монархического государственного и общественного строя, но не принявшими в стремлении к социализму отказа от демократии и перехода к жесткой диктатуре. Оценки установившегося в Советской России политического режима лидеры и видные теоретики меньшевизма, вынужденные уехать зарубеж, помещали на страницах выходившего в эмиграции «Социалистического вестника».

В канун пятилетия революции в 1922г. редакция «Социалистического вестника» с горечью писала, что «если большевистская диктатура есть наше постыдное настоящее, то коммунистическая революция есть уже наше прошлое, в основном ликвидированное нашей диктатурой». Впрочем, в меньшевистской печати встречались и не столь пессимистические оценки итогов революции. В частности, на страницах «Вестника» обращалось внимание и на «незаконченность российской революции и нерешенность основного ее вопроса – ограждение аграрного переворота от реставрационных поползновений»[8,4].

В свою очередь, попытки разобраться в причинах революции привели меньшевистскую эмиграцию к выводу, что «октябрьский переворот произошел и мог произойти только в результате увлечения большинства активных элементов пролетариата лозунгами большевизма». Спустя пять лет после переворота меньшевики продолжали утверждать, что они отказались от свержения власти большевиков, дабы не вступать в гражданскую войну с «той значительной частью пролетариата, которая эту власть поддерживала». В конце 1922 г. меньшевики в своей массе считали политику отказа от вооруженной борьбы с Советской властью в годы гражданской войны единственно верной. Более того, и с переходом к нэпу Ю.О. Мартов поддержал П.Б. Аксельрода с его отрицательным отношением к восстанию против большевистской диктатуры. Он считал, что при сложившейся политической конъюнктуре «ликвидация большевизма путем вооруженного восстания произойдет при таком соотношении сил, которое обеспечит плоды такого свержения большевизма не за пролетариатом и демократией, а за буржуазной контрреволюцией». То есть Мартов исходил из реального соотношения сил, а не из принципиального неприятия идеи восстания[4, 4-5;7,3].

Однако Мартов критиковал Аксельрода за недооценку действительного влияния большевиков на широкие слои пролетариата и органической его связи со значительными силами рабочего класса. По мнению лидера левых меньшевиков, в Октябре 1917 г. большевики выразили вполне законное возмущение широких масс пролетариата политикой, которая объективно направлялась, в конечном счете, интересами русской революции, а не военными интересами Антанты. Но из признания роли и исторической неизбежности октябрьского переворота и прогрессивности одной его части, отнюдь, по мнению Мартова, не вытекало примирение с большевизмом, который использовал доверие масс в собственных интересах[7, 3-4].

Мартов не сомневался, что большевики смогли удержаться у власти только потому, что подобно якобинцам взяли на себя и разрешили задачу радикального устранения социальных основ старой монархии. Но в тоже время они

использовали свое доминирующее положение для осуществления коммунистической революции, которая по своему характеру была «мужицко-мещанской». При этом, по мнению Мартова, большевики хуже выполняли свою историческую миссию, чем якобинцы, ибо «свойственную им ограниченность методов и утопизм уравнилельных» целей бедноты дополнили «двойным утопизмом организации коммунистического хозяйства на основе этой поравненной бедноты». Для крестьянства социальной утопией стал уравнилельный аграрный режим и «возможно меньшее социальное неравенство при сохранении раздробленного самостоялельного хозяйства». Тогда как утопия пролетариата состояла в стремлении низвергнуть частную собственность на средства производства «на такой стадии общественного развития, когда для подобного преобразования нет в наличности ни технических, ни экономических, ни социальных предпосылок». То есть это была утопия немедленного и полного коммунизма. Первоначально, большевизм, вставший во главе революции, благодаря переходу на его сторону крестьян, приспособился к их утопическим чаяниям. Но после между двумя видами утопизма большевики выбрали коммунистический утопизм, что и привело страну к экономической катастрофе. В свою очередь, «утопизм преследуемых социальных задач» и резкое противопоставление интересов рабочих и крестьян стали причиной террористического режима и партийной диктатуры[6, 2-3;7,3-5].

Более благоприятным для пролетариата, нежели «принудительно-организованное» хозяйство, был бы государственный капитализм с широкой социальной политикой[7,6]. Но социальной, по мнению Мартова, может считаться только та революция, которая стремится не только отстранить от политического господства отживший класс, но и лишить его роли в народном хозяйстве, которую он удерживает за собой с помощью захваченной им государственной власти. В этом смысле Февральская революция 1917 г. была социальной, но свержение абсолютизма и дворянского господства с самого начала совершалось под знаком «политического господства пролетариата». Именно этим Мартов объяснял стремление революции раздвинуть ее буржуазно-демократические рамки и «наложить руку» на капиталистическую собственность.

Аргументы оппонентов Мартова справа также имели свою доказательную логику. В частности, С. Иванович подчеркивал, что революция была «не полирующей кровь забавой и не профессиональным влечением, а тяжелым неизбежным кризисом», к которому надо быть готовым во «всеоружии ясных целей, ясной, соответствующей историческому моменту, социально-политической программой и трезвой, учитывающей соотношение общественных сил, тактикой». Автор считал неприемлемым для социал-демократов «делать» революции и готовить вооруженные восстания, ставя в этом отношении большевиков на одну полку с бланкистами. Одновременно он критиковал и линию официального меньшевизма, для которого была характерна надежда на замену революции эволюцией. По мнению Иванова, тот, кто «вещает о невозможности в России революционного свержения советской власти, тот тем самым пророчит России смерть». Для него пути развития России были жестко predetermined: «или революция или интервенция: третьего пути нет». При этом автор неоднократно пояснял: «Мы не делаем революции, но мы революционизируем сознание масс» [3,130].

Меньшевистские авторы сохраняли положительные оценки Февральской

революции как продолжения революции 1905 г., ставившей задачи как разрушительные (уничтожение самодержавия и помещичьего землевладения), так и созидательные (утверждение демократической республики). По мнению меньшевиков, основные разрушительные задачи революции были выполнены бесповоротно. Но «расплата оказалась тем больше, что неорганизованная, политически некультурная масса вынесла на своих плечах к власти партию, в которой величайшие социально-политические иллюзии сочетались с величайшей неразборчивостью в средствах – партию большевиков», которая воздвигла здание своей партийной диктатуры. При этом меньшевики подчеркивали двойственный характер большевистского режима. С одной стороны, утопическая диктатура большевиков была революционной, поскольку «укрепляла отмеченные завоевания революции и, так или иначе, руководила борьбой масс, отстаивавших эти завоевания». С другой стороны, она была глубоко реакционной, поскольку «средствами террора и насилия пыталась, во имя утопических целей, преодолеть непреложные законы экономического развития» [10,1-2].

Однако Мартов опасался той «вредной роли», которую способна сыграть диктатура, если ей удастся внушить «темным слоям пролетариата и крестьянства» веру в то, что их интересы могут быть защищены от посягательств имущих классов методом полицейской опеки «сильной власти». Юлий Осипович не сомневался, что в стране с «вековой традицией рабской веры в благодетельную государственную власть» своеобразным возрождением легенды о «мужик-царе», в конечном счете, воспользуются антипролетарские элементы. В перспективе нация, «переросшая буржуазную демократию», получила бы «в награду диктатуру коммюнек», но нации, «не доросшей» до буржуазной демократии, «суждено будет преклониться перед бонапартистским тираном» [5,7].

Для подобных заключений были основания, учитывая значение в развитии русской революции личностного фактора, то есть связи устойчивости большевистского режима с «личностью председателя Совнаркома». Так, Ф. Дан полагал, что «острота противоречий, созревших под крышею большевистского режима», достигла уже той степени, когда «лишь инерция исторически омертвевшей традиции, воплощенной в личности «вождя», поддерживает неустойчивое равновесие» советской власти. В свою очередь, «непосредственно уход Ленина» развяжет борьбу клик внутри коммунистической партии. Правда, Дан был уверен, что ни одна из них не сможет сыграть роль «железного обруча», так как не обладает тем «обаянием и доверием», которые дала Ленину вся его предшествующая деятельность. Считая «коммунистическую диктатуру» при нэпе «исторической нелепостью», выход из сложившегося положения он видел или в бонапартистской диктатуре или демократии [1,3].

Материалы эмигрантской печати позволяют говорить, что меньшевики, сплотившиеся вокруг «Социалистического вестника», выступали против большевиков с «открытым забралом», не прячась за позицию беспартийности. То есть социал-демократия, тактическими лозунгами которой стали «Свобода выборов в Советы» и «Долой диктатуру большевиков», бросила открытый вызов коммунистической идеологии и практике [9,2-3].

Еще более жесткую позицию в отношении установившегося в Советской России деспотического режима занимала редколлегия журнала «Заря», оценивавшая большевистский переворот 1917 г. как контрреволюцию. Признавая, что «любой деспотический режим может держаться очень долго», сплотивши-

еся вокруг журнала социал-демократы были уверены, что «большевистская власть не жилец на этом свете». В своих расчетах они исходили из того, что «режим, держащийся на распределении и расточении до него созданных благ, должен с треском провалиться» [11,223-224].

В своих теоретических построениях и практических предложениях правые меньшевики ссылались на авторитет В. Засулич, еще в феврале 1918 г. писала о незавершенности политической революции 1917 г., которую внезапно «настиг контрреволюционный переворот» большевиков. Весомым и актуальным аргументом для правого крыла РСДРП были рассуждения Засулич об опасности расцвета милитаризма во всем мире, «который отодвинет в туманную даль всякую возможность социализма» [2,285-286].

После пяти лет нахождения большевиков у власти в России проблема оценки «социалистической революции» по-прежнему находилась в центре внимания меньшевистской публицистики. Но в отличие от первых оценок большевистского Октября акцент стал делаться не на само вооруженное восстание, а на его последствия политические (отказ от демократии и установление «полицейской диктатуры») и экономические (невозможность налаживания эффективного народного хозяйства).

Подводя итоги анализа меньшевистских оценок последствий установления большевистского режима в России необходимо, на наш взгляд, заключить следующее. Вследствие неоднородности политического спектра меньшевистской эмиграции начала 1920-х гг., порожденной всей предшествующей историей меньшевизма, указанные оценки не могли быть едиными. Наименее верными и точными оказались оценки и прогнозы правых меньшевиков, последователей первого русского марксиста Г.В. Плеханова, группировавшихся вокруг редколлегии журнала «Заря» и В. Засулич. Их выводы об исключительно контрреволюционной сущности раннего большевистского режима начала 1920-х гг. представляются небесспорными, а прогнозы относительно его скорого краха опровергла сама последующая история.

Наиболее точными и объективными представляются оценки большевистской диктатуры и ее последствий, сделанные Ю.О. Мартовым и его сторонниками, сумевшими в результате глубокого анализа ситуации увидеть и охарактеризовать определенный утопизм режима, его противоречие объективным экономическим законам развития общества. В то же время Ю.О. Мартов трезво оценивал реальные причины массовой поддержки большевистской диктатуры среди рабочих и части крестьян и обосновывал сознательный отказ меньшевиков от участия в вооруженной борьбе против Советской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Дан Ф.] Ф.Д. Болезнь режима // Социалистический вестник. 1922. № 13/14.
2. Засулич В. Социализм Смольного // Заря. 1922. Берлин. № 9/10.
3. Иванович Ст. Надо выбирать // Заря. Орган социал-демократической мысли. 1922. Берлин. № 5.
4. Кучин (Оранский) Г. О нашей партии // Социалистический вестник. 1922. № 18.
5. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3.
6. Мартов Л. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. № 18.
7. Мартов Л. По поводу письма тов. П.Б. Аксельрода // Социалистический вестник. 1921. № 8.
8. Некоторые итоги // Социалистический вестник. 1922. № 17

9. Продолжайте // Социалистический вестник. 1921. № 8
10. Пятая годовщина революции // Социалистический вестник. 1922. № 5
11. Юбилей русской контрреволюции // Заря. 1922. Берлин. № 8.

A.U. GAVRILOV

BOLSHEVIK REVOLUTION IN APPRECIATION OF «SOCIALIST BULLETIN» IN THE EARLY TWENTIETH OF THE 20 CENTURY.

The article is about urgent in the scientific and social plane subject – the appreciation of the main leaders of the «menshevism» the establishment of the Bolshevik dictatorship.

In this work the editorial 's and author's articles published in the «Socialist bulletin» because of 5th anniversary of the October revolution have been analysed.

It's explained that the main aim of the «menshevist» critics was the exposure of the Communist social Utopia and harmful political dictatorship for the country and society.

Key words: Menshevik's publicism, October revolution, communistic utopia, Bolshevik dictatorship.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЁРЫ И ИДЕЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВА-“БУФЕРА” В КОНЦЕ 1919 – НАЧАЛЕ 1920 г.: ШАНС НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ?*

В статье анализируются идеологические установки двух основных социалистических партий России – социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков) на излёте российской Гражданской войны. В этот период в отдельно взятом регионе страны – Дальнем Востоке – в связи с замыслом построить внешне независимое от “красной” Москвы “буферное” государство у “серединных” группировок, казалось, наконец, появилась перспектива осуществить свои политические программы. Однако доктринёрский характер логичных и внешне привлекательных интеллигентских проектов, оторванность демократических идеологий от военно-политических реалий страны и ментальности её населения, организационно-политическое бессилие эсеров и меньшевиков в очередной раз привели идею демократии на российской почве к закономерному печальному финалу. Реальной альтернативы диктатуре в России не оказалось.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, социалисты-революционеры, социал-демократы, демократия, идея народовластия.*

В основе программных установок партии социалистов-революционеров к концу российской Гражданской войны лежали две взаимосвязанные идеи. Прежде всего, это идея народовластия как высшей политической и гражданской справедливости, некоего оптимального пути действенного и безболезненного решения едва ли не всех сразу общественных противоречий. Во-вторых, эсеры, как революционная и социалистическая партия, пытались достичь социального идеала через установление социализма, понимаемого как власть всех без исключения трудовых слоёв населения России.

В условиях внутренней смуты реализация идеи народовластия означала достижение гражданского мира через обращение к единственному, на взгляд эсеров, источнику прочного правопорядка – демократическому строю и всеобщему избирательному праву. Парламентаризм в эсеровском понимании становился идеальной универсальной системой, представляющей политическую коалицию трудовых и цензовых (буржуазных) общественных элементов, где устремления различных по своей природе социальных групп выражались и учитывались наиболее полно, и тем самым достигалось национальное согласие. Через демократию в форме парламентаризма, по мнению идеологов ПСР, разрешалась и социалистическая перспектива. Всевластие народа, адекватно отражённое в представительной демократии, должно было означать установление диктатуры большинства – трудовых слоёв, но одновременно защищало бы и права меньшинства – эксплуататорских элементов. Тем самым выбивалась почва из-под острейшей социальной конфронтации, загнавшей Россию в тупик гражданской войны.

В парламентской демократии как форме осуществления подлинного на-

* © Азаренков А.А.

родовластия эсеры видели промежуточную “третью силу”, призванную сбалансировать притязания правых и левых экстремистских политических групп на власть, прийти на смену и большевистскому режиму псевдоклассовой диктатуры, неминуемо вырождающемуся в диктатуру партийную, и режимам военно-буржуазной реставрации. В качестве потенциальной социальной базы “третьей силы” выступало крестьянство – большинство населения страны. Система последовательно проведенного народовластия становилась, в понимании эсеров, универсальным способом к закреплению завоеваний народной революции, едва ли не единственным средством обеспечить за деревней ту долю политического влияния, которая соответствовала её численности и удельному весу в хозяйственной жизни России. Только через фетишизируемый парламентаризм достигалось действительное равенство в правах всех трудящихся, рабочих и крестьян, кончалось господство города над деревней.

Одновременно народовластие означало не только обеспечение господства большинства, но и учёт, даже охрану, прав меньшинства – буржуазии. В представительном органе меньшинству отводились функции сдерживания и контроля, что, в теории, должно было обеспечить необходимый для внутреннего мира баланс интересов, поистине всенародный консенсус [1].

К моменту появления идеи дальневосточного “буфера” партия эсеров оказалась расколотой на несколько организационно, идейно и политически самостоятельных групп. В самом конце 1919 г. из её рядов выделилась очередная группировка, хотя и незначительная по численности, которая придерживалась левой ориентации. Вначале она получила название “Автономно-сибирская группа эсеров”, позже (с середины 1920 г.) выступала под флагом “Сибирского союза социалистов-революционеров”. В Сибири и на Дальнем Востоке оказались, таким образом, сразу три “крестьянских” партии: ПСР, ПЛСР (левые эсеры) и Сибсоюз эсеров. Две последние группировки отвергали идею народовластия (парламентаризма), считая её продолжением тактики соглашательства с буржуазией [2]. Единственно возможной формой проведения в жизнь своего идеала – “диктатуры трудящихся” и левые эсеры, и Сибирский союз эсеров считали органы трудовластия – советы [3].

Развернувшееся осенью 1919 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке широкое массовое движение “снизу” против колчаковской реставрации и атамановщины ПСР попыталась использовать для осуществления своих политических идеалов народоправства и “чистой” демократии. ЦК ПСР сразу же поддержал идею “буфера”, заявив, что “в связи с международным положением находит целесообразным основание Восточно-Сибирской республики” [4]. Вопрос о “буферной” государственности обсуждался на заседаниях ЦК ПСР 14, 19 и 25 января, 5 и 9 февраля 1920 г. Была установлена постоянная связь полулегально действовавшего в Москве ЦК с сибирским партийным центром и мирной делегацией иркутского демократического правительства – Политцентра [5]. ЦК ПСР одобрил примирительную позицию Политцентра в отношении Советской России. Членам партии разрешалось входить в состав органов “буферной” власти при условии опоры политического курса последней на платформу народоправства. Только в этом случае ЦК ПСР полагал возможным на практике обеспечить единство революционного фронта против реакции и её союзников [6].

В качестве необходимого условия организации подлинно демократического “буфера” эсерами рассматривался созыв полноценного представительного

органа власти, избранного на основе всеобщего избирательного права. Не случайно организация ПСР в Приморье была единственной политической силой, открыто и резко выступившей против восстановления советской формы власти после антиколчаковского переворота 31 января 1920 г., в то время как остальные социалистические партии, и даже левое крыло кадетов тогда не стали противодействовать советизации, хотя, разумеется, и не приветствовали её [7].

Тем не менее, обсудив сделанные большевистскими представителями на межпартийном совещании в Иркутске 24–25 февраля 1920 г. предложения по созданию фиктивно независимого от РСФСР государства, Всесибирский крайком ПСР решил отказаться от участия в создании власти. Было заявлено, что большевистские условия нарушают “требования государственной самостоятельности” “буфера”. В частности, сибирский эсеровский партийный центр посчитал неудовлетворительным как разрешение вопроса о реальной роли “буферной” государственности (отказ большевиков от осуществления принципов полного народовластия и от равноправного партнёрства с социалистами), так и о территориальных границах “буфера” (исключение Иркутска и губернии из территории “буфера”) [8].

6 марта 1920 г. это решение поддержал и ЦК ПСР. В принятой по докладу представителей сибирской делегации ЦК и сибирского крайкома ПСР резолюции отмечалось, что партия “уклоняется от участия в образовании верховной власти” “буферной” государственности. Правда, не исключалось, что “хождение во власть” возможно в дальнейшем, но “только при условии, если государственный правопорядок нового образования будет покоиться на основах полного народовластия и, в частности, на институте всеобщего избирательного права, а само государство не явится орудием как советской власти, так и других держав”. Более того, ЦК ПСР потребовал от Москвы обеспечить ещё и “одновременную” санкцию (т.е. гарантии) других держав, имеющих интересы в регионе, на образование государства-“буфера” [9].

В духе решений своего руководства сибирскими и дальневосточными организациями ПСР были осуществлены практические шаги в сторону отказа от участия в создаваемых большевиками органах власти так называемого Верхнеудинского (Прибайкальского) “буфера”, принявшего наименование “Дальневосточная республика”. Так, неоднократные попытки местных большевиков едва ли не силой поставить прибайкальское областное земство перед необходимостью выполнять во всем объёме функции временной государственной власти ДВР как раз по этой причине провалились. В конце марта 1920 г. сначала эсеры, а затем и меньшевики отозвали своих представителей из земства. “Формы государственности ...надо было строить не только формально, но и фактически формами самодовлеющими, с содержанием внешней и внутренней политики не советским, а широко демократическим, – отмечалось в совместном заявлении двух социалистических партий в Президиум временной земской власти Прибайкалья. – В процессе нашей работы мы убедились, что не так хотят смотреть инициаторы “буфера”, представители партии коммунистов. Они берут на себя руководить политикой “буфера” не только внутри власти, но и извне, из Иркутска, Омска и Москвы... Было бы детским лепетом защищать одну формальную сущность “буфера” без его фактического содержания” [10].

В директиве Всесибирского крайкома ПСР дальневосточным организациям указывалось на необходимость самым решительным образом противиться “буферной” политике Москвы, требовать от большевиков либо создавать одно-

партийную советскую власть, либо соглашаться на условия, предъявленные ЦК ПСР и сибирским эсеровским центром [11]. В беседе с посетившей Россию в мае–июне 1920 г. делегацией британских социалистов идеолог эсеровской партии В.М. Чернов недвусмысленно обвинил большевистское руководство в “измене” и “разложении” “буфера” [12].

Таким образом, руководство партии социалистов-революционеров заняло жёсткую и бескомпромиссную позицию по вопросу о форме и содержании власти создаваемого “буферного” государства. ПСР последовательно отстаивала курс на его полную демократизацию, считая парламентаризм как политическое выражение народовластия единственно приемлемым для “буфера” вариантом государственного устройства. На практике политика эсеров в отношении “буфера” ставила под угрозу срыва начавшийся процесс его государственного оформления. Однако в то же время такая тактика побуждала большевиков к более существенным уступкам в сторону демократизации составлявших “буфер” властных институтов.

Другой социалистической партией, призванной сыграть важную роль в строительстве дальневосточного “буфера”, были социал-демократы (меньшевики). Основополагающим программным положением РСДРП в переустройстве общества на социалистических началах являлось, как и у большевиков, установление классовой пролетарской диктатуры. Но такая диктатура, по мнению меньшевиков, была неотделима от самой широкой, хотя и, в интерпретации руководства РСДРП, “классовой” демократии. Как раз в акценте на последний постулат – особенность “правой” идеологической метаморфозы меньшевизма к концу российской смуты.

Вначале о своеобразном понимании меньшевиками институтов демократии. С одной стороны, базируясь на принципах пролетарской, рабочей демократии, они, как и большевики, утверждали, что сущности пролетарской диктатуры не только не противоречит, а даже, напротив, органически ей соответствует ограничение или даже лишение политических и гражданских прав социальных групп, стоящих вне этой демократии, то есть “нетрудовых” элементов. С другой стороны, меньшевики полагали, что тенденция рабочей демократии заключается не в самозамыкании, не в истреблении и не в превращении в эксплуатируемый класс исключённых из пользования гражданскими и политическими правами побеждённых “классов”, а в их “вовлечении в ассоциацию трудящихся” и, следовательно, в установлении всеобщей универсальной демократии [13].

Неоднозначным было и отношение РСДРП к советской государственной форме, осуществляемой в большевистской России. В тезисах “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” Всероссийского партийного совещания РСДРП (апрель 1920 г.), с одной стороны, отмечалась “жалкая роль, реакционность или бессилие учредительных собраний и других органов демократии (в том числе и “внеклассовых” учреждений, рождённых в период российской смуты. – А.А.), равно как возможность их использования в качестве лозунгов контрреволюционными силами...” [14]. В условиях продолжавшейся междоусобицы новый созыв Учредительного собрания объявлялся прикрытием реставрации буржуазной контрреволюции. “Для своего осуществления, для действительно свободного и точного выявления и проявления в действии воли народного большинства, демократия трудящихся нуждается в различных но-

вых учреждениях, приспособленных к выполнению задач социалистического преобразования и в то же время являющихся собирателями революционной энергии масс. Такое значение имеют рабочие и крестьянские советы, фабрично-заводские комитеты...” [15].

Однако, с другой стороны, заранее не предreshалась роль, которую в организации новой, послереволюционной демократии могла сыграть каждая из массовых организаций трудящихся. А потому формула построения диктатуры пролетариата на основе только советской системы “должна быть отвергнута в качестве единospасающей панацеи” [16]. Наряду с советами и другими формами, основанными на коллективно-производственном принципе группировки и сильными своей непосредственной связью с промышленностью, “определённое место” в системе пролетарской диктатуры меньшевики отводили и структурам, построенным на принципе территориальной группировки граждан и на прямом избрании своих представителей самим населением. А потому, по мнению лидеров РСДРП, пролетариатом вполне могли быть взяты на вооружение и политические институты, “выработанные на высшей ступени развития буржуазной демократии” [17].

Отвергая стремление правящей в Советской России партии к утверждению пролетарской диктатуры исключительно под флагом советской системы, меньшевики расценивали попытки такого рода как путь к диктатуре меньшинства, к господству одной партии, опирающейся лишь на часть пролетариата, как намерение “решить задачу, для которой весь пролетариат, как класс, оказался ещё в данной стадии революционного процесса не созревшим” [18]. В условиях силового противостояния основными признаками демократии, неотделимыми от социалистической диктатуры рабочего класса, РСДРП считала последовательно, сверху донизу, проведённое народовластие. Тем самым, в понимании партийных идеологов, демократия становилась органической частью диктатуры пролетариата. Демократия (или народовластие) означала оптимальное ограничение полномочий исполнительной власти, сведение к минимуму привилегий должностных лиц административного аппарата, их всеобщую выборность и подотчётность их массам, максимальное развитие самоуправления и минимизацию роли военной и гражданской бюрократии, широкую свободу идейной борьбы и пропаганды политических взглядов [19].

Условия демократического “буфера” открывали перед меньшевиками благоприятные перспективы для более или менее свободной партийной работы и практической реализации собственного идейного и политического багажа. Поэтому социал-демократы приняли активное участие в создании новой государственности, делегировав своих представителей в Политцентр и поддерживав тем самым его народоправческую политическую платформу.

Однако, формально не отказываясь от прежнего партийного курса на создание “единого революционного трудового фронта” и призывая с этой целью к формированию “сверху” политической коалиции социалистических партий и коммунистов без “цензовиков”, в то же время самой логикой долгой и непримиримой политической борьбы с большевизмом меньшевики брали на вооружение эсеровскую идею демократической парламентарной республики. Социал-демократическая политика, теоретически ещё разнившаяся с эсеровской, на Дальнем Востоке оказалась почти тождественной, главным образом в силу общности ближайших, непосредственных задач. Не лишённое оснований опасение оказаться обычной ширмой “красной” Москвы в “буфере” подтолкнуло

меньшевиков к практической поддержке идей народовластия – универсальной демократии и парламентаризма.

Но своего рода “демократический фетишизм” меньшевиков можно объяснить не только их понятным стремлением к максимальному выявлению собственного, отличного от большевистского, партийного “лица”. Парламентаризм, по крайней мере в теории, побуждал всех – и большевиков, и эсеров, и кадетов идти на компромиссы, считаться с реальностью, с мнением политических оппонентов, что, в свою очередь, только способствовало решению основной задачи социал-демократов – установлению “единого трудового фронта” сверху донизу. Однако такая тактика дальневосточных меньшевиков в реальности лишь зеркально отражала логику политической эволюции меньшевистской партии от доктринёрского “чистого” марксизма до либеральной теории универсальной демократии, завершившейся к концу 1922 г. победой в РСДРП так называемой “новой платформы” Ю.О. Мартова [20].

Предложенные большевиками на межпартийном совещании в Иркутске условия создания “буфера”, лишь формально являющегося и самостоятельным, и демократическим, а также явно производная роль ширмы, отводимая в нём социалистам, категорически не устроили меньшевиков. Отказ Всесибирского крайкома ПСР войти в “буферную” власть, сделавший невозможной на том этапе реализацию идеи “единого трудового фронта” – блока социалистов и коммунистов, чуть позже побудил партийный центр социал-демократов – Сибирское областное бюро РСДРП – принять аналогичное решение [21].

Мечты социалистов о демократии в России в очередной раз оказались утопией. А созданный вскоре усилиями Москвы “буфер” – Дальневосточная республика – стал едва прикрытой демократическими формами и политическими декларациями в духе народовластия тактической игрой. Игра закончится сразу, как только изменится военно-политическая ситуация, и большевистская Россия восстановит своё полномочное присутствие в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Резолюции IX Совета ПСР (июнь 1919 г., Москва) “Гражданская война и задачи партии социалистов-революционеров”, “Отношение к большевистской власти”, “О контрреволюционной опасности”. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. – М., 2000. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г. С. 458-462.
- Примечательно, что, призывая “третью силу” к непримиримой борьбе на два фронта, против всякой диктатуры, доктринёрски фетишизируя народовластие и его институты, эсеры в то же время предполагали использовать политическую форму трудовластия – советы – в качестве переходной ступени к народовластию. В резолюции IX Совета ПСР (июнь 1919 г.) “Отношение к большевистской власти”, подчёркивалось, что партия будет “вести борьбу за демократизацию советов, то есть за всяческое расширение и уравнивание избирательного права в советы, за упорядочение самих выборов, за свободу агитации..., а также за уничтожение в них большевистской диктатуры и бюрократии”. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 29; См. также: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 461.
- Судя по всему, “демократизируемые” советы должны были постепенно трансформироваться в органы парламентского типа.
- [2] Архивохранилище документов общественно-политических организаций и движений Государственного архива Новосибирской области (Новосибирск; далее – АДОПОД ГАНО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 673. Л. 22.
- [3] Протокол заседания Иркутской городской Думы от 10 января 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 36-36об.; Бюллетень информбюро Политцентра (Иркутск). 1920. 11 января.

№ 7.

- [4] Протокол заседания ЦК ПСР от 25 января 1920 г. – См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 606.
- [5] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 31об., 33-33об., 35-36; См. также: Протоколы заседаний ЦК ПСР от 14 января, 19 января, 25 января, 5 февраля, 9 февраля 1920 г. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 604, 605, 606-607, 609, 610-611.
- В извещении ЦК ПСР от 28 января 1920 г. местным партийным организациям отмечалось, что “образование в Восточной Сибири государства-”буфера” с правительством, опирающимся на народовластие, в наибольшей степени обеспечивает скорейшее освобождение Сибири как от японской, так и от всякой иной иноземной оккупации”. Основным (хотя и не единственным!) фронтом новой государственности должен являться, указывалось в документе, “фронт её против разбитой, но ещё не добитой контрреволюции и союзных с нею внешних империалистических хищников”. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 35-35об.
- [6] Протокол заседания ЦК ПСР от 25 января 1920 г. – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 606.
- [7] Информация председателя дальневосточного комитета РКП (б) И.Г. Кушнарёва в ЦК РКП (б) и СНК о положении во Владивостоке после антиколчаковского переворота 31 января 1920 г. (точная дата в документе не указана, подлинник). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 161. Л. 51об.
- [8] Тезисы Всесибирского краевого комитета ПСР “Основные положения по вопросу об образовании “буферного” государства в Восточной Сибири” (март 1920 г., Иркутск). – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток; далее – РГИА ДВ). Ф. Р -4676. Оп. 1. Д. 9. Л. 597; Центр документации новейшей истории Иркутской области (Иркутск; далее – ЦДНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 930. Л. 1-1об.
- [9] Резолюция ЦК ПСР по сибирским вопросам от 6 апреля 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 43об.; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 616-618.
- [10] Заявление членов Президиума временной земской власти Прибайкалья меньшевика И. Пятидесятникова и эсера А. Мехоношина в Президиум временной земской власти. – Архив внешней политики России (Москва; далее – АВП РФ). Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 3. Л. 106-107.
- [11]. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.
- [12] Запись беседы В.М. Чернова с членами английской делегации социалистов от 23 июня 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 65; См. также: Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова (23 июня 1920 г.). – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы... С. 651.
- [13] Ближайшее к моменту начала создания дальневосточного государства-”буфера” идеологическое обоснование подхода социал-демократов (меньшевиков) к проблеме соотношения пролетарской диктатуры и народовластия (демократии) было дано в документах Всероссийского совещания РСДРП (Москва, 4–14 апреля 1920 г.), что почти совпало по времени с выработкой позиции руководства меньшевистской партии в отношении предложений, сделанных большевистскими представителями И.Н. Смирновым и А.М. Краснощёковым на совещании в Иркутске 24-25 февраля 1920 г. по созданию фиктивно независимого от РСФСР “буферного” политического образования.
- В тезисах совещания “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” подчёркивалось, что “отрицание за трудящимися классами (не только пролетариатом. – А.А.) права на такое исключение или ограничение (политических и гражданских прав “эксплуататорских” классов. – А.А.) и апелляция против них к абсолютным демократическим идеалам не выдерживает критики”. – См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Диктатура и демократия”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Меньшевики в 1919–1920 гг. Отв. ред. З. Галили и А. Ненароков. – М., 2000. С. 429.
- Однако, исходя из неразвитости социально-экономических предпосылок для коренных социалистических преобразований в России и недостаточного субъективного восприятия идеи социализма самими трудящимися, в первую очередь крестьянством, социал-демократы увязывали, по их мнению, исторически и логически неизбежные меры “законной революционной самообороны” в виде ограничения или лишения гражданских и политических прав “непроизводительных” групп населения страны со слабостью самой “классовой проле-

тарской диктатуры”.

Поэтому, полагали меньшевистские теоретики, российский рабочий класс и социал-демократия как его политический авангард должны отказаться от форсирования процесса социализации, проводить разрушение старых и строительство новых социальных форм с возможно большей осторожностью и постепенностью. Только такие меры, по мнению меньшевиков, могли гарантировать укрепление диктатуры пролетариата, а также предотвратить реальную опасность вырождения этой диктатуры в “диктатуру убывающего меньшинства”. Отказ от соблазна радикализма в ходе социалистических преобразований устранил бы возможность раскола рабочего класса, избавил пролетариат от необходимости прибегать к рискованным исключительным мерам в отношении к эксплуататорам. Наконец, умеренность процесса преобразований должна была способствовать изживанию внутренней смуты и внешнего вмешательства, установлению гражданского мира.

В тех же тезисах апрельского (1920 г.) Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” речь шла и о специфике российского варианта “диктатуры пролетариата”, увязанной с особенностями произошедшей в России революции: “...Что же касается стран, стоящих на более отсталых ступенях экономического развития, где, однако, объективная неизбежность революции создана неспособностью буржуазии восстановить народное хозяйство после опустошений войны и остановить процесс развала старого государства, – то в таких странах ближайшей целью революции может быть лишь раздел власти (выделено в тексте документа. – А.А.) между пролетариатом и другими трудящимися классами (особенно мелким самостоятельным и полусамостоятельным крестьянством), причём руководящая роль в этом союзе обеспечивается за пролетариатом его ...способностью поднять уровень развития производительных сил всей страны”. И далее: “Этот раздел власти составит содержание переходного историческ[ого] периода – до тех пор, пока дальнейшее эконом[ическое] развитие в междунаро[дн]ом масштабе создаст ...предпосылки для диктатуры пролетариата”. – См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Политическая революция и диктатура пролетариата”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 7; Меньшевики в большевистской России... С. 427.

Подобный подход был продиктован своего рода извлечением уроков из последствий радикальной политики большевистского руководства, обескровившей страну и загнавшей её в тупик казарменного (“военного”) коммунизма, апогей которой пришёлся как раз на 1920 год.

[14] См.: Тезисы Всероссийского партийного совещания РСДРП при ЦК. 4–14 апреля 1920 г. “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” (12 апреля). Раздел “Диктатура и демократия”. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 73. Л. 9-10; Меньшевики в большевистской России... С. 431.

[15] Там же. – РГАСПИ... Л. 8-9; Меньшевики в большевистской России... С. 430.

[16] Там же. – РГАСПИ... Л. 9-10; Меньшевики в большевистской России... С. 430.

[17] Там же. – РГАСПИ... Л. 9; Меньшевики в большевистской России... С. 430.

[18] Там же. – РГАСПИ... Л. 10; Меньшевики в большевистской России... С. 431.

[19]. Там же. – РГАСПИ... Л. 6; Меньшевики в большевистской России... С. 428.

Выступая против вооружённой борьбы с большевистским режимом, меньшевики полагали возможным изживание большевизма изнутри, путём самоорганизации масс. Они надеялись, что сами трудящиеся через профсоюзы и политические партии (включая также и правящую партию) смогут установить подлинную рабочую демократию, действительную диктатуру пролетариата. Именно с этой целью социал-демократическая программа в политической её части была направлена на демократизацию уже существующих институтов трудовласти – советов.

В воззвании ЦК РСДРП к пролетариату России от 12 июля 1919 г. под названием “Что делать?” – по существу, программном манифесте российских социал-демократов – предлагались конкретные меры по установлению реального трудовласти. Они включали расширение избирательного права в советы для всех без исключения трудящихся, обеспечение тайны голосования и свободы предвыборной агитации, периодические перевыборы советов и их исполкомов в точно оговорённые законом сроки, лишение советов права по политическим мотивам исключать из своего состава отдельных депутатов или целые их группы.

Предусматривались дебюрократизация советов всех уровней, восстановление полноценной деятельности ВЦИК советов как высшего законодательного органа и лишение СНК права

вводить в действие какие бы то ни было законодательные акты без предварительного обсуждения и принятия их ВЦИКом. Советы сверху донизу должны были стать постоянно действующими и возможно теснее связанными с массами. За их работой предполагалось установление реального контроля снизу.

Меньшевики ратовали за широкое развитие разнообразных форм самоуправления трудящихся путём создания соответствующих институтов. Все партийные учреждения и ячейки должны были лишиться каких бы то ни было властных полномочий. Ещё одним условием трудовластиа социал-демократы считали реформу судебной системы: введение выборности всех судебных органов самими трудящимися, полную (и формальную, и фактическую) отмену смертной казни и ликвидацию любых независимых от суда органов следствия и расправы, в том числе чрезвычайных комиссий всех уровней.

Наконец, ЦК РСДРП призывал российский пролетариат бороться за восстановление демократических свобод для всех без исключения политических партий и союзов трудящихся. – См.: Воззвание ЦК РСДРП ко всем рабочим и работницам “Что делать?” от 12 июля 1919 г. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 63. Л. 7-7об.; Меньшевики в большевистской России... С. 230-237.

[20] 25 октября 1922 г. Бюро ЦК РСДРП постановило распустить все существующие партийные организации и создать новые, уже нелегальные структуры. Находившийся под идейным руководством Ю.О. Мартова и его сторонников “Социалистический вестник” был объявлен центральным органом партии. – РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 84. Л. 25.

Если партийный курс 1918–1921 гг. ориентировал на создание единого социалистическо-коммунистического революционного фронта, то “новая платформа” Мартова видела основную политическую задачу РСДРП в борьбе “всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики”. – См.: Выписки П.М. Никифорова из письма члена Дальцентра РСДРП Я.Я. Петровича в газету “Дальневосточный путь”, ЦК РСДРП и “Социалистический вестник”. – РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 67. Л. 33, 39.

[21] Ответная телеграмма ЦК РСДРП от 22 января 1920 г. (рядом с заголовком помета: “Резолюция 22 января 1920 г.”). – См.: Меньшевики в большевистской России... С. 329-330, 856.

A.A. AZARENKOV

DEMOCRATIC DOCTRINAIRES AND THE IDEA OF THE FAR-EASTERN “BUFFER” STATE IN THE LATE 1919 – EARLY 1920: A CHANCE FOR POLITICAL SURVIVAL?

The candidate of Historical Science, associate professor,
Senior research worker of the Amur State University
of Pedagogy and Humanities, Komsomolsk na Amure

The article brings forward the analysis of the ideological directives of the two basic social parties of Russia – Socialist-Revolutionaries and Socialist – Democrats (Mensheviks) at the end of the Russian Civil war. During the period in a separate region of the country – in the Far East – in connection with the idea to build an externally independent from “red” Moscow “buffer” state the “median” grouping seemed to have acquired a perspective to fulfil their political programs. However, the doctrinaire character of the logical and externally inviting intelligent-like projects, the isolation of democratic ideologies from the militant political realia of the country and the mentality of its population, the helplessness of the Socialist-Revolutionaries and Mensheviks in the political and organization spheres once again brought the idea of democracy in Russia to the naturally determined regrettable results. There wasn’t a real alternative to the dictatorship in Russia.

Key words: Far East republic, socialists-revolutionaries, social democrats, democracy, idea of democracy.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ МАРИОНЕТОЧНЫЙ “БУФЕР” В ПРИБАЙКАЛЬЕ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В статье рассматривается наполненный коллизиями и не лишённый острого драматизма процесс создания “буферного” государства на российском Дальнем Востоке. Показано, что длительное время центральное большевистское руководство не имело никакого, даже общего, представления о том, каким именно должен быть “буфер”. А прибайкальские большевики, в отличие от приморских коммунистов, в большинстве своём выступали против любых, даже декоративных отступлений от практики Советской России, полагая, что “буферная” тактика – это просто дипломатические разговоры, а вовсе не политические уступки. Лишь с середины 1920 г. “буферная” политика Москвы получила, наконец, конкретные очертания.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Прибайкалье, Советская Россия, большевистская политика, «буферная» тактика.

Принципиальным решением о создании “буферного” государства – Дальневосточной республики – в историографии принято считать постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 18 февраля 1920 г. Его смысл – образовать искусственное и временное “буферное” государство за Байкалом для отсрочки неминуемого военного столкновения с Японией [1]. Однако поставленная Москвой перед сибирскими и дальневосточными большевиками задача не содержала никаких конкретных деталей и была сформулирована лишь в самом общем виде. Поэтому ни в очищенном от “белых” и интервентов Прибайкалье, ни в, наоборот, наполненном японскими войсками и по сути оккупированном ими Приморье ещё довольно долго не было ясного понимания ни формы, ни содержания власти будущего государства. Да и судьба самого “буфера” – быть ему вообще или нет – не раз висела на волоске. Такое положение объяснялось не чем иным, как отсутствием у московского руководства сколько-нибудь конкретного плана, – какую именно тактику избрать в отношении региона.

Вместе с упомянутой директивой Москвы тогдашний председатель дальневосточного комитета РКП (б) И.Г. Кушнарёв получил в конце марта 1920 г. в Иркутске краткую информацию от председателя Сибирского ревкома И.Н. Смирнова: “В Верхнеудинске образуется “буферное” правительство, при котором наш уполномоченный т. Краснощёков. Все дальневосточные правительства должны согласовываться с действиями и складываться по типу Забайкальского (в действительности речь о Прибайкальском, или, иначе, Верхнеудинском правительстве, поскольку в Забайкалье вплоть до конца октября 1920 г. находилась так называемая “читинская пробка” – прояпонский режим атамана Семёнова. – А.А.) ...Даны будут указания дальневосточным партийным бюро (группам большевистского Дальбюро в Верхнеудинске и Владивостоке. – А.А.) после выяснения положения Забайкалья (Прибайкалья. – А.А.) и выработки государственного строя “буферного” государства” [2].

Как видно, решение вопроса о форме власти “буфера” и конкретном содер-

* © Азаренков А.А.

жании его политики на какое-то время откладывалось. Вполне вероятно, эта неопределённость тогда была связана с неясной и быстро менявшейся ситуацией в регионе и отсутствием у Москвы достоверной информации из-за отсутствия регулярной связи. Скорее всего, в создавшейся тогда обстановке большевистское руководство понятия не имело, что именно делать с Дальним Востоком, а потому предпочло не делать вообще ничего и временно “заморозить” какие-либо конкретные шаги в отношении региона, воздержавшись лишь от его немедленной советизации.

Не был ясен и упомянутый сибирским большевистским лидером И.Н. Смирновым “тип” Верхнеудинского “буфера”. По той же причине – отсутствию конкретных директив Москвы – приморские большевики, связанные непосредственным присутствием в этой области Дальнего Востока японских интервентов, были вынуждены принимать важнейшие решения самостоятельно, будучи поставлены перед необходимостью немедленно создавать какую-то “промежуточную” демократическую форму власти. Непоследовательные тактические шаги приморских коммунистов определялись обстоятельствами, складывавшимися под влиянием извне, а потому носили характер оперативного реагирования на те или иные постоянно возникавшие проблемы, связанные с угрозой военного вмешательства интервентов. За сравнительно короткое время в Приморье при активном участии большевиков было создано “буферное” образование. С созывом Временного Народного собрания Дальнего Востока, ставшего органом власти парламентского типа, здесь утвердился основанный на принципе разделения властей легитимный режим. Дипломатическое и военное давление извне вынудило проводить курс на последовательную демократизацию приморского “буфера”, привлечение социалистических и даже буржуазных политических группировок, а также беспартийных “цензовых” элементов к участию в государственном строительстве.

“Буфер” в Приморье сыграл свою роль и на несколько месяцев отвлек внимание интервентов от событий в Прибайкалье, а Москва получила время для обдумывания ситуации в регионе и выработки плана “буферного” тактического маневра.

В то время как в Приморье полным ходом началось строительство реально самостоятельного “буферного” государства с демократическими институтами власти, в Прибайкалье, как ни в чём ни бывало, продолжала существовать привычная земская власть – орган областного самоуправления. Однако такая конструкция была приемлема лишь на переходном этапе, в качестве временной замены прежней колчаковской администрации. Поэтому после директивы Москвы о создании “буфера” перед коммунистами в Прибайкалье встал задача реорганизации земства, изначально являвшегося только местной властью, во власть государственную, а в перспективе – и общерегиональную. Этот шаг имел даже не столько политическую, сколько пропагандистскую направленность: от имени самого населения провозглашалось создание “буфера” и избирались структуры власти, приемлемые для держав, а значит, полномочные для ведения от своего лица дипломатических переговоров с Японией и, возможно, с Америкой.

28 марта 1920 г. в Верхнеудинске прибайкальские большевики инициировали созыв так называемого “съезда трудового населения Прибайкалья”, призванного сыграть роль учредительного и легитимировать перед державами

полностью подконтрольную коммунистам власть. Выборы его делегатов (около 350 чел.) проводились на основе смешанного территориально-производственного принципа: от волостных самоуправлений, казачьих станиц, сельских исполкомов, армии, профсоюзов и других общественных организаций. Представительство от крестьян определялось весьма приблизительно и исходило из расчёта: 1 делегат на 1000 человек, от рабочих и солдат – 1 делегат на 300 человек. О подлинно демократических выборах не было и речи, поскольку применялось положение Конституции РСФСР 1918 г., лишавшее избирательных прав “эксплуататорские классы”. Более того, на самом съезде производилась дополнительная “фильтрация” делегатов путём лишения нежелательных элементов права решающего голоса [3]. Работой съезда полностью руководили коммунисты, а сам он вряд ли может считаться легитимным.

Социалистические группировки, по решению своих сибирских партийных центров, отказались войти в состав создаваемой таким образом власти. Тем не менее, представители от социалистов принимали участие в работе съезда в качестве делегатов, избранных от органов самоуправления.

Эсеры и меньшевики использовали трибуну съезда для борьбы за демократизацию прибайкальского “буфера”. Меньшевик В.Е. Мандельберг предложил обсудить вопрос об участии во власти социалистических партий, обязав коммунистов прийти к соглашению с руководящими центрами ПСР и РСДРП относительно их условий [4]. Социалисты поставили под сомнение продекларированный демократический характер Верхнеудинского режима, в частности, порядок выборов делегатов на учредительный съезд. “Созидая “буфер”, нужно создать в нём истинно демократическую власть, – заявили меньшевики. – При демократической же власти по самому существу принципа демократизма обязательно все должны пользоваться всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием” [5]. Эсеры предложили съезду принять за основу формулу созыва Учредительного собрания с участием в нём представителей всех слоёв населения, избранных на принципах так называемой “четырёххвостки” – всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании [6].

Однако послушное коммунистам большинство съезда отвергло эти предложения. “Нужно, чтобы в “буфере” была власть в руках рабочих и крестьян, – заявил выступивший от имени рабочих делегат Белоусов. – Нечего брататься с буржуазией и вводить всеобщее, равное для всех голосование, как здесь предлагают правые социалисты. Это будет преступление против народа” [7]. Аналогичный настрой присутствовал в выступлениях многих других делегатов. Все без исключения поправки, предложенные на съезде эсерами и меньшевиками, были отклонены.

Большинство съезда продолжало мыслить идею “буфера” лишь как смену вывески при сохранении советских форм и содержания проводимого курса. “У народа – стремление к советской власти. Вынужденные пойти против этого стремления, то есть создавая иную, смешанную власть, мы, однако, ни на йоту не должны отступать от советских идей”, – подчеркнул делегат Лебедев [8]. А одна из предложенных большинством съезда поправок к резолюции о власти в “буфере” вовсе предусматривала исключение из её состава представителей земства как “не заслуживающих доверия трудового населения”. Нет особых сомнений, что она была бы принята, если бы не вмешательство докладчика по вопросу о текущем моменте А.М. Краснощёкова: “Исключив представителей

земства из состава власти, мы тем самым исключаем самую сущность “буфера”, который построен именно на начале привлечения к власти представителей общественности и всех социалистических партий” [9]. После такого заявления внесённая поправка всё же была отклонена.

6 апреля 1920 г. съезд утвердил декларацию об образовании Дальневосточной республики (ДВР). В этом документе говорилось о создании на территории Верхнеудинского “буфера” “демократической власти, олицетворяющей волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей”. Всем группам населения гарантировались демократические свободы, “обеспечивающие мирное развитие общественных сил” [10]. Официально новая власть называла себя “народно-революционной” [11]. В качестве органа такой власти декларация съезда определила Временное правительство ДВР – “пленум народно-революционной власти”. Сосредоточивая все военные и гражданские полномочия, Временное правительство было связано главной задачей – “выработать закон о народном Учредительном собрании и подготовить созыв такового”. Указывалось, что Учредительное собрание будет создано, “как только завершится объединение Забайкалья (Прибайкальской области. – А.А.) с другими областями русского Дальнего Востока, дабы дать ДВР демократическую Конституцию” [12].

Если осмыслить содержание процитированных положений, то внешне декларация выглядит достаточно привлекательно, поскольку предполагает, что власть избирается волей народа и в дальнейшем собирается согласовывать с народом же свои действия. Более того, эта власть – временная, и в будущем она подготовит созыв народного представительства – Учредительного собрания всего региона, и уступит ему своё место. Однако если рассматривать декларацию не изолированно, а в реальной обстановке того времени, с учётом как предшествовавших её появлению, так и последующих событий, иными словами, если наполнить её формулировки конкретным содержанием, то лишь с очень большой натяжкой можно будет назвать утверждавшийся в Прибайкалье режим демократическим даже по его форме.

Что из себя представлял “пленум народно-революционной власти” – Временное правительство? Ещё накануне созыва коммунистами съезда, когда социалистические партии входили в Президиум земской власти Прибайкалья, Верхнеудинская группа Дальбюро РКП (б) предприняла очередную попытку убедить эсеров и меньшевиков согласиться участвовать во Временном правительстве ДВР. Для решения этого вопроса была созвана межпартийная согласительная комиссия. На её заседании 27 марта 1920 г. социалисты выдвинули свой проект формирования временной “буферной” власти. В основу проекта был положен “соборный” принцип корпоративного представительства от политических партий и общественных организаций. В состав пленума власти, согласно проекту, делегировались по 3 представителя от каждой из политических партий коммунистов, эсеров и меньшевиков, 3 кандидатуры от областного земства и по одной – от крестьян, рабочих и кооперации. Из своего состава пленум выделял более узкий президиум – 6 человек (по 2 от каждой из политических партий) [13].

Такая конструкция устраивала социалистов по двум причинам. Во-первых, она давала возможность практически осуществить важнейший демократический постулат – разделение властных функций и институтов власти на за-

конодательные и исполнительные. Во-вторых, паритетный принцип формирования президиума власти позволял де-факто провести в жизнь одно из главных условий сибирских центров социалистических партий – согласие Москвы на создание “буферного” государства с участием социалистов непременно должно быть закреплено законодательным актом ВЦИК и СНК РСФСР в качестве официального соглашения центральных комитетов РКП (б), РСДРП и ПСР.

Со своей стороны, большевики настаивали на расширении состава пленума образуемой власти. Помимо предложенного социалистами состава этого органа, в него вводилось такое же число членов, избранных “съездом трудового населения”. Президиум, по проекту коммунистов, должен был состоять из выделенных пленумом 5 лиц: по одному от каждой из трёх партий, а также по одному представителю от рабочих и от крестьян. Кроме того, большевики, как и прежде, выдвигали дополнительные условия, касавшиеся распределения министерских постов. Четыре ключевых портфеля – административный, труда, военный и иностранных дел – оставались “забронированными” за РКП (б). Весь высший состав армии назначался только Москвой и состоял из одних коммунистов [14].

Понятно, что предложенный большевиками проект создания власти Верхнеудинского “буфера” совершенно однозначно был нацелен на закрепление за РКП (б) командных позиций и сохранял возможность осуществления политической диктатуры партии в сфере управления. Член Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) А.А. Ширямов в информации для ЦК партии особо выделял тот факт, что решение Дальбюро в любом случае обеспечить созыв “крестьянско-рабочего съезда” преследует цель добиться “преобладания в пленуме трудовых элементов” [15].

Эсеры и меньшевики категорически отказались от участия во власти на столь неравноправных условиях. К моменту открытия учредительного съезда из-за этого создалось критическое положение. “Активное участие правых социалистических партий и даже земцев в строительстве “буфера” необходимо для установления видимости для иностранцев”, – телеграфировал А.М. Краснощёков члену Сибревкома В.М. Косареву [16]. Между тем земская власть официально уже сложила свои полномочия, а социалисты в составе органов самоуправления получили категорические указания своих сибирских партийных центров ни в коем случае не соглашаться на уговоры коммунистов заставить земство выполнять во всём объёме функции государственной власти [17].

Прибайкальские большевики предприняли ещё одну попытку привлечь социалистические группировки к строительству “буфера”, на этот раз от имени “съезда трудового населения Прибайкалья”. Последний принял специальную резолюцию – “Обращение к социалистическим партиям”, в которой эсеры и меньшевики призывались “прийти на помощь трудовому народу в его созидательной работе, приняв участие в формировании органов государственной власти” [18]. Однако и это обращение, впрочем, не обещавшее никаких уступок, осталось без ответа. 5 апреля 1920 г. члены Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) направили в ЦК и лично В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому паническую телеграмму, в которой сложившееся положение характеризовалось как угрожающее: “Ввиду отказа меньшевиков, эсеров, также земцев войти в новое правительство – “буфер” на волоске” [19].

Тем не менее, в полном соответствии с предыдущей ленинской ультиматив-

ной угрозой эсерам и меньшевикам от 9 марта 1920 г., коммунисты не сделали социалистам никаких уступок [20]. В результате съезд избрал пленум власти только из 14 представителей (вместо намеченных 25). Выборы производились отдельно от каждой из формально беспартийных курий: 10 представителей от крестьян, 2 – от рабочих, 1 – от армии, 1 – от казачества. В числе прошедших в состав Временного правительства ДВР от крестьян были коммунисты А.М. Краснощёков (он стал председателем правительства), Ф.Н. Петров, Д.К. Смолен, Н.К. Гончаров, А.А. Ширямов, А.И. Блинников. “6 известны как коммунисты, остальные свои, но считаются беспартийными, 2 даже бывших эсера. Кроме них, вошло 2 бурята правые, один эсер от сибсоюза”, – телеграфировал А.М. Краснощёков в Москву [21]. 11 мест в составе Временного правительства остались вакантными, поскольку предназначались для политических группировок, а также представителей от земства.

Временное правительство получило всю полноту гражданской и военной власти на территории Прибайкалья. Из своей среды оно избрало президиум в составе 9 членов. Президиум назначил ещё один коллегиальный орган власти – Совет министров. Министрами могли быть как члены Временного правительства, так и любые другие приглашённые в его состав лица. Таким образом, пленум власти – Временное правительство ДВР – представлял собой широкую по составу структуру, концентрировавшую законодательные и исполнительные функции по образцу советов РСФСР. В рамках этой “работающей корпорации” действовали две коллегии – президиум и Совет министров. Соответственно, первая коллегия задумывалась для подготовки и издания правовых норм, вторая – для их исполнения.

Однако правовой статус пленума “буферной” власти (т.е. самого Временного правительства) за весь период его существования так и не был разработан. Хотя с течением времени довольно громоздкая структура Верхнеудинского государственного образования претерпела определённые и, судя по всему, неизбежные изменения в сторону её упрощения. Практика работы постоянно действующих президиума и Совмина, тесно связанных между собой отсутствием сколько-нибудь чёткого разделения функций, сделала существование пленума излишним. Начиная с сентября 1920 г. последний вообще перестал созываться. Фактическая ликвидация пленума вела к значительному усилению роли узко-коллегиального президиума. Концентрация полномочий в руках нескольких лиц произошла и в Совете министров. Последний стал работать в пленарном порядке, а его постояннодействующим звеном, созданным для “оперативного рассмотрения” текущих вопросов, сделался президиум Совмина [22].

Такова в общих чертах структура власти Прибайкальского “буферного” образования, просуществовавшего с апреля по октябрь 1920 г. под названием “Дальневосточная республика”. Подведём итоги. Созданная именем народа, волей его представителей – делегатов “съезда трудового населения Прибайкалья”, “народно-революционная власть” строилась исключительно на основе использования “заготовок” и накопленного опыта советской политической системы. Обеспечивалось соединение законодательных и исполнительных функций и органов власти, осуществляющих эти функции. Власть наделялась исключительно широкими полномочиями при том, что она сосредоточивалась в руках всего лишь нескольких лиц: 9 членов президиума Временного правительства и 3-4 членов президиума Совмина. Структуры власти Прибайкалья

оставались полностью безответственными и никому не подконтрольными, ибо, в отличие от Приморья, в Верхнеудинском “буфере” до созыва Учредительного собрания Дальнего Востока не предусматривалось создания временного представительного учреждения – предпарламента. Единственный представитель от оппозиции – член Сибирского союза эсеров, вошедший в состав Совета министров, не играл никакой реальной роли, поскольку не был включён в президиум Совмина. Все официальные посты в структурах власти Прибайкальского “буфера” занимали исключительно коммунисты. Поэтому утвердившийся в Верхнеудинске политический режим можно считать демократическим по одной лишь его вывеске, и не более. Хуже того, тенденция в эволюции системы власти однозначно указывала в сторону всё большего авторитаризма.

Такой подход к строительству власти объяснялся неготовностью и нежеланием местных коммунистов создавать “буфер” всерьёз и по существу, на практике отказываясь от проведения советской модели. ДВР мыслилась большинством местных большевистских функционеров лишь как дипломатическая ставка Москвы, её кратковременный тактический маневр, но никак не в видах особого государственного организма с отличной от советской формой власти.

Между тем внимание большевистского руководства вплоть до середины лета 1920 г. было сконцентрировано на совсем другом, европейском, направлении – военных действиях против Польши, которые должны были “подтолкнуть” пролетарскую революцию, а следовательно, обеспечить последующую помощь Стране Советов со стороны победившего пролетариата Запада. И только провал этих надежд заставил Москву вернуться к дальневосточной проблеме.

17 июля и 5 августа 1920 г. вопрос о “буфере” обсуждался на пленумах ЦК РКП (б). Решено было образовать комиссию в составе Г.В. Чичерина, Н.Н. Крестинского и Е.А. Преображенского для подготовки проекта теперь уже развёрнутой директивы. Комиссия обсудила доклад Сиббюро ЦК, который сделал И.Н. Смирнов, а также тезисы, от имени Верхнеудинской группы Дальбюро представленные прибывшим в Москву Краснощёковым. Предложения последнего и были приняты комиссией ЦК за основу подготовленного проекта [23]. Этот проект 13 августа 1920 г. рассмотрело и утвердило Политбюро ЦК РКП (б). Директивный документ получил название “Краткие тезисы по Дальневосточной республике”. В нём определялись форма организации бутафорского по своей сущности “буферного” государства, основные черты и механизмы реализации “мягкого”, “завуалированного” большевизма на Дальнем Востоке. “Буферная” политика Советской России получила, наконец, конкретные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Архивохранилище документации новейшей истории Государственного архива Читинской области (Чита; далее – АДНИ ГАЧО). Ф. 4307. Оп. 2. Д. 904. Л. 12, 14.
 - [2] Там же. Л. 12-13.
- В черновых вариантах своих воспоминаний, не попавших в тщательно отредактированные и отретушированные опубликованные мемуары П.М. Никифорова, и отложившиеся в его личном архивном фонде, будущий премьер ДВР отмечает, что при образовании двух групп Дальбюро РКП (б) в марте 1920 г. “ЦК партии, не предопределяя политического режима на Дальнем Востоке, исключал только возможность восстановления там Советской власти. Установление политического режима и формы власти предоставлялось на усмотрение Даль-

- бюро с последующим утверждением ЦК партии... Таким образом, было твёрдо определено, что Дальбюро и коммунистические организации должны были положить в основу своей деятельности по изживанию интервенции не военную, а политическую тактику". – См.: Записи, заметки, наброски, выписки П.М. Никифорова по истории создания ДВР. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 144. Оп. 1. Д. 80. Л. 144.
- [3] Протоколы заседаний съезда трудящихся Прибайкалья. – Архив внешней политики России (Москва; далее – АВП РФ). Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 1. Л. 10-36об.; См. также: Информация И.Н. Смирнову (в Москву, ЦК РКП (б)) из Верхнеудинска (от члена Дальбюро РКП (б) Н.К. Гончарова) о военно-политическом положении в Забайкалье и на Дальнем Востоке от 1 апреля 1920 г. – Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета / Сост. М.П. Малышева, В.С. Познанский. Гос. арх. Новосиб. обл. Новосибирск, 1996. С. 32-33; См. также: Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР. Томск, 1978. С. 13-19; Сонин В.В. Становление ДВР (1920–1922 гг.). Дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток, 1990. С. 88-89.
- [4] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 1. Л. 16об.
- [5] Там же. Л. 17.
- [6] Там же. Л. 18.
- [7] Там же. Л. 18.
- [8] Там же. Л. 18об.
- [9] Там же. Л. 19об.
- [10] Сонин В.В. Становление ДВР... С. 88-89.
- [11] Там же. С. 90-91; См. также: Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР... С. 16.
- [12] Сонин В.В. Становление ДВР... С. 89.
- [13] Краткая отчётная сводка Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) для ЦК РКП (б) от 29 марта 1920 г. (Составлена А.А. Ширямовым по поручению Дальбюро РКП (б)). – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 19; Архивохранилище документации новейшей истории Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск; далее – АДНИ ГАХК). Ф. 487. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- [14]. Там же.
- [15] Там же; См. также: Отчёт Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) в ЦК РКП (б). (Составлен А.А. Ширямовым и Н.К. Гончаровым; точная дата в документе не указана). – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 8; См. также: Телеграмма члена Дальбюро РКП (б) Н.К. Гончарова в Омск (Сиббюро ЦК РКП (б)) от 24 марта 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.
- [16] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 12. Д. 18. Л. 141-141об.
- [17] Инструкция Всесибирского краевого комитета ПСР дальневосточным партийным работникам (точная дата в документе не указана). – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.
- [18] Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР... С. 16.
- [19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 248. Л. 49; АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 3. Л. 138.
- [20] Известная телеграмма В.И. Ленина председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 9 марта 1920 г. гласила: "Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы". – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 156.
- Одновременно В.И. Ленин направил телеграмму в Иркутск уполномоченному Наркоминдел в Сибири Я.Д. Янсону почти аналогичного содержания: "Меньшевики и эсеры должны войти в "буферное" правительство без всяких условий. Если не подчинятся нам без всяких условий, будут арестованы". – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 413.
- [21] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 12. Д. 18. Л. 199.
- [22] Государственный архив Хабаровского края (Хабаровск; далее – ГАХК). Ф. 18. Оп. 1 (Вступительный текст к описи). Л. 5; См. также: Сонин В.В. Становление ДВР... С. 90-92.
- [23] АДНИ ГАЧО. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 904. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 158. Л. 6а; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток; далее – РГИА ДВ). Ф. Р -4634. Оп. 1. Д. 495. Л. 570.

A.A. AZARENKOV

BOLSHEVIKS' PUPPET' "BUFFER" IN PRIBAJKALJE AND THE PROCLAMATION OF THE FAR EASTERN REPUBLIC

The candidate of Historical Science, associate professor,
Senior research worker of the Amur State University
of Pedagogy and Humanities, Komsomolsk na Amure

The article deals with the collision loaded and dramatically peaky process of the establishing of the "buffer" state in the Russian Far East. The central Bolsheviks' governance is shown as the one, that didn't have any general concept of what a "buffer" should be like. But most of the Pribaikalje Bolsheviks, as opposed to the Primorje communists, disputed against all the deviations from the Soviet Russia's practices, even the decorative ones, supposing the "buffer" tactics to be just diplomatic talks, instead of real political concessions. Only from the middle of 1920 the "buffer" politics of Moscow had finally got a concrete outline.

Key words: Far East republic, Pribaikalye, the Soviet Russia, the Bolshevik policy, "buffer" tactics.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ДЕЛ ЛИШЕННЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЗА ЗАНЯТИЕ ЧАСТНОЙ ТОРГОВЛЕЙ В ТВЕРСКОМ РЕГИОНЕ (1918 – 1936)*

В данной статье рассматривается процесс формирования личных дел лиц, лишенных избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону в 1918-1935 гг. Анализируется структура личного дела, количественный и качественный состав документов. Особое внимание уделено классификации исследуемого источника.

Ключевые слова: лишение избирательных прав, личные дела, частная торговля, Тверской регион.

Исследование проблемы лишения избирательных прав за занятие частной торговлей напрямую связано с процессами и явлениями, происходившими в советском государстве в период его становления, формирования аппарата власти, системы и механизмов регулирования и управления таковыми.

Зачем нужно было государству лишать избирательных прав определенные категории населения страны? Какую цель преследовало государство, проводя репрессивную политику в отношении граждан, которые и до 1917 г., и на момент лишения их избирательных прав занимались частной торговлей?

В данном научном исследовании использованы документы, отложившиеся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в фондах органов советской власти: губисполком – в делах организационного и финансового отделов; горсоветов – всего четыре [1]; районных исполнительных комитетов [2]; избирательных комиссий: губернской (окружной), городских, районных и сельизбиркомов.

Личные дела лишенных избирательных прав являются составными по своей структуре, то есть в них входят разновидности документов (исторических источников), которые классифицируются, с точки зрения формирования личного дела лишенца-торговца, на личные и официальные документы.

Личные документы – это те, которые лишенец лично предоставляет в соответствующий орган власти при возбуждении ходатайства о восстановлении в избирательных правах. Это, как правило, кроме заявления, справки с мест работы, о состоянии здоровья и т.п.

Официальные – это документы, которые подшиваются к личному делу лишенца в процессе прохождения ходатайства о восстановлении в избирательных правах, то есть непосредственно составленные работниками тех органов власти, в которых рассматривалось ходатайство лишенца.

В особую группу можно выделить заявления (или в некоторых случаях акты опроса) свидетелей, но при условии, что свидетели самостоятельно подавали свои заявления (прошения или доносы), а не передавали их в руки лишенца с целью, чтобы он приложил этот документ к своим личным документам, подаваемым в органы власти для их последующего рассмотрения там.

Но так как проследить этот процесс точно в каждом случае, вероятно, не

* © Карпычева Е.В.

представляется возможным, то критерием выделения этой разновидности источников в данной классификации может послужить сам характер свидетельских показаний. Другими словами, если свидетели давали показания против лишенца, то, вероятно, они самостоятельно подавали свои заявления в органы власти, а не осуществляли это мероприятие через лишенца.

Если же провести классификацию документов личного дела лишенца-торговца с точки зрения времени происхождения, то она будет уже несколько иной – документы, возникшие до лишения избирательных прав и после лишения, с последующей углубленной классификацией, подразделяющей означенную совокупность источников на: документы, составленные лишенцем-торговцем (заявления-ходатайства о восстановлении в избирательных правах и др. документы); документы органов власти (выписки из протоколов заседаний избирательных комиссий и президиумов исполнительных соответственных органов местной власти); документы, содержащие свидетельские показания (доносы, свидетельствующие против лишенца-торговца, заявления, подаваемые свидетелями в качестве ходатайств о восстановлении в избирательных правах лишенца; документы различных учреждений и ведомств (справки с места работы, о состоянии здоровья, о службе в армии) и т.п.

Таким образом, по времени возникновения данную совокупность документов можно разделить на три группы.

Первая группа: патенты (разрешение на осуществление торговли), удостоверения, документы, удостоверяющие, что их владельцы определенный период времени состояли на учете на бирже труда, медицинские справки, свидетельствующие об инвалидности лишенца, квитанции почтовых денежных переводов от детей или иных родственников, – возникали, как правило, до момента лишения избирательных прав.

Вторая группа: документы, которые были созданы непосредственно в момент лишения избирательных прав: это протокол избирательной комиссии (в деле – это, как правило, выписка); уведомление персональное о лишении избирательных прав, посылаемое на домашний адрес лишенца.

Третья группа: документы, возникшие в ходе процесса восстановления в избирательных правах: заявление (ходатайство) о восстановлении в избирательных правах; справки с мест работы, о состоянии здоровья (так как они могли быть выписаны как до, так и после лишения избирательных прав), о выборке патентов, об имущественном положении и размере дохода; заявления (доносы) свидетелей, различные сопроводительные документы (письма и ответы на запросы органов власти, рассматривающих заявление (ходатайство) лишенца и т.п.

Личное дело лишенца начинает формироваться с момента подачи им заявления о восстановлении в избирательных правах. Постепенно, в процессе происхождения ходатайства по инстанциям, в дело подшивались новые документы.

По количественному и качественному составу и состоянию документов следует отличать личные дела лишенцев, проживавших и в основном осуществлявших торговую деятельность в сельской местности, от городских лишенцев-торговцев.

По Тверской области достаточно четко прослеживается следующая тенденция. В личных делах сельских торговцев, как правило, отсутствуют документы (справки) с мест работы или о состоянии здоровья или документы,

удостоверяющие, что данное лицо состояло на учете на бирже труда – по той причине, что сельские торговцы, в большинстве своем, занимались сельскохозяйственным трудом на своей или колхозной земле, а торговля для них была дополнительным источником дохода. Ну и, конечно, жители сельской местности редко, если только по крайней необходимости, обращались за помощью в лечебные учреждения.

Таким образом, в личные дела сельских лишенцев-торговцев входили в основном такие документы: заявление (ходатайство); выписки из протоколов органов власти, рассматривающих заявление лишенца; свидетельские показания; документы, освещающие состав домохозяйства сельского торговца.

По своей структуре и принципу формирования, а структура, вне всякого сомнения, должна зависеть от принципа формирования, аналогична во всех случаях. Другими словами, вне зависимости от административно-территориальной принадлежности (г. Тверь; районный центр; сельская местность) и, соответственно, подчиненности вышестоящему органу какого-либо местного органа власти. Принцип же формирования заключается в обеспечении требующейся информацией (документальной базой) того органа, в котором оно (личное дело) должно было рассматриваться.

Итак, в зависимости от количества инстанций, через которые прошло личное дело (или где оно рассматривалось), формировалась его структура в количественном и качественной отношении. Иначе говоря, продолжительность процесса восстановления оказывала непосредственное влияние на количество документов, отложившихся в деле, и их содержание, что, в свою очередь, напрямую зависело от уровня органов власти, в которых рассматривалось личное дело.

В ходе изучения совокупности личных дел, отложившихся в указанных фондах ГАТО, удалось установить следующие факты. Документы в них подшиты без соблюдения хронологической последовательности или какой-либо иной системы, то есть в совершенно произвольном порядке. Вероятнее всего, в данном случае, люди, за это отвечающие, руководствовались одним простым и весьма очевидным критерием – принадлежности документов (личных и официальных) какому-либо конкретному лицу (лишенцу-торговцу).

Следует отметить, что в фондах ГАТО встречаются «двойные» дела, то есть два дела, «заведенные» на одного и того же человека, которые, конечно же, дополняют друг друга. Основная причина этого явления, вероятно, заключается в самом механизме восстановления в избирательных правах. Так как, согласно соответствующим законодательным и подзаконным актам (см. § 1 настоящей главы), частного торговца могли восстановить в избирательных правах, а через год, во время очередной выборной кампании, повторно включить в списки лишенных избирательных прав (ошибочно или по постановлению соответственного органа власти). В этом случае, чаще всего, по факту возбуждения лишенцем ходатайства о восстановлении в избирательных правах, начинало формироваться новое личное дело.

Подобная ситуация могла возникнуть, если документы личного дела в случае отказа в восстановлении избирательных прав не возвращались из вышестоящего органа власти после его рассмотрения там, а лишенец через определенный промежуток времени (через год) снова возобновлял ходатайство о восстановлении в гражданских правах.

Таким образом, документы личных дел лишенных избирательных прав за занятие частной торговлей имели весьма разнообразные условия происхождения: в зависимости от временного периода, в который тот или иной документ был создан, имея в виду, в данном случае, периоды: до и после лишения избирательных прав; до и после 1917 года: от уровня органа власти или государственного учреждения (организации) в котором был создан документ и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 604 – Тверской горсовет; Ф. Р – 1382 – Новоторжский горсовет; Ф. Р – 1695 – Вышневолоцкий горсовет; Ф. Р – 1535 – Осташковский горсовет.
- 2 Там же. Ф. Р – 2045 – Бологовский РИК; Ф. Р – 1665 – Лихославльский РИК; Ф. Р – 2710 – Торопецкий РИК и др.

Е. Karpycheva

OCCURRENCE AND PROCESS OF FORMATION OF PRIVATE AFFAIRS OF THE DEPRIVED SUFFRAGES FOR EMPLOYMENT BY PRIVATE TRADE IN THE TVER REGION (1918 – 1936)

In the given article the Emerging and formation process of Personal cases deprived the election rights to merchant activity in Tver Province within 1918 – 1935 period are analyzed. The Composition of personal cases, their structure, quantitative and qualitative content of the documents are as well as considered. Special attention is drawn to the classification of such documents and cases.

Key words: disfranchisement, private affairs, private trade, the Tver region.

НЭП: СТОЛКНОВЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ*

В статье на широком круге источников, включая документы из ранее закрытых архивных фондов, с новых позиций дан анализ политических процессов, протекавших в российском обществе в первой половине 20-х годов XX века. Показана организация и проведение избирательных кампаний в Советы в период осуществления политики «оживления Советов» (1924 – 1926 гг.). Излагаются меры, предпринятые властью для направления политической активности крестьянства в русло советского строительства. Анализируются причины, приведшие к бойкоту выборов 1924 г., а также причины, которые привели к отказу от попыток демократизации избирательной системы страны; подчеркивается дискриминационный характер законодательства в отношении сельского большинства населения страны.

Ключевые слова: НЭП, политические процессы, избирательная кампания, советы, законодательство.

Переступая порог двадцать первого века, мы все чаще оглядываемся назад, в век двадцатый, пытаюсь понять всю его противоречивость. Вглядываясь в то, не столь отдаленное, время, мы не можем не заострить свое внимание на начале 1920-х гг., времени, по своему внутреннему содержанию в чем-то похожем на ситуацию в современной России. В этом плане опыт реформирования Советов в 20 - е годы, на наш взгляд, представляет определенный интерес для современных реформаторов. Обращение к истории Советов дает возможность сегодня глубже изучить взаимоотношения государства и общества, крестьянства и власти в советский период, преломление в гражданском сознании представлений о деятельности властных органов, способы манипулирования избирателями и т. д.

Исследования политических процессов в деревне в условиях НЭПа свидетельствуют о столкновении двух противоречивых тенденций: тенденции к демократизации и тенденции к авторитаризму, организационно поддерживавшейся сверху и имевшей определённую социальную почву в деревне. В исследуемый период эта дихотомия политического развития деревни прошла в своей эволюции несколько этапов. На первом этапе (1921 - 1923 гг.) Советы продолжали действовать в духе военного коммунизма. Их деятельность обычно наталкивалась на пассивность, равнодушие и безынициативность подавляющей части сельского населения. Для этого этапа характерным было упрощение структуры и сокращение численности сотрудников. Конституция РСФСР 1918 г. установила структуру органов власти снизу доверху, от сельских Советов до ВЦИК. Население получило по Конституции право участвовать в выборах соответствующих Советов. Однако жесткая система управления, сложившаяся в условиях «военного коммунизма» и Гражданской войны, свела к минимуму провозглашенные конституцией избирательные права.

К концу Гражданской войны регулярность проведения выборов почти повсеместно была нарушена. Функции Советов были значительно ограничены.

* © Скрыпников А.В.

Различные чрезвычайные органы подчас подменяли собой Советы. К тому же выборы проводились, как правило, открытым голосованием на безальтернативной основе. Широко использовалась практика лишения части населения избирательных прав. В результате действия всех этих факторов сам процесс выборов сформировался к концу Гражданской войны в систему прямого назначения на соответствующую должность. Сколько-нибудь целенаправленной политики в этой сфере не было. Помимо введения НЭПа, В.И. Ленина волновали, главным образом, острейшие проблемы бюрократизма и непомерного разбухания аппарата (его штаты составляли 5,7 млн. чиновничьих мест) [1], что вождь оценивал как извращения рабочего государства». Тем не менее, в августе 1921 года, видя к чему привело окоммунистичивание Советов, он призвал «оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных» [2]. В целом же серьезными мерами этот лозунг подкреплен не был. Лишь на следующий год, заметив, что «вырывается машина, из рук ... едет не совсем так, и очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины» [3], В.И. Ленин всерьез обращает внимание на содержательные аспекты системы государственного управления, которая находилась в состоянии глубочайшего кризиса. Несмотря на окончание Гражданской войны, во многих регионах продолжалось создание ревкомов. В 1921 г. их было организовано 4240 [4], т.е. в 6,4 раза больше, чем в 1918 г. Но даже там, где существовали местные Советы, они практически были безвластны. В деревне, где не было ревкомов и сельских ячеек партии, определенную конкуренцию им составляли традиционные органы общинного самоуправления - мирские сходы. Но главное, у Советов не было ни полномочий, ни ресурсов, ни соответствующих кадров, ни реальных демократических процедур. Население давно утратило интерес к этим органам. На выборах сельских и волостных Советов в 1922 г. голосовало лишь 20,4% избирателей [5]. 23 марта 1922 г. В.И. Ленин впервые поддержал предложения руководства ВЦИК о необходимости срочно восстановить действие Советской Конституции. Под этим подразумевалось повышение роли высших конституционных органов власти: Совнаркома и ВЦИК. Первоочередными задачами были признаны привлечение к участию в работе правительства наркомов, а не их замов, как это практиковалось в предшествующий период, а также налаживание регулярных сессий ВЦИК [6]. К X съезду Советов Сапронов подготовил тезисы доклада по советскому строительству. Они предусматривали, прежде всего, разграничение полномочий Советов всех уровней и партийных органов, включая даже ЦК. 22 декабря 1922 г. тезисы доклада были одобрены коммунистической фракцией съезда Советов. Кампания по «оживлению» Советов в этот период ограничилась, в основном, формальными мерами: пропагандой, посылкой агитаторов на село и т.д. Но постепенно избирательные кампании превращались в важную и необходимую часть всей общественно-политической жизни страны. Была достигнута требуемая периодичность в проведении выборов. Наметилось преодоление почти полной инертности крестьянства по отношению к выборам, был предпринят ряд мер по освобождению Советов от чрезмерной регламентации и контроля со стороны партийных органов. К примеру, для более широкого привлечения трудящихся города к участию в советском строительстве вторая Воронежская конференция, состоявшаяся 3 апреля 1921г., приняла решение о создании в Воронеже районных Советов вместо существующих управлений. В результате

в июле в Воронеже было создано 9 районных Советов рабочих и красноармейских депутатов [7].

Одной из насущных практических задач в тех условиях было правильное разграничение функций советских и партийных учреждений. Остро стоял вопрос и о затратах на содержание советского аппарата. Материальные трудности в этот период предполагалось преодолеть за счет сокращения аппарата Советов. Постановление ВЦИК от 27 октября 1921г. предусматривало значительное сокращение штатов в государственном аппарате. К началу 1922 года штаты уездных исполкомов были сокращены на 30% , а губисполкомов - на 60%⁸. На работу в отделы губернского и уездных исполнительных комитетов привлекались беспартийные специалисты из представителей старой интеллигенции. Привлечение в исполкомы активных и честных беспартийных рабочих и крестьян, хорошо знающих нужды и запросы населения, а также лучшей части интеллигенции оживило их деятельность, повысило квалификацию в решении различных вопросов советского строительства, упрочило связи местных органов советской власти с населением. Партийные организации стремились привлечь беспартийных рабочих, крестьян - бедняков и середняков в Советы, а кулачество изгнать и, таким образом, улучшить состав Советов по классовому принципу [9].

Если в волостных исполкомах число зажиточных крестьян в 1923 г. уменьшилось менее чем на полпроцента, то в сельских Советах их представительство сократилось более чем в два раза. В то же время участие беднейших крестьян в сельских советах возросло на 6% , а середняков в волисполкомах - на 8,7% . Данные социального состава Советов многих губерний убедительно свидетельствуют о том, что они выражали интересы не всех крестьян, а только части деревни - беднейших и средних крестьян.

С мест в центр поступало огромное количество жалоб на всякого рода попустительства и противоправные действия со стороны занимающих ответственные должности чиновников, причем нарушения как административного характера, так и уголовного. Газета «Беднота» даже завела специальную рубрику «Жалобы крестьян» [10].

Сложившаяся система сельских советов в стране была юридически оформлена принятыми в 1924 г. положениями об уездных и волостных съездах, исполкомах и сельских Советах. Она обеспечивала представительство трудящихся деревни в органах государственной власти снизу доверху, но отражала при этом значительное преимущество города над деревней. Изменения, происходившие в представительстве города и деревни, можно видеть, обратившись к данным уездных губернских съездов Советов за 1920 -1925гг. [11] При существенном различии в нормах представительства от города и деревни, в составе уездных и губернских съездов Советов преобладающее количество мест приходилось на сельских депутатов. Причем их число за годы восстановительного периода имело тенденцию к увеличению (по уездным съездам – с 75,5% в 1920г. до 78,2% в 1925г., по губернским, соответственно, 60,9% и 64,1%). Вместе с тем повышение статуса представительного органа от уездного до губернского уровня влекло за собой увеличение числа делегатов от города (в среднем на 13 - 14%).

Эта тенденция наиболее отчетливо проявилась при конструировании высшего органа власти в республике — Всероссийского съезда Советов. При со-

отношении количества сельских и городских избирателей по РСФСР как 4:1 (в 1923г. в деревне было 42 359 810 избирателей, в городе - 10 435 506), в составе съезда было сельских депутатов 800, городских - 417, т.е. на представительство от города приходилось уже более половины мест [12]. Такой принцип построения органов власти отражал стремление правящей партии обеспечить ведущую роль пролетарских слоев населения над деревней. Ведущий класс не хочет ограничиться агитацией и убеждением. Он хочет получить в советах больший удельный вес по числу депутатов, чем тот, который занимает в стране по своей численности. Конечно, приведенные данные не могут быть признаны исчерпывающими, ибо они характеризуют лишь количественную сторону. Не менее важным, на наш взгляд, являются вопросы: кто, какие социальные слои представляли интересы города и деревни, как функционировал механизм формирования этого представительства. Обратимся к материалам опроса делегатов, избранных на уездные съезды. Крестьянами считала себя на момент выбора только пятая часть (21,2%), а из делегатов-рабочих, представлявших город, рабочими «от станка» были только 8% делегатов. В целом 63,8% делегатов уездных съездов и 80,5% губернских считали себя на момент выборов служащими, причем только десятая часть их была таковыми до 1917 года [13]. Значит, преобладающим слоем в составе съездов были выходцы из рабочих и крестьян, выдвинувшиеся за послереволюционные годы на административной работе и считавшие себя в 1924 году уже совслужащими. «Совслужащий» в деревне осознавал себя прежде всего состоящим на службе у государства и, соответственно, воспринимался крестьянством как представитель «центра» - города. Невысокий образовательный и профессиональный уровень большинства деревенских работников не позволял им выполнять функции управления (даже на местном уровне), и их роль сводилась чаще всего к выполнению директив, спускаемых сверху. 1924 г. стал заметным рубежом в проведении избирательных кампаний. Он ознаменовал собой начало нового курса партии в отношении Советов, что выразилось в провозглашении лозунга «лицом к деревне».

На втором этапе (1924 - 1925 гг.) в условиях экономической либерализации произошла существенная корректировка государственной политики в деревне, выразившаяся в провозглашении курса «лицом к деревне» и лозунга «оживления Советов». Это знаменовало собой такую стадию противостояния двух тенденций, когда в повестку дня встали задачи демократизации политической жизни и некоторой либерализации советского режима. Была сделана попытка задействовать демократический потенциал Советов. Это нашло своё отражение в целом ряде решений высших государственных и партийных органов, которые с некоторым опозданием были продублированы и восприняты на местах губернской и уездной властью. С конца 1924 - 1925 г. на первый план ставится задача привлечения населения в деятельность Советов с помощью проведения целого ряда пропагандистских кампаний. Большинство этих мероприятий были поверхностными, декларативными, искажались бюрократическим исполнением, но они в полной мере отражали внимание руководящего звена к крестьянству и к Советам. При всех изменениях курса правительства аппарат, являясь средством достижения своих целей группой высших партийно-государственных чиновников, всегда оставался отдаленным от народа, чуждым ему. Начавшаяся демократизация советской системы была поставлена в строго очерченные рамки, но законодательно этот процесс не был закреплён.

Дальнейшая либерализация настоятельно требовала проведения глубокой политической реформы, которая затрагивала бы все стороны общественной жизни. Такой поворот событий никак не устраивал правящую в стране государственную и партийную верхушку. Провал заготовок сельскохозяйственной продукции осенью 1925г. привел к ослаблению реформ. Снова усиливается классовый подход, отношение к крестьянству становится более сдержанным. Неудача углубления НЭПа привела к тому, что прежние реформы, хотя и сохранились формально, но были сильно ограничены, проводились по инерции. Крах НЭПа был одновременно началом краха созданной системы управления. Со второй половины 20-х годов вновь стала доминировать авторитарная тенденция, в которой Советам была уготована иная роль и иная судьба. Реализации демократической альтернативы 20-х гг. воспрепятствовал целый ряд факторов, крившихся в самой сути советской политической системы. Следует отметить и то, что в Советах были заложены элементы, которые со временем привели к внутреннему перерождению этих властных органов и превращению их в придаток сталинской командно-административной системы управления: классовая политика в экономике, культуре, образовании, противопоставление одной части деревни другой, диктат большевиков. Особую роль в сфере управления играли партийные органы, господствующее положение которых на протяжении 1920-х гг. было неоспоримым. Захватив власть в 1917 г. насильственным путем и не обладая поддержкой большинства населения после окончания Гражданской войны, большевики были вынуждены осуществлять тщательный контроль за органами власти. Эти отрицательные моменты многократно усиливались идеологизацией политической жизни. Серьезной ошибкой была чрезмерная гиперболизация исполнительных функций Советов, которые менее всего отождествлялись центром с представительной демократией, а рассматривались как послушное орудие РКП (б). Им отводилась роль т.н. «приводных ремней». Негативную роль в деятельности местных Советов играли также: непрофессиональный кадровый состав советских работников, отсутствие принципа устойчивого самофинансирования и ограниченные материальные возможности, подмена функций Советов вышестоящими властными органами, низкий уровень образования и политической культуры сельского населения, взаимное недоверие между крестьянством и местной властью, унаследованные от эпохи самодержавия и усиливавшиеся в годы Гражданской войны. В общем перечне основных функций преобладали те, которые были связаны с использованием Советов как административно-исполнительного аппарата. Увеличение числа сельских избирателей, явившихся на выборы, объяснялось не столько ростом их политической активности, сколько повышением уровня организационно-технической подготовки выборных кампаний, усилением административного прессинга на избирателей деревни. Положительными моментами в деятельности сельсоветов и волисполкомов следует считать их мероприятия, направленные на пробуждение крестьянской инициативы в деле сохранения на селе системы здравоохранения, просвещения, социальной инфраструктуры

Постсоветская государственная власть в России продолжает поиски наиболее оптимальных самоуправленческих структур. Право на местное самоуправление закреплено ныне Конституцией РФ и уже принятым законом. Однако очевидно, что реальное становление его займет годы. И главное условие ус-

пеха — это движение снизу, то есть не только осознанное желание, но и практическая способность самих граждан к самоуправлению. Объективное изучение процессов, происходящих в российской деревне и связанных с низовыми органами власти, позволяет на основе учета их исторического опыта глубже осмыслить современное состояние регионального и местного самоуправления, поможет эффективнее корректировать курс политических реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Правительственный вестник. 1989. №6. С. 10.
- 2 Письмо Мясникову // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 81.
- 3 Ленин В. И. XI съезд РКП (б). // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 86.
- 4 Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918 – 1921 гг. – М., 1990. С. 293.
- 5 Леонов С. В. Рождение Советской империи: государство и идеологи 1917 – 1922 гг. – М.: Диалог – МГУ, 1997. С. 295.
- 6 Одиннадцатый съезд РКП (б): Стенографический отчет. – М., Сс. 61, 512, 513.
- 7 ОГУ «ГАОПИ Воронежской области». Ф.1. Оп. 1. Д. 516. Л. 6.
- 8 Постановление президиума ВЦИК по вопросу о пересмотре учреждений РСФСР. – М., 1922. С. 42 – 44.
- 9 ОГУ «ГАОПИ Воронежской области». Ф. 1. Оп. 1. Д. 795. Л. 302 об.; ОГУГАВО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 16, 16 об.
- 10 См.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 38. Дд. 60, 260; Оп. 23. Дд. 4. 5, 6, 40, 118, 131; Оп. 26. Дд. 62, 65, 66; Оп. 63. Дд. 87, 91, 103.
- 11 Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924 – 1925 гг. Вып. 2. – М., 1925. С. 51 – 52.
- 12 ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 3. Д. 7. Л. 232.
- 13 Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924 – 1925 гг. Вып. 2. – М., 1925. С. 53.

A. SKRYPNIKOV

NEW ECONOMIC POLICY: THE CLASH OF TENDENCIES IN STATE CONSTRUCTION

Cand. Sc. (History), decent of Chair of History

Moscow State Open Pedagogical University named after Sholokhov M.A.

In this article an analysis of political developments having place in Russian society of first half of 1920s was made according to new views on the basis of wide range of sources including documents from formerly closed funds. It shows organization and campaigning to the Soviet authority during the period of fulfillment of “Soviet reactivation” policy (1924-1926). The measures taken by the government to direct the peasantry’s political activity into the stream of Soviet construction are also stated in the article. The reasons led to ballot strike in 1924 and reasons led to denial of any attempts of democratization of country’s electoral system are as well analyzed in the article; discriminatory nature of the legislature treating the majority of country’s rural population is underlined in the

Key words: The NEW ECONOMIC POLICY, political processes, election campaign, councils, the legislation.

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ОСВОЕНИИ РЕСУРСОВ РАЙОНА КУРСКОЙ МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ*

Одним из путей интенсификации экономики СССР в 70-80-е гг. являлось образование территориально-производственных комплексов (ТПК). Данная статья представляет собой анализ процесса формирования и результатов деятельности ТПК района Курской магнитной аномалии. Также рассматриваются перспективы дальнейшего комплексного освоения ресурсов КМА.

Ключевые слова: природные ресурсы, территориально-производственные комплексы, интенсификация экономики, Курская магнитная аномалия.

В поисках наиболее оптимальных форм комплексного размещения производства советской экономикой был пройден длительный путь: от отраслевых объединений и совнархозов до промышленных узлов и территориально-производственных комплексов всесоюзного значения (далее: ТПК). Образование последних стало ведущим направлением хозяйственной политики страны во второй половине 70-х – 80-е гг. XX в.

В основе формирования ТПК были заложены принципы рационального размещения предприятий на единой площадке и организации между ними постоянных прямых контактов по линии кооперации, а также комплексного использования местного сырья. При этом планировалось достижение существенного роста эффективности общественного производства не только за счет освоения новых территорий и рачительного использования природных ресурсов, но и благодаря дальнейшему совершенствованию форм и методов территориальной организации хозяйства.

Данный проект реализовывался и в районе бассейна Курской магнитной аномалии (далее: КМА), где сложились все необходимые предпосылки для комплексного развития хозяйства: наличие больших запасов железной руды и минерально-строительного сырья, а также выгодное экономико-географическое положение в Центрально-Чернозёмном экономическом районе, обладающем крупным индустриально-аграрным потенциалом.

Теоретическое обоснование актуальности комплексного освоения богатств КМА было дано учеными еще в середине 60-х гг. В начале 70-х гг. проектный институт «Центрогипроруда» выступил с инициативой создания регионального производственного объединения ведущих горнорудных предприятий Белгородской области [1]. После принятия государственной программы экономического развития страны на 1976-1980-е гг., в которой ставилась задача создания территориально-производственного комплекса на базе минеральных ресурсов КМА, эта идея получила реальное воплощение на практике.

ТПК КМА создавался с целью укрепления сырьевой базы, углубления отраслевой специализации в районном и общесоюзном масштабах на развитие чёрной металлургии и сопряжённых с ней отраслей, повышения экспортных поставок железорудного сырья. В состав комплекса вошло около 20 белгородских и курских предприятий, перерабатывающих ресурсы бассейна. Наибольшее значение отводилось Старооскольско-Губкинскому промышленному узлу,

* © Слободенюк Н.В.

в границах которого располагалось 63 % всех железных руд и площадь которого составляла 68 % от общей территории ТПК [2, 170]. Обеспечение комплексного развития двух главных смежных отраслей края – железорудной промышленности и черной металлургии, возлагалось на Оскольский электрометаллургический комбинат (далее: ОЭМК), строительство которого пришлось на вторую половину 70-х – начало 80-х гг.

Претворение в жизнь идеи формирования территориально-производственного комплекса в Центральном Черноземье столкнулось с серьезными затруднениями. Прежде всего это касалось работы строительных подразделений, которые не выдерживали сроки ввода в эксплуатацию важнейших объектов промышленного, жилищного и культурно-бытового назначения. Для решения подобных проблем периодически предпринимались попытки модернизации планирования и руководства ТПК, разработки единых правовых основ создания комплексов, промышленных узлов и межведомственного управления ими. Например, для повышения эффективности функционирования комплексов ученые Воронежского государственного университета внесли предложение о создании специального органа управления в центре (Комитет по формированию ТПК при Госплане СССР) и на местах.

Благодаря принятым мерам, формирование территориально-производственного комплекса на базе минеральных ресурсов КМА открыло большие перспективы для развития промышленного производства в регионе, роста городов Старый Оскол и Губкин, индустриального развития прилегающих к ним районов. За четверть века на сооружение объектов Белгородской Магнитки было привлечено около 3 млрд. руб. Благодаря этому в бассейне была осуществлена большая программа капитальных работ: велось строительство и освоение основных производственных объектов Лебединского и Стойленского ГОКов, Оскольского комбината, Яковлевского подземного рудника. Высокие темпы роста общего объема продукции ТПК КМА позволили ему к концу 80-х гг. занять лидирующие позиции среди шести территориально-производственных комплексов РСФСР [3, 324].

Становление ТПК оказало серьезное влияние на динамику и размещение населения Курской и Белгородской областей, его состав, естественное и механическое движение, на структуру и количество трудовых ресурсов. Так, за период с 1959 по 1985 гг. количество жителей в Белгородской области увеличилось более чем на 8,5 %. Прирост населения наблюдался главным образом в городах и районах, рекомендованных Госпланом СССР как непосредственная зона КМА (примерно 11,4 % территории двух областей) [4, 130]. Приток капиталовложений в регион способствовал становлению социальной инфраструктуры – росту городов, их благоустройству.

ТПК как новая форма развития производительных сил страны предоставил широкие возможности для совершенствования научно-производственного управления развитием района КМА, в частности, формирования объединения, включающего целый ряд научных и проектно-конструкторских организаций. Так, совместными усилиями сотрудников Научно-исследовательского института по проблемам КМА им. Л.Д. Шевякова (НИИКМА) и филиала института «Механобрчермет», трудовых коллективов ЛГОКа и ряда специальных организаций был выполнен большой объем пуско-наладочных работ по технологии обогащения железистых кварцитов I очереди ЛГОКа. Это позволило достичь

проектных показателей на полгода раньше запланированного, повысить производительность фабрики и увеличить содержание железа в концентрате [5, 54].

Комплексное развитие железорудной и металлургической промышленности, безусловно, оказало влияние на улучшение территориальной организации хозяйства бассейна КМА. Однако идея функционирования ТПК, воплощавшаяся в Центральном Черноземье около 15 лет, так и не была доведена до логического завершения. Главным препятствием являлись старые административные методы управления экономикой, штурмовщина в принятии и реализации хозяйственных решений, игнорирование материального стимулирования трудовой деятельности. Не соблюдались сроки формирования комплекса, нарушались опережающие темпы создания и развития элементов производственной и социальной инфраструктуры. Отсутствовала утверждённая схема развития и размещения производительных сил региона, а принятые постановления, в основном, были направлены на изменение состояния г. Старый Оскол и не предусматривали меры по развитию всего ТПК. Ситуация еще более осложнялась тем обстоятельством, что промышленные объекты КМА создавались не на «нейтральных» территориях, а внедрялись в уже сложившуюся социально-экономическую систему [6, 106-107].

В начале 90-х гг. в своем первоначальном виде ТПК КМА перестал существовать. Его «преемницей» стала Ассоциация КМА, куда, кроме ЛГОКа и ОЭМК, вошли еще пять организаций из Старого Оскола, Орла, Белгорода и Воронежа, связанных между собой технологически. Позже, в связи с созданием финансово-промышленных групп и необходимостью защиты перед естественными монополистами, данную организацию сменила Ассоциация горно-металлургических предприятий.

Несмотря на то, что сейчас отраслевые предприятия бассейна относятся к различным управляющим компаниям, понятие «территориально-производственный комплекс» по-прежнему применяется к району КМА для обозначения его как специальной экономической зоны Центрального округа. При этом, прежде всего, речь идет о горно-металлургическом комплексе КМА (ГМК КМА) Белгородской области, где сосредоточены четыре крупных отраслевых предприятия.

Актуальность комплексного развития региона в условиях рыночной экономики не вызывает сомнения. Она обусловлена взаимозависимостью горнодобывающей и металлургической отраслей, жесткой конкуренцией на отечественном и мировом рынках продукции, а также необходимостью концентрации сил и средств по недопущению экологического бедствия в крае. В связи с этим изучение и использование исторического опыта организации ТПК прошлых лет представляется особенно важным. Будущее покажет, сможет ли реализация подобного проекта стать одним из оптимальных вариантов перспективного развития железорудного бассейна Курской магнитной аномалии и отрасли в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр документации новейшей истории Белгородской области (ЦДНИ БО). Ф. 1. Оп. 16. Д. 175. Л. 151.
2. Щёголев И.Н., Селезнёв В.Н., Кирьянчук В.Е. Основы рационального освоения недр КМА.

- Воронеж, 1991. С. 170.
4. Народное хозяйство РСФСР в 1988г.: Стат. ежегодник / Госкомстат РСФСР. – М., 1989. С. 324.
 5. Капитонов Е.И. Природные и трудовые ресурсы района КМА // Межвузовский сборник научных трудов. – Курск, 1987. С. 130.
 6. Трунов М.П. Энергия роста. Воронеж, 1981. С. 54-55.
 7. Производительные силы района КМА: Монография / Науч. ред. Г.Б. Рыбин. – Воронеж, 1982. С. 106-107.

N. Slobodenyuk

KURSK MAGNETIC ANOMALY RESOURCES COMPLEX DEVELOPMENT

The article analyses KMA territory production complexes forming processes and operation results. Territory production complexes creation was one of the ways of USSR economic intensification in 1970-1980-s. The article also deals with KMA resources further complex development.

Key words: natural resources, territorial and production complexes, economy intensification, Kursk magnetic anomaly.

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР В УПРАВЛЕНИИ КАЧЕСТВОМ УЧЕБНОЙ КНИГИ (1960-1980-е гг.)*

В данной статье автор рассматривает участие общественных научных структур в управлении учебным книгоизданием для высшей школы в период перед началом перестройки экономики страны. В новых условиях происходит процесс изменения системы профессионального образования в рамках проекта двухступенчатой системы подготовки специалистов. Важное место в поддержке системы обучения занимают учебная и методическая литература по изучаемым дисциплинам. Автор анализирует положительные и отрицательные стороны процесса управления учебным книгоизданием.

Ключевые слова: книгоиздание, вузы, учебная книга, управление, государственная политика, редакционно-издательские советы.

Учебная книга была и, видимо, долго еще останется главным обучающим средством на всех этапах подготовки специалистов. На современном отечественном рынке учебных изданий сложилась неоднозначная ситуация, при которой вопрос о повышении уровня подготовки учебной литературы звучит все более насущно.

В период с 1960 по 1980 гг. наблюдалось пристальное внимание за издательской деятельностью со стороны государства и государственных органов управления образованием. Разработка теоретических и методологических вопросов книгоиздания, новых стандартов, внедрение новых образовательных технологий требовало практически полного обновления учебно-методического обеспечения. Разработка комплексов обучающих изданий, создание теории учебной книги, развитие типологии и архитектоники книги, участие общественных научных организаций в процессе планирования к изданию и в издании книги позволило значительно улучшить обеспеченность высшей школы учебно-методической литературой, подготовленной издательствами и издающими организациями.

Была создана устойчивая, сложная, активно функционирующая система координации издательской деятельности, которая упорядочила процесс книгоиздания и постепенно утратила способность влиять на качество издаваемой учебной литературы. Кроме того, рациональная на первом этапе, структура управления стала излишне централизованной, громоздкой, лишенной возможности решать вопросы текущей деятельности на более качественном уровне.

Университетская книга является средством обучения, от качества, содержания которого зависит уровень подготовки специалистов.

Концепция разработки прогноза университетского книгоиздания предполагает базирование на взаимосвязанной основе по всем направлениям развития образовательной отрасли и по каждому направлению оказывает прямое или опосредованное влияние на социальное и экономическое развитие.

В повышении качества подготовки и издания учебной литературы боль-

* © Афанасьев А.Д.

шую роль сыграло Учебно-методическое управление Минвуза РСФСР, разработав на первом этапе план мероприятий по совершенствованию издательской деятельности высших учебных заведений.

Одной из первых задач было создание в 1976 году Редакционно-издательского совета (РИСа) при Министерстве [1]. Было утверждено «Положение о Редакционно-издательском совете при Минвузе РСФСР» [2]. Согласно положению, РИС был сформирован из числа преподавателей и ученых высших учебных заведений и являлся совещательным органом при Министерстве. РИС осуществлял свою деятельность по годовым и перспективным планам в тесном контакте с региональными советами и редакционно-издательскими советами высших учебных заведений вузов и Главными советами по отраслям науки и техники.

Редакционно-издательский совет состоял из президиума и комиссий по отраслям науки и техники, комиссии по полиграфическому оборудованию, комиссии по проблемам высшей школы.

Выработанные рекомендации первых двух лет работы, проверки, оказание методической помощи вузам позволили устранить значительное количество недостатков и предопределили создание системы управления качеством вузовского книгоиздания, о чем свидетельствуют решения коллегии Минвуза РСФСР [3].

В 1979 году приказом по Министерству был утвержден состав группы рецензентов из групп ведущих специалистов по общественным, естественным, экономическим, гуманитарным, техническим и технологическим наукам [4].

По всем вопросам, связанным с повышением качества выпускаемой литературы, Редакционно-издательский совет работал в тесном контакте с 46 Главными советами по отраслям науки и техники (ГС), созданными Министерством в 1973 году [5].

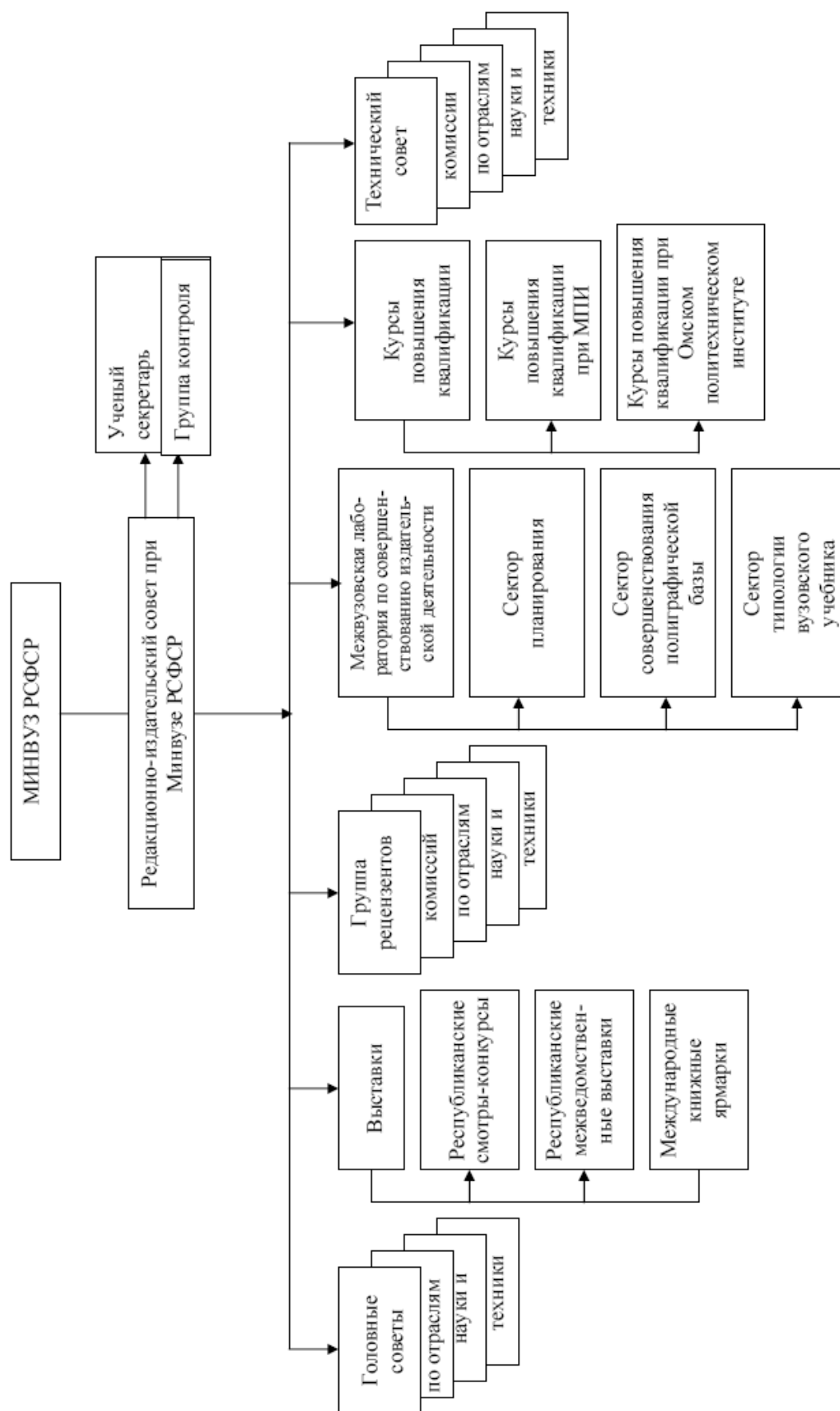
Основными задачами ГС являлись, в том числе, работа по созданию авторских коллективов для подготовки учебников и учебных пособий, рецензирование ведомственных изданий и координация годовых и пятилетних планов выпуска вузовской учебной и научной литературы [6].

Группа рецензентов при РИСе постоянно проводила рецензирование изданий ведомственной литературы с целью проверки соответствия ее требованиям, предъявляемым к данной литературе, проверки учета авторами замечаний рецензентов и реальной доработки рукописей, для чего была разработана «Памятка рецензенту» [7].

Проводилась также и проверка работы Редакционно-издательских советов вузов, в результате Министерством было принято «Временное положение о Редакционно-издательском совете вуза» [8].

Проводимые ежегодно совещания Редакционно-издательского совета совместно с Главными советами по отраслям науки и техники подводили итоги работы за предыдущий год и определяли направления деятельности на перспективу [9].

На совещаниях отмечалось, что многие нарушения и недоработки высших учебных заведений были связаны со слабой издательской культурой и сравнительно низким уровнем квалификации сотрудников редакционно-издательских отделов и групп [10]. В связи с этим Министерством был поставлен вопрос об открытии курсов повышения квалификации редакционно-издательских работников вузов.

Система управления качеством вузовского книгоиздания

В 1977 году в целях координации деятельности вузов по оформлению материалов и отбору работ для опубликования в открытой печати и в изданиях с грифом «Для служебного пользования», а также для рассмотрения на открытых съездах, конференциях и симпозиумах при Министерстве был создан Технический совет.

Технический совет являлся совещательным органом при Минвузе РСФСР и осуществлял контроль за выдаваемыми экспертными комиссиями заключениями и качеством работ, предназначенных для опубликования, а также занимался оказанием методической помощи вузам в подготовке и оформлении материалов. Состав Технического совета сформирован был из числа ведущих преподавателей и ученых вузов.

Технический совет осуществлял свою работу по годовым и перспективным планам, утвержденным Министерством, в тесном контакте с Редакционно-издательским советом, Главными советами, экспертными советами, кафедрами, первыми отделами и кафедрами вузов [11]. В 1977 году также была организована Межвузовская лаборатория по совершенствованию издательской деятельности, но укомплектована штатами и начала действовать она уже с 1980 года [12].

Основные задачи и научные направления Лаборатории в качестве целевых программ были одобрены Редакционно-издательским советом и утверждены Министерством. В составе лаборатории, в соответствии с задачами, были предусмотрены три сектора:

1. Планирования издания внутривузовской литературы.
2. Совершенствования полиграфической базы вузов.
3. Типологии внутривузовских изданий.

В период с 1980 по 1982 год Межвузовская лаборатория занималась изучением и анализом состояния издательского и полиграфического дела в вузах как Минвуза РСФСР, так и других министерств и ведомств.

В области создания системы планирования выпуска внутривузовской литературы был сделан акцент на анализе обеспеченности студентов учебной литературой. Были разработаны: картотека дисциплин, карты обеспеченности и потребности в учебной литературе с методикой их заполнения, которые были апробированы на 10 вузах, откорректированы и разосланы в вузы [13]. Предполагалось, что работа по анализу таких данных должна была проводиться с применением вычислительной техники.

В качестве выходных параметров системы были получены: календарный план изданий по вузам, Главным советам и Министерству в целом; возможность тиражирования изданий при межвузовской кооперации; возможность обеспечения материально-технического обеспечения планов изданий; получение статистической отчетности.

Для отработки новой системы планирования в 1982 году на вычислительном центре ВЗМИ прошла опытную эксплуатацию подсистема «Учебно-методическое обеспечение АСУ Минвуза РСФСР».

Межвузовской лабораторией проводился анализ состояния и выявление слабых мест в организации издательского дела в вузах в целях совершенствования материально-технической базы полиграфических подразделений как элемента системы управления качеством внутривузовских изданий.

Полиграфические подразделения вузов представляли собой участки опе-

ративной печати, учебно-производственные полиграфические лаборатории и небольшие типографии, технический уровень которых был крайне низок, так как они создавались на базе устаревшей, бывшей в употреблении техники.

Сектор типологии внутривузовских изданий Межвузовской лаборатории занимался систематизацией и классификацией внутривузовской литературы как по оформлению, так и по структуре содержания. Необходимо отметить, что вопросы типологии вузовской литературы были недостаточно разработаны, и потому вопрос систематизации разрозненных материалов по данной теме имел особое значение.

Большое внимание и активная работа по совершенствованию редакционно-издательской деятельности требовали соответствующей подготовки работников вузов, занимавшихся этими вопросами, и методического обеспечения их деятельности.

В 1981 году вышло постановление Совета Министров СССР «О повышении квалификации руководящих работников и специалистов из числа учебно-вспомогательного и обслуживающего персонала высших и средних специальных учебных заведений» [14].

Минвуз СССР поручил Минвузу РСФСР открыть курсы повышения квалификации указанной категории работников вузов, независимо от ведомственной подчиненности, на базе Московского полиграфического института (при Межвузовской лаборатории) и на базе Омского полиграфического института.

Одним из элементов подсистемы повышения качества выпускаемой литературы была определена организация и проведение смотров-конкурсов, межведомственных выставок внутривузовских изданий.

На совместном заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и президиума Республиканского комитета работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР от 17 июня 1971 года было принято решение «О проведении смотра на лучшие внутривузовские издания и издания уставных издательств высших учебных заведений Минвуза РСФСР» [15].

Было решено проводить один раз в два года смотры на лучшие внутривузовские издания и издания уставных издательств высших учебных заведений, для чего был утвержден проект положения смотра.

С 1978 года вузы принимали активное участие в выставках, проводившихся на ВДНХ СССР в павильоне «Народное образование», где было организовано общественное обсуждение учебников и учебных пособий с привлечением авторов, профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Результаты этого обсуждения учитывались в работе экспертных комиссий при вынесении рекомендаций о награждении [16].

Кроме того, университетские издательства принимали активное совместное участие в проводимых Госкомиздатом СССР на ВДНХ ежегодных Международных книжных выставках-ярмарках, что позволяло представить учебную и научную литературу вузов на международной арене. Издательства готовили каталоги, планы-проспекты и рекламные листки на книги, экспонировавшиеся на выставках, и на книги, находившиеся в производстве, для коллективной экспозиции «Книги университетских издательств».

Участие университетских издательств в Международных выставках-ярмарках давало им возможность обмениваться опытом, обсуждать задачи и про-

блемы, стоящие перед ними. Руководство издательств получало четкое представление о конъюнктуре международного рынка, опыте ведения переговоров с зарубежными фирмами, опыте совместной рекламной работы с Всесоюзным агентством по охране авторских прав.

С 1980 года, с целью повышения внимания научной общественности к литературе вузов и издательств университетов, Минвуз РСФСР повысил уровень проводимых мероприятий и вместо смотров-конкурсов стал проводить Республиканские выставки внутривузовских изданий, на которые представлялись лучшие работы, отобранные на предварительно проведенных региональных выставках [17].

С 1981 года Минвуз РСФСР предложил организовать и провести межведомственную выставку литературы, выпускаемой высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами министерств и ведомств РСФСР.

Как региональные, так и республиканская комиссии отметили в большинстве экспонируемых работ удовлетворительное качество редакционных работ и полиграфического исполнения.

В процессе работы выставки проходили семинары-совещания для всех ее участников.

В 1986 году Минвуз РСФСР ставит новые задачи Редакционно-издательскому совету, Головному советам по отраслям науки и техники и Техническому совету в организации издательской деятельности вузов, в связи с принятыми основными направлениями перестройки высшего и среднего специального образования в стране [18]. Новые требования к учебному процессу основывались на усилении роли учебно-методической работы по подготовке студентов.

При постоянном контроле за издательской деятельностью вузов, методической помощи общественных организаций издающим подразделениям значительно повысился уровень методических материалов, качество издаваемой учебно-методической литературы.

К середине 80-х годов возникла необходимость разрешения назревших противоречий, началась перестройка в книгоиздании, как и во всех сферах общественно-политической жизни страны [19].

Система управления издательской деятельностью высших учебных заведений оказалась в состоянии стагнации. Необходимы были новые подходы и решения в организации вузовского книгоиздания.

К концу 1980-х годов основным направлением совершенствования системы управления университетским книгоизданием должно было быть создание эффективного механизма синтеза «вертикального и горизонтального» управления образовательным развитием отрасли на основе обеспечения гибкого сочетания традиционных методов «вертикального» управления университетским книгоизданием с использованием преимуществ программно-целевого управления для усиления «горизонтальных» связей на всех уровнях управления.

Однако в связи с изменениями в социально-экономическом развитии общества интерес к вузовской литературе стал угасать, а учебная и научная литература стала выпускаться лишь на условиях самоокупаемости, без какого-либо управления, финансовой поддержки, методической помощи и при отсутствии контроля над изданиями.

Высшие учебные заведения оказались в условиях отсутствия контроля,

координации и методической помощи в обеспечении учебного процесса необходимой литературой для подготовки специалиста, соответствующего государственному стандарту и уровню знаний, предусмотренных для этого.

В настоящий момент, в условиях перестройки системы высшего образования возрождается интерес и появляется потребность в улучшении качества учебной литературы. Представляется, что использование некоторых сторон положительного опыта системы управления качеством с привлечением научной общественности, возможно, даст положительные результаты для улучшения ситуации с учебной литературой для системы высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 6825. Л. 13.
- 2 Сборник руководящих и нормативных документов для редакционно-издательских работников вузов. Минвуз РСФСР. – М., 1982. С. 92-94.
- 3 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7921. Л. 54-63; Д. 8070. Л. 46; Д. 7051. Л. 98.
- 4 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7426. Л. 116-118.
- 5 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 8083. Л. 39-43.
- 6 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7560. Л. 79-80.
- 7 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7752. Л. 53.
- 8 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 8078. Л. 42-43.
- 9 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7752. Л. 54.
- 10 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7752. Л. 55.
- 11 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7566. Л. 68-69.
- 12 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7921. Л. 54-56.
- 13 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7921. Л. 56-57.
- 14 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7921. Л. 58.
- 15 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 4989. Л. 74-76.
- 16 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7425. Л. 212-213.
- 17 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 7566. Л. 236.
- 18 ГАРФ, Фонд 605. Оп. 1. Д. 8473. Л. 68.
- 19 О расширении прав и самостоятельности издательств и совершенствовании тематического планирования. Перестройка в книгоиздании. Сб. док. и мат-лов (1986-1987). М., 1987. С. 3-25.

A. Afanasiev

PROBLEM OF PARTICIPATION OF STATE-PUBLIC STRUCTURES IN QUALITY MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL BOOK (1960-1980TH)

In article the author considers participation of public scientific structures in management of educational book publishing for the higher school during the period before the beginning of reorganisation of a national economy. In new conditions there is a process of change of system of vocational training within the limits of the project of two-level system of preparation of experts. The important place in support of system of training occupy the educational and methodical literature on studied disciplines. The author analyzes positive and managerial process negative sides educational book publishing.

Key words: book publishing, high schools, the educational book, management, state policy, publishing councils.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

На основе фактов автор доказывает, что гибель Советского Союза не разрушила исторически сложившиеся многовековые связи между народами, бывшими гражданами СССР. В постсоветский период в условиях рыночной экономики интеграционные силы получили новый мощный импульс. На примере Рязанской области автор анализирует экономические, социальные, культурные и демографические аспекты международной трудовой миграции в центральных регионах России.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовая иммиграция, рыночные отношения, структура занятости, Рязанская область.

Одним из результатов политических и социально-экономических трансформаций России в постсоветский период стало ее превращение в центр притяжения трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. Распад СССР и появление на его территории новых независимых государств, переход России к рыночным отношениям и вовлечение ее в процессы глобализации стимулировали масштабные миграции населения, которые затронули каждый регион нашей страны. В настоящее время трудовая иммиграция является самым массовым типом миграции на постсоветском пространстве. Массовый приток в Россию иностранной рабочей силы, особенно из стран СНГ, не случаен и имеет свою историческую специфику. Трудовая миграция обусловлена многовековыми, исторически сложившимися интеграционными связями народов, совсем недавно бывших гражданами одного государства. В условиях глубокого кризиса, вызванного гибелью СССР и поразившего все его бывшие республики, граждане новых независимых государств устремились в Россию, по-прежнему воспринимая ее в качестве «общего дома». Здесь они нашли для себя больше возможностей трудоустройства, чем в своих странах.

Региональное распределение потоков миграции в России происходит неравномерно, оно зависит от миграционной привлекательности того или иного региона. Одним из наиболее миграционноаттрактивных является Центральный федеральный округ России. По масштабам привлечения иностранной рабочей силы он стоит на первом месте. Самый крупный потребитель иностранной рабочей силы в ЦФО – Москва и Московская область, где трудится более 30 % от общего количества иностранцев-рабочих в России.

Международные миграционные процессы затронули и другие регионы ЦФО, в том числе Рязанскую область, которая в последние годы стала одним из центров притяжения трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Миграционная привлекательность области обусловлена рядом факторов. Во-первых, г. Рязань является одним из наиболее приближенных к столице городов Центрального района, находящемся всего в 20 км от границы с Московской областью. Значительная часть мигрантов, прибывающих из государств-участников СНГ и стремящихся, но не имеющих возможности, попасть в Москву,

* © Муравьева Л.М.

оседает в приграничных с ней регионах, в том числе и в Рязани. Во-вторых, развитие Рязанской области в последнее время демонстрирует устойчивую тенденцию экономического роста: интенсивно развивается промышленность, привлекаются инвесторы, ускоренными темпами идет развитие сельского хозяйства.

Интенсивное развитие уже действующих производств и открытие новых требует дополнительного привлечения рабочей силы. Однако неблагоприятная демографическая ситуация сдерживает рост производства. С 1989 г. в области наблюдается естественная убыль населения. За счет превышения числа умерших над числом родившихся область ежегодно теряет в среднем 13 тыс. человек, и, по-видимому, эта тенденция приняла затяжной долговременный характер. Численность населения Рязанской области по состоянию на 01.01.2007 г. составила 1177,2 тыс. человек. По этому показателю регион занимает одно из последних мест в Центральном федеральном округе. Особенно стремительно сокращается численность сельского населения: в 2005 г. число умерших над родившимися превысило 6 909 тыс. чел. [3, 57]. Тенденция к депопуляции населения может привести к тому, что многие отдаленные от областного центра районы обезлюдят. Помимо естественной убыли, Рязанская область теряет значительную часть своего населения в межобластных миграциях. Рязанцы переезжают в основном в Москву и Московскую область, где есть возможности трудоустройства на более высокооплачиваемых рабочих местах.

В условиях сложившейся демографической ситуации привлечение в Рязанскую область трудовых мигрантов из-за рубежа стало как никогда актуальной проблемой. Явная невозможность поддерживать хотя бы постоянную численность населения в России за счет только баланса рождений и смертей заставила обратиться к иммиграции как главному фактору, за счет которого могут быть снижены темпы сокращения общей численности населения. В Концепции демографического развития Рязанской области на период до 2015 г. указывается, что одним из приоритетов демографического развития в регионе является содействие переселению соотечественников, а также привлечение мигрантов в Рязанскую область [2, 3].

Между миграцией и социально-экономическим развитием региона прослеживается двойная связь. С одной стороны, социально-экономические факторы определяют характер и уровень миграционных процессов. С другой, – миграции влияют на развитие экономики, демографическую структуру населения, рынок труда, уровень преступности, социальную инфраструктуру. В связи с этим встает необходимость изучения степени этого влияния, возможность его прогнозирования в целях принятия управленческих решений для оптимизации миграционных процессов.

В рамках реализации федерального законодательства об иностранной рабочей силе, труд граждан, прибывших из стран ближнего и дальнего зарубежья, используется в Рязанской области с 2003 г. Каждый год с наступлением весны в регионе наблюдается резкое увеличение иммиграционных потоков, особенно из стран-участниц СНГ, граждане которых могут въезжать на территорию Российской Федерации в безвизовом порядке. 70 % приезжих – это люди в трудоспособном возрасте, прибывшие в Рязанскую область с целью осуществления трудовой деятельности [4, 163]. Большинство иностранных работников в регионе представлены гражданами среднеазиатских государств, Закавказья,

Украины и Молдовы. Об этом свидетельствуют данные УФМС России по Рязанской области:

**Численность иностранных граждан,
работавших в Рязанской области в 2003 – 2007 гг., чел.**

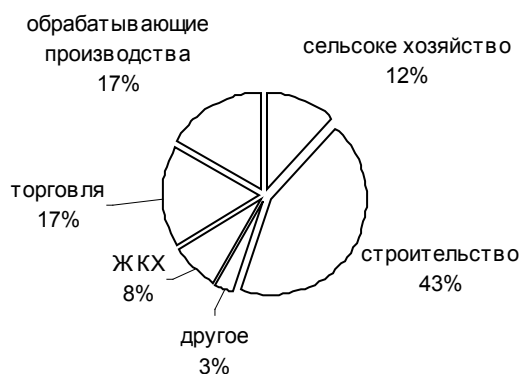
	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	862	2088	3603	5430	19196
Из стран СНГ	771	1902	3337	5128	18816
Азербайджан	28	159	342	490	837
Армения	96	260	353	368	752
Грузия	21	33	22	15	8
Казахстан	48	68	50	23	206
Кыргызстан	32	69	84	150	278
Молдавия	60	133	153	183	786
Таджикистан	62	209	417	788	2112
Туркмения	1	8	11	9	12
Узбекистан	176	634	1421	2595	10313
Украина	247	329	484	507	820

Как видно из таблицы, динамика трудовой иммиграции в регионе демонстрирует тенденцию увеличения количества иностранных работников, особенно из стран СНГ. За пять лет, с 2003 по 2007 гг., их количество увеличилось в двадцать пять раз. Лидером среди стран-экспортеров рабочей силы является Узбекистан, с которым Рязанскую область связывает прямое железнодорожное сообщение. В 2007 г. его граждане составили 54 % всех иностранных работников в регионе. В целом, численность мигрантов из стран СНГ в несколько раз превышает количество иностранцев из государств дальнего зарубежья. Так, в 2007 г. граждане СНГ составили 98 % от общего количества иностранных работников, занятых в экономике региона. Значительный численный перевес мигрантов из стран СНГ над приезжими из дальнего зарубежья объясняется сильными интеграционными связями людей, бывшими согражданами единой страны. Подавляющая часть приезжих из бывших республик СССР владеет русским языком, знакома и принимает культуру России, нормы социальной коммуникации. Поэтому именно в этих людях россияне видят возможность пополнения населения нашей страны и связывают с ними надежды на возрождение прежней дружбы между народами.

Что касается профессиональной характеристики трудовых мигрантов, то можно отметить, что большинство из них – это неквалифицированные или имеющие низкую профессиональную квалификацию рабочие: грузчики, каменщики, бетонщики, штукатуры, животноводы, подсобные рабочие. С распадом единого экономического пространства система среднего профессионального образования в странах Азии и Закавказья заметно деградировала. Однако трудовые мигранты независимо от уровня их квалификации нужны области. За последнее десятилетие иностранная рабочая сила расширила территорию и сферу своего применения. Если в 1990-е гг. работники из-за рубежа трудились лишь в нескольких районах области, то сейчас – во всех 25-ти. На уровне правительства России составлены перспективные планы дальнейшего привлечения и использования иностранной рабочей силы в регионе. В 2008 году, в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой на привлечение иностранных работников, в Рязанскую область должно прибыть 34 тыс. трудовых мигрантов, из них 2,8 тыс. – из стран дальнего зарубежья, 31,5 тыс. – из стран СНГ.

Спрос на иностранную рабочую силу обусловлен потребностями современной экономики [1, 157]. С одной стороны, переход к рыночным отношениям в постсоветский период, расширение негосударственного сектора экономики, сферы услуг, торговли способствовали созданию новых рабочих мест, увеличили возможности трудоустройства и занятости населения. С другой стороны, стала ощущаться нехватка рабочей силы в отдельных отраслях экономики, характеризующихся тяжелым физическим трудом и низкой заработной платой. Так, острую потребность в кадрах испытывают предприятия агропромышленного комплекса области. Труд иностранных работников востребован работодателями в различных видах экономической деятельности, что видно из диаграммы, составленной по данным Главного управления государственной службы занятости населения Рязанской области:

Структура занятости иностранных граждан в Рязанской области

Приведенные в диаграмме данные позволяют сделать вывод, что мигранты привлекаются, в основном, в строительство, обрабатывающие производства, сельское хозяйство, торговлю и жилищно-коммунальное хозяйство. Необходимо отметить, что иностранные работники занимают тот сектор экономики региона, который местным населением не востребован. Коренные рязанцы предпочитают заниматься более интеллектуальной деятельностью, работая в организациях с высокотехническим производством и высокой зарплатой. Наибольшая конкуренция среди местного населения отмечается в таких отраслях народного хозяйства, как государственное управление и обеспечение военной безопасности, здравоохранение, образование.

Руководители предприятий, использующие иностранную рабочую силу, подчеркивают, что приезжие работники трудятся производительнее и дисциплинированнее по сравнению с местным населением, занятым на тех же рабочих местах. Мигранты из СНГ согласны работать сверхурочно за зарплату в несколько раз меньшую, чем требуют местные жители, не требуя себе комфортных условий для работы и проживания. Работодатели оценили такие качества иностранных работников, как ответственность, трудолюбие, готовность всегда пойти на компромисс с руководством. Рязанские предприятия стали проявлять заинтересованность в привлечении трудовых мигрантов высокой квалификации для работы в добывающей и обрабатывающей промышленности, швейном и химическом производствах, машиностроении и других отраслях экономики по таким рабочим профессиям, как токарь, слесарь, станочник, плавильщик,

монтажник. Крупные предприятия Рязанской области (ООО «Машиностроитель», ОАО «Рязанский завод автомобильных агрегатов», ОАО «Рязцветмет», ЗАО «Русская кожа», ОАО «Тяжпрессмаш», ОАО станкостроительный завод «Саста» в г. Сасово) испытывают большую нехватку в указанных специалистах и в течение нескольких лет привлекают для замещения востребованных профессий иностранных работников, занимаясь их профессиональной переподготовкой. В 2007 г. началась реализация областной целевой программы профессиональной подготовки трудовых мигрантов, призванная поднять трудовую миграцию на качественно новый, высокий уровень. С этой целью в Рязанском учебном комбинате организуются курсы для иностранных граждан, где они смогут получить рабочую специальность каменщика или штукатура.

Трудовая миграция в Рязанской области уже дала положительный результат. Так, привлечение иностранных работников в течение ряда лет по таким профессиям, как животновод, скотник, конюх, рабочий зеленого хозяйства, механизатор, тракторист и ряд других во многом способствовало дальнейшему развитию сельского хозяйства. Кроме того, необходимо отметить такой положительный эффект трудовой иммиграции, как здоровая конкуренция, которая стимулирует местную рабочую силу. Мигранты дают новый импульс экономике региона. Они активно включаются в непривычную для них жизнь: сами возводят целые поселки, обустраиваются. Определенная часть мигрантов настроена остаться в Рязанской области, обзавестись здесь семьей, продолжить трудовую деятельность. Надо отметить, что иностранные работники-мужчины в последнее время стали предметом особого внимания со стороны рязанских девушек. Их отличают качества, ставшие редкостью у мужской половины местного населения: трудолюбие, неприхотливость, отсутствие вредных привычек, почитание семьи.

Вместе с тем, помимо положительного эффекта, трудовая миграция породила ряд новых, никогда ранее не стоявших в области проблем. Местные жители стали выражать беспокойство объемами иммиграционных потоков в регион. Хотя численность иностранных работников в составе занятых в экономике области находится в пределах 1,0 – 1,6 %, среди коренных рязанцев широко распространено мнение, что «гастарбайтеры» заволокли область, отбирают рабочие места у местных жителей. Эта проблема возникла, несмотря на наличие у местных жителей приоритетного права трудоустройства. Вызывают озабоченность масштабы нелегальной миграции, превысившей размеры легальных потоков в 10 раз. «Нелегалы» создают очаги социальной напряженности в местах их скопления, негативно влияют на криминальную обстановку в регионе. По данным заместителя начальника милиции общественной безопасности УВД А. Бреева, в 2006 г. иностранцы совершили в области 179 преступлений, в том числе 4 убийства [5, 8]. Кроме того, мигранты становятся переносчиками опасных инфекционных заболеваний. Самое распространенное из них – сифилис, он выявлен у 76 из 15 098 иностранных граждан, прошедших обследование в областном кожно-венерологическом диспансере за первый квартал 2008 г. У 14 человек обнаружен ВИЧ. Зачастую больные, узнав о наличии у них опасных заболеваний, исчезают из поля зрения государственных служб. Таким образом создается угроза для здоровья и жизни местного населения. В этом случае серьезной доработки требует настоящее законодательство, которое разрешает мигрантам, получившим разрешение на работу на срок менее 90 суток, не представлять документы

об отсутствии у них социально опасных заболеваний. Часть населения области разделяет точку зрения, что Россия должна сама справляться со своими демографическими проблемами. Этот сценарий развития возможен при нескольких условиях. Во-первых, необходимо максимально повысить привлекательность рабочих специальностей для коренных рязанцев: поднять заработную плату, дать возможность карьерного роста, расширить пакет социальных услуг. Во-вторых, в условиях демографической ямы, в которой оказалась сейчас Россия, крайне важно укреплять институт семьи, оказывать поддержку многодетным семьям. В ином случае России придется достаточно широко открыть двери иммиграции.

Проведенный анализ миграционных процессов, протекающих в настоящее время на территории Рязанской области, позволяет сделать вывод, что трудовая миграция – явление сложное, многомерное. Несмотря на все недостатки трудовой миграции, Россия нуждается в иностранных работниках не меньше, чем они в ней. По мере развития экономики все большее количество россиян будет вовлечено в интеллектуальную деятельность и высокотехническое производство, а рабочие места на стройках, заводах, фермах в условиях недостатка местных трудовых ресурсов придется замещать приезжими. Трудность заключается в том, сможет ли российское общество справиться со все увеличивающимся кругом проблем, порожденных трудовой миграцией. Принятие управленческих решений в области регулирования миграционных процессов требует учета исторического аспекта проблемы, проведения научного анализа в рамках контекста данного временного диапазона и сложившейся на данной территории обстановки. Практический опыт показывает, что при тщательном взвешенном, продуманном подходе использование иностранной рабочей силы может стать взаимовыгодным процессом как для мигрантов, так и для принимающего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красинец Е.С. Международная миграция в России в условиях перехода к рынку. – М.: Наука, 1997.
2. Рязанские ведомости. 2006. 1 августа.
3. Рязанской области 70 лет: юбилейный статистический сборник. – Рязань: Рязаньстат, 2007.
4. Труд и занятость в Рязанской области. – Рязань: Рязаньстат, 2007.
5. Челиканова И. Не так страшен гастарбайтер, как его малюют... // Рязанские ведомости. 2007. 27 апреля.

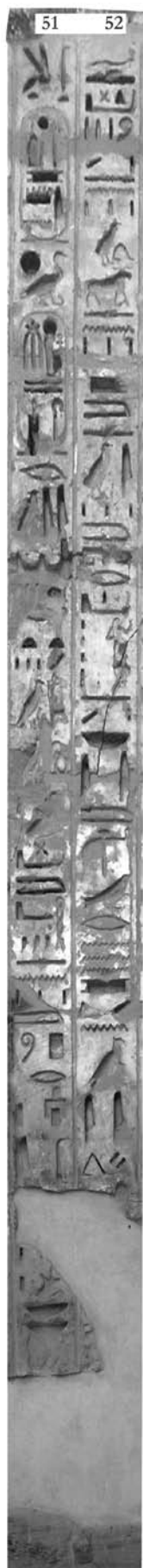
L. MURAVYEVA

PROBLEMS OF MODERN LABOR MIGRATION IN THE RUSSIAN REGIONS (BASED ON MATERIALS OF RYAZAN REGION)

Ryazan State University

The article contains original material that is to substantiate the thesis that the collapse of the USSR has not destroyed the centuries-old mutual interaction between peoples who were citizens of the former USSR. In the post-soviet period political and economical changes stimulated new integration forces that have led millions of economic migrants to Russia. The author brings to light economical, social, cultural and demographic aspects of international labor migration in the central regions of the Russian Federation, in Ryazan region particularly.

Key words: migratory processes, labour immigration, market relations, employment structure, the Ryazan region.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

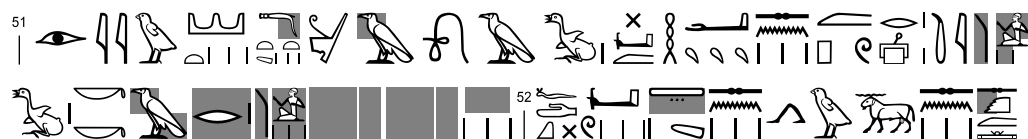
Сафронов А.В.

К ТРАКТОВКЕ СТКК. 51 – 52 НАДПИСИ 5-ГО ГОДА ПРАВЛЕНИЯ РАМСЕСА III ИЗ ЕГО ЗАУПОКОЙНОГО ХРАМА В МЕДИНЕТ АБУ*

Автор восстанавливает фрагмент надписи 5-го года правления Рамсеса III (сткк. 51 – 52, рис. 1) и приводит свой собственный перевод: «Затрепетали северные чужеземья в телах их, а именно пелесет, текер [и турша]. Разорили землю их, пришел их дух опустошенным». По мнению автора, предложенный перевод явно указывает на опустошение родины племен пелесет, текер и турша в результате некоей войны. Подобная трактовка надписи открывает новые исторические перспективы в дискуссии о миграции «народов моря» в начале 12 в. до н.э.

Ключевые слова: «народы моря», Рамсес III, Мединет Абу, Египет.

В надписи из заупокойного храма Рамсеса III (1198 – 1166 гг. до н.э.) в Мединет Абу, датированной 5-м годом правления этого фараона (1193 г. до н.э.), упоминается о вторжении ливийцев и «народов моря» в Египет. Эта надпись расположена на южной стене второго двора храма в Мединет Абу [20, fig. 1 – 2]. По моему мнению, в сткк. 51 – 52 упоминается причина, которая подтолкнула «народы моря» к миграции:

⁽⁵¹⁾ jry ḥs.w.t mḥt.w.t nwt m ḥ^c.w=sn m Prst.w Tkk[r.w] [3–4 группы знаков разрушены]^{1 (52)} fdḳ=w [tḥ]=sn jw bḥ=sn skm(.w)

Исследователи предлагали различные переводы конца стк. 51 – начала стк. 52. Дж. Брестед предложил следующий вариант: «the northern countries are unquiet in their limbs, even the Peleset, the Thekel, who devastate their land. Their soul came, in the last extremity» [5, 24]. Однако совершенно очевидно, что подобный перевод лишен смысла. По мнению В. Эджертона и Д. Вильсона, в

Рис. 1. Сткк. 51 – 52 надписи 5-го года правления Рамсеса III в его заупокойном храме в Мединет Абу (фото автора).

начале стк. 52 между глагольной формой fdḳ=w и tḥ=sn был по ошибке пропущен предлог –m. Опираясь на одно из значений глагола fdḳ как «отрезать, отрубать», ав-

* © Сафронов А.В.

торы предложили переводить фразу следующим образом: «The northern countries quivered in their bodies, namely the Peleset, the Thekk[er], _____. They were cut off <from> their land» [7, 30]. Позднее этот перевод был принят А. Пиденом [21, 16 – 17] и К. Китченом [17, 22] в их публикациях данной надписи. Однако, не говоря уже о семантической «туманности», подобный вариант перевода сомнителен. Гипотеза о пропуске предлога –m в официальной надписи фараона, от которой бы менялся смысл всей фразы, выглядит малоубедительной. По сути дела, слабость подобного объяснения осознавали и сами авторы данного перевода [7, 30, п. 52а].

В. Хельк [14, 135 – 136] считал, что предлог –m, который предшествует этнонимам Prst.w и Tkkr.w, на самом деле, является новоегипетским эквивалентом частицы –jn. По мнению исследователя, предлог –m в рассматриваемом фрагменте текста вводит новоегипетскую конструкцию (Cleft sentence), которая является аналогом среднеегипетской предложения типа jn + носитель действия + глагольная форма sdm=f однократного действия, передающей «будущее» время [4, 332; 11, 175; 15, 189]. Основываясь на своем предположении, Хельк предложил перевод: «Die Nordländern zittern in ihren Gliedern, denn die Philister und Sikkar wollen von ihrem Land trennen» [14, 135].

Помимо затруднений, которые неизбежно возникают при трактовке данного перевода, его невозможно принять по следующим причинам. Во-первых, предлог –m в подобных случаях вводит перечень имен собственных или этнонимов. Можно привести следующие примеры:

1. p³ ḥ Tmḥw jw.w dmd m bw w^c m Rbw.w Spd.w Mšš.w «Страна Те-меху пришла и объединилась в одном месте, а именно (племена) ребу, сепед (и) машваша» [16, 22:12].

2. nn pr.t=n m Dd Mškn Mryw ḥn^c Wrmr Ttmr «Нет семени нашего, а именно (вождей) Деда, Мешекена, Марайи вместе с Урмером и Четмером» [16, 24:14 – 15].

Во-вторых, В. Хельк [14, 136] не учитывает лакуну в конце стк. 51. Необходимо сказать несколько слов об этом. К. Китчен в своем издании надписей Рамсеса III восстанавливал лакуну в

конце стк. 51 как [16, 25:5]. Во всех известных мне современных переводах данного места либо используется реконструкция К. Китчена, либо лакуна в конце стк. 51 вообще игнорируется, а сткк. 51 – 52 попросту объединяются после этнонима Tkkr.w [21, 16; 14, 135 – 136; 17, 22]. Но рассмотрев данную надпись Рамсеса III в феврале 2006 года *in situ*, я пришел к выводу, что лакуна в конце стк. 51, по крайней мере, в три раза больше, чем предполагал К. Китчен (рис. 2). Поэтому, на мой взгляд, реконструкцию К. Китченом конца стк. 51 следует признать ошибочной.

Как было указано выше, предлог –m в текстах Мединет Абу зачастую вводит перечень имен собственных, этнонимов или топонимов. Поэтому уже В. Эджерстон и Д. Вильсон [7, 30, п. 52а] предпола-

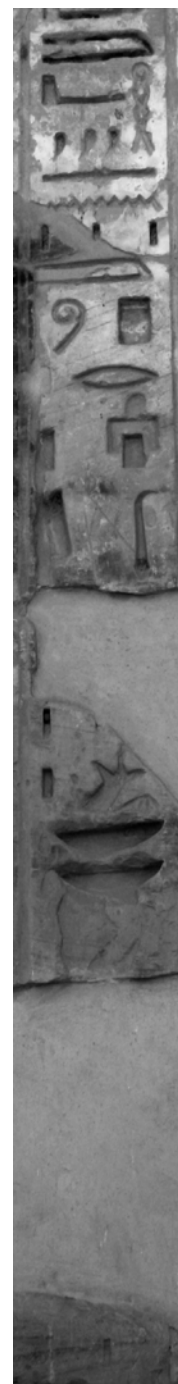

Рис. 2. Лакуна в конце стк. 51 надписи 5-го года правления Рамсеса III (фото автора).

гали, что после этнонима $\overline{\text{Tkk}}.w$ в конце строки 51 мог располагаться еще один этноним². Однако исследователи не предложили собственной реконструкции лакуны, поскольку их смутил следующий факт. В надписи 8-го года правления Рамсеса III, в которой зафиксированы основные битвы египтян с « народами моря », все упомянутые помимо *пелесет* и *текер* этнонимы – *дануна*, *ва-шаша*, *шакалуша* ($\overline{\text{Dnn}}.w$, $\overline{\text{Wšš}}.w$, $\overline{\text{Škrš}}.w$), нельзя подставить в лакуну в конце стк. 51 надписи 5-го года из-за количества знаков. Однако, на мой взгляд, возможность заполнения лакуны названием одного из этнонимов « народов моря » все же существует. Помимо упомянутых выше наименований племен « народов моря » есть еще один этноним, а именно $\overline{\text{Trš}}.w$, который упоминается в надписях Рамсеса III дважды³. *Турша* были известны египтянам еще с правления Мернептаха (1224 – 1214 гг. до н.э.) [18, 20, pl. 2:1; 3:14; 12:53]. При Рамсесе III *турша* не упоминаются в составе коалиции племен « народов моря », напавшей на Египет на 8-й год правления Рамсеса III (1190 г. до н.э.) [20, pl. 46:18]. Однако этот этноним все же встречается дважды в других надписях этого фараона. В сильно поврежденном тексте « Риторической стелы » Рамсеса III из Дейр эль-Медина (стк. 8), которая датируется 11-м годом правления этого фараона, говорится:

[m³] Prst.w Trš.w m ḥry-jb p³ ym « *Пелесет* и *турша* приплыли (?) из середины моря » [16, 91:8].

Среди этнонимов на фасаде т.н. « Высоких Ворот » храма Рамсеса III в Мединет Хабу имя *турша* (рис. 3) встречается среди других « народов моря » – *текер*, *шардана* и *пелесет* [16, 104:12 – 14]. Возникает вопрос, почему *турша* упоминаются в вышеприведенных надписях Рамсеса III, в то время как в главных текстах этого фараона, описывающих вторжение « народов моря », этноним *турша* не встречается. На мой взгляд, этот факт можно объяснить, если предположить, что в конце стк. 51 надписи 5-го года Рамсеса III после этнонимов *пелесет* и *текер* как раз и стояло название *турша*, ныне практически полностью разрушенное. Эту гипотезу подтверждает и то, что *турша* упоминаются вместе с *пелесет* и с *текер* в тексте « Риторической стелы » и на фасаде « Высоких ворот » в Мединет Абу⁴. На основании вышесказанного я предлагаю транслитерировать сткк. 51 – 52 следующим образом: ⁽⁵¹⁾... jry ḥš.w.t mḥt.w.t nwṯ m ḥ^c.w=sn m Prst.w $\overline{\text{Tkk}}$ [r.w] [$\overline{\text{Trš}}$.w] ⁽⁵²⁾ fdḳ=w [t³]=sn jw b³=sn skm(.w).

Прежде чем перейти к переводу этих строк, следует упомянуть еще два их перевода. Несмотря на то, что их авторы не являются профессиональными египтологами, эти переводы, несомненно, заслуживают упоминания, поскольку заметно отличаются от вышеупомянутых.

В.Л. Цымбурский, используя уже упоминавшуюся реконструкцию К. Китчена лакуны в конце стк. 51, транслитерировал конец стк. 51 – начало стк. 52 как « $\overline{\text{tkk}}^3/\text{r}^3 \text{ iw}/$ ⁽⁵²⁾ fdḳ.w t³.sn » и предлагал переводить данную фразу как « текра (*текер* – А.С.), чью страну кто-то разорил » [3, 51 – 52]. При этом он руководствовался тем, что местоимение-суффикс 3 л. мн. ч. –w в новоегипетском языке используется для построения неопределенно-личных предложений. Основываясь на этом, В.Л. Цымбурский предположил, что в надписи речь шла о разорении страны *текер* [3, 52]. Однако данный перевод не выдерживает критики. Во-первых, исследователь неправильно транслитерировал текст конца стк. 51 – начало стк. 52, поскольку в транскрипции К. Китчена стоит

знак I I I (Z2) после не может быть ничем иным, как местоимением-суф-

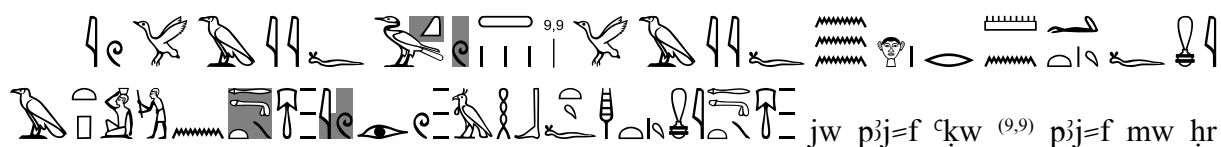
фиксом –w 3-го лица множественного числа. Соответственно, безличная форма jw sdm=f , которую постулирует здесь В.Л. Цымбурский, попросту невозможна, поскольку, если следовать транскрипции К. Китчена, перед нами типичная форма статива $\text{jw=w fd\kappa.w t^{3}=sn}^5$. Кроме того, как я показал выше, и сама реконструкция лакуны К. Китчена явно ошибочна и не учитывает реального размера лакуны в конце стк. 51.

Во-вторых, в переводе В.Л. Цымбурского *пелесет* оказываются выброшенными из общего контекста надписи. Если же учитывать восстанавливаемый мной третий этноним *туриша*, то перевод В.Л. Цымбурского вообще теряет всякий смысл. Однако и без этого очевидно, что в сткк. 51 – 52 надписи 5-го года Рамсеса III под беспокойными северными землями подразумеваются *пелесет* и *текер* совокупно. Соответственно, нет никаких оснований полагать, что создатели текста специально выделяют *текер*, упоминая о разорении их земли.

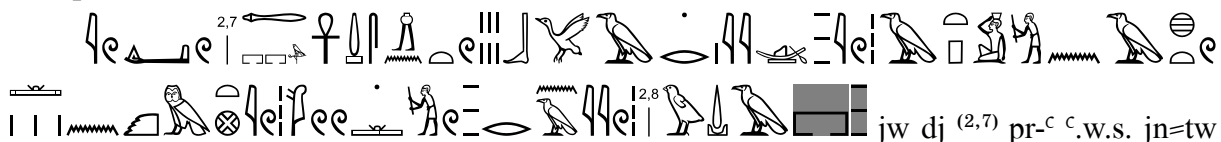
На последнее противоречие обратил внимание А.А. Немировский [1, 13 – 15]. Во фразе $\text{fd\kappa=w [t^{3}]=sn}$ он предложил считать местоимение-суффикс –w новоегипетским показателем 3-го лица множественного числа, относящимся к *пелесет*. Местоимение-суффикс 3-го лица множественного числа –sn, по мнению исследователя, относилось к *текер*. Всю фразу А.А. Немировский перевел следующим образом: «Они (*пелесет*) опустошили их край (*текер*)» [1, 13, 15].

Однако подобный перевод также неудовлетворителен, поскольку опять-таки использует ошибочную транскрипцию К. Китчена, не учитывая размера лакуны в конце стк. 51⁶.

Переходя непосредственно к моему переводу сткк. 51 – 52 надписи 5-го года Рамсеса III, необходимо подчеркнуть следующее. Практически все исследователи считали графемы Q I I во фразе $\text{fd\kappa=w [t^{3}]=sn}$ в начале стк. 52 грамматическим показателем 3-го лица множественного числа и рассматривали это как подлежащее, которое соотносится с упоминающимися в стк. 51 этнонимами *пелесет* и *текер*. Но в таком случае перевод этой фразы либо лишается смысла, либо требует предположения о выпадении предлога –m, что само по себе достаточно сомнительно (см. выше). Пожалуй, только В.Л. Цымбурский допускал, что графема Q I I может являться показателем неопределенно-личного предложения. Однако, как я показал выше, транскрипция К. Китчена, которой пользовался В.Л. Цымбурский, просто не допускает возможности переводить данную фразу неопределенно-личным предложением. Однако, на мой взгляд, такая возможность все-таки существует. Выше я привел аргументы, что лакуна в конце стк. 51 может быть заполнена этнонимом *туриша*. Поэтому со стк. 52, на мой взгляд, начинается новое предложение, которое вводится фразой $\text{fd\kappa=w [t^{3}]=sn}$. Графема Q I I в этой фразе показывает, что предложение может быть неопределенно-личным, поскольку в новоегипетском языке есть случаи, когда суффикс-местоимение 3-го лица множественного числа –w используется в предложениях, где подлежащее остается неопределенным [15, 107]. Позднее этот показатель 3-го лица множественного числа вообще стал использоваться в коптском языке как показатель страдательного залога [23, § 326]. Можно привести следующие примеры подобной конструкции⁷:

rmn=f mj 3tp n 3.w jw jr=w nhb.t=f ʕt.t mj 3.w «Его еда ^(9,9) (и) его вода (находятся) на плече его подобно поклаже ослов. Его шея превращена (букв. его шею сделали)⁸ <в> хребет подобно ослу (о невзгодах, которые терпит во время похода воин; фрагмент т.н. школьного поучения из Р. Anast. IV. 9,8 – 9,9) [10, 44:13 – 15].

6 br.w jw=w 3tp(.w) n h.t n Km.t jw=w šww=w r nj =w wd3.w (После) приказал ^(2,7) фараон, да будет он жив, невредим и здоров, чтобы привели 6 кораблей, (причем) они были загружены имуществом Египта. Разгрузили их ^(2,8) в их амбары” (Unamun, 2,6 – 2,8) [9, 67:15 – 16].

Возвращаясь к рассматриваемым сткк. 51 – 52 надписи 5-го года, следует также отметить, что большинство египтологов рассматривают глагол fdḳ в начале стк. 52 в значении «отрубить, отрезать». Несомненно, fdḳ показывает такое значение в текстах Рамсеса III в Мединет Абу. Однако следует отметить, что подобное значение для fdḳ зафиксировано здесь либо как эпитет фараона, который убивает своих противников, либо используется при описании состояния, в котором пребывают поверженные враги Египта:

fdḳ tḳj=sn mn(y).t «отрубающий (т.е. фараон) корень их» [20, pl. 22:7]

fdḳ tḳj=sn šnb.t «их плоть (т.е. врагов фараона) отрублена» [20, pl. 32:8 – 9]

fdḳ šnb.t=w «их плоть была отрублена» [20, pl. 42:6 – 7]

fdḳ tḳj=sn mn(y).t «отрубающий корень их» [20, pl. 43:14]

В ряде случаев видеть в глаголе fdḳ значение «отрезать, отрубить» затруднительно, поскольку перевод теряет смысл. Речь идет о примерах, когда глагол fdḳ выступает в связке с дополнением, выраженным существительным со значением «земля, страна». Очевидно, что в этих fdḳ следует переводить как «разорять, опустошать»⁹. Можно привести следующие примеры:

1. bw ʕn nb r-h3.t a.wj=sn š3c-m ʕb ʔdj ʔrḳmš lrtw lrs3 fdq(.w) m [sp w^c] «Ни одна страна не смогла устоять перед их руками, начиная с Хатти, Коде, Каркемиса. Арцава (и) (Аласия опустошены в [один миг]» [20, pl. 46:13].

2. ʕ.w h3s.w.t fdḳ(.w) jn(.w) r Km.t «земли и нагорья разорены (и) приведены в Египет» [16, 22:2].

Я полагаю, что глагол fdḳ в начале стк. 52 надписи 5-го года Рамсеса III следует рассматривать в значении «опустошать, разорять». На основании вышесказанного я предлагаю переводить сткк. 51 – 52 надписи 5-го года Рамсеса III следующим образом: «⁽⁵¹⁾ Затрепетали северные чужеземья в телах их, а именно *пелесет, текер* [и *турша*]. ⁽⁵²⁾ *Разорили землю их*, пришел их дух опустошенным».

Подобный перевод, по моему мнению, недвусмысленно показывает, что в надписи 5-го года правления Рамсеса III сохранилось воспоминание о некоей войне, которая опустошила земли *пелесет, текер* и *турша* и подвигла их к

миграции, конечной точкой которой, видимо, и стал Египет.

Однако ли можно верифицировать предложенный мной перевод, опираясь на сами тексты из заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу? Иными словами, можно ли найти иное упоминание о выявленной мной войне в других надписях Рамсеса III? Как кажется, такая возможность существует.

В надписи 8-го года правления Рамсеса III, помимо описания разгрома коалиции племен «народов моря» египтянами, имеется следующая фраза: ⁽³⁴⁾ ḥꜥs.w.t [...] ꜥq r njwt=w fh m sp wꜥ šnw=w rmt=w nb ḥpr(.w) m ssfy ⁽³⁵⁾ wꜥwꜥ=w ḥnꜥ jb=sn jw=n r-tnw jw wrw=sn [...] psdw=sn r tꜥ mry «(Что до) чужеземий [...] разрушение к городам их, опустошенных в один миг. Деревья их (и) люди их все превратились в пепел. ⁽³⁵⁾ Они советовались со своими сердцами: «Куда нам (идти)?». Пошли их вожди [...] на] ¹⁰ спинах их к Земле Возлюбленной (Египту)». [20, pl. 46:34 – 35].

В известных мне переводах предполагалось, что опустошение чужеземий, упоминаемое в этом фрагменте, есть дело рук фараона, а сама лексема ḥꜥs.w.t «чужеземья» маркирует здесь врагов Египта обобщенно [17, 35; 21, 33, 35]. Однако, на мой взгляд, этот фрагмент трактовать следует по-иному. Я полагаю, что слово ḥꜥs.w.t здесь употреблено не для описания врагов Египта в целом, а конкретно «народов моря». Во-первых, вся надпись 8-го года правления Рамсеса III посвящена исключительно противоборству фараона и «народов моря». Несомненно, в эту надпись включались фрагменты, которые не описывали определенные исторические события, и единственной задачей которых являлось восхваление мощи фараона. Однако ряд обстоятельств указывает, что в данном случае это, по-видимому, не так. Лексема ḥꜥs.w.t неоднократно обозначает в надписях Рамсеса III конкретно «народы моря» [16, 25:4, 32:6, 33:4, 39:14]. Конечно, один этот факт, естественно, еще ничего не доказывает. Однако фраза из стк. 35 8-го года Рамсеса III «они советовались со своими сердцами: «Куда нам (идти)?» дословно совпадает с надписью 5-го года, когда эту же фразу говорят ранее разбитые фараоном племена «народов моря» *пелесет*, *текер* и *турша* [16, 25:11]. Создается впечатление, что обе надписи говорят об одном и том же, а именно о том, что «народы моря» лишились своей родины по какой-то причине и пришли в Египет в поисках нового места обитания, где в итоге и были разбиты фараоном. Тогда это значит, что в сткк. 34 – 35 лексема ḥꜥs.w.t маркировала именно «народы моря», и что здесь, как и в надписи 5-го года (см. выше), упоминается об опустошении их родины. Возникает послед-

Рис. 3. Рельеф с изображением пленника турша. Фасад т.н. «Высоких Ворот» заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу (фото автора).

ний вопрос: а не мог ли в стк. 34 надписи 8-го года Рамсеса III виновником разрушений «чужеземий» (т.е. земель «народов моря») быть сам фараон, как полагает некоторые исследователи [17, 35]. На мой взгляд, нет. Во-первых, ни о каких кампаниях фараона в землях «народов моря» в надписях Рамсеса III не упоминается, а сами «народы моря» постоянно выступают как нападающая сторона. Во-вторых, те, кто полагают, что «чужеземья» в стк. 34 – 35 надписи 8-го года пали жертвой фараоновой мощи, основывают свою точку зрения единственно лишь на том, что после опустошения «чужеземий» их обитатели идут к Египту с изъявлением покорности. Однако в последнем следует скорее видеть прием египетской пропаганды. Например, в надписи 5-го года упоминается об опустошении страны Амурру в Сирии, причем виновник этого не называется [16, 21:13 – 14]. Жители же Амурру в поисках безопасных мест идут в Египет, где они обращаются к фараону со следующими словами: ⁽¹⁶⁾ kꜣj Rꜥ tꜣn ꜥq(.w) twꜣn ⁽¹⁷⁾ m tꜣ n anḥ kkw ḥsr(.w) «⁽¹⁶⁾ Пребуди высоко, Ра (т.е. фараон), страна наша разрушена, (но) мы ⁽¹⁷⁾ в земле жизни (т.е. в Египте), (где) тьма уничтожена» [16, 22:1]. Таким образом, Египет здесь выступает как своеобразный центр мирового порядка. Создатели надписи, до этого в красках описывающие опустошение Амурру, вовсе не приписывают его фараону. Прежде всего, в их задачу входило показать благоденствие Египта под властью фараона по сравнению с хаосом, в котором пребывали, по египетским представлениям, иные страны, «чужеземья», в том числе и страна Амурру. Кстати, из надписи 8-го года мы точно знаем, что страна Амурру была опустошена как раз «народами моря» [16, 40:1 – 2]. Если экстраполировать эти наблюдения на упоминавшиеся выше стк. 34 – 35 надписи 8-го года Рамсеса III, можно констатировать, что опустошение «чужеземий» следует приписывать не фараону, а некоему неупомянутому врагу. Поскольку мы видели, что в стк. 34 – 35 лексема ḥꜣs.w.t «чужеземья» маркирует «народы моря», я полагаю, что этот фрагмент надписи 8-го года также описывает опустошение земель «народов моря». Это подтверждает данные надписи 5-го года Рамсеса III, где упоминается о разорении земель *пелесет, текер и турша*.

Подводя итоги, я могу отметить, что надписи 5-го и 8-го годов правления Рамсеса III в его заупокойном храме в Мединет Абу зафиксировали результат некой войны, которая опустошила земли ряда племен «народов моря» (в частности, *пелесет, текер и турша*) и вынудила их мигрировать в Восточное Средиземноморье вплоть до Египта. Данный факт открывает совершенно новые перспективы в исследовании проблемы движения «народов моря» на рубеже 13 – 12 вв. до н.э.¹¹

Примечания

1. Транскрипция сделана по моим собственным фотографиям (рис. 1) с учетом изданий надписи в: [16, 25:5 – 6; 20, pl. 28:51 – 52].
2. Знак (Z2) в конце стк. 51 может косвенно указывать на первоначальное присутствие здесь этнонима [20, pl. 28:51].
3. Этот этноним фиксируется следующими написаниями: (правление Мернептаха), (правление Рамсеса III) [12:50]. По количеству знаков этот этноним подходит для заполнения лакуны в конце стк. 51, где разрушено 3 – 4 группы знаков.

- 4 Некоторые исследователи предполагают, что упоминание этнонима *турша* в надписях Рамсеса III является анахронизмом, и он заимствован из времени Мернептаха [19, 79]. Однако это чрезвычайно сомнительно, поскольку затруднительно объяснить, почему при Рамсесе III упоминаются только *турша*, в то время как другие «народы моря», с которыми египтяне столкнулись при Мернептахе, канули в Лету.
- 5 Если даже следовать транскрипции К. Китчена и рассматривать первую часть предложения [jw]=w fdḳ=w [ṽ]=sn jw bṣ=sn skm(.w) как неопределенно-личное, то показателем безличной формы должны быть не графемы   после fdḳ, как предполагал В.Л. Цымбурский, а графема   после восстанавливаемого К. Китченом jw в конце стк. 51 (см. сходный пример из «Путешествия Унуамона» выше). В этом случае   явно оказывается дополнением, на которое направлено действие сказуемого fdḳ. Однако тогда   может маркировать только упомянутые в стк. 51 племена «народов моря». Но глагол fdḳ, как было показано выше, в значении «опустошать» употреблялся в текстах Мединет Абу по отношению к землям, но не народам, их населявшим. Это подтверждается и стоящим после fdḳ=w в стк. 52 дополнением [ṽ]=sn. Следовательно, при использовании транскрипции К. Китчена перевод фразы в конце стк. 51 – начале стк. 52 безличным предложением вообще грамматически невозможен.
- 6 Впоследствии А.А. Немировский отказался от своего перевода и принял мою трактовку данного фрагмента текста.
- 7 См. другие примеры использования местоимения-суффикса –w 3-го лица множественного числа в новоегипетских неопределенно-личных предложениях в: [8, 125].
- 8 Ж. Винанд предполагал, что в данном примере jw jr=w является т.н. перфективом формы sdm=f. Поэтому он предлагал следующий перевод: «car ils ont fait de son cou une épine dorsale comme celle d'un âne» [24, 195]. Однако в этом случае сложно понять, с чем в предшествующем тексте соотносится местоимение-суффикс –w 3-го лица множественного числа. Поэтому я полагаю, что во фразе jw jr=w мы имеем дело с неопределенно-личным предложением.
- 9 Помимо своего основного значения «отделять, разделять, отрубать» [22, 117], в ряде случаев глагол fdḳ неоднократно зафиксирован со значением «опустошать (страну)» [13, 327; 25, 583:11].
- 10 О возможной реконструкции лакуны здесь см.: [7, 58, п. 35с].
- 11 Об исторической интерпретации исследовавшихся в данной статье текстов Рамсеса III см: [2, 124 – 139].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Немировский А.А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н.э. в греческой традиции // *Античность: общество и идеи*. Казань, 2000. С. 6 – 19.
2. Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // *Вестник Древней истории*. № 4. М., 2006. С. 124–139.
3. Цымбурский В.Л. Греки в походах «народов моря»? (Египетские маргиналии к юме Троянской войны) // *Восток (Oriens)*. М., 1994. № 1. С. 39 – 58.
4. Allen, James. 2002. *Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*. Cambridge
5. Breasted, James. 1906. *Ancient Records of Egypt*, 4. Chicago
6. Černý, Jaroslav – Sarah Israelit Groll. 1993. *A Late Egyptian Grammar*. Roma
7. Edgerton, William – John, Wilson. 1936, *Historical Records of Ramses III: The Texts in Medinet Habu*. Vols. I-II. Chicago
8. Erman, Adolf. 1933. *Neuägyptische Grammatik*, Leipzig
9. Gardiner, Alan. 1932. *Late-Egyptian Stories*. Bibliotheca Aegyptiaca I, Bruxelles
10. Gardiner, Alan. 1937. *Late-Egyptian Miscellanies*. Bibliotheca Aegyptiaca VII, Bruxelles
11. Gardiner, Alan. 2001. *Egyptian Grammar, being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. Oxford
12. Gauthier, Henri. 1929. *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques*. T. 6. Caire
13. Hannig, Rainer. 2006. *Großes Handwörterbuch. Ägyptisch – Deutsch (2800 – 950 v. Chr.)*. Mainz.
14. Helck, W., Nochmals zu Ramses III. Seevölkerbericht, in: SAK 14. S. 129-45

15. Junge, Friedrich. 1999. Einführung in die Grammatik des Neuägyptischen. Wiesbaden
16. KRI = Kitchen, Kenneth. 1983. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. 5, Oxford
17. Kitchen, Kenneth. 2008. Ramesside Inscriptions. Translations. Volume 5: Setnakht, Ramses III and Contemporaries, Oxford
18. Manassa, Colleen. 2003. The Great Karnak Inscription of Merneptah: Grand Strategy in the 13th Century BC. New Haven
19. Mertens, Paul, 1960. Les Peuples de la Mer, in : CdE 35. P. 65 – 88.
20. MH – Medinet Habu. Vol. 1. Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago 1930
21. Peden, Alexander. 1994. The Historical Inscriptions of the Twentieth Dynasty. Jonsored
22. Takács, Gábor. 1999. Etymological Dictionary of Egyptian. Volume One: A Phonological Introduction. Leiden-Boston-Köln
23. Till, Walter. 1966. Koptische Grammatik (Saidischer Dialekt). Leipzig
24. Winand, Jean. 1992. Études de néo-égyptien 1: La morphologie verbale, Aegyptiaca Leodiensia 2, Liège
25. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Berlin, 1971. Bd. 1.

A. Safronov

**TO TREATMENT CTKK. 51 – 52 INSCRIPTIONS OF 5TH YEAR OF BOARD
RAMSES' III FROM ITS DOLEFUL TEMPLE IN MEDINET ABU**

The author reconstructs a fragment of the inscription dated with 5th year of Ramses' III reign (lines 51 – 52, Fig. 1) and gives proof of his own translation: «The northern hill-countries quivered in their bodies, namely Peleset, Tjeker, [Tursha]. Someone devastated their land, their spirit came to the end». In author's opinion this inscription witnesses about the devastation of the homeland of the Peleset, the Tjeker and the Tursha as a result of the war. This author's translation provides new historical perspectives for the discussion about the Sea Peoples' migration.

Key words: «The sea people», Ramses III, Medinet Abu, Egypt.

ДРЕВНЕЕВРОПЕЙЦЫ II ТЫС. ДО Н.Э. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКАТАКОМБНОГО ГОРИЗОНТА)*

Происхождение катакомбной культуры Восточной Европы связано не со сменой населения, а с усилением мегалитической идеологии (погребения в катакомбах) среди племен культур шнуrowой керамики и шаровидных амфор (древнеевропейцев) от Рейна до Кавказа. Это доказывается данными лингвистики и мифологии.

Ключевые слова: катакомбы 2 тыс. до н.э., мегалитические культуры СУМ, культура Злота, Горский барельеф, раннекатакомбный горизонт Восточной Европы, «Нартский эпос», протокельты и древнеевропейцы.

С развитием сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторической мифологии открылись новые возможности исторической реконструкции в области первобытной археологии эпохи энеолита – бронзового века. Точкой отправления стала концепция индоевропейских прародин В.А. Сафронова и этнолингвистическая атрибуция культур энеолита – раннебронзового века III тыс. до н.э. [25].

Целью данной работы является прежде всего этническая атрибуция катакомбной культуры, которая практически никем не рассматривалась [9], хотя по поводу балтской атрибуции памятников шнурокерамических культур (фатьяновской, балановской, среднеднепровской), родственных катакомбным культурам Восточной Европы, исследователи неоднократно высказывались [2;3;10;20;26;27]. Достичь этой цели можно при условии решения археологической задачи – выделения ранних катакомбных памятников в рассматриваемых регионах.

С открытием В.А. Городцовым подкурганных захоронений бронзового века в катакомбах в области Северского Донца (донецкая катакомбная культура) исследователи сначала относили все погребения в катакомбах эпохи бронзы к катакомбной культуре. Затем были выделены локальные варианты, число которых варьировалось [5; 8; 31]. Обнаружение костяных молоточковидных булавок в ямах и катакомбах с древнеямным обрядом явилось основой для гипотезы о происхождении катакомбной культуры из древнеямной [31; 20]. Это мнение подверглось критике в начале 60-х годов, которая, как казалось тогда, была справедливой [8].

В настоящее время нельзя отрицать того, что большое число погребений в катакомбах (около 100) имеют две характеристики, объединяющие их с древнеямной культурой: обряд захоронения на спине скорченно и костяные молоточковидные булавки [21, 78; 32, 198]. Хотя встречаемость булавок в ямах и катакомбах возвратила исследователей опять к старой гипотезе Т.Б.Поповой [5], был и положительный результат: катакомбы с древнеямными погребениями, несомненно, были самые ранние. Однако отсутствие, за редким исключением, подобного инвентаря в других катакомбах не позволяло расширить численно и территориально раннекатакомбный горизонт [7].

* © Николаева Н.А.

Попытка обосновать выделение катакомбной культуры привела исследователей к выводу, что не было одной монолитной катакомбной культуры, а существовали отдельные катакомбные культуры [8]. Было ясно, что катакомба – хотя и не абсолютный критерий в выделении катакомбной эпохи, но объединяющий признак ряда разнообразных групп погребений в катакомбах. Не было ни одного другого признака, который присутствовал бы во всех катакомбах бронзового века [5; 19; 20].

С накоплением материалов стало яснее, что ряд катакомб с захоронениями на боку, на спине вытянуто и на спине скорченно находятся в одном хронологическом горизонте: их количественно-видовое разнообразие зависит от соотношения культур субстрата, доминирующих в регионе. Впервые вопрос о *раннекатакомбных предднепровских памятниках* поставил В.А.Сафронов. Он выделил из массива катакомбных памятников эпохи бронзы самые древние, определил их стратиграфию и хронологию: это были III и IV группы погребений эпохи бронзы Калмыкии [21,78]. В вопросе культурной атрибуции этих памятников приоритет отдавался обряду погребения, а не форме могилы: III группа названа им «древнеямниками», в соответствии с древнеямным обрядом захоронения, а IV группа – «северокавказцами». Антропология также показала отличие облика погребенных как между собой в этих ранних группах, так и от катакомбников последующего хронологического горизонта предкавказской катакомбной культуры [21, 199-205]. Так, впервые происхождение катакомбы рассматривалось отдельно от происхождения других признаков катакомбного обряда.

До массовых раскопок на юге Восточной Европы древнейшей в ряду катакомбных культур считалась донецкая катакомбная культура на Донетчине [4,130-137; 8: 19]. В ходе раскопок 1975 года в Луганской области мы убедились, что и в этом, собственно, коренном «катакомбном» регионе существуют более древние катакомбные памятники, чем «донецкая катакомбная культура» [19; 20]. Наши находки и материалы из предшествующих раскопок составили список древнейших, но не стратифицированных 15 катакомбных погребений. Их стратиграфическая позиция была установлена по материалам раскопанного нами кургана в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте в 1975 году [20,10]. Прослеженная стратиграфия свидетельствовала о том, что катакомба 4/13 с погребением на боку с отклонением на спину с ножом и шилом (рис.1:I:1) и катакомба 4/5 с наклонным дромосом, вытянутым погребением и курильницей на отдельных ножках (рис.1:I:2) были законсервированы насыпью, в которую были впущены катакомбы уже донецкой катакомбной культуры. Одной из культур субстрата для катакомбных памятников на Донетчине оказалась кубано-днепровская культура с повозками (она была выделена нами позже из массива древнеямных погребений в 1978 году [12; 14;20,8]. Вторая культура субстрата, как сейчас можно уточнить, для ранних катакомб на Донце, входит в культурно-хронологический горизонт, отмеченный в степном Причерноморье нижнемихайловскими, кеми-обинскими, усатовскими памятниками. Культуры докатакомбного субстрата датируются в Азово-Черноморье после 24 в. до н.э., о чем свидетельствуют их радиоуглеродные даты [1, 43], а также даты памятников культуры шаровидных амфор (2470—2175 гг.) [17,188] и шнуровых керамик Малопольши (2600--2100 гг.) [1, 390], предшествующих там появлению катакомбных памятников культуры Злота [34].

Сейчас в ряде работ заявлена шкала калиброванных дат, по которой раннекатакомбные памятники датируются 2600-2350 гг. до н.э. [28; 33, 288, рис. 139] и которую нет смысла учитывать до приведения их в соответствие с исторической хронологией Египта и Месопотамии и связанных с ними памятников.

В 1974 году в Северной Молдавии, (в 400 км от Малопольши с катакомбами Злоты) нами были обнаружены, и также впервые, катакомбные вытянутые и скорченные погребения с поздне трипольской амфоркой, украшенной по горловине оттиском шнура, с 4-мя выступами и черноглиняным кубком, с бронзовым браслетом, украшенным шнуром, и кремневой стрелкой, с раннекатакомбной керамикой с едва уплощенным дном [18]. Подобные амфоры зафиксированы в поздне трипольских памятниках Северной Молдавии (2600—2000 гг. до н.э.), Украины [1]. *Позднее триполье и КШК являются культурами субстрата для катакомбных памятников в Попрутье.* Поскольку культуры шнуровой керамики начинают свое существование в Прикарпатье с 23 в. [33, 86], а позднее триполье в лесных районах доживает до конца III тыс. до н.э. [1], раннекатакомбные погребения на севере Молдавии появляются после 23-20 вв. до н.э.

В 1979 году в Западном Прикубанье мы раскопали также 20 погребений *раннекатакомбной культуры*, которые стратиграфически и хронологически были древнейшими среди катакомбных погребений Прикубанья (рис. 1:II). Характерно то, что *ранние катакомбы находятся не только в курганах, но и в холмах, возвышенных местах, что имеет отношение к их происхождению от культуры Злота* [34], катакомбы которой также вырыты в лессовой террасе. Захоронения совершались на правом боку в слабоскорченном положении [20, 8-11] (рис. 1:II). Немногочисленные сосуды в выделенных раннекатакомбных погребениях во всех трех регионах позволяют установить происхождение этих памятников. Аналогии прикубанской керамике и орнаменту (амфоры, кубки и курильницы) (рис. 3:1) уводят в круг культур шнуровых керамик (КШК) Западной и Восточной Европы (8, рис. 1) (рис. 3:II). Форма катакомбы в раннекатакомбном горизонте относится к Т-образному типу с наклонным дромосом (рис. 1) [11, 26-30; 20, рис. 3-6]. И инвентарь ранних катакомб Прикубанья, Донечины Попрутья, и форма катакомбы отмечены в культуре Злота (рис. 2:I) в Малопольше [20, рис. 7]. Таким образом, *происхождение восточно-европейских катакомб с шнурокерамическим комплексом связано с Малопольшей.*

Идея злотской катакомбы происходит, по нашему мнению, из области мегалитической культуры Сены-Уазы-Марны (СУМ) [35] (рис. 2:II). Катакомбы СУМ вырывались в меловых отложениях возвышенностей, в крае речных террас, как и злотские, и прикубанские. Они были двухчастными и трехчастными. Наряду с ними существовали галерейные могилы, которые характерны для культуры воронковидных кубков, предшествующей и сосуществующей с КША и КШК. Вход закрывался камнями, деревом или циновкой. Погребения коллективные, вытянутые и скорченные. Особого внимания заслуживает погребальный обряд, который выражается в изображении женского или мужского божества слева от входа в камеры или над входом, а также инсигний власти — топор, ожерелье, знак решетки (рис. 2:II). Изображения сильно стилизованы. Культура СУМ входит в круг мегалитического приантлантическо-средиземноморского пояса. Именно с культурой СУМ носители культуры шнуровых керамик имели ареальные контакты идеологического характера [20, 12 рис. 8, 9], т.е. воспринимали не традиционно-бытовую культуру, а те черты, которые яв-

ляются частью духовной культуры [35].

Хотя инвентарь в культуре СУМ отличен от КШК, мы нашли более убедительное доказательство связи восточноевропейской катакомбы с катакомбами СУМ. Это находка так называемого «Горского барельефа» на стенке ранней катакомбы в Луганской области. Вход в камеру этой катакомбы (Горск к.1 п.2) был оформлен как верхняя часть антропоморфных стел в степном Причерноморье, с личиной, обращенной в камеру (рис. 4:1) [20, рис. 10]. Слева от входа на высоте 70 см было выбито в материковой глине изображение мужского лица с бородой и с валикообразными бровями (рис.4:3). [20, рис. 11:3]. Таким образом, оба изображения размещаются в том же порядке, как это зафиксировано в катакомбах СУМ. Этот уникальный барельеф до деталей повторяется и *на покровной плите галерейной могилы* в Гернсее в Бретани [20, рис.11:2 ; 36], принадлежащей к кругу мегалитических культур, родственных СУМ (рис.4:2).

В настоящее время подобные находки уже не единичны: появились сведения о находке небольшой каменной антропоморфной стелы, вмонтированной над входом в катакомбу (сообщение Г.А. Евдокимова). Антропоморфной стелой был закрыт вход в раннюю катакомбу около пос.Янтарный Темрюкского района Краснодарского края [20,9, сн.14] (рис.1:2). Уникальность таких находок, как Горский барельеф, объясняется несовершенством методики раскопок катакомб. Открытие Горского барельефа – исключительная удача для решения проблемы происхождения катакомбы.

Если учесть наблюдения других археологов [29,150], то ясно, что везде, где появляются катакомбные памятники, в древнейших из них присутствуют элементы культуры субстрата. Это свидетельствует о том, что в начале II тыс. до н.э. на юге Восточной Европы происходила только трансформация формы могильной конструкции в культурах субстрата III тыс. под воздействием внешнего импульса из Западной Европы. Подобные памятники образуют раннекатакомбный хронологический горизонт в широких границах – от Северо-Западного Причерноморья до Северо-Восточного Предкавказья. Горизонт составлен катакомбами с обрядом и инвентарем, происходящими из культур субстрата, специфичных для каждого из регионов. В 1991 году В.А. Трифонов предложил понятие «ранний общекатакомбный горизонт» для разбираемых нами катакомбных памятников, расширив его территориально [29,149]. Это название лучше других соответствует факту отсутствия культурного единства в степном Причерноморье и Предкавказье на начальной стадии распространения катакомб. Из этого следует вывод о характере исторических событий на юге Восточной Европы в начале II тыс. до н.э. В этот период происходит не смена населения в результате массового переселения «катакомбников» из Центральной Европы, а консолидация местных разрозненных групп культур субстрата под влиянием небольших групп, практикующих обряд захоронения в катакомбах. Влияние имело идеологическую форму (катакомба, антропоморфное божество). В исследованиях по культуре СУМ сочетание этих признаков обозначается как «мегалитическая религия». Исходная раннекатакомбная культура, от которой происходило восприятие новых «идеологических» установок для каждого региона, могла иметь разный облик, с учетом механизма взаимодействия с разными культурными субстратами. *Таким образом, поиск древнейшей исходной катакомбной культуры сводится все-таки к проблеме происхождения катакомбы.* Такая постановка вопроса коренным образом отличает наш подход к проблеме происхождения катакомбных памятников в Восточной Европе как

от всех автохтонных [4;5;7;29;31;32], так и миграционных гипотез [9]. Катакомба и иконография божества – это те составные части духовной культуры, которые были привнесены в Восточную Европу; и это можно усматривать как проявление идеологического воздействия и как доказательство доминирования мигрантов или идеи над субстратным этносом.

Решая вопросы этнической атрибуции катакомбных памятников, следует принимать во внимание, что везде в Северном Причерноморье субстратом III тыс. являлись индоевропейские культуры [25;37].

В центральной части Северного Кавказа субстратом по отношению к катакомбной культуре Северного Кавказа является кубано-терская культура, поскольку ее обряд погребения и керамика обнаруживаются в катакомбах на той же территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии [22, 51-76].

В серии статей мы доказали, что *кубано-терская культура на Северном Кавказе является древнеевропейской*, причем мы подчеркивали, что на Кавказ приходит *неразделенная общность древнеевропейцев*: пракельтов, праиталиков, прагерманцев, прабалтов [2; 3; 26] и праславян [25;13; 14; 15; 16]. Для доказательства этногенеза кубано-терской культуры и направления миграции древнеевропейцев с запада на восток нами, помимо типологического анализа культурной составляющей, использовались данные лингвистики о заимствованиях из индоевропейских языков в картвельские языки (грузинско-занский язык 19-13 вв. до н.э.), а также данные сравнительной мифологии о схождениях сюжетов «Нартского эпоса», древнегерманских сказаний, древнерусских былин и русских волшебных сказок, греческих мифов и индоарийской мифологии.

Особое место в «Нартском эпосе» занимает цикл сказаний о Батразе. Он более поздний, по сравнению с другими составляющими ядра «Нартского эпоса». Ближайшие параллели циклу о Батразе, по Ж.Дюмезилю, находятся в кельтской мифологии (легенды о короле Артуре, цикл мифов о Кухулине) [6]. Вместе с кельтскими мифами на Кавказ, в Закавказье проникла и кельтская лексика, которая укоренилась как в грузинско-занском языке [13-15], так и в осетинском [15]. Резонно спросить, какая археологическая культура маркирует перемещение кельто-италиков.

Кельто-италийская языковая общность занимала до 13 в. до н.э. самое западное положение в области расселения древнеевропейцев, а позднее распространились на территорию мегалитических культур. Одновременное появление кельтицизмов в картвельских языках, по Г.Климову, кельтской топонимики в Северной Осетии, катакомбного обряда и идеологических инноваций [6] может быть приурочено только к кризисной эпохе на переходе во II тыс. до н.э. Это период активизации миграций древнеевропейцев (археологический эквивалент --КШК, КША), которые осуществляли разновекторные перемещения в меридиональном и широтном направлениях от Балтики до Балкан, от Карпат до Рейна и обратно. Часть древнеевропейцев идет на юго-восток в Восточную Европу. Можно предположить, что искомыми кельто-италиками были племена КШК, которые контактировали с самой западной областью Европы, занятой мегалитической культурой СУМ [35]. Их маркерами в Восточной Европе стали катакомба и антропоморфное божество, изображаемое в катакомбе.

Таким образом, этническая атрибуция катакомбных памятников Центрального Кавказа по двум составляющим: по катакомбе и по культуре субстрата – древнеевропейские. Этническая консолидация древнеевропейцев в Восточной Европе сопровождалась исчезновением праиранцев и индоариев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология Украинской ССР. – К., 1985.
2. Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. – М., 1958. Общность КШК относится к индоевропейцам, конкретнее, к неразделенной балто-славяно-германской общности.
3. Бадер О.Н. Балановская культура. // Археология СССР в 20-ти томах. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. С.76-84.
4. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев, 1976.
5. Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. С.403-420.
6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. Он же. Скифы и нарты. – М., 1990.
7. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. Автор предлагает свою модель культурогенеза эпохи бронзы (4 автохтонные погребальные традиции). Между дольменами и донецкой культурой А.В.Кияшко помещает преддонецкую культуру и возвращается к гипотезе О.А.Кривцовой-Граковой-Т.Б.Поповой о происхождении катакомбной культуры из ямной. Однако А.В.Кияшко – автохтонист и реновирует гипотезу М.И.Артамонова и В.Я.Кияшко, О.Г.Шапошниковой и С.Н.Братченко о происхождении катакомбы из дольмена..
8. Клейн Л.С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.-Л., 1970. С.165–178.
9. Клейн Л.С. Археологические следы древнейших индоариев в Причерноморье // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. – М., 1984. С.32-34..
10. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура. // Археология СССР в 20-ти томах. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С.58-76. По этнолингвистической характеристике, фатьяновская и среднеднепровская культуры соответствуют восточной ветви прабалтов. По антропологии фатьяновцы относятся к европеоидному долихокранному типу
11. Николаев Г.А. Классификация катакомбных могил эпохи бронзы Северного Кавказа и Предкавказья. // Катакомбные культуры (памятники) Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.26-34. В 1981 году . Главный тезис работы состоит в том, что Т-образные катакомбы – более ранние, чем Н-образные. Новые классификации катакомб М.В.Андреевой, В.Я.Кияшко, Н.И.Шишлиной [32,149] не изменили выводы работы Г.А.Николаева.
12. Николаева Н.А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. – Оренбург, 1980. С.29-30.
13. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – М., 2006, №1. С.3-11.
14. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе. // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки». – М., 2007. №1. С.3-26.
15. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III- начале II тыс. до н.э. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2008, №3. С.119-131.
16. Николаева Н.А. В поисках индоевропейцев. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – М., 2008. №4.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М., 1974. Вып. VII. С.174-199.
18. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганы у с.Думяны Рышканского района Молдавской ССР // Археологические открытия 1975 г. – М., 1976. С.472-473.
19. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. – Донецк, 1979. С.41-43.
20. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры (памятники) Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1981. С.4–26.
21. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М. Вып. VII. С.13-174.
22. Сафронов В.А. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии. // Катакомб-

- ные культуры (памятники) Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1981. С.51–76..
23. Сафронов В.А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы Центральной и Западной части Северного Кавказа. // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов конференции. – Элиста, 1979. С.10-12.
 24. Сафронов В.А. Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Донецк, 1979. С.13-15.
 25. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. – Горький, 1989.
 26. Серебренников В.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским. // Труды АН Литовской ССР, серия А 1 (2) Вильнюс. Автор указал на заимствования финно-угорскими языками балтских элементов. В языках восточных финнов обнаружены десятки балтских слов, и они датированы II тыс. до н.э.
 27. Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология // Советская археология, 1962, №4. С.7.
 28. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы. Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Тезисы конференции. Ч.1. – М., 2002. С. 71-82.
 29. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С.95-165. Рассматриваются памятники от среднестоговско-хвалынской общности (конец 4 тыс.) до срубной 14 в. до н.э. Кроме мнения о датировке культуры многоваликовой керамики 17 в. до н.э., в целом В.А. Трифонов придерживается хронологической схемы В.А. Сафронова, В.А. Трифонов поддерживает нас и в той части, где говорится о взаимодействии сачхерских дериватов куро-аракской культуры Закавказья с кубано-терской культурой Северного Кавказа (с. 149). Выделение им предкатакомбной группы правобочных захоронений в Прикубанье в одном стратиграфическом пласте с поздней новотитаровской и с северокавказской говорит о том, что процесс образования катакомбных памятников в регионе Прикубанье проходил так же, как и в Калмыкии, через восприятие катакомбы как некоей идеологической унификации культурами субстрата. Раннекатакомбная группа Прикубанья (1 группа по В.А. Трифонову) синхронизируется им совершенно справедливо с раннекатакомбным горизонтом, выделенным В.А. Сафроновым для Калмыкии. Можно даже согласиться, что наш термин «приазовская катакомбная культура» для этого раннекатакомбного горизонта неудачен, поскольку в распространении катакомб трудно видеть смену культур и, следовательно, населения, кроме исчезновения древнейшей (праиранской, по В.А. Сафронову) культуры.
 30. Трубаев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. – М., 1999.
 31. Шапошникова О.Г. Катакомбна культурна область // Археология України РСР. – Киев, 1971. С.317-334.
 32. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. – М., 2007.
 33. Чмыхов М.О., Черняков И.Т. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді – бронзи на території України. – К., 1988.
 34. Krzak Z. The Złota culture. W.1976.
 35. Schrikel W/ Westeuropäische Elemente im Neolithikum und der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. Leipzig.1957.
 36. Daniel G/ The Megalith builders of Western Europe. N.Y, 1958.
 37. Древнеевропейская атрибуция нижнемихайловских, кеми-обинских памятников доказывалась В.А. Сафроновым [25, 199-241]. Хронология и стратиграфия этих памятников и соотношение с новосвободненскими и майкопскими требует развернутой аргументации, для которой здесь нет места.

N.A. Nikolaeva

THE OLD EUROPEANS IN THE EASTERN EUROPE (II MILL.B.C.) THE EARLY CATACOMB HORIZON AND THE ORIGIN OF THE CATACOMB TOMB

The aim of the article is to determine the ethnic attribution of the Catacomb cultures and to reconstruct historical events in the South Russia at the early the II mil. B.C. The ceramics of the early catacomb horizon is connected with the Corded

Ware and Globular Amphorae cultures in Central Europe that are descendants of the Funnel Beaker culture. The peoples that were related to these cultures were the Old Europeans according to Prof. V.A. Safronov's conception. To author's mind they were the Proto-Celts that brought both the Catacomb ritual from the most western point of Europe, some celtic words that were fixed in the Georgian-Zahn language in the II mill.B.C. and some complicated celtic myths that were reflected in the Ossetic epos "Legends about the Narts". All these facts mean that the early catacomb comers into Eastern Europe were Proto-Celts as well.

Key words: 2 thousand catacombs BC, megalitic cultures of Sumy, culture of Zlota, the Mountain bas-relief, early catacomb horizon of the Eastern Europe, «the Nartsky epos», Protocelts and Old Europeans.

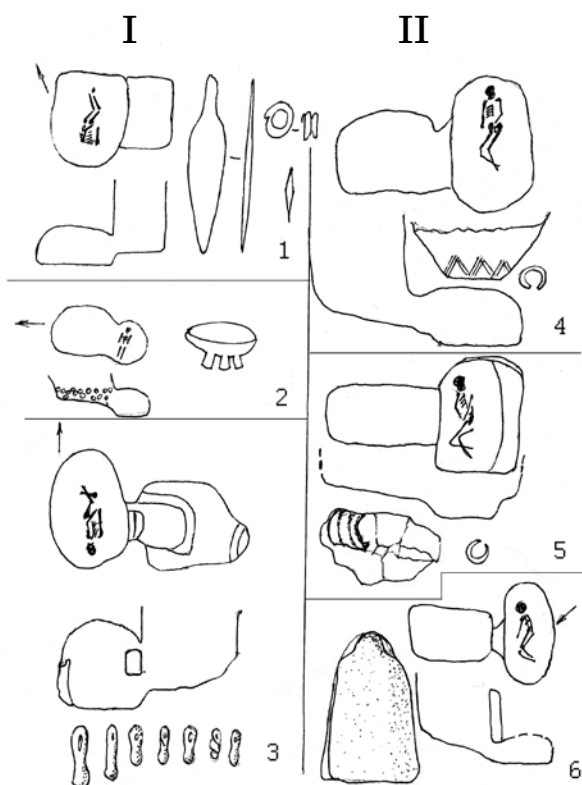

Рис. 1. Раннекатакомбный горизонт:

I–Донетчина: 1-ВСХИ 4/5; 2-ВСХИ 4/3; 3 –Горск 1/2 с барельефом;
II – Прикубанье: 4-ПКОС-79 42 /20,
5–ПКОС 47/6; 6 –пос.Янтарный 1/6

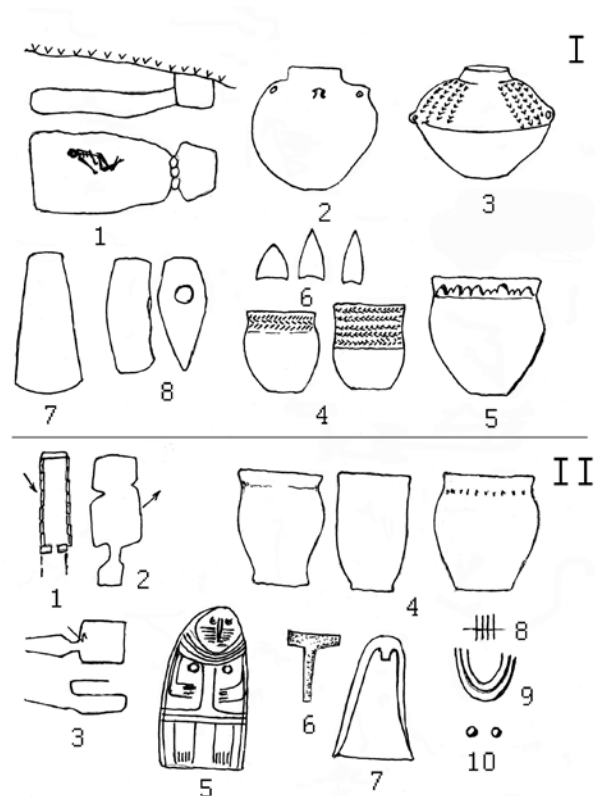

Рис. 2. Катакомбные памятники Западной Европы:

I-- культура Злота, Малопольша. II – культура СУМ, Франция

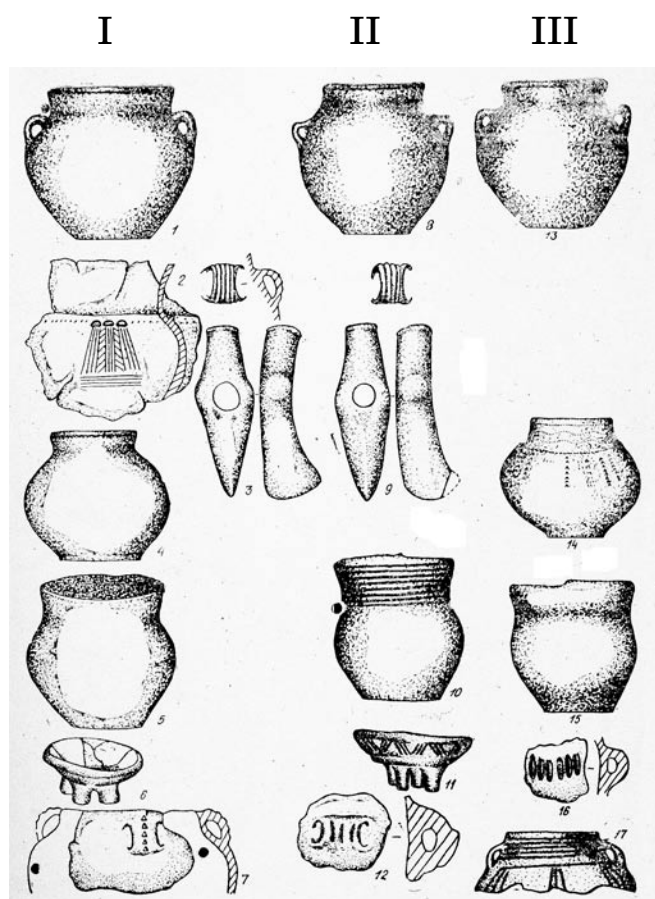
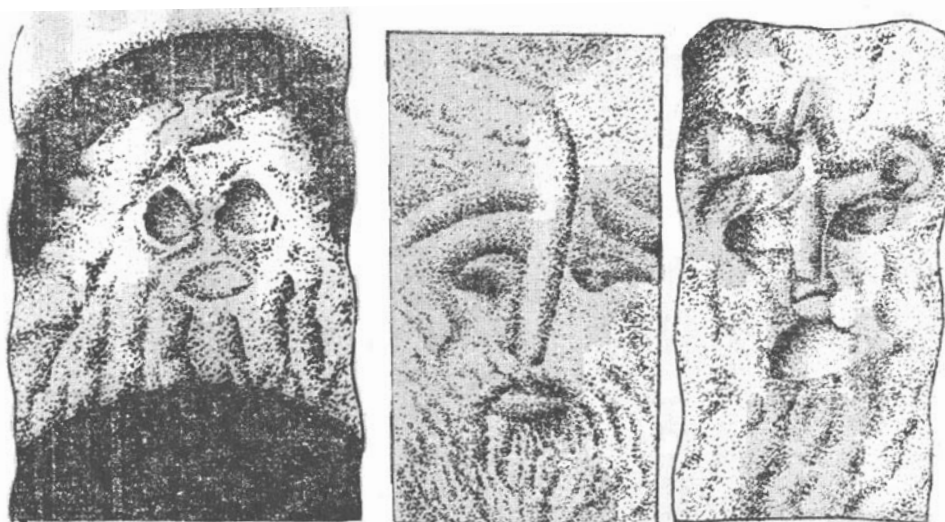

Рис. 3. Керамика раннекатакомбного горизонта и ее аналогии: I – Прикубанье и Донетчина; II – КШК Центральной Европы ; III – культура Злота

1

2

3

Рис. 4. Антропоморфные изображения божества в мегалитах СУМ и в катакомбе Донетчины (Горский барельеф): 1-Горск 1/2, Луганская обл., 2 – Гернсей, Бретань; 3 –Горский барельеф.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ, КАЛИБРОВАННЫЕ ДАТЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ ПРОБЛЕМЫ*

Раннебронзовый век Северного Кавказа отмечен приходом западных семитов из Северной Месопотамии (майкопские курганы) и древнеевропейцев из Центральной Европы (дольмены у ст.Новосвободной). Эти одновременные события произошли в 23 в. до н.э. Поселения (Мешоко, Долинское, Луговое) связаны, в основном, с древнеевропейскими культурами типа Нижняя Михайловка и дольменов Новосвободной. Локальное использование калиброванных дат С 14 для Майкопа и Новосвободной недопустимо, поскольку противоречит всей системе дат древнего Ближнего Востока и Европы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Майкопские курганы, дольмены Новосвободной, западные семиты, индоевропейские миграции, 3 тыс. до н.э., калиброванные радиоуглеродные даты, раннебронзовый век Кавказа и Северного Причерноморья.

Постановка проблемы. В конце XIX в. до н.э. Н.И. Веселовским были раскопаны два выдающихся памятника на Северо-Западном Кавказе: курган в г. Майкопе [23](рис.1,2:А) и дольмены в ст. Новосвободной [24] (рис.2:В, С), определившие характеристику раннебронзового века Северного Кавказа. До 70-х годов XX века оба памятника оставались изолированным явлением в картине исторического развития юга Восточной Европы. С открытием на Украине памятников энеолита/ранней бронзы, содержащих керамику, близкую по форме и технологии к *новосвободненской* (а не майкопской, как думают украинские археологи), исследователи обратились к вопросам происхождения, относительной и абсолютной хронологии этих памятников, к проблеме этнокультурных связей между строителями майкопских курганов и новосвободненских дольменов [5; 7; 8; 9; 14; 32; 34]. Эти вопросы составляют содержание так называемой «майкопской проблемы», для которой на сегодняшний день имеется только ряд взаимоисключающих решений и по дате, и по происхождению Майкопа и Новосвободной. Манипуляции последнего времени с калиброванными радиоуглеродными датами майкопских и новосвободненских памятников, уводящие их в начало IV тыс., подготовили полный хронологический разрыв древнего Кавказа с областями и цивилизациями древнего Ближнего Востока, где ранее археологами фиксировались аналогии майкопскому комплексу [4;12; 33]. Причины такой кризисной ситуации в отношении раннебронзового века Северного Кавказа разбираются в этой статье; предлагается система приоритетов в решении данной проблемы.

Происхождение и датировка Большого Майкопского кургана. Уже первые исследователи этих памятников выделили в качестве датирующего компонента майкопского комплекса манеру изображения вереницы животных на серебряных сосудах Майкопа (рис.1:5). Они пытались найти место Майкопа в системе ближневосточных древностей, сравнивая уникальный майкопский художественный стиль с реалистическим искусством как додинастического Египта (конец IV тыс.) (конец IV тыс.), Протописьменного IV (IV/III тыс.), так и Раннединастического III в Месопотамии (25 – 23 вв.) [29]. С ростом источни-

* © Николаева Н.А.

ковой базы расширялся круг аналогий и в Малой Азии, и в Иране [30]. Направление поисков было верным, но разброс дат не решал поставленной задачи. Было очевидно, что сходные сюжеты, объекты, изображаемые в реалистической манере, в искусстве Месопотамии бытуют на протяжении столетий. Чтобы остановиться на истинных параллелях для майкопского художественного стиля и уменьшить хронологический интервал бытования таких сюжетов, требовалось разработать методику сравнения подобных категорий источников. В статье 1982 года мы впервые показали и свою методику сравнения образцов изобразительного искусства, и обосновали свою датировку искусства Майкопа 25 – 23 вв. до н.э. [19].

Территориальная близость Майкопа и Новосвободной, монументальность памятников, их частичная синхронность дали повод к бездоказательному объединению Майкопа и Новосвободной в рамках единой «майкопской культуры» [10]. Это завело в тупик реконструкцию культурно-исторического процесса на Северном Кавказе в эпоху бронзы и заставило сторонников однокультурности Майкопа и Новосвободной внести коррективы в терминологию: на смену майкопской культуре с майкопским и новосвободненским этапами приходит «многокомпонентная» майкопско-новосвободненская культурно-историческая общность, части которой могут *формироваться независимо друг от друга* (! – курсив наш - Н.Н.) [33, 42; 12, 11. сн. 2; 36]. Ничем не подкрепленный термин «майкопская культура» как генетическое единство майкопского и новосвободненского комплекса удержался в течение 50 лет не потому, что соответствует реальности, а потому, что не было и нет дискуссий о методологии различения ареальных контактов и генетического родства археологических культур. До обнаружения кавказского материала за пределами Кавказа проблема однокультурности Майкопа и Новосвободной касалась ограниченного круга исследователей. Однако когда появились новые материалы по энеолиту Украины, стало далеко не безразличным, представляет майкопская культура, составленная из памятников Майкопа и Новосвободной, – органическое единство или искусственное соединение. Интерес к Северному Кавказу возник вновь с открытием в 60-х годах XX века на территории Украины памятников типа нижнего слоя Михайловки, кеми-обинской культуры, когда стал вопрос о происхождении и дате этих памятников. Вопросы хронологии и выявления компонентов позднейшего Триполья, генетически связанного с нижнемихайловскими, кеми-обинскими памятниками, также способствовали обращению украинских археологов к северокавказским древностям. В 1971 году В.Г. Збеневич, отражая общую точку зрения украинских ученых, говорил о «*энеолитических памятниках Северного Кавказа*», которые внесли вклад в трансформацию усатовских памятников [7, 193; 8, 42]. О.Г. Шапошникова в это же время отмечала черты сходства в керамике Михайловки 1 с *энеолитическими памятниками Северного Кавказа* [31, 257]. Затем в украинских работах вместо «энеолита Северного Кавказа» появился термин «*майкопские памятники*», под которыми можно было подразумевать и майкопские, и новосвободненские [32, 331]. Эта терминологическая разночтенность, проистекавшая из мнимой однокультурности Майкопа и Новосвободной, породила путаницу в выводах: о влиянии майкопской культуры на сложение нижнемихайловских, кеми-обинских и усатовских памятников, о миграциях северокавказцев в степь, о синхронности Майкопа триполью С1 или памятникам нижнемихайловского типа [7, 42]. Таким образом, методологическая ошибка объединения разнотипных комплексов в одну культуру привела к ошибке в исторических выводах,

суть которой состояла в утверждении мнимого влияния майкопской традиции на Северное Причерноморье, поскольку имелось в виду сходство этого круга памятников с Новосвободной, но ее называли Майкопом.

Дата Майкопа 25 – 23 вв. и Новосвободной 23 – 20 вв. справедливо считалась неоспоримой до 1977 года. Затем появилось исследование [1; 2], в котором получил развитие тезис о сходстве майкопского искусства с искусством додинастического Египта и Протописьменного периода Месопотамии, и приведен ряд аналогий майкопской керамике в памятниках Северо-Западной Сирии и Финикии, датирующихся Протописьменным IV [1, 50]. Дата Майкопа 3200 – 2900 гг. до н.э. на основании этих ближневосточных аналогий неожиданно была принята в 80-х годах XX века всеми археологами [12; 25]. Учитывая частичную синхронность Майкопа и Новосвободной, археологи удревели дольмены Новосвободной до конца IV тыс. до н.э. Новая дата вступала в противоречие с датой Новосвободной по западной линии синхронизации 2400-2200 гг. по Збеновичу. *Главным следствием этих ошибочных передатировок стал разрыв археологической истории Кавказа и Восточной Европы с синхронной историей Малой Азии, Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Египта.*

Такова была ситуация, когда мы обратились к этой тематике. Мы приняли активное участие в решении майкопской проблемы как своими раскопками памятников бронзового века в Прикубанье и в Северной Осетии в 1972 – 1981 гг., так и своими теоретическими разработками в 1974, 1980, 1982, 1987 и 2004 годах. В 1982 году [18; 19; 26] мы детально обозначили свою точку зрения по всем аспектам майкопской проблемы (объем работ превысил 10 п.л.). Критический разбор концепции однокультурности Майкопа и Новосвободной [18, 9 – 28] показал, по нашему мнению, ошибочность передатировки Майкопа концом IV тыс. до н.э. Анализ искусства Месопотамии от Протописьменного до аккадского периода позволил нам найти точные аналогии как сюжетам, так и манере изображения животных на сосудах Майкопа в памятниках Раннединастического III Месопотамии, датирующихся 25 – 24 вв. до н.э. [19, 28 – 63]. Был установлен центр бытования всех типов майкопской керамики в междуречье Хабур и Балиха. Это было поселение Телль Чуэйра в заевфратском ареале западносемитского государства Эбла. (рис.3;4;). Движение «майкопцев» связывалось с уходом западносемитской общины сначала из Ура в Харран, в Эблу, а потом с уходом части заевфратских поселенцев Эблы на Северный Кавказ, незадолго до разрушения Эблы аккадским царем Нарам-Суэном в 2225 гг. до н.э. [26, 63-104]. По нашему мнению, дата майкопской культуры 23 в. до н.э., кроме типологических параллелей, убедительно подкрепляется анализом исторической ситуации в Месопотамии и Восточном Средиземноморье [28, 78], показавшим, что 23 в. до н.э. – это единственно возможная историческая дата, связанная с историческими событиями, вызвавшими перемещение древностей майкопского типа с Северной Месопотамии на Северный Кавказ.

В 1989 году, в связи с находкой уникальной цилиндрической печати в майкопском погребении в Закубанье, В.А. Сафроновым была уточнена дата этой печати на основании аналогии в комплексе царского некрополя в Уре в Южном Двуречье (Раннединастический III – 25 – 24 вв. до н.э). На печати был изображен олень около Мирового дерева (рис.5:1)[16; 27, рис. 74]. До этого автор раскопок А.А. Нехаев, обнаруживший печать, привел единственную и неточную аналогию из памятников Протописьменного периода, изображающую козу с короткими ногами и длинным туловищем [27, рис. 73:2] (рис. 5:2). *Находка печати и весь металлокомплекс Майкопа окончательно дока-*

звали принадлежность майкопской культуры к культуре Месопотамии Раннединастического III периода (рис.5). Наша совместная точка зрения по дате и генезису Майкопа была приведена В.А. Сафроновым в первой дискуссии по майкопской проблеме, опубликованной в «Советской археологии» в 1990 году [27а, 137-143]. *Находки последнего времени в Телль Хазне (недалеко от Телль Чуэйры), а именно погребения с майкопской керамикой, датирующегося по аналогиям с Телль-Браком, Чагар-Базаром Раннединастическим III , т.е. 25-24 вв. до н.э. [15, 20-40] окончательно разрешили длительную дискуссию о дате Майкопа в нашу пользу.*

В монографии 2004 года мы сделали особый акцент на историческом обосновании появления носителей майкопской культуры на Северном Кавказе [27, с. 34-35], а также уточнили этническую атрибуцию населения заевфратской части Эблы как западносемитскую [28, 255]. Рассмотрев историю заселения Месопотамии с VI тыс. до н.э., мы пришли к выводу, что археологическим эквивалентом шумеров являются культура Убейд, а эквивалентом прасеверно-семитов является культура Урук-Варка (слои 15-4) [28, 162-167]. Разделение двух культур, Убейда и Урука, оказалось своевременным, так как в последних работах майкоповедами употребляется термин «убейд-урукский комплекс» в отношении «майкопских» параллелей из Протописьменного IVA [11;12], без понимания того, что под этим названием скрывается два этноса. Прасеверно-семитская атрибуция урукских памятников и обнаружение их в Северной Месопотамии и в поселениях около Малатьи и Ялазига является свидетельством движения прасеверносемитов на север еще в Протописьменный период [28, 165]. Распространение элементов их культуры далее в Закавказье и в восточной части Северного Кавказа (появление керамики, похожей на майкопскую, в памятниках куро-аракской культуры и очажные подставки на майкопских поселениях) до появления памятников типа Большого Майкопского кургана свидетельствует, что прасемитский этнический субстрат доходит до Кавказского хребта на гребне движения носителей пракартвельского языка (куро-аракская культура). По нашему мнению, комплекс Большого Майкопского кургана не может быть передатирован только на основании того, что 1/30 часть его имеет более широкий интервал бытования на Кавказе и на Древнем Востоке.

Разбор исторической ситуации в Месопотамии на рубеже IV / III тыс. помогает интерпретировать майкопоподобные культурные элементы в Восточном Средиземноморье – в Библие и Амуке F [1, 50], в Малой Азии – Арслан-Тепе VII [12] и Северной Месопотамии конца IV – начала III тыс до н.э. (Хабуба-Кабира) как экспансию прасемитов на север и на восток.

Начало III тыс. до н.э. – время экологического кризиса на планете, результатом чего стали одновременно протекавшие прасемитские миграции на север и индоевропейские миграции из Центральной Европы на юго-восток Восточной Европы, материализовавшиеся в том числе и в памятниках энеолита/ранней бронзы Украины, и в памятниках домайкопского горизонта на Северном Кавказе [27, рис. 52], и позже в дольменах Новосвободной. Реминисценции керамической традиции, сюжетов и манеры исполнения в изобразительном искусстве Египта, Восточного Средиземноморья, Месопотамии, юго-востока Малой Азии в конце III тыс. до н.э. объясняются тем, что эти регионы заняты с середины IV тыс. прасемитским населением, а затем преемниками их – западными семитами.

Происхождение новосвободненского комплекса. Новосвободненский комплекс (рис.2: В,С), напротив, изначально связывался с поздненеолитическими

памятниками лесной полосы Центральной и Восточной Европы [4], а в последние десятилетия – с памятниками азово-черноморского энеолита [5] или нижнемихайловского типа в Нижнем Поднепровье [32], однако вопросы происхождения дольменов Новосвободной эти аналогии не решали.

В работе 1974 г., посвященной происхождению культуры дольменов Новосвободной [17, 174-199], мы, во-первых, приняли ранее высказываемое положение о разнотипности Майкопа и Новосвободной, во-вторых, показали *сходство культуры дольменов Новосвободной с кеми-обинской, усатовской и центральноевропейской культурой шаровидных амфор* (далее – КША) по 11 признакам погребальных конструкций, по 10 признакам обряда погребения и по 8 технологическим характеристикам керамики. В-третьих, нами были рассмотрены относительная хронология и радиоуглеродные даты памятников, содержащих керамику культуры воронковидных кубков (далее – КВК) и КША, нижнего слоя поселения Михайловки, поздне трипольских памятников, обеспечивающих дату Новосвободной в пределах 2400 – 2200 гг. [17, 188–193]. Западноевропейские памятники с элементами новосвободненского комплекса были более древними, чем дольмены Новосвободной. Происхождение новосвободненского комплекса мы связали с миграцией населения из районов Малопольши и Прикарпатья на Северный Кавказ и выдвинули гипотезу, *что этническая атрибуция Новосвободной – индоевропейская, а миграция ее носителей – одна из фаз развития индоевропейской общности* [17, 193 – 194].

Дальнейшие раскопки подтвердили правильность нашей позиции. Спустя 10 лет к нашей точке зрения (о западноевропейском происхождении новосвободненского комплекса) присоединился ряд исследователей [1; 2; 27, 221]. А.Д. Резепкин провел раскопки в урочище «Клады» у ст. Новосвободной и в 1989 году предложил новую периодизацию раннебронзового века. Он считает, что в первых трех стратиграфических горизонтах его периодизации присутствуют как майкопские, так и новосвободненские сосуды, что говорит о синхронности Майкопа и Новосвободной с момента первого появления их в Закубанье. К этому же горизонту он относил и погребение с повозкой (кубано-днепровская, по нашей классификации; новотитаровская, по А.Н.Гею), что подтверждается и раскопанным нами в Прикубанье погребением с двумя повозками и новосвободненским комплексом (Крупская к.3 п.16) [21, 26. рис.4]. Ошибочная синхронизация Майкопа и Новосвободной с предмайкопским горизонтом (Мешоко, Свободное) и неверная датировка Арслан-Тепе VII- VIa с находками штыковых копий новосвободненского типа привела А.Д. Резепкина к неправильному заключению о дате Майкопа и Новосвободной 3250 – 2500 гг. Генезис Новосвободной исследователь видит в ранней группе культуры воронковидных кубков в Центральной Европе, от которой пояс родственных культур протянулся, по его мнению, до Кавказа, юго-восточная точка которого – дольмены Новосвободной. Весь пояс – блок культур, по Резепкину, имеет индоевропейскую атрибуцию. Новосвободненская традиция, по модели А.Д. Резепкина, повлияла на сложение майкопской культуры [25]. Противоречивость выводов А.Д. Резепкина была справедливо раскритикована С.Н. Кореневским [11, 170 и сл.; 12, 67]. На наш взгляд, А.Д. Резепкин допускает ошибку в общей хронологии, в синхронизации нижнемихайловских, предмайкопских и новосвободненских [25].

Так обозначились две точки зрения на западное происхождение культуры новосвободненских дольменов: первая – из области КША второй половины III тыс. и вторая – из области КВК IV тыс. Как показали новые археологические открытия и исследования, убедительные типологические параллели керами-

ке Новосвободной имеются не только в названных КВК, но и в большом числе культур – в нижнемихайловских памятниках, в кеми-обинской [34, 330], поздне трипольской и усатовской культурах, в западном варианте древнеямной культуры [27, рис. 50:17], болераз-баденских памятниках, в культуре шаровидных амфор (КША) и шнуровых керамик (КШК) [27, рис. 27, 30, 40, 54], поэтому центр сложения новосвободненского комплекса следует искать на основе других критериев.

Широкий спектр культур, где отмечаются эти аналогии, может быть объяснен только на основе концепции В.А. Сафронова о позднеиндоевропейской прародине в Подунавье. Согласно его гипотезе [27], после завершения процесса «меридиональной» индоевропеизации в начале III тыс. начались «широтные» ареальные контакты носителей праиндоевропейского языка с автохтонами Центральной Европы. В результате образовались новые союзы, отраженные в древнеевропейских диалектах, археологическими эквивалентами которых были КВК, КША, КШК. При их взаимодействии и взаимопроникновении сложились также общие керамические формы, которые и отразились в керамике Новосвободной. По этой причине эти аналогии являются только свидетельством генетической связи перечисленных культур и Новосвободной, а значит, и индоевропейской атрибуции последней. Калиброванные даты памятников новосвободненского типа в границах cal.3650 – 3100 гг. до н.э. выходят за границы дат КВК, как отметил С.Н. Кореневский [11, 172], что ставит под сомнение происхождение Новосвободной из КВК.

Среди определенного круга исследователей крепнет мысль, что есть некое единство в культурном развитии на пространстве от Малопольши, Прикарпатья до Северного Кавказа. Нет только решения о механизме возникновения этого единства. Ю.Ю.Рассамакин предлагает свою модель исторических событий III тыс. до н.э. Он определяет этот период как время миграции, «объединившей оба берега Днепра, до Южного Буга и Прута и Предкавказья. Он отмечает движение майкопско-новосвободненских элементов в Поволжье, на Дон и в Крым и распространение с запада трипольских (касперовско-гординештского типа) импортов вплоть до Предкавказья «В целом, финал энеолита в степном Причерноморье можно назвать встречной позднемайкопской и поздне трипольской колонизацией» [35, 214]. Эти схемы не убеждают ни по поводу относительной хронологии памятников, ни о направлении миграции.

Что касается новосвободненского комплекса, то существуют другие подходы к датировке Новосвободной, исходя из генетической связи Новосвободной и сменяющей ее кубано-терской культурой (КТК) Северного Кавказа. Кубано-терская культура происходит из области КША и КШК, датируется по западной линии синхронизации временем после исчезновения Триполья и до 20 в. до н.э., поскольку в 20 в. до н.э. в Малопольше появляются катакомбы с керамикой КША+КШК. Известны радиоуглеродные даты начала КТК, полученные А.Л. Нечитайло для погребений Усть-Джегутинского могильника – 21 – 20 вв. до н.э. [17, 188]. Следовательно, верхняя хронологическая граница Новосвободной – 21 в. до н.э.

В последние два десятилетия произошел значительный прирост источниковой базы по майкопской проблематике: были раскопаны новые майкопские поселения, новые погребальные памятники майкопской и новосвободненской культур [12; 25], памятники предмайкопского горизонта. Они свидетельствуют о том, что *Майкоп и Новосвободная практически синхронны друг другу и имеют узкий хронологический диапазон бытования в пределах десятиле-*

тий, а не столетий, как принято считать майкоповедами [12; 25]. Их нижняя граница диктуется датой поселений предмайкопского горизонта, а эта дата, как следует из типологии, соответствует нижнему слою Михайловки, содержащему как трипольскую керамику периода С1 / С2, среднестоговскую керамику, так и керамику типа КША и КШК, что в абсолютных датах определяется 2400 – 2200 гг. [9; 13; 32]. Верхняя граница диктуется ранними погребениями КТК Раннебронзовым 1с, по схеме В.А. Сафронова, даты которых 21 в. до н.э. по западной линии синхронизации (см. выше) хорошо согласуются с датой посткуроаракских погребений сачхерского типа 20 – 19 вв. до н.э., керамические сосуды и топоры которых зафиксированы в Северной Осетии в могильнике у с. Дзуарикау (1/2, 2/2) [20а, 24, 26].

В настоящее время имеется 20 радиоуглеродных дат, которые относятся как к майкопским, так и к новосвободненским комплексам [11, 172; 12, 123]. Разброс дат С14 (3300 – 2150 гг. до н.э.) занимает интервал больше 1100 лет. В этом интервале, по мнению В.А. Трифонова, А.Д. Резепкина, С.Н. Кореневского, находятся реальные даты Майкопа и Новосвободной. Ю.Ю. Рассамкин указывает интервал для новосвободненских памятников 3400-2900 гг., а для майкопских памятников – 4100—3800 гг. [35] По нашему мнению, майкопские и новосвободненские памятники не могли существовать в столь широком диапазоне, поскольку не демонстрируют никакой эволюции. В лучшем случае они занимают по времени несколько десятков лет. Встает вопрос о культурной атрибуции образцов, взятых на анализ по C_{14} . Прочитируем замечания С.Н. Кореневского по поводу дат А.Д. Резепкина: «Не секрет, что даты по C_{14} могут быть дефектными. В целом даты имеют широкий диапазон, не позволяют достаточно узко датировать комплексы» [11, 172]. С.Н. Кореневский совершенно правильно сомневается в культурной атрибуции погребений, дата которых устанавливается. Те же вопросы встают и у нас по отношению к датам, приводимым самим С.Н. Кореневским [12, 123]. После калибровки даты Майкопа и Новосвободной находятся в интервале 4000 – 2900 гг. до н.э. С.Н. Кореневского не смущает, что самая ранняя калиброванная дата Майкопа древнее, чем Арслан-Тепе VII с майкопскими предметами в Малой Азии [12, 66] Н.И. Шишлина также отмечает некий искажающий резервуарный эффект, который является причиной расхождения двух дат по C_{14} для одного погребения на 300 – 400 лет [33, 274]. На наш взгляд, это еще раз доказывает, что новая калиброванная хронология на сегодняшний день несовершенна. Хотя и европейские, и американские археологи переводят систему хронологии на калиброванные даты, а отечественные археологи принимают эти правила, и те, и другие должны ответить на вопрос, как согласуется система калиброванных дат с исторической хронологией. Игнорировать историческую хронологию – означает изолировать археологию как историю дописьменных обществ от остальной истории древнего мира. Демонстрацией этой тупиковой ситуации является датировка комплекса с майкопской керамикой из Телль-Хазны (Сирия) Раннединастическим III (25-24 вв.) [15, 31-32, рис.10-12], на основании аналогий с северомесопотамскими памятниками, имеющих традиционные исторические даты, тогда как аналогичные северокавказские комплексы с майкопской керамикой эти же исследователи продолжают датировать 4 тыс. до н.э. Пока никто еще не предложил выхода из данной ситуации. По этой причине мы подтвердили свою приверженность всем нашим высказываниям 1974-2007 гг. по проблеме генезиса, периодизации, датировки Майкопа и Новосвободной, оставаясь на позиции исторической датировки Майкопа и Новосвободной в пределах 23

– 22 вв. до н.э., опирающейся на традиционные базы абсолютной хронологии
– египетскую и месопотамскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры. // Советская археология, 1977. №3.
2. Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах. // Советская археология, 1979. №1.
3. Артамонов М.И. Третий Разменный курган у ст. Костромской // Советская археология, 1948. Вып. X.
4. Беседин В.И. О Новых абсолютных датах предсрубного периода. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж, 1999. С.189-196.
5. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев, 1974. С.57 и сл.
6. Захарук Ю.Н. Памятники касперовского типа. // Археологія Український РСР
7. Збенович В.Г. Памятники усатовского типа. // Археологія Української РСР. – Киев, 1971. С. 187-193.
8. Збенович В.Г. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши. // Acta archaeologica Carpathica. 1976. Вып. XVI. С.21–58.
9. Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – К., 1974. С.143.
10. Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов». // Советская археология. 1950, вып. XII.; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957.
11. Кореньевский С.Н. Рецензия на монографию А.Д. Резепкина: Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000. // Российская археология, 2002. №4. С.170-176.
12. Кореньевский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004.
13. Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – К., 1977.
14. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975.
15. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна 1. Раскопки 2001 года // Российская археология. 2002. №4. С.20–40.
16. Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // Советская археология, 1986, №1.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. – М., 1974. С.174–198.
18. Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1982. С.9-28.
19. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства. // хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1982. С.28-63.
20. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2006. №1. С. 3-11.
- 20а. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе (Владикавказ), 1980. С. 18-80. Рис.3,4.
21. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. «Серия «История и политические науки». 2007. №1.
22. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М., 1999.
23. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. – СПб., 1900.
24. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 г. – СПб., 1900.
25. Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. канд. дисс. – Л., 1989.
- Резепкин А.Д. – Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000.
26. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
27. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Он же. Новые пути решения майкопской проблемы. // Советская археология. №.1990.
28. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. 2004.
29. Фармаковский А.В. Архаический период в России. // Материалы по археологии России. – СПб., 1914, №34.

30. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.
31. Шапошникова О.Г. Памятники типа нижнего слоя Михайловки. // Археология Украинской РСР. – Киев, 1971. С. 257.
32. Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа. // Археология УССР. 1985. С. 325-331.
33. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. (V—III тыс. до н.э.). – М., 2007.
34. Щепинский А.А. Кеми-обинская культура. // Археология УССР. 1985. С.331-333.
35. Rassamakin Y.Y. Die Nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Berlin. 2002. С.211-214.

N.A. Nikolaeva

THE PROBLEM OF HISTORICAL RECONSTRUCTION IN ARCHAEOLOGY. CALIBRATED DATES C14 AND NEW SOLUTIONS OF MAIKOP PROBLEM

The main events of the Early Bronze Age in the Northern Caucasus are two-staged indoeuropean expansion of the region from Central Europe and coming the Western Semites from the Northern Mesopotamia (Maikop barrows). It had happened in 23 B.C. Using calibrated C 14 dates prevents the reconstruction of the ancient history of the Caucasus because they came into contradiction with the traditional historical chronology in the ancient Near East.

Key words: North Caucasus, Maikop barrows, дольмены New free, the western Semites, indoeuropean migrations, 3 thousand BC, calibrated radiocarbon dates, Early Bronze Age of Caucasus and Northern Black Sea Coast

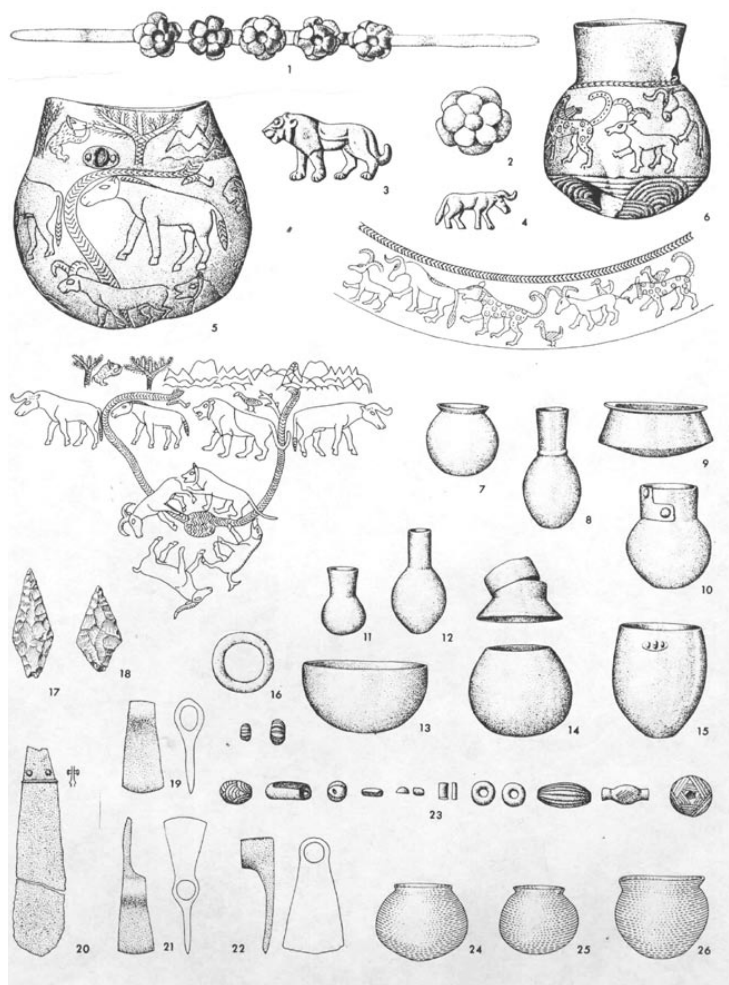

Рис. 1. Большой Майкопский курган: 5-6, 10-13, 15 – серебро; 1-4, 8, 9, 23 – золото; 19-22 – бронза; 24-26 – керамика.

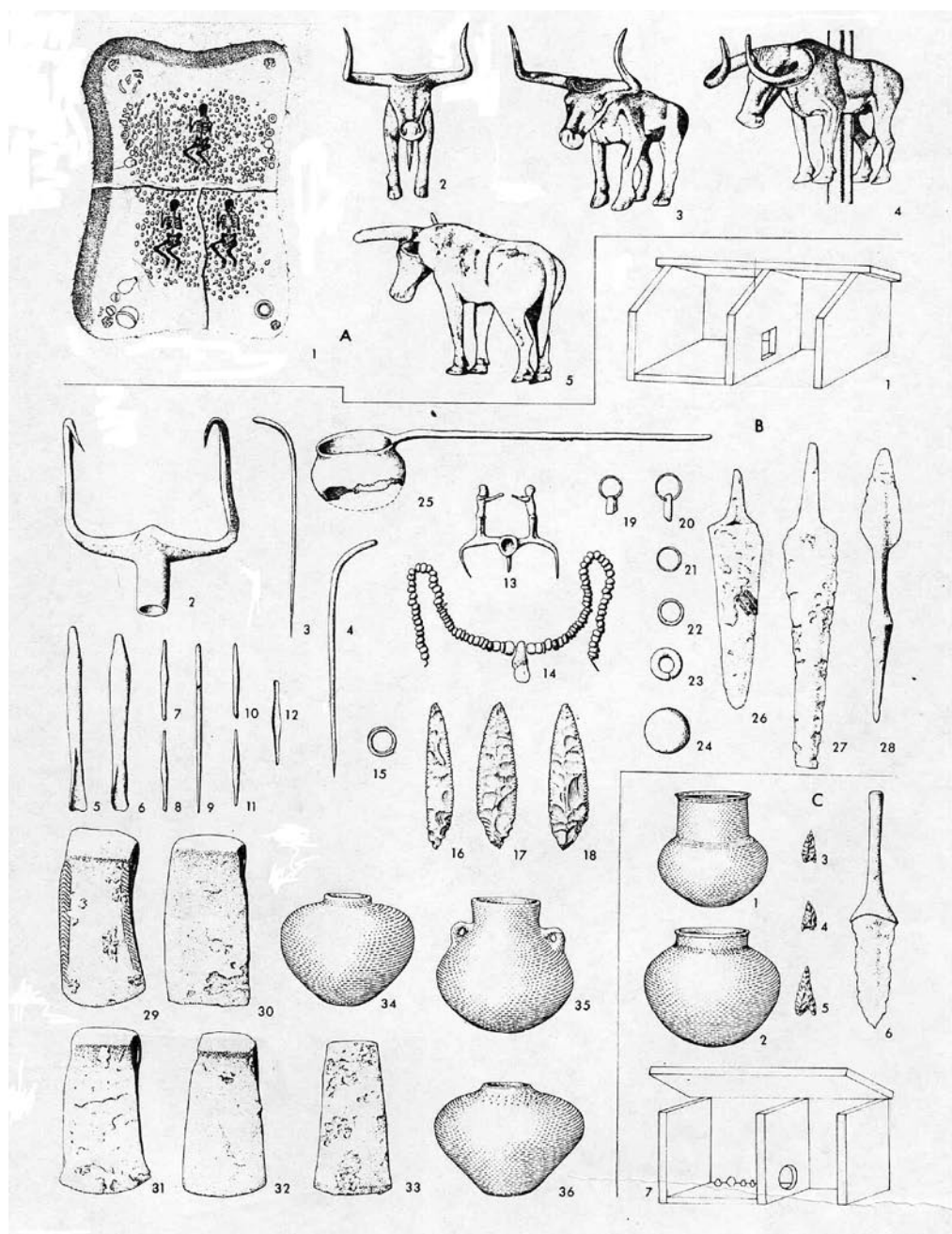

Рис. 2 А – Большой Майкопский курган: 1-план могилы; 2-5 – золото;

В –дольмены Новосвободной: 1 – дольмен 1:2, 5-12, 26-28, 29–33–бронза; 34-36 – керамика; 19-23 – золото; 16-18 – кремнь; 24-каменный шар.

С-дольмены Новосвободной: 6- бронза; 1,2 – керамика; 3-5 – кремнь; 7 – дольмен.

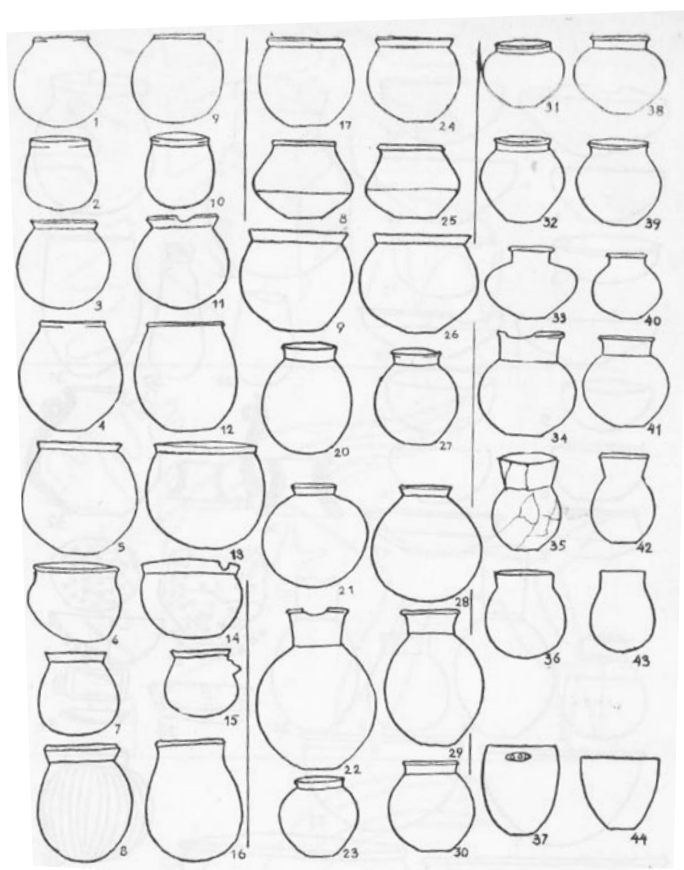

Рис. 3. Прасемитские (Прото-письменный IV) керамические формы в Майкопе и в Эбле: (25-24 вв.): 1-8, 17-23, 31-37 – Майкоп; 9-16, 24-30, 38-44 – Телль Чуэйра, Северная Месопотамия.

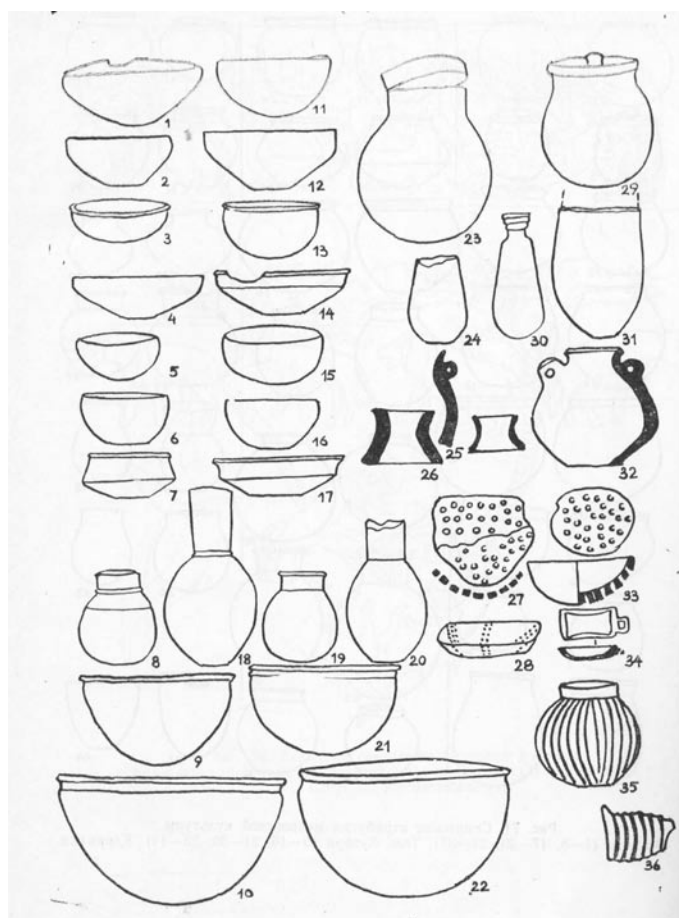

Рис. 4. Семитская атрибуция майкопской культуры.

1-10, 23-28, 35 – Майкоп; 11-22, 29-34, 36 – Телль-Чуэйра.

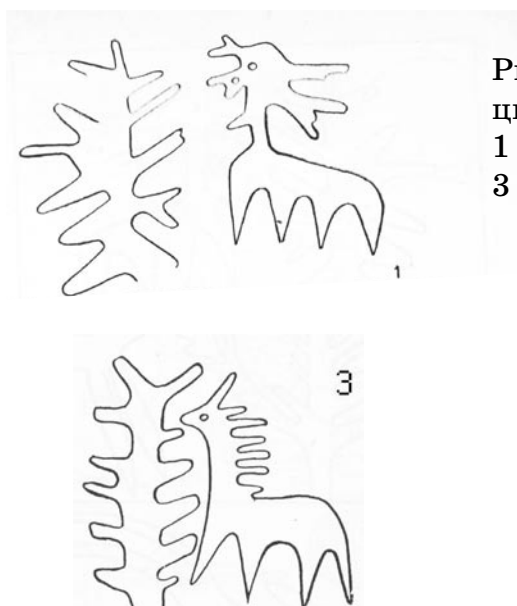

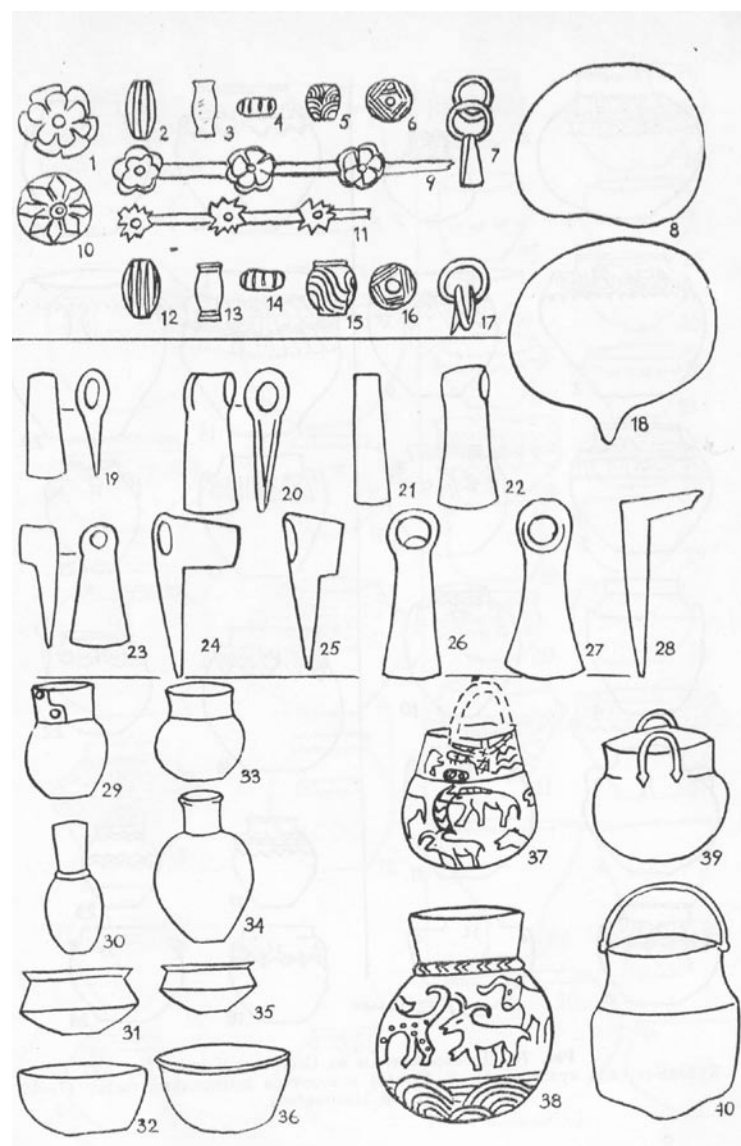
Рис. 5. Месопотамские параллели майкопской цилиндрической печати:

1 — Красногвардейское к/п; 2 — Урук III IVa;
3 — царский некрополь РД III Ура.

Рис. 6. Аналогии майкопскому металлокомплексу в Месопотамии РД III:

1-8, 19, 23, 29-32, 37, 38 — Майкоп (Северный Кавказ);
10-18, 20-28, 33-36, 39, 40 — царский некрополь Ура РД III (Южное Двуречье) [27, рис. 71-75].

ПОЛИТОЛОГИЯ

Трофимова И.Н.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Реформа местного самоуправления в нашей стране является частью модернизации всей социально-политической системы. Направленность реформы зависит от коммуникативного взаимодействия различных социальных групп, в процессе которого формируется смысл местного самоуправления как одного из институтов публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, модернизация, государственная политика, политические элиты, гражданское общество.

В свете особенностей развития местного самоуправления как в исторической ретроспективе, так и в последнее десятилетие обращает на себя внимание маятниковый характер реформирования публичной власти в нашей стране. О том, что в начале 2000-х гг. конфигурация власти претерпела значительные изменения, говорят многие отечественные и зарубежные исследования. Оценивая начало, ход и результаты реформы местного самоуправления в соотношении с другими реформами, прежде всего рыночной, можно отметить, что основной логикой преобразований была адаптация государства в условиях проводимой им же самой модернизации всей социальной системы. Приступая к реформе политических, социальных и экономических институтов, государство получает возможность перенастроить свои взаимосвязи с окружающей средой. Происходит самореферирование социальной системы в конкретных условиях и взаимная настройка ее отдельных элементов [1].

История нашей страны свидетельствует, что обращение к проблеме местного самоуправления всегда было связано с попыткой совершенствования управления регионами и местными сообществами. Несмотря на различное идеологическое обоснование, реформирование этой сферы сопровождалось увеличением числа субъектов управления и собственно переходом к самоуправлению территории. Ряд исследователей отмечают, что центральная власть испытывает потребность в других политических субъектах лишь тогда, когда она не является самодостаточной, если же она получает возможность обрести самодостаточность, то первым делом она освобождается именно от этих субъектов [2]. В то же время данное объяснение кажется неполным ввиду того, что центральная власть не является абстрактным политическим институтом. Центральная власть является частью политической системы, испытывает на себе влияние других систем, находится в сложном и противоречивом взаимодействии с подсистемами. Видится, что местное самоуправление, прежде всего, актуализирует проблему взаимодействия между субъектами публичной власти

* © Трофимова И.Н.

как по вертикали, так и по горизонтали по поводу объема властных полномочий и их реализации. В контексте реформы местного самоуправления коммуникативное взаимодействие выступает также в качестве средства воспроизводства и функционирования институциональных и системных характеристик общества в целом.

Конституирующая функция коммуникационных процессов выражается в вырабатываемых людьми моделях знания и поведения, которые отражают характер и содержание социальных отношений. Например, представление о местном самоуправлении становится реальностью потому, что бытие общества отождествляется с миром смыслов и значений, воплощающих соседство, взаимопомощь, солидарность и т.п. Носителями этих смыслов выступают конкретные индивиды и их сообщества. Наиболее адекватно идея местного самоуправления должна быть воспринята на уровне местного сообщества. Именно на этом уровне интересы индивидов максимально сближены, их деятельность практически взаимообусловлена по причине более непосредственных коммуникаций в ходе обмена товарами, услугами, информацией. Местный социум – это особое смысловое пространство, которое создается коллективными представлениями об организации повседневной жизни по месту жительства и которое объединяет в единое целое противоречивые, казалось бы, представления об общем и частном, далеком и близком, прошлом, настоящем и будущем.

Инкорпорирование в данное смысловое пространство нового значения, например, местное самоуправление как ответственность за принятые решения, требует времени и накопления определенного социального опыта. Как показали события 1990-х гг., принятие соответствующего законодательного акта еще не обеспечивает немедленной реализации права на местное самоуправление, напротив, усугубляет существующие противоречия. Процесс сознательной переработки смысла преобразований, включающий общественные дискуссии, голосование, обсуждение в СМИ и т.п., занимает длительное время, но без этого любая реформа теряет социальную базу и обречена на провал.

Несмотря на то, что реформа местного самоуправления затронула различные стороны бытия местного сообщества, суть ее сводилась к увеличению числа политических субъектов и дроблению полномочий субъекта монопольной власти. Так, в начале 1990-х гг. уточнялись и конкретизировались существующие практики самоуправления, которые к этому времени приобрели в большей степени декларативный характер. Осуществлялась попытка наполнить форму реальным содержанием: реализовать принцип разделения властей на исполнительную и законодательную ветви, разделить полномочия между уровнями власти, наконец, повысить самостоятельность и ответственность региональных и местных властей за развитие подведомственной территории.

Зарождающаяся новая муниципальная система концентрировала в себе сложнейшие социально-политические проблемы переходного периода, отражала его противоречивость, незавершенность многих процессов и ситуативность принятых решений. Во многом это объясняется тем, что число политических субъектов значительно увеличилось, но их взаимоотношения не регулировались ни традициями самоуправления, ни политической культурой, ни нормами права. Кроме того, политическая элита на всех уровнях не была единой в оценке перспектив и хода реализации реформы. При этом ситуация в нашей стране усугублялась размерами территории и неравномерностью развития ре-

гионов, что давало повод местной элите по-своему интерпретировать события и выстраивать отношения как с федеральным центром, так и внутри региона. При всей активности политической жизни в регионах в первой половине 1990-х гг. можно сказать, что совокупные личностные ресурсы сторонников реформ для осуществления демократических преобразований оказались недостаточными.

Очевидно, если властная элита осуществляет реформы, то она должна быть адекватной смыслу реформ, должны быть адекватными ее личностные ресурсы (образование, профессионализм, моральные ценности, культура). Но развитых и консолидированных субъектов, способных стимулировать демократическую трансформацию общества, после распада СССР не было. Постсоветская политическая элита не смогла выработать консолидированное представление об общем интересе и соответствующей ему реформаторской стратегии. В то время как в Восточной Европе трансформация, собственно, начиналась с создания таких политических систем, которые воплощали достигнутое исходное согласие национальных элит относительно общего интереса и общей стратегии развития, т.е. национальную идеологию [3].

Актуальным для нашей страны можно считать мнение исследователей о том, что не поддаются модернизации такие государственные системы, которые для своей стабилизации использовали укрепление вертикали власти, а не поиск общенационального согласия [4]. Для развития общества необходимо сочетание как управления, так и самоуправления, что выражается в коммуникативном взаимодействии между государственными и общественными институтами.

Интересный взгляд по вопросу конкуренции политического управления и общественного согласия выразил известный апологет рыночной экономики и либерального общества М.Фридман. По его мнению, использование политических каналов управления неизбежно, но в современных условиях оно не гарантирует стабильного общества и грозит ослаблением социального единства. Ослабление это будет минимальным, если согласие по поводу совместных действий должно быть достигнуто лишь по узкому кругу вопросов, на которые люди в любом случае имеют общие взгляды. Любое расширение круга вопросов, по которым необходимо достичь ясно выраженного согласия, еще больше напрягает тончайшие нити, связывающие общество в единое целое. Если дело дойдет до проблемы, которая затрагивает людей глубоко, но по-разному, это может разрушить общество [5].

Очевидно, что местное сообщество олицетворяет максимальное разнообразие интересов, но понимание этого в то же время является основой для поиска механизма их согласования. Сознание сопричастности к единому общественному целому не только в государственно-политическом смысле, но, что еще важнее, к единому территориальному, экономическому, культурно-историческому и духовно-ценностному пространству является основой социальной стабильности как на местном уровне, так и в масштабах всей страны.

Исследователи общественного мнения фиксируют, что раскол российского общества по идейно-политическим основаниям, определявший вектор политических трансформаций в первой половине 1990-х гг., постепенно сменился в начале XX в. идейно-политическим синтезом [6]. Это означает, что политическая полисубъектность сменилась общенациональной субъектностью.

Но сложившаяся ситуация, конечно, не повторяет ситуацию времен застоя, сложившейся накануне перестройки. Синкретизм массового сознания сегодня находится в противоречии с индивидуализацией общественного бытия, что выражается в нежелании и неспособности современных россиян выстраивать социальные связи и проявлять общественную солидарность. Такая ситуация чревата тем, что, какие бы позитивные преобразования ни предлагала центральная власть, их смысл не будет воспринят адекватно, следовательно, их реализация будет крайне проблематичной.

Что касается реформы местного самоуправления, то уже в 1993 г., как отмечалось во многих СМИ, появились разговоры о кризисе системы местного самоуправления. Примерами тому могли служить следующие факты: снятие с себя полномочий председателей Советов и глав местной администрации, разочарование в возможности органов местного самоуправления решать какие-либо проблемы своих территорий, сложение народными депутатами своих полномочий в связи с переходом в местные администрации, выражение народными депутатами недоверия главам местных администраций. Право местного самоуправления как легитимная субъективация местного сообщества не получило своей реализации.

Системный характер преобразований, частью которых была реформа местного самоуправления, актуализирует и проблему взаимодействия управления и самоуправления как двух способов регулирования социальных процессов. Ряд исследователей выделяют такое явление, как «управляемая самоорганизация», которая особенно актуальна в кризисные периоды, когда старые структуры управления разрушаются, а объективная необходимость легитимного управления усиливается [7]. Ограничение самоуправления и самостоятельности политических субъектов вызвано стремлением уменьшить негативные аспекты путем придания им статуса организованных и разрешенных. Поэтому относительное, временное невмешательство, периодически сменяющееся стимулирующими или пресекающими воздействиями, можно определить как одну из возможных форм легитимного управления самоорганизацией. Процесс реформирования выглядит как процесс становления баланса между управлением и самоуправлением, а в более широком смысле – между государством и обществом.

Процесс становление баланса – это также взаимодействие элементов системы. Государство делится своими полномочиями с обществом и получает новые образцы социальной самоорганизации и самодеятельности. В свою очередь общество получает возможности для более полной реализации своих интересов, но и прилагает усилия для выполнения тех функций, которые раньше исполняло государство. Конечно, это не следует понимать буквально как некие «бартерные» отношения. Речь идет о взаимодействии смыслов, которое приводит к новому, более адекватному пониманию современной ситуации. При этом субъектно-диалогичное понимание взаимоотношений государства и общества формирует их коммуникативную комплексность, единство в разнообразии и противоположности.

Проблему соотношения централизации-децентрализации политической власти можно проводить и до ее логического конечного элемента – индивида. Если общество в лице своих членов ждет решения своих проблем от власти, персонифицированной в образе высшего должностного лица государства, и не

испытывает потребности в обретении собственной политической субъектности, то и власть начинает тяготеть к выстраиванию административной вертикали поверх общества. В результате этого происходит пореформенная консервативная стабилизация путем усечения субъектности институтов, созданных в предшествующий период, т.е. в ходе реформ. Можно сделать вывод, что при реформах децентрализация сопровождается увеличением субъектов публичной власти, а при контрреформах – централизации – число политических субъектов усекается.

Очевидно, что наличие многих субъектов публичной власти связано с проблемой дезорганизации жизни общества. Характерной видится ситуация середины 1990-х гг., например, организация таможен на границе регионов и соседних районов, не говоря уже о криминальном переделе территорий. С позиций сегодняшнего дня это кажется абсурдным, но имеет свое объяснение с точки зрения синергетики. В синергетике порядок понимается как макроскопическая упорядоченность при сохранении микроскопической молекулярной разупорядоченности, т.е. порядок на макроуровне вполне мирно уживается с хаосом на микроуровне (детерминистический хаос) [8]. Сложные нелинейные системы, к которым относятся и социальные системы, имеют тенденцию к спонтанному распаду, если различные элементы и части системы по-разному реагируют на внешние воздействия, о чем говорит М.Фридман (см. выше). Чтобы избежать распада, система вынуждена переходить в новый режим функционирования – режим сохранения порядка, а это приводит к постепенному «закрыванию» системы, преобладанию однородности внутри нее. Но до тех пор, пока система открыта, существует возможность перехода системы к новому этапу самоорганизации. Открытость системы в широком смысле означает наличие в ней взаимодействия со средой, обмена веществом или энергией. Сущность социального управления как раз и заключается в социальном регулировании, т.е. поддержании динамического равновесия, которое выражается в единстве устойчивости и изменчивости социальной системы.

Вышедший из-под контроля, не поддающийся управлению процесс изменений на уровне отдельных территорий вызвал необходимость навести порядок и на микроуровне, в том числе и на уровне местного самоуправления. С точки зрения технологии управления, построение властной вертикали привело к оформлению такого режима, при котором отсутствуют четкие границы между автократией и демократией, построенной на широком консенсусе. В результате удалось сохранить контроль как за счет сокращения самостоятельности территорий, так и за счет преодоления заторможенности управленческих процессов [9]. Однако это не снимает проблемы организации местного самоуправления. Невозможность или неспособность удерживать динамическое равновесие ведет к тому, что власть создает субституты, и это находит свое отражение в одностороннем характере коммуникационного взаимодействия. Постепенное исключение населения из процесса принятия решений характеризуется исследователями как демобилизационный проект во взаимоотношениях власти с обществом [10]. Следовательно, стратегия по увеличению числа политических субъектов может рассматриваться как мобилизационный проект, и, судя по терминологии, в этом есть не только социальный, но и глубокий экономический смысл.

Проблема субъектности местного самоуправления видится также в том,

что наделение правами, по сути, означает превращение объекта в субъект. Местное сообщество становится активным участником политических процессов, что неизбежно вносит в процесс управления неопределенность. Когда самостоятельность объектов начинает доминировать, создается впечатление утраты порядка и возникновения хаоса – наступает бифуркация [11]. Недостаточно развитый институт местного самоуправления является для центральной власти элементом беспорядка, хаоса. В силу огромной территории, неравномерного распределения человеческих и природных ресурсов, прерывистости истории, многоуровневого и ассиметричного административно-территориального деления, угроз глобального и геополитического характера процессы децентрализации неизбежно будут сменяться централизацией.

Такие характеристики социальной системы, которые свидетельствуют о полисубъектности публичной власти – гражданское общество, местное самоуправление, федерализм, политические партии – в российских условиях сопряжены с тенденцией создания политических субститутов. Проблеме институциональной имитации в России посвящены многие исследования. Главное видится в том, что институциональная имитация потенциально содержит в себе возможность разрыва социально-политического пространства страны. Для преодоления этой угрозы необходим диалог, взаимодействие, условием которого является наличие:

- субъектов (индивиды и их группы);
- общих ценностей субъектов;
- возможности артикулировать, транслировать частные интересы субъектов.

Реальная практика местного самоуправления в нашей стране показала, что для того, чтобы не было противоречий между государственным управлением и местным самоуправлением, необходимо растить и совершенствовать субъект местного самоуправления – местное сообщество. Качество и потенциал местного сообщества не всегда соответствуют поставленным перед ним задачам. Между субъектами, процесс институционализации которых не завершен, взаимодействие носит спонтанный, ситуативный характер. Субъекты зачастую не осознают свои интересы и взаимосвязь с интересами других акторов, что препятствует развитию и укреплению институтов. Задача государства – создавать благоприятные условия для роста человеческого и общественного потенциала. Институты развития, которым сейчас уделяется повышенное внимание, не смогут возглавить инновационное развитие всей страны при низком качестве институтов, выражающих идею полисубъектности публичной власти, прежде всего, местного самоуправления.

Как справедливо отмечает В.Остром, именно на примере институтов местного самоуправления люди узнают о трудностях и опасностях, связанных с коллективными действиями, лучше понимают, как их общие интересы влияют на качество жизни [12]. Возможность большинства людей активно участвовать в деятельности местных сообществ является основой для обретения опыта социального взаимодействия. Это в свою очередь гарантирует развитие института местного самоуправления как важной части в системе публичной власти. В основе демократической организации общества должны быть не процедуры оформления воли большинства, т.е. победы и игнорирование мнения других, а достижение понимания, соглашения, взятие на себя ответственности за состояние своих собственных дел. Коммуникативное взаимодействие, содержанием

и смыслом которого является принятие государственными органами и органами местного самоуправления открытых, понятных для граждан социально справедливых решений и контроль за их выполнением характеризует развитый институт местного самоуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. С.63-70.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое издательство, 2008. С.427.
3. Åslund A. Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge University Press, 2002. P.1.
4. См.: Alfred B. Evans, Jr. Power and Ideology: Vladimir Putin and the Russian Political System / The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies. Number 1902. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2008.
5. Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2006. С.48.
6. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. – М.: ВЦИОМ, 2007. С. 161.
7. Ершов А.Н. Управление и самоуправление в процессе социальных преобразований. – Казань: Центр информационных технологий, 2007. С.359-360.
8. См.: Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Будущее России в зеркале синергетики. – М.: КомКнига, 2006. С.194-208.
9. Валадес Д. Контроль над властью. – М.: Идея-пресс, 2006. С.50.
10. Липман М., Петров Н. Взаимодействие власти и общества // Пути российского посткоммунизма: Очерки / Под ред. М. Липман и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С.206.
11. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. С.14.
12. Остром В. Смысл американского федерализма. – М., 1993. С.287.

I. Trofimova

COMMUNICATIVE ASPECTS OF REFORM OF LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Local government reform in our country is a part of modernisation of all sociopolitical system. The reform orientation depends on communicative interaction of various social groups in which process the sense of local government as one of institutes of the public power is formed.

Key words: local government, reform, modernisation, state policy, political elite, civil society.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ*

Данная статья посвящена одной из актуальных тем российской политики – продолжающемуся процессу реформирования партийной системы современной России. В работе анализируются процессы взаимоотношения партий с исполнительной властью, влияния различных сил на развитие партий на федеральном и региональном уровнях, рассматриваются политические союзы и коалиции, направленные на укрепление партий в государстве.

Ключевые слова: Российская федерация, политические партии и союзы, политические процессы, федеральные и местные выборы.

В настоящее время в России продолжается формирование партийной системы. В основе ее развития лежит закон «О политических партиях», утвержденный Федеральным Собранием РФ и подписанный Президентом РФ в 2001 г. Впоследствии в закон были внесены коррективы и дополнения, повышающие роль политических партий в политической жизни страны.

Новое законодательство четко обозначило те направления, по которым в ближайшее время пойдет развитие партийной системы. Ее облик еще неясен, но контуры его можно выделить, обозначив такие признаки, как количество партий, уровень их конкурентоспособности и степени популярности в обществе, а также отношение партий к власти.

Кроме того, только внимательным образом проанализировав деятельность партий как на федеральном, так и на региональном уровнях, можно будет сделать вывод о том, какая партийная система сложилась в России сегодня и каковы ее перспективы.

Партийную систему на **федеральном уровне** можно структурировать по горизонтали и вертикали. Вертикаль включает в себя следующие критерии: численность (крупные, средние, мелкие), степень политического влияния (участие в работе парламента, в законодательных собраниях регионов, в исполнительной власти), поддержка определенных слоев общества. Горизонталь включает в себя критерий, определяющий место партии в политическом пространстве (правые, левые, центр).

Исследование партийной системы по вертикали означает, прежде всего, группировку политических партий в зависимости от их численности. По мнению автора, существующие ныне партии логично разделить на крупные (более 170 тыс. членов), средние (100-170 тыс. членов) и мелкие (50-100 тыс. членов).

По состоянию на 1 января 2009 г., к числу крупных политических партий можно отнести «Единую Россию» (1 797 790 чел) и «Справедливую Россию» (437 118 чел.). Средними политическими партиями являются Аграрная партия России (АПР) (163 317 чел.), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) (158 528 чел.), Либерально-демократическая партия (ЛДПР) (155 860 чел.) и «Партия Мира и Единства» (ПМЕ) (106 203 чел.). Примером «мел-

* © Федоренко Н.Г

ких» партий являются организации «Патриоты России» (84 218 чел.), «Гражданская сила» (64 742 чел.), «Партия социальной справедливости» (ПСС) (66 408 чел.), РОПД «Яблоко» (58 545 чел.) и Союз правых сил (СПС) (58 538 тыс. чел.) [1].

Как видно, самая крупная партия – это «Единая Россия». Но, как и любая другая «партия власти», она пользуется поддержкой населения лишь в силу авторитета ее лидера, главы исполнительной власти В.В. Путина. Еще сложнее со «Справедливой Россией», существование которой зависит от взаимоотношений различных группировок внутри правящей элиты и благосклонности со стороны Президента РФ Д.А. Медведева.

Партии-«середняки» по-прежнему обладают стабильной поддержкой граждан. Тем не менее, благополучие ЛДПР зависит исключительно от популярности В.В. Жириновского; КПРФ, несмотря на внутрипартийную стабильность, продолжает топтаться на месте, собирая на парламентских выборах по 12% голосов; «ПМЕ», при внушительном количественном составе, принадлежит к аутсайдерам избирательных кампаний; а АПР в самое ближайшее время окончательно исчезнет с политической карты страны в связи с самоликвидацией и вступлением членов партии в «Справедливую Россию».

Малочисленных партий, не сегодняшний день, пока что больше всего. Однако следует учитывать те обстоятельства, что «Гражданская сила» и «Союз правых сил» приняли решение о самороспуске, а на их месте появится новая партия «Правое дело». Вообще же, за последние несколько лет правые, потеряв представительство в Государственной думе, лишились многих избирателей и членов партии. Не являются они значимой политической силой и в российских регионах. Впрочем, партии «Патриоты России» и «Партия социальной справедливости» до сегодняшнего дня также не отметились сколь-нибудь яркими победами как на федеральных, так и на региональных выборах.

Необходимо отметить, что такие партии, как АПР, СПС, ПСС, «Гражданская сила», находятся на стадии самоликвидации и коллективного вхождения в более сильные партии. Кроме того, «мелкие» партии, численность которых не превышает 100 тысяч членов, имеют все шансы вообще лишиться регистрации, если Государственная дума РФ все-таки вернется к идее увеличить минимальную численность политических партий в стране с 50 тысяч до 100 тысяч чел.

Партии, насчитывающие менее 50 тысяч членов, не имеют широкой народной поддержки и потому могут характеризоваться как маргинальные. В соответствии с законом, это уже и не партии, а общероссийские общественные организации, которые именуют себя партиями.

Из них наиболее известны «Национал-Большевистская партия» (НБП) Эдуарда Лимонова [2, 64-65], «Трудовая Россия» Виктора Ампилова, «Национально-державная партия России» (НДПР) [3, 5-89], «Российская коммунистическая рабочая партия» (РКРП) Виктора Тюлькина и др.

НБП, «Трудовую Россию» и РКРП справедливо относят к левым радикалам, а НДПР – к правым националистам-державникам. НБП привлекает к себе внимание актами «майонезного» терроризма и захватом административных зданий; «Трудовая Россия» и РКРП – яркими и эмоциональными митингами, а НДПР «прославилась» благодаря антисемитским высказываниям ее лидеров. На сегодняшний день эти объединения продолжают осуществлять свою полуполигальную деятельность, окончательно потеряв надежду на обретение официального статуса политической партии. Справедливости ради, стоит упомянуть

крохотную партию Валерии Новодворской «Демократический союз». В отличие от тех же НБП и НДПР, «визитной карточкой» ДС является откровенная русофобия [4, 234-235].

Бесспорно, наибольшим политическим влиянием в стране обладают партии, представленные в Государственной думе. Они имеют возможность непосредственно воздействовать на политическую жизнь страны, располагают правом законодательного голоса, а также доступом к СМИ, через которые могут относительно быстро донести свою позицию до граждан.

Традиционно в разделе федеральных и региональных депутатских кресел участвуют «крупные» и «средние» партии. Представители «мелких» партий пробираются в парламент и получают возможность поучаствовать в «дележе» на почетных условиях от случая к случаю. Любопытно отметить, что все выборы в Государственную думу до 2007 г. заканчивались успехом хотя бы одной политической партии, которую можно причислить к «мелким».

Вместе с тем даже общероссийские партии, представленные в парламенте, слабо влияют на выработку важнейших политических решений. «Роль партий думского большинства в законотворческом процессе немаловажна, но пассивна, – отмечает исследователь Б.И. Макаренко. – В третьей Думе депутаты уступили законодательную инициативу президенту и правительству» [5, 53]. Впрочем, нельзя не отметить, что по многим проблемам и злободневным вопросам парламентские партии высказываются открыто и смело, привлекая общественное внимание к этим темам. Так было с Чечней, с ввозом в Россию ядерных отходов, с положением русскоязычного населения Прибалтики.

Не все партии проходят «решето» думской избирательной компании более одного раза. Лишь КПРФ и ЛДПР участвовали и побеждали во всех парламентских выборах, начиная с 1993 года. Как замечает А.Н. Севастьянов, коммунисты вообще «располагают не просто некой политической партией, а самой большой и сильной из всех партий в России» [6, 76]. ЛДПР побеждает на выборах благодаря известности ее лидера Владимира Жириновского, что для партии скорее является минусом, чем плюсом. Настоящую проверку на прочность ЛДПР сможет пройти тогда, когда Жириновский снимет с себя полномочия председателя партии и передаст их другому человеку.

Что касается «Единой России», то, несмотря на то, что ее партийные ячейки «окутали» всю страну, партия имеет возможность проводить свои съезды в Кремле, менять по своему усмотрению думский регламент и устраивать огромные митинги по всей стране, у «Единой России» нет самого главного – стабильности. Той стабильности, которая присутствует у КПРФ и ЛДПР. «Единая Россия», по сути, держится на чиновниках, практически поголовно вступивших в партию. А такие члены партии весьма ненадежны. И если Кремль к очередным думским выборам подойдет с новой «партией власти», то «Единую Россию» моментально покинут люди, еще вчера заявлявшие ей о своей приверженности.

Изучение партийной системы по горизонтали предполагает дифференциацию российских партий на правых, левых и центристов (см. табл.).

Таблица. «Спектр» политических российских партий

Правые	Центристы	Левые
«Гражданская сила»	«Единая Россия»	АПР
СПС		КПРФ

РОПД «Яблоко»		«Патриоты России»
		«Партия социальной справедливости»
		«Партия Мира и Единства»
		«Справедливая Россия»
ЛДПР (?)		

Наиболее мощно выглядит «центр», представленный партией «Единая Россия». Но у «партии власти» есть безусловные минусы. Целиком зависящая от популярности В.В. Путина, «Единая Россия» вынуждена следовать курсу Председателя Правительства РФ и поддерживать все, даже самые непопулярные его решения. Результаты подобного рода решений могут пагубно сказаться на имидже, а впоследствии – на будущем партии.

Достаточно стабильная ситуация на левом фланге. Там продолжают конкурировать КПРФ и «Справедливая Россия» [7, 55]. В этом споре наиболее отчетливо просматриваются перспективы «Справедливой России». «Эсэры» не ассоциируют себя с коммунистической идеологией ВКП(б)-КПСС, не сотрудничают с леворадикальными движениями, вроде «Трудовой России» В.И. Ампилова и, в отличие от КПРФ, находится на политической арене гораздо меньше. Многие избиратели поддержали «Справедливую Россию» на последних думских выборах именно потому, что потеряли доверие к КПРФ.

Но у «Справедливой России» кроме очевидных достоинств, есть и недостатки. Так же, как и ее составная часть – «Родина» – «Справедливая Россия» скорее предвыборное объединение, включающее в себя небольшие разношерстные организации. Сейчас трудно сказать, утвердится ли «Справедливая Россия» на политическом Олимпе. Тем не менее, в настоящий момент составить конкуренцию КПРФ может только эта сила.

На двух последних парламентских выборах потерпел прогнозируемое поражение правый фланг. Лидеры СПС настолько дискредитировали себя и либеральную идею, что за четыре года пребывания в Государственной думе растеряли массу сторонников. Что же касается поражения РДП «Яблоко», то это целиком и полностью «заслуга» Г.А. Явлинского. Тиражируемый от выборов к выборам образ «вечного оппозиционера» попросту «приелся» избирателям. В вину Г.А. Явлинскому можно поставить его постоянное нежелание вступать в единую демократическую коалицию, благодаря которой блок СПС-РДП «Яблоко» мог бы преодолеть и пяти- и семипроцентный барьер на выборах в Государственную думу 2003 и 2007 годов.

Таким образом, правый фланг российской партийной системы находится в глубочайшем кризисе. У правых партий, активно выступающих за всеобщую избираемость губернаторов, Законодательных Собраний и местного самоуправления, зачастую отсутствуют политические, экономические и кадровые ресурсы для участия в выборах. Правые, порой, не выставляют своих избирательных списков на выборах в местные парламенты, ограничиваясь лишь поддержкой кандидатов по одномандатным округам. В тех регионах, где СПС или РДП «Яблоко» все же принимают участие в борьбе за депутатские мандаты в местные органы власти, они, как правило, терпят поражения.

Характеризуя провал «правого фланга», необходимо учитывать и позицию «Единой России», которая объявила себя правоцентристской партией, заняв, таким образом, нишу СПС и «Яблока». Отсюда и повышенный интерес к формированию новой правой партии «Правое дело».

Сегодня вновь, как было в 1993, 1995, 1999 и 2003 и 2007 годах, перед правыми встает вопрос об объединении усилий и создании не просто широкой коалиции, а сильной дееспособной партии. В противном случае на демократах «старой волны» можно будет поставить точку.

Наиболее сложным вопросом при изучении политических партий по горизонтали является политическая идентификация ЛДПР. Несмотря на присутствие в названии партии слово «либеральная», ЛДПР сложно отнести к правым партиям.

Рассматривая партийную систему России в целом, нельзя ни в коем случае игнорировать **региональный аспект деятельности политических партий** [8, 171]. Несмотря на то, что официальная партийная жизнь проходит в Москве, любая серьезная партия опирается на первичные организации и региональные отделения партий. Без них современная партия будет не более чем «диванным» объединением образца XIX века.

Но в регионах партии постоянно находятся под прессингом местных лидеров и бизнес-элит. Этот прессинг оказывает негативное влияние на единство рядов. Очень часто партийные съезды вынуждены разбираться с «раскольниками» и заниматься поисками компромиссов между враждующими сторонами, вместо разработки стратегии своего дальнейшего развития. Правда, нельзя не отметить, что реформа региональной избирательной системы повлияла на усиление роли партий в регионах. В частности, отныне региональные парламенты разделены на партийцев и мажоритарников [9, 102-118]. Для создания фракции в Законодательном собрании субъекта федерации политическим партиям придется преодолеть барьер, закрепленный юридическими нормами. Как показала практика, там где избирательный порог высокий, происходит развитие политических партий. Там где порог низкий — растут политическая конкуренция и расколы. Тем не менее, по заключению П.В. Панова, исследовавшего региональную деятельность политических партий, переход к смешанной системе выборов «придал мощный импульс развитию партий» [10, 115].

Интересные исследования на эту тему провел А.В. Кынев. Он сопоставил динамику электоральной поддержки населением ведущих политических партий РФ на федеральном (выборы 2003) и региональном (выборы 2004/2005) уровнях. По мнению ученого, ключевым моментом региональных выборов является снижение симпатий граждан к тем политическим партиям, которые побеждали в этих же регионах в декабре 2003 г. [11, 115-129].

К примеру, КПРФ сумела повторить результаты думских выборов лишь в 5 регионах из 18; в 6 регионах рейтинг коммунистов возрос, а в остальных снизился. У «Единой России» произошло падение популярности в 15 областях [12, 117-129]. Аналогичные проблемы постигли правых. После того как СПС и «Яблоко» потеряли представительство в Государственной думе, их рейтинги резко пошли вниз.

В российской провинции наиболее популярна идея регионального патриотизма. Именно этот тезис в 2003 г. в своих программах активно продвигали «Родина», АПР и РПП. «Родина» предпочитала идти на выборы в блоке с региональными объединениями, за счет чего практически всегда добивалась успеха. Например, в выборах Тульской областной Думы участвовал блок «Засечный рубеж – партия Родина», а избирательную кампанию в Сахалинскую областную Думу выиграл блок «Наша Родина - Сахалин и Курилы» [13, 93]. И в каждом случае «Родина» в союзе с тем или иным региональным движением добивалась успеха.

Региональные избирательные кампании 2006 – 2007 годов, прошедшие в регионах без участия «местных» партий, принесли уже новые результаты, поскольку в этих кампаниях партии принимали самостоятельное участие, то есть не состояли в блоках и предвыборных союзах. В результате чего стало видно, что основная перегруппировка сил произошла на «левом» фланге, где у КПРФ появился мощный конкурент в лице новой партии «Справедливая Россия» [14, 306 – 307].

В целом результаты региональных выборов значительно отличаются от результатов федеральных выборов, что, очевидно, связано с тем, что важную роль в субъектах федерации играют губернаторы, местные бизнес-элиты и, особенно, общественность. Потому что общественная позиция «во многом отождествляется не с политическим движением, партией или идеологией, а с персоной, лидером» [15, 102].

Соответственно, в регионах на первое место выдвинулась проблема такого лидера, то есть главы, губернатора [16, 102]. В 1990-е годы губернаторы, оседлав волну народного недовольства, постепенно вышли на ведущие роли в обессиленном смутой российском государстве. Введение выборов местной исполнительной власти вывело губернаторов из-под контроля ослабленного федерального центра. В результате, они превратились в самостоятельных политических игроков. Чтобы избежать давления со стороны партий, губернаторы постепенно превращали их в инструмент по укреплению собственных политических позиций [17, 212].

Однако после того как выборы губернаторов были отменены, ситуация стала меняться. Сегодня главы регионов «делают ставку» на одну партию, пользующуюся поддержкой центра, – партию «Единая Россия».

Конечно, реформа региональной избирательной системы закрепила за политическими партиями половину депутатских кресел во всех региональных Законодательных собраниях [18, 115]. И это означает, что партии имеют шанс выйти на новый уровень развития и стать активными участниками борьбы за власть и влияние в регионах.

Сегодня как на федеральном, так и на региональном уровнях функционирования партийной системы наблюдается сходная картина. Избиратели, приходя на избирательный участок, чаще всего не имеют четкого представления о программах политических партий. Большинство россиян продолжают «голосовать сердцем» или выбирать конкретных людей из первой тройки партийного списка, что говорит о слабости гражданского общества в стране. Приходится констатировать, что партии не рассматриваются населением как группы, выражающие общественные интересы и отстаивающие их во взаимоотношениях с властью. Власть имущие же, в свою очередь, вспоминают о партиях лишь перед выборами, в ходе которых стремятся создать лояльный парламент. Таким образом, как партии в частности, так и партийная система страны в целом еще находятся в стадии своего становления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Министерство юстиции РФ // Список зарегистрированных политических партий, <http://minjust.lgg.ru/ru/activity/nko/partii/>
2. См.: Лихачев В. Нацизм в России. – М., 2002. С. 64 – 65.
3. См.: Севастьянов А.Н. Русская идея, век XXI-й. – М., 2002. С. 5 - 89.
4. См.: Лисичкин В.А. Шелепин Л.А. Глобальная империя зла. – М., 2001. С. 234 — 235.
5. Макаренко Б.И. Парламентские выборы 2003 как проявление кризиса партийной системы

- // Политические исследования. 2004. №1. С. 53.
6. Севастьянов А.Н. Русская идея, век XX1-й. – М., 2002. С. 76.
 7. См.: Воскресенский Е.А. Политическая оппозиция после выборов 2003-2004 гг.: новые вызовы. – М., 2004. С. 55.
 8. См.: Богданов А.П. Политические партии как субъекты региональной политики / Диссертация... кандидата политических наук. – Саратов, 2003. С. 171.
 9. См.: Панов П.В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России. Кроссрегиональный сравнительный анализ // Политические исследования. 2005. №5. С. 102 – 118.
 10. Там же. – 2005. №5. С. 115.
 11. См.: Кынев А.В. Региональные выборы // Политические исследования. 2005. №3. С. 117-129.
 12. Там же. – 2005. №5. С. 117-129.
 13. См.: Отчет фракции «Родина» ГД ФС РФ о работе в 2004 году. – М., 2004. С. 82 – 93.
 14. Федоренко Н.Г. Проблемы формирования и функционирования современной российской партийной системы в условиях избирательных кампаний // Современные гуманитарные исследования. 2008. №2(21). С. 306-307.
 15. Качанов А.А. Статус губернатора как фактор формирования и трансформации региональной идентичности // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2005. №4. С. 102.
 16. Там же. – 2005. – №4. – С. 102.
 17. См.: Политические партии и выборы в российских регионах. / Под ред. Д. Г. Сельцера. – Тамбов, 2004.
 18. См.: Кынев А.В. Переход к смешанным выборам в регионах: «принудительная трансформация» // Политические исследования. 2004. №2. С. 115.

N. FEDORENKO

POLITICAL PARTIES OF MODERN RUSSIA: FEDERAL AND REGIONAL LEVELS OF FUNCTIONING

Moscow State Region University

Given article is devoted one of vital topics of the Russian policy – to proceeding process of reforming of party system of modern Russia. In work it is analyzed processes of mutual relation of parties with executive power, influences of various forces on development of parties at federal and regional levels, the political unions and the coalitions directed on strengthening of parties in the state are considered.

Key words: Russian federation, political parties and the unions, political processes, federal and local elections.

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Сегодня представляется целесообразным отнести миграцию населения к важнейшим факторам, влияющим на политическую и социально-экономическую ситуацию в Российской Федерации. Миграционные процессы являются предметом изучения многих различных наук и поэтому их изучение представляется целесообразным проводить с позиций междисциплинарности. Исследование процесса изучения указанных проблем приводится в данной статье.

Ключевые слова: миграционные процессы, факторы миграции, историография, научные школы, дискуссия, терминология.

Проведенный анализ научной литературы показал, что целенаправленные исследования миграционных процессов начинаются во второй половине IX века и тесно связаны с началом переселенческого движения в России по освоению малонаселенных земель. Многие исследователи были организаторами переселенческого движения, поэтому изучение миграционных процессов не ограничивалось узкими рамками организации переселения и обустройства. Можно выделить следующие направления исследований в этой области. Прежде всего, много внимания уделялось анализу колонизации как явления. Его рассматривали Г.К. Гинс, В.Н. Григорьев, И.А. Гурвич, А.А. Исаев, А.А. Кауфман, И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин и др.

А.А. Кауфман, изучая переселенческие механизмы, отметил, что колонизация - это способ развития человечества, распространяющий культуру по лицу земли [1].

Также на проблему миграционных процессов обращал внимание В.И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России».

Также необходимо отметить, что почти все дореволюционные исследователи отмечали, что «переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [2].

В своих исследованиях дореволюционные ученые использовали данные регистрации переселенцев и результаты выборочных обследований состава мигрантов, их экономического положения и т. п., проведенные работниками переселенческих органов и другими исследователями.

Крах Российской Империи и установление советской власти в России не остановило переселенческого движения и его изучения. В 20-е годы по этому вопросу было опубликовано весьма значительное число статей во вновь созданных журналах «Плановое хозяйство», «Вестник статистики» и других, также следует отметить большое количество брошюр. Подробный анализ этих работ дан в В.М. Моисеенко [3].

Продолжению и активизации исследований способствовало создание в 1922 г. в Москве Государственного научно-исследовательского колонизационного института – единственного в истории нашей страны специализированного научного учреждения, просуществовавшего всего восемь лет и закрытого в 1930 г.

* © Еремеев П. Ю.

В изучении миграционных процессов в первые десятилетия после революции прослеживается преемственность исследовательских подходов, существовавших до 1917 г., основная масса научно значимых работ тех лет выполнена И. Л. Ямзиным, В. П. Воцининым, А. П. Яхонтовым и другими учеными. Основные темы исследования тех лет: обобщение опыта переселений в первые годы советской власти, анализ интенсивно нарастающего потока сельско-городской миграции, в том числе - по данным переписи 1926 г., выявившей усиление зависимости темпов роста городов от миграционного притока [4]. Экономические и хозяйственные аспекты миграционных процессов анализировал С.Г. Струмилин. Рассматривая миграцию в качестве одного из важнейших факторов социально-экономического развития государства, он показал ее органичную связь с такими сторонами хозяйственного строительства, как перераспределение трудовых ресурсов, оплата труда, цены и т.п. [5]

В 20-е годы продолжались исследования понятийно-терминологического аппарата и выявления основных факторов.

В 30-е годы приоритеты в теоретической дискуссии поменялись, основной темой стали проблемы реализации организованных форм переселений как результата новой плановой системы. В экономических журналах широко обсуждались различные аспекты промышленных и сельскохозяйственных миграций, оргнабора рабочих и т.п. Наиболее обстоятельно все эти вопросы были рассмотрены М.Я. Сониным в фундаментальной работе, вышедшей в свет в 1959 г. [6]

Вторая половина 30-х годов - этап увеличения масштабов добровольных и принудительных миграций и одновременного сокращения и полной остановки исследований в этой области, обстоятельная библиография работ по миграции населения в довоенные годы обрывается. Возможно, что важное влияние оказала перепись населения 1937 г., названная впоследствии вредительской. Ее организаторы - ведущие теоретики и практики отечественной статистики - были подвергнуты репрессиям, а вся демографическая и миграционная проблематика на долгие годы оказалась в забвении, которое длилось около 20 лет.

В конце 50-х годов началось постепенное возрождение исследований в области миграции. Отправной точкой возрождения исследований миграции населения стало создание Сибирского отделения Академии наук СССР. В его составе был создан Институт экономики и организации промышленного производства (первый директор - член-корреспондент АН СССР, выдающийся экономист Г.А. Пруденский), внесший огромный вклад в развитие теории миграции и ее изучения. Круг проблем, которыми занимался институт и сотрудничавшие с ним научные учреждения Сибири и Дальнего Востока, был широк: восстановление и разработка нового понятийного аппарата; методов исследования; показателей, адекватно отражающих территориальное перераспределение населения; изучение миграционных процессов и их последствий. Активным участником данных исследований был Н.М. Кокосов. Он выдвинул идею о необходимости перераспределения населения из трудоизбыточных регионов в регионы с дефицитным балансом труда [7].

Уже в 1961 г. Сибирским отделением АН СССР был подготовлен обстоятельный сборник статей по проблемам трудовых ресурсов Сибири, в котором подводились первые итоги исследований в этой области.

В 60-е годы проблема миграции стала предметом изучения многих уче-

ных, среди которых необходимо отметить В.И. Переведенцева. Им в 1964-1966 гг. были опубликованы научные работы, в которых он на основе статистических данных и результатов обследований населения в Красноярском крае и на Алтае раскрывает широкий круг вопросов взаимосвязи миграции с естественным движением населения.

В начале 70-х годов появились монографии, подводящие итоги многолетних изысканий в этой области – Ж.А. Зайончковской, А.В. Топилина, В.И. Переведенцева, И.С. Матлина и других.

Необходимо назвать как работы монографического характера, так и обстоятельные сборники статей по различным вопросам миграции населения, вышедшие в начале 70-х. Среди них труды – В.И. Старовойтова, Э.С. Кутафьевой, а также сборники статей под редакцией А.З. Майкова, А.Г. Волкова, Д.И. Валентея и др.

С конца 60-х годов началось формирование нескольких научных центров по изучению миграции населения, имеющих собственное лицо и достаточно определенную проблемную специализацию. В первую очередь необходимо отметить коллектив ученых-социологов, сложившийся под руководством Т.И. Заславской, благодаря чему принципиально изменился подход к изучению миграции в рамках Сибирского отделения Академии наук СССР. Приоритетным направлением их исследований стал анализ сельско-городской миграции в Сибири. В основе всех работ лежал системный подход, проблемы миграции рассматривались в широком контексте социально-экономического развития сел Сибирского региона; параллельно шла активная разработка теоретико-методологических и методических вопросов социологической науки [8].

Разработка теоретических и методических вопросов изучения миграционного поведения в сочетании с широким использованием математического моделирования позволили коллективу авторов добиться важных результатов не только в понимании движущих сил сельско-городской миграции, но и по широкому кругу смежных проблем. Уже в 80-е годы, продолжая начатые ранее работы, ряд сотрудников (Л.В. Корель, М.А. Шабанова) этого института опубликовал серию монографий.

Другая школа миграционных исследований начала формироваться во второй половине 60-х годов в Центре по изучению проблем народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Основными направлениями деятельности этого коллектива стали разработка общих вопросов миграционной подвижности населения и изучение миграции населения в контексте проблем урбанизации. На концептуальном уровне эта тематика была разработана Б.С. Хоревым и отражена в ряде своих монографий, В.Н. Чапеком посвящена монография вопросам сельской миграции.

В дальнейшем Б.С. Хоревым в соавторстве с В.Н. Чапеком была опубликована работа, в которой освещена концепция миграционного движения населения во всех его формах [9].

К началу 80-х годов возникла необходимость в принципиальном методологическом и терминологическом уточнении, которое и было сделано Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковским. Весьма существенную роль в развитии «миграционного направления» в науке сыграл Л.Л. Рыбаковский.

Третий научный центр по изучению миграции был сформирован в середине 70-х годов в Институте социологических исследований Академии наук

СССР (позднее - Институт социологии РАН). Его создание совпало с решением государственной власти относительно запрета на открытые публикации демографических и многих иных сведений и об ограничении доступа к ним без специального разрешения. В данный период учеными проводились исследования миграционных процессов, но результаты работ не публиковались, оставаясь материалами «для служебного пользования».

С конца 70-х до начала 90-х годов учеными был выполнен ряд крупных исследований и опубликовано множество работ, посвященных разработке трех теоретических и методических проблем: разработка комплекса вопросов регионального анализа миграций, развитие теории миграционного поведения, в которой были сформулированы базовые теоретические положения, понятия, категории [10].

Распад СССР сопровождался возникновением целого комплекса проблем, так или иначе повлиявших на миграционное движение народов, населявших шестую часть суши. Достаточно радикальным образом все пертурбации последних лет отразились на российских миграционных потоках. Вновь возникшие и видоизменявшиеся традиционные миграционные проблемы инициировали новый виток исследований.

В начале 90-х годов сложился ряд новых научных коллективов, в которые вошли уже известные исследователи, специализирующиеся на изучении миграционных явлений.

Одним из таких центров стала лаборатория анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Академии наук. Лаборатория осуществляет исследования по актуальным для России и всего постсоветского пространства миграционным проблемам. Главное внимание коллектива сосредоточено на анализе новой миграционной ситуации, сформировавшейся после распада СССР, ее взаимосвязях с национальными конфликтами, экономическим кризисом, политической и экономической дифференциацией постсоветского пространства. Лаборатория была пионером в исследовании процесса «утечки умов».

Профессиональные научные коллективы, изучающие различные аспекты миграционной ситуации, в 90-е годы сложились также в ряде других институтов Академии наук. В частности, в Институте социально-экономических проблем народонаселения успешно изучаются трудовая и нелегальная миграции, адаптация вынужденных мигрантов и т.д. Другой научный коллектив образовался в Институте международных экономических и политических исследований. Здесь ведется изучение широкого круга внешних миграционных проблем. Среди них эмиграция и «утечка умов», трудовая межгосударственная миграция и др. [11]

В середине 90-х годов представлены результаты достаточно глубоких статистико-социологических проработок проблем современной миграции, дающих возможность довольно объективно оценить иерархию современных миграционных проблем в России, их факторов и последствий.

В 1997-1999 гг. наиболее активным издателем работ по миграции населения явился Московский Центр Карнеги. Благодаря его финансовой поддержке опубликованы брошюры и сборники статей по проблемам миграции и рынка труда, редактором которых является Г.С. Витковская. Наряду с ней в числе авторов статей выступают в большинстве такие известные ученые, как В.И.

Переведенцев, В.М. Моисеенко, В.В. Трубин, Ж.А. Зайончковская, В.И. Мухомель, А.В. Топилин и т.д.

Ряд обстоятельных работ при финансовой поддержке Фонда Форда опубликовал Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Редактору сборников статей по миграционной ситуации в странах СНГ, по проблемам миграции и урбанизации и другим вопросам, Ж.А. Зайончковской, удалось привлечь в качестве авторов не только московских ученых, но и исследователей миграционной проблематики из нового зарубежья, широко известных своими работами еще в советское время. Среди них - И.М. Прибыткова, Л.П. Максакова, Л.А. Арутюнян, О. Ата-Мирзоев, Н. Кумскова и др. Большинство статей изданных сборников, как и книг, опирается на глубокий анализ ставшей доступной статистической информации.

Следует отметить работы, опубликованные в 1996 - 1998 гг. Институтом этнологии и антропологии Академии наук и посвященные разным аспектам миграции населения [12].

В конце 90-х годов явился выход в свет ряда авторских монографий по миграционной тематике. Наиболее фундаментальной является книга В.А. Ионцева, посвященная теории изучения международных миграций. В монографии аргументируется разработанное совместно с коллегами (В.А. Ионцев, М.Б. Денисенко) авторское видение миграции населения как самостоятельной науки - миграциологии. Под редакцией В.А. Ионцева регулярно публикуются тематические сборники статей, посвященные международной миграции населения.

По этой же проблеме чуть раньше опубликована книга Е.С. Красинца, в которой дан обстоятельный анализ международной миграции населения в России [13].

Проблемы межгосударственной миграции применительно к научным кадрам, т. е. тому, что уже несколько десятилетий называется «утечкой умов», представлены в монографии И.Г. Ушкалова и И.А. Малаха, а также в тематическом сборнике статей. Авторы убедительно показывают те социально-экономические потери, которые несет Россия, став практически страной «третьего мира» [14].

Различным сторонам внешней миграции населения России в XVIII - начале XX в. посвящено историко-демографическое исследование В.М. Кабузана. Особенность книги - широкое привлечение в качестве информационной базы архивных материалов. В книге достаточно много внимания уделено внутренним миграциям, динамике населения и его воспроизводства [15].

В 1999 г. вышла в свет фундаментальная работа А.Н. Каменского, в которой рассматриваются проблемы трудовой миграции. В этой монографии обобщен мировой опыт привлечения и использования иностранной рабочей силы, проанализированы экономические и правовые механизмы регулирования международного трудового обмена [16].

В конце 90-х годов Т.М. Регент опубликованы работы, посвященные проблемам регулирования миграционных процессов. В работе обобщается большой фактический материал, накопленный Федеральной миграционной службой в области реализации российской миграционной политики. Также следует отметить работы в данном направлении О.Д. Воробьевой.

Во второй половине 90-х годов появился научно-практический ежеквар-

тальный журнал «Миграция». В его номерах опубликованы статьи о русскоязычной миграции, вынужденных переселенцах, «утечке умов», трудовой миграции и др. В 1999 г. на основе журнала «Миграция» образован другой – «Миграция в России» [17].

Из трудов, опубликованных в последние годы, необходимо отметить вышедшую в 2005 г. монографию руководящего работника Федеральной миграционной службы М.Л. Тюркина, в которой ученым проводится комплексный анализ общественных отношений, возникающих в сфере миграции на международном, российском и региональном уровнях [18].

Среди множества современных исследований миграционной проблематики следует отметить работы следующих ученых: А.Н. Жеребцова, А.А. Коробова, С.Е. Метелева, А.И. Аверина, Т.И. Борзуновой, В.Н. Васильева, М.Б. Денисенко, Ю.Г. Ефимова, А.Е. Малиновского, В.И. Мукомеля, Л.Л. Рыбаковского, А.Н. Сандугея, И.Ю. Сизова, Ю.А. Архипова, А.Б. Гончаренко, А.Н. Пороховой, И.А. Романова, С.К. Бондыревой, М.Ю. Ежовой, Т.К. Юдиной и других.

В настоящее время при информационной поддержке Федеральной миграционной службы издаются ведомственный журнал «Земляки» и газета «Ваше право. Миграция». Данные издания всесторонне освещают вопросы руководства миграционными процессами со стороны государства и службы, в них поднимаются наиболее острые миграционные проблемы, комментируются изменения в действующем законодательстве.

В результате проведенного анализа отечественной научной литературы, посвященной проблемам миграции населения, следует выделить закономерное развитие изучения данной проблематики, немаловажным фактором в котором являются политические реалии жизни страны. В настоящее время широко изучены и раскрыты основные теоретические положения миграции населения как явления, выработана единая терминология, исследованы механизмы миграции, их взаимосвязь и т.д. Но в тоже время данная проблематика требует дальнейшего изучения и совершенствования в теоретических целях и прикладных целях осуществления эффективной миграционной политики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
2. Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия: материалы международной научной конференции/ Под ред. А.С. Гришановой, Л.Л. Рыбаковского, Н.В. Тарасовой. – М., 1994. С. 24.
3. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. – М., 1985.
4. Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. – М., 1926.
5. Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1925/27-1930/31 гг. //Плановое хозяйство. 1927. № 3.
6. Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. – М., 1959.
7. Кокосов Я.И. Улучшить использование трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока // Социалистический труд. 1961. № 2.
8. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ/ Под ред. Т.И. Заславской. М., 1980; Методологические проблемы системного изучения деревни. – Новосибирск, 1977.
9. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. – М., 1978.

10. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. – М., 1987.
11. Ушкалов И.Г. «Утечка умов» и социально-экономические проблемы российской науки // Вестник РГНФ. 1996. № 2.
12. Вынужденные мигранты и государство/ Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1998; Вынужденные мигранты: Интеграция и возвращение/ Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1997.
13. Красинец Е. С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. – М., 1997.
14. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. Утечка умов: Масштабы. Причины. Последствия. – М., 1999.
15. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. – М., 1998.
16. Каменский А.Н. Проблемы международного трудового обмена и Россия. – М., 1999.
17. Миграция населения/ Под ред. О.Д. Воробьевой. – М., 2001. № 3.
18. Тюркин М.Л. Миграционная система России. – М., 2005.

P.U. EREMEEV

HUMAN MIGRATION IN DOMESTIC SCIENTIFIC LITERATURE

Moscow State Region University

Today it seems rational to associate human migration with the main factors, affecting the political and socioeconomic conditions in Russian Federation. Human migration is the subject matter of many different sciences, so it should be treated from an interdisciplinary point of view. This paper is intended to analyze the study of the problem.

Key words: migratory processes, migration factors, historiography, schools of thought, discussion, terminology.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРМИИ В 1992 - 1999 ГОДАХ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ)*

Чрезвычайная острота и болезненность социальных проблем Вооруженных Сил России и отражение их в печатных СМИ сегодня показали, что корни их следует искать в рассматриваемом автором историческом периоде времени, характеризовавшимся становлением принципиально новой для нашей страны системы государственного устройства.

Ключевые слова: вооруженные силы России, социальные проблемы, продовольственное обеспечение, здоровье военнослужащих, жилищная проблема, социальные настроения.

В декабре 1991 года Российская Федерация вместе с другими республиками бывшего СССР вступила на путь самостоятельного развития. Падение союзного центра требовало от российского руководства срочно определить цели внешней и внутренней политики России, отношения к наследию [1] Союза, решить принципиальные вопросы социально-экономического и политического выбора, а также государственного устройства. Таким образом, перед Россией, которая значительно сократилась в своих геополитических параметрах, во времени совпали две важнейшие задачи: становление новой российской государственности, социального и духовного ее возрождения. В новых условиях перед Российской Федерацией открывались различные варианты развития, однако, при всем их многообразии, основное направление было очевидно и определялось общемировым движением.

Между тем у государственной власти проработанной программы экономических и политических преобразований, в том числе и преобразований армии, не было. 1992 год стал для России годом экономических реформ, переходом к рынку, к легитимной частной собственности. Ход реформ, связанных с именем Е. Гайдара, с самого начала стал отклоняться от намеченного. Прогнозируемое реформаторами повышения цен в 5 – 10 раз на деле обернулось повышением их в 100 и более раз, в результате чего большинство населения страны оказалось за чертой бедности.

В этих условиях не могло не измениться и социальное положение армии. Рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть эту проблему всесторонне и комплексно, поэтому автор делает попытку на основе публикаций в центральных печатных СМИ проанализировать социальные проблемы армии, остановившись, прежде всего, на материальном положении военнослужащих, вопросах их продовольственного, медицинского и жилищного обеспечения.

Анализируя центральные печатные СМИ, можно констатировать, что наиболее злободневным для Вооруженных Сил был вопрос материального положения военнослужащих и членов их семей, которые, несмотря на кажущуюся тенденцию увеличения расходов на содержание армии (1990 году – 27% от суммарной; в 1991 – 33,4%, в 1992 – 54%), заметно снижалось [2].

В 1992 году 30% офицеров сопоставляли свои доходы с уборщиком и дворником, 80 % - не ощущали себя достаточно защищенными (в 1993 – пол-

* © Глушаченков А.А.

ностью защищенным себя считали лишь 3,1 %), 79% не верили в реализацию решений, направленных на повышение их социальной защищенности. 70 % опрошенных требовали внести в проект Конституции РФ материальную и моральную ответственность за ущемление прав военнослужащих [3].

Не изменилась ситуация и в последующие годы. «Армия переоснащается и ...все больше нищает», «Армейский кошелек», «Реформы продвигаются, а денег как не было, так и нет», «Непобедимая и легендарная», «Нищета армии угрожает России» [4], «Дойдем до состояния мумий», «Военнослужащие все больше отодвигаются за черту бедности» [5] - вот далеко не полный перечень газетных заголовков, характеризующих общее положение в армии на страницах центральных печатных СМИ. Несмотря на неоднократное повышение денежного довольствия военнослужащих (в 1994 – в 1,4 раза, в 1995 – 1,3 раза, в 1997 - 1,84 [6]) и гражданского персонала [7], доходы офицеров продолжали снижаться (более 75 % офицерских семей имели доходы ниже прожиточного минимума) [8].

Не менее сложной оставалась **проблема продовольственного обеспечения армии**. Установление единой нормы продовольственного пайка от солдата до генерала не могло выправить положение в этой области. Первые сообщения в прессе о перебоях с питанием в армии появились еще в 1991 году, когда армия недополучила 41 тыс. т муки, 9 тыс.т крупы, 8 тыс.т мяса, 12 тыс.т. жиров. Основательно были подчищены и склады «НЗ». К тому же администрации ряда регионов отказывались помогать в продовольственном обеспечении частям и подразделениям, находящихся на их территории, как это было ранее (Чита, Астрахань, Приморский, Хабаровский края) [9]. Настоящей ностальгией веет от статей о единстве армии и народа. Так, например, комитет Верховного Совета Узбекской ССР по вопросам обороны и социальной защиты в честь дня Военно-морского флота самолетом военно-транспортной авиации (ВТА) отправил 10 тонн фруктов морякам-североморцам [10].

Не менее важной **представлялась для центральных СМИ и проблема охраны здоровья военнослужащих**. В прессе появлялись сообщения о намерении Правительства РФ акционировать расположенные в Сочи государственные здравницы, в том числе и находящиеся в ведении силовых структур. Их услугами ежегодно по льготным путевкам пользовались около 100 тыс. военнослужащих, пенсионеров и членов их семей. Правительственная приватизация ведомственных здравниц предполагала, что 51% акций будет находиться в собственности ведомства, остальные - у государства.

Расчеты показали, что после акционирования стоимость путевок возрастет в среднем в 4-5 раз и приблизится к рыночным. Иначе говоря, отдых на курорте в течение 20 дней офицеру или прапорщику обойдется вместо 1-1,5 тыс. руб. в сумму, равную 4-6 тыс. руб. Это при том, что с 1 ноября 1998 г., как сообщала пресса, правительство планировало отменить для кадровых военных денежную компенсацию за санаторно-курортное лечение. Таким образом, кадровые военнослужащие, получающие в то время денежное довольствие в размере 1-2 тыс. руб., практически лишались возможности отдыхать на Черном море [11].

Больше всего при этом страдали самые незащитные члены семей военнослужащих - их дети. Несмотря на то, что за период с 1990 по 1992 годы было открыто 220 детских садов, вновь сформировано 11 педиатрических отделений,

в штаты медицинских частей введено около 100 врачей-педиатров, проблем было еще очень много. Около 100 отделений гарнизонных больниц не имели врачей-специалистов, не хватало 60 тыс. мест в детских яслях и садах, около 40% детей военнослужащих из-за неблагоприятных климатических условий службы родителей не могут выехать летом в оздоровительные лагеря, из-за недостаточного финансирования за 3 года закрылось 28 детских садов, воспитательно-лечебных учреждений [12].

Центральные СМИ самое пристальное внимание, и небезосновательно, уделяли жилищным проблемам, накопившимся в армии. На 1 января 1993 г. в МО РФ насчитывалось 119 тысяч бесквартирных, кроме того, 72 тысячи семей нуждались в улучшении жилищных условий, 77 тысяч уволенных не получили жилье, 216 тысяч семей были выведены из стран дальнего и ближнего зарубежья и 121 тысячу военнослужащих планировалось уволить сразу после вывода [13]. Подливали масло в огонь статьи, рассказывающие об уровне жизни офицеров ряда зарубежных стран. Так, например, в турецкой армии стандартный размер жилья 85-100 кв.метров, аренда обходится в 6-8 раз ниже, чем другим жителям страны; при лечении на дому 20% лекарств оплачивается государством; оплата проезда и отдыха на курорте в 7-10 раз дешевле, чем в гражданской системе, в специальных закрытых магазинах для военнослужащих цены на 15% ниже [14].

Несмотря на принимаемые главой государства, Правительством РФ меры по стабилизации этого острейшего вопроса (в этот период принимаются государственные целевые программы, строительство и выделения жилья, но основном они касаются выводимых из-за границы частей), улучшения не произошло. Об этом свидетельствуют и заголовки на первых полосах газет: «Жилищная проблема в Вооруженных Силах – проблема политическая», «Жилье для военных: проблема все острее», «Реальный» проект бюджета делает не реальной программу строительства жилья для армии», «Квартирный вопрос: армии предлагают два варианта его решения – плохой и наихудший», «Бомжи бывают и при погонах» [15].

Что касается жилищных проблем армии в последующие годы, к традиционным публикациям о неумещающей очереди на получения жилья [16] и бедственном положении военных городков, особенно в Дальневосточном, Сибирском регионе и районе Крайнего Севера [17], добавились публикации о наметившейся тенденции снижения напряженности в жилищном вопросе в рамках Федеральной программы «Государственные жилищные сертификаты» [18], рассчитанной на пять лет (1998 – 2002 гг.). «... Реализация программы должна происходить в 10 этапов: каждые 6 месяцев Министерство финансов выдает 21 тысячу жилищных сертификатов, далее выбор за военнослужащими...» [19]. В результате в 1998 году 17606 семей получили жилье, при 107228 нуждающихся [20].

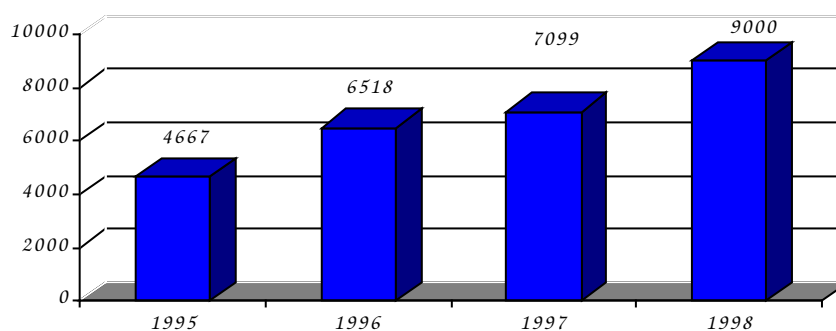
Центральная печать, правда, каждое печатное издание по-своему, в диапазоне от искренней тревоги до удовлетворительного смакования, описывало гибельные для армии последствия подобной социальной политики государства по отношению к ней. В СМИ появилось огромное количество статей, которые приходили к выводу, что военнослужащие вынуждены самостоятельно искать возможность выжить [21]. Главнокомандующий ПВО генерал-полковник В. Прудников в 1997 году констатировал: «...Офицеры подрабатывают, чтобы за-

работать на еду, а мы сознательно закрываем на это глаза. Это разрушает армию...» [22].

Нельзя и не сказать и о большом количестве публикаций, связанных с качеством призывного контингента и положением подрастающего поколения в стране. Вот некоторые из них: «В свободной России детей насилуют, грабят, убивают», «В России террор родителей в отношении детей имеет масштабы национальной катастрофы», «В Москве за последние пять лет количество самоубийств увеличилось в два раза» [23], в которых приводятся как ужасающие примеры издевательств над детьми, так и статистические данные. Так, например, «...12 млн. детей живут за чертой бедности... По различным данным, в России от 1,5 – 2 млн. беспризорных (уровень 1918 года)... 25 тысяч родителей в 1996 году были лишены родительских прав... 15 тысяч дистрофиков было призвано в армию в 1996 году...», «...За десять лет 1988 -1998 подростковая наркомания выросла в 10- 14 раз...» [24]. «Держава ставит под ружье психически неуравновешенных» («...среди совершеннолетних здоровы 25 – 30% ...»), «На службу Родины заступают дистрофики», «Наркота ползет в казарму», «Наркоман в армейском строю» («...количество юношей, состоящих на учете наркологическом диспансере, за последние годы увеличилось в семь раз...» (См. диагр. 1)) [25], именно так периодическая печать оценивала качество армейского призыва.

Диаграмма 1

Число призывников, признанных негодными к военной службе из-за наркомании в 1995 – 1998 гг. [26].

И все же наибольшую тревогу в СМИ вызвало общее **морально-психологическое состояние** Вооруженных Сил. Анализ статей с данными социологических исследований (большая их часть приходится на конец 1996 года. – Прим. автора) показывает «...крайне тревожные тенденции» [27]. Так, например, «Красная звезда» от 13 сентября 1996 года приводит динамику роста недовольства на свое материальное положение и неудовлетворенность службой среди кадровых военнослужащих Российской армии.

Тема критического состояния армии все чаще стала встречается на страницах центральных газет: «На пределе возможностей», «За гранью выживания», «Приказано выжить», «Температура Российской армии приближается к точке кипения» [28]. А «Комсомольская правда» начала предвещать военный бунт в стране: «...Сбудутся ли самые мрачные прогнозы о том, что радикальное сокращение армии и флота может привести к неповиновению в войсках...» [29], «...В нынешнем веке особенно много военных бунтов было в годы первой русской

революции (1905 – 1907 гг.) – около 100... В 1991-м офицеры РВСН написали письмо М.Горбачеву с требованием восстановления СССР, в противном случае ядерная атака...В 1995-м группа офицеров Генерального штаба установила пикет вдоль дороги, по которой должен был проехать Президент РФ...в 1997 - группа офицеров полка авиации сухопутных войск отказалась летать...В 1997 - бабьи бунты. Жены офицеров в Калининграде, Курске, Туле и других авиационных гарнизонах перекрывали взлетные полосы...В 1997 В.Черномырдина, Председателя Правительства, офицеры -моряки не пустили на свой корабль...» [30].

Важным индикатором настроений военнослужащих были их письма в центральные газеты. Если социологические данные изобилуют сухими цифрами, то там проявляется весь симбиоз чувств негодования, разочарования и крик души о помощи, указывающий на резкое падение настроений в военной среде: «...На барометре общественного мнения стрелка от *«терпение»* показывает *«на недовольство»* [31], «На грани социального взрыва», «Неплатежи зиму не отменят», «Так жить и служить нельзя!», «Вместо зарплаты – 2 бутылки водки и банка селедки», «Устали жить в долг», «Барометр показывает беду», «Лучше под суд, чем без совести», «ЗабВО поставлен на грань вымирания, то ли бунта» и др. [32]

Вместе с тем, анализ центральной печати оставляет надежду на более благоприятное развитие событий. Но, несмотря на все трудности, по мнению «Красной звезды» от 24 сентября 1996 года, «...офицеры до сих пор остаются фанатами службы...», так как из проблем общественной жизни, которые их волновали, на первое место они поставили «престиж Вооруженных Сил в обществе» - 50 % (далее расположились: уровень жизни населения России – 44%; состояние преступности – 27%; политическая ситуация – 26%; экономические проблемы – 25%; ситуация в горячих точках – 16%; обстановка в Чечне и международное положение России – 15%) [33].

Значительно реже центральная печать обращалась к анализу причин, способствовавших возникновению социальных проблем в Вооруженных Силах и дальнейшему их углублению. По мнению СМИ, таковыми были: **во-первых**, высокий уровень инфляции и астрономический рост цен (в мае 1992 года – в 13,6 раз) [34].

Во-вторых, сокращение общих расходов на оборону. Так, например, в 1993 году они были сокращены с 8,8 трлн.рублей до 7,8 трлн.рублей [35].

В-третьих, задержки в выплатах денежного довольствия военнослужащим, которые в рассматриваемый период достигали до полугода [36]. Высокая денежная задолженность сохранялась как по всей стране, так и в армии и в последующие годы (в 1997 – 50,6 трлн. рублей (5,1 млрд. - в армии), в 1998 – 49 трлн. (1,8 трлн.), 1999 – цифра не найдена (прим. автора – А.Г.) (4 млрд.рублей в армии) [37].

В-четвертых, попытки СМИ, зачастую необоснованные, обвинить Правительство страны в принятии непопулярных в отношении Вооруженных Сил мер, что усиливало социальную напряженность в армии.

В-пятых, на роль главных виновников создавшегося в армии положения прессой выдвигалось высшее военное руководство страны, якобы неумело расходовавшее военный бюджет, погрязшее в коррупции, в хищениях, распродаже военного имущества.

В – шестых, оставались виноватыми и командиры частей и подразделений, открыто или скрыто, прямо или косвенно использовавшие имеющиеся у них возможности, в том числе и финансовые, исключительно для личного обогащения.

Таким образом, российские центральные печатные СМИ отражали достаточно полную и объективную картину социальных проблем Вооруженных Сил России. Проведенный автором анализ публикаций в центральных СМИ по социальным вопросам армии показывает, что около половины их них приходятся на центральный орган печати МО РФ «Красная звезда». Аналитический характер социальной проблематики армии характерен, прежде всего, для «Независимого военного обозрения». На наш взгляд, стремление отдельных СМИ составить себе весомый политический капитал на рассматриваемой нами армейской проблематике, нагнетание страстей, безысходности, поиск исключительно негативных фактов вряд ли способствуют конструктивному решению армейских социальных проблем и в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красная звезда.1993. 3 июля.
2. Красная звезда.1992. 20 марта, Красная звезда.1993. 30 июля.
3. Красная звезда.1994. 22 июля, Комсомольская правда.1994. 9 августа, Московский комсомолец.1994. 25 января; Красная звезда. 1995. 8 июля; Московский комсомолец. 1996. 23 февраля; Красная звезда.1996. 13 февраля; 21 сентября и др.
4. Красная звезда.1997. 30 мая, 1 ноября; Красная звезда.1998. 13 ноября, 17 ноября, 21 ноября; Красная звезда.1999. 13 апреля, 8 июля, 16 июля, 28 сентября, 7 октября; Комсомольская правда.1997. 15 марта; Аргументы и факты. 1997. № 41.
5. Красная звезда.1994. 5 июля, Российская газета.1995. 12 апреля, Красная звезда.1997. 5 марта.
6. Красная звезда.1994. 14 июля.
7. Красная звезда.1994. 9 июня; Красная звезда.1995. 8 июля.
8. Комсомольская правда.1992. 6 февраля.
9. Известия. 1991. 27 июля.
10. Независимое военное обозрение. 1998. 3 апреля.
11. Красная звезда.1992. 30 декабря.
12. Красная звезда.1993. 7 августа.
13. Красная звезда.1992. 24 марта.
14. Красная звезда.1994. 26 января, 23 марта, 12 июля, 17 августа, 10 ноября; Красная звезда.1995. 13 марта; Российская газета.1996. 28 августа; Комсомольская правда.1994. 18 ноября; Независимое военное обозрение. 1996. 25 апреля, 12 сентября, 10 октября.
15. Красная звезда.1997. 4 января, 17 мая; Красная звезда. 1998. 16 апреля; Красная звезда. 1999. 11 марта; Российская газета.1998. 28 октября; Независимое военное обозрение. 1999. 12 февраля.
16. Красная звезда.1997. 17 января, 18 июля; Красная звезда.1998. 10 сентября, 24 сентября, 10 октября, 16 октября; Красная звезда. 1999. 23 июля, 4 сентября, 15 сентября; Независимое военное обозрение. 1999. 29 января.
17. Красная звезда.1998. 17 марта, 26 июня, 4 июля, 11 июля; 1 августа, 21 октября; Красная звезда.1999. 9 февраля, 24 апреля.
18. Красная звезда.1998. 16 января, 24 апреля, 11 июля, Российская газета.1998. 16 января, 30 апреля; Комсомольская правда.1998. 17 января; Независимое военное обозрение. 1997. 5 июля; Независимое военное обозрение. 1998. 16 октября.
19. Красная звезда.1999. 18 марта.
20. Красная звезда.1998. 30 сентября; Российская газета.1997. 21 августа; Комсомольская правда.1997. 18 марта; Комсомольская правда.1999. 25 мая, 26 мая.
21. Комсомольская правда.1997. 15 марта.
22. Красная звезда.1997. 11 октября; Красная звезда.1998. 11 августа, 4 ноября; Российская

- газета.1997. 18 октября; Комсомольская правда.1999. 25 января, 1 ноября; Московский комсомолец.1997. 25 сентября; Московский комсомолец.1998. 17 сентября, 29 октября; Аргументы и факты. 1997. № 13, 20.
23. Комсомольская правда.1997. 17 апреля; Комсомольская правда.1998. 30 января, 30 ноября; Красная звезда.1998. 29 января; Красная звезда. 1999. 8 июля.
24. Красная звезда.1997. 7 февраля, 27 марта, 5 августа; Красная звезда.1999. 12 февраля; Комсомольская правда.1998. 23 июля, 20 ноября; Московский комсомолец.1997. 14 мая; Московский комсомолец.1998. 6 марта.
25. Красная звезда.1999. 8 июля.
26. Красная звезда.1996. 13 сентября; Красная звезда.1996. 15 октября.
27. Красная звезда.1997. 6 января, 9 января; 15 января, 22 января, 25 января; Красная звезда.1998. 3 октября; Комсомольская правда.1997. 2 апреля; Комсомольская правда.1998. 20 марта; Московский комсомолец. 1998. 18 августа, 8 сентября; Независимое военное обозрение. 1998. 2 октября; Независимое военное обозрение. 1999. 15 января; Аргументы и факты.1997. № 8.
28. Комсомольская правда. 1998. 3 марта.
29. Комсомольская правда.1998. 18 апреля, 31 июля.
30. Российская газета.1996. 28 сентября; Независимое военное обозрение. 1996. 10 октября.
31. Красная звезда.1994. 9 ноября, 12 ноября, 17 ноября, 18 ноября, 22 ноября, 23 ноября; Красная звезда. 1995. 6 июля; Красная звезда.1996. 6 февраля, 2 марта, 10 июля, 3 сентября, 18 сентября, 28 сентября, 17 декабря; Независимое военное обозрение. 1996. 11 июля, 12 сентября, 26 сентября; Комсомольская правда. 1996. 21 декабря и др.
32. Красная звезда.1996. 24 сентября.
33. Красная звезда.1992. 4 февраля, 24 сентября, Комсомольская правда.1992. 27 мая.
34. Красная звезда.1993. 3 июля.
35. Комсомольская правда.1994. 18 ноября.
36. Красная звезда.1999. 28 сентября, Аргументы и факты.1997. № 17; Аргументы и факты.1998. № 4.

A. Glushachenkov

SOCIAL PROBLEMS OF ARMY IN 1992-1999 (ON CENTRAL PRESS MATERIALS)

The extreme sharpness and morbidity of social problems of Armed forces of Russia and their reflexion in printing mass-media have shown today that it is necessary to search for their roots in the historical period of time considered by the author, characterised formation of system of a state system essentially new to our country.

Key words: Armed forces of Russia, social problems, food maintenance, health of military men, housing problem, social moods.

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ*

Данная статья посвящена проблеме информационной безопасности. Особое внимание уделяется использованию ресурсов сети Интернет экстремистами разного толка (неонацистами, расистами, шовинистами и др.) в качестве инструмента пропаганды своих взглядов и мобилизации единомышленников. Автором предлагается комплексный трехуровневый подход к решению обозначенных проблем: международное сотрудничество, разработка эффективных норм национального законодательства, создание технологической системы «контентной фильтрации».

Ключевые слова: Интернет, информационная безопасность, законодательство, экстремизм, ксенофобия, международное сотрудничество.

Сегодня сеть Интернет, как средство массовой коммуникации, действительно достигла такого уровня развития и воздействия на общественную жизнь, который требует реального государственного вмешательства в виде реализации уже принятых законов и разработки новых механизмов правового регулирования.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации [1, 4].

Одна из острых проблем информационной безопасности – мобилизация экстремизма в сети общего пользования. Становление и развитие сети Интернет, к которой оказываются неприменимыми все ранее существовавшие механизмы и принципы контроля за информационной средой, обогатило экстремистов разного толка (неонацистов, расистов, скинхедов, шовинистов, религиозных фанатиков) чрезвычайно мощным инструментом пропаганды своих взглядов и мобилизации единомышленников. Сайты, распространяющие идеологию ксенофобии, фашизма, антисемитизма, превосходства белой расы, воинствующего исламизма и т.п., концентрируются сегодня практически во всех странах. Российский сегмент сети Интернет все чаще используется различными террористическими и экстремистскими организациями в целях пропаганды своих идей. Многие сайты базируются на серверах зарубежных стран, и российские правоохранительные органы регулярно сообщают об этом международным партнерам. МВД просит их принять необходимые меры для их закрытия. За последние месяцы было направлено 65 таких запросов, из них 48 – в США и 17 – в Европу. Однако ни на один запрос положительного ответа в МВД не получили [7, 1].

Как справедливо отмечает ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.Вайнштейн, Всемирная Паутина стала для членов экстремистских и террористических организаций исключительно удобным средством преодоления географической разобщеннос-

* © Давыдова-Мартынова Е.И.

ти и эффективным способом конспирации и безопасного для них обмена идеями и планами. Опасность выхода экстремистских сил в киберпространство к тому же многократно усугубляется уникальностью Интернета как новейшего средства массовой коммуникации - уникальностью, определяемой не только технологической, но и моральной, этической, правовой спецификой его функционирования [3, 1].

Очевидно, что наибольшая сложность выработки определенных норм и правил, введение которых позволило бы регулировать функционирование сети Интернет, связана с ее транснациональным характером. Любой заслон, воздвигаемый, в частности, перед экстремистскими силами в сетевом сегменте той или иной страны, остается во многом призрачным, поскольку страновые ячейки виртуального пространства, по сути дела, не отделены друг от друга ничем, кроме языковых барьеров.

Дополнительный протокол к Европейской конвенции о борьбе с киберпреступностью трактует «расистские и ксенофобские материалы» как «любые письменные материалы, любое изображение или любое другое представление идей или теорий, которые пропагандируют, способствуют или подстрекают к ненависти, дискриминации или насилию против любой личности или группы лиц, если в качестве предлога к этому используются факторы, основанные на расе, цвете кожи, национальном или этническом происхождении, а также религии» [2, 2].

Ярким примером воздействия ресурсов сети Интернет экстремистского характера стал случай с Александром Копцевым, который был признан виновным в покушении на убийство и разжигании национальной и религиозной розни. Молодой человек признался, что идеи, побудившие его пойти в Московскую хоральную синагогу с ножом, он почерпнул с сайта “Славянского союза”. Названный ресурс и по сей день успешно функционирует в сети. На страничках сайта-книги и тексты выступлений Адольфа Гитлера, материалы, откровенно пропагандирующие движения скинхедов, а также материалы, оправдывающие Холокост, и многое другое. Все это – в открытом доступе. Сайт зарегистрирован в доменной зоне .ss –это региональная зона для доменов островного государства “Кокосовые Острова” (COCOS ISLANDS). Однако управление зоной SS было продано американской компании eNIC Corporation, а регистрация доменов в этой зоне была поставлена на коммерческие рельсы. Сейчас регистрировать домены .ss могут граждане и организации любой страны без ограничений. Этот факт еще раз доказывает, что регулирование ресурсов сети Интернет в отношении защиты информационной безопасности должно быть только международным.

С первой попытки даже начинающий пользователь может получить доступ к информационным ресурсам сайта «Кавказ-Центр», который открыто подстрекает к насилию, разжигает межнациональную и межрелигиозную рознь. Хотя сайт неоднократно «закрывали», он функционирует в Сети и в настоящее время. Так, в 2006 году в Швеции прекратили деятельность Интернет-сайта “Кавказ-Центр”. Закрытие сайта было вызвано тем, что шведская сторона приняла во внимание настоятельные требования российских властей о закрытии этого ресурса. “Кавказ-центр” вел вещание с территории Швеции с 2004 г. Ранее деятельность “Кавказ-центра” аналогичным образом прекращалась на территории Литвы и Финляндии. В настоящее время сайт располагается в коммерческой доменной зоне - .com.

В свободном доступе находятся информационные ресурсы «Партии Свободы». Даже беглый просмотр содержания сайта с уверенностью позволяет заключить, что содержащиеся там материалы имеют расистский и ксенофобский характер. Более того, на страничках сайта - открытые призывы к насилию, а также инструкции для изготовления разного рода экстремистских средств. Следует отметить, что указанный сайт располагается в коммерческой доменной зоне.

Другой пример. Решением Московского городского суда от 19 апреля 2007 года межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» была признана экстремистской, а ее деятельность запрещена. Несмотря на вынесенное судебное решение, сайт НБП функционирует в российском сегменте сети Интернет и в доменной зоне .com. Технологический ход, который предприняли разработчики сайта, состоит в том, что на веб-страницах НБП нет материалов с откровенной пропагандой насилия. Но сайт изобилует ссылками на ресурсы, которые размещены в тех зонах сети, которые сложнее контролировать, например, community.livejournal.com (Живой Журнал). На «территории» указанного ресурса обосновались многие идеологи экстремизма в совершенно разных его ипостасях: начиная от национал-большевизма, кончая все тем же сатанизмом. К примеру, есть свой Живой Журнал у известного идеолога сатанизма Варракса. И в нем, и на своем сайте Black Fire Pandemonium он уже не строит «светлое» сатанинское будущее, а борется с инородцами.

Ресурсами сети Интернет для осуществления террористической деятельности воспользовались организаторы взрыва на Черкизовском рынке. В марте 2007 года Замоскворецкий суд Москвы выдал санкции на арест двоих студентов Московского педагогического государственного университета, Николая Качалова и Дмитрия Федосееенкова, обвиняемых по эпизодам преступлений в рамках дела о взрыве на Черкизовском рынке столицы в августе 2006 года. Обвиняемые, по данным Моспрокуратуры, являлись сторонниками РОНСа. В результате взрыва безоболочного устройства погибли 12 человек, в том числе двое детей, а 55 посетителей и работников рынка получили травмы. Следствие установило, что, помимо взрыва на рынке, участники националистической группы совершили еще семь преступлений с использованием взрывчатки, которую изготавливали по рецептам, найденным в сети Интернет.

Перечисленные примеры – лишь малая толика того, чем могут столкнуться пользователи сети Интернет.

Итак, отсутствие единообразного применения законодательства по вопросам представляемой в глобальных сетях информации, а также отсутствие достаточно разработанных технологий фильтрации позволяет размещать в Интернете противоправные материалы откровенно националистического, фашистского, расистского содержания, рецепты производства наркотических и взрывчатых веществ и т.д.

Считаем, что информационная безопасность сетей связи должна обеспечиваться в условиях комплексного подхода, который подразумевает необходимость создания совместимой сетевой инфраструктуры обеспечения информационной безопасности, поскольку уязвимость любого участка сети может создать проблемы для всех её участников. Другими словами, комплексный подход к решению рассматриваемой проблемы должен включать разработку мер по следующим направлениям:

- международно-правовое регулирование;
- разработка эффективного механизма правового регулирования в рамках внутригосударственного права;
- технологическое направление (разработка «контентной фильтрации»).

Большое значение в контексте рассматриваемой проблемы имеет Дополнительный протокол к европейской Конвенции по борьбе с киберпреступностью, принятый 7 ноября 2002 года. Документ обязывает страны ЕС приравнять к уголовным преступлениям любые проявления расизма и ксенофобии в сети: пропаганду идей превосходства одной расы или нации над другими, призывы к дискриминации отдельных групп людей на основании их цвета кожи или принадлежности к определенной религиозной конфессии и т. д. [2, 2].

В протоколе подчеркивается важность борьбы с web-ресурсами и web-серверами, “отрицающими, умаляющими, одобряющими или оправдывающими геноцид или преступления против человечества, в частности, совершенные в период 1941-45 годов”. Преступлением признается не только производство и распространение расистских материалов в Интернете, но и размещение гиперссылок на такие материалы на сайтах любой тематики. Кроме того, сервис-провайдерам запрещено предоставлять хостинг (компьютерные “площади”) сайтам оговоренной направленности.

В Российской Федерации в основном сформирована нормативная правовая база в сфере противодействия экстремизму и ксенофобии. Вместе с тем, действующее законодательство пока не позволяет достаточно эффективно противодействовать экстремистским и ксенофобским проявлениям во всем их многообразии.

В 2008 году Генеральной прокуратурой Российской Федерации был подготовлен законопроект, предусматривающий перекрытие доступа к Интернет-страницам и закрытие сайтов, публикующих материалы экстремистского характера. В частности, законопроект предлагает устанавливать ответственность за распространение экстремистских материалов в сети Интернет. Так, в соответствии со ст. 13 указанного законопроекта, материалы, размещаемые на сайтах в сети Интернет, признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения или нахождения физического лица либо организации, их разместившей, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Одновременно судом принимается решение о прекращении доступа к данным материалам на сайте в сети Интернет. Федеральный список экстремистских материалов и сайтов сети Интернет подлежит размещению в сети Интернет на сайте федерального органа исполнительной власти в сфере юстиции, а также опубликованию в средствах массовой информации.

Пока названный законопроект находится на проработке в Комитете Государственной думы РФ по безопасности, то есть официально на рассмотрение Госдумы он пока не внесен. Предложенные в отношении безопасности в сети Интернет меры могут появиться в уже действующем законе “О противодействии экстремистской деятельности”. Разработчики законопроекта считают целесообразным добавить в текст закона новую статью “Ответственность за распространение экстремистских материалов в сети Интернет”.

Кроме того, в интересах обеспечения информационной безопасности провайдеры должны принимать меры по выявлению неправомерных действий

потребителей и оказывать помощь силовым структурам в проведении оперативно-розыскных мероприятий. В то же время действия провайдеров связи не должны нарушать прав потребителей на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, тайну переписки, переговоров, свободный доступ к информации и т.д.

Немаловажное значение имеет и разработка новейших технологий в сфере информационной безопасности. Например, специалистами разрабатывается так называемая «контентная фильтрация» - технология, обеспечивающая отсеивание негативной информации (порнографии), вирусов и спама. Речь идет о создании программного средства, с помощью которого российские пользователи на индивидуальном уровне или администраторы локальных сетей могли бы блокировать доступ с подконтрольных им компьютеров к сайтам, на которых содержится информация, вступающая в конфликт с действующим законодательством или противоречащая нормам общественной морали.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в нахождении баланса интересов важную роль играет разработка комплексного подхода, включающего:

- расширение международного сотрудничества в области исследования и анализа законодательств и нормативных баз различных стран, обмена информацией, создания систем оповещения и предупреждения;
- разработку эффективных норм российского законодательства;
- создание действенной технологической системы «контентной фильтрации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. 28 сентября. С. 4.
2. Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем ETS N 189 (Страсбург, 28 января 2003 г.)// Справочно-правовая система «Гарант», 15 сентября 2007 г.
3. Вайнштейн Г. Экстремизм в Интернете: как обуздать?// www.politcom.ru
4. Мелюхин И. О зарубежном опыте регулирования Интернета // ВИНТИ. – Сер. 1. – 1998. – № 3.
5. Официальный сайт МВД <http://www.mvdinform.ru/news/10684>. Дата посещения 1 марта 2008 г.

E. DAVIDOVA-MARTINOVA

EXTREMISM PROBLEM IN VIRTUAL SPACE OF THE INTERNET

Moscow state regional university

The article below is devoted to the problem of information safety. The special attention is given to the use of resources of the Internet extremists of different sense (neo-Nazis, racists, chauvinists, etc.) as a mean of propaganda of positions and mobilization of adherents. The author offers a complex three-level approach to the decision of the problem: the international cooperation, development of effective norms of the national legislation, creation of the technological system of a filtration.

Key words: Armed forces of Russia, social problems, food maintenance, health of military men, housing problem, social moods.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ-НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИТОГИ И УРОКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

События конца XX и начала XXI в. показали, что современная система евроатлантической безопасности претерпевает кардинальные изменения под воздействием демографических, экономических, политических, социальных и культурных процессов, происходящих в мире. Глобальные стратегические сдвиги, связанные с распадом Советского Союза и окончанием холодной войны, привели к изменению характера взаимоотношений Россия-НАТО. Рассматривая современный этап этих отношений системно, можно выявить профиль противоречий как возможных факторов их развития.

Ключевые слова: Россия, НАТО, международные отношения, противоречия, партнерство.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР. ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ПАРТНЕРСТВУ.

Прекращение существования СССР как одного из полюсов силы в противостоянии двух социально-политических блоков, существование которых в течение всей второй половины XX в. обеспечивало стратегическую стабильность на глобальном уровне и отсутствие мировых войн, повлекло за собой глубокую и продолжительную трансформацию всей геополитической системы.

В результате окончания периода холодной войны, в начале 1990-х гг. Россия осталась без прежних союзников по Организации Варшавского Договора (ОВД), а НАТО сохранила и укрепила свой потенциал.

Изначально НАТО представляла собой военную структуру, и если раньше стратегия альянса носила оборонительный характер и состояла преимущественно в поддержании status quo и обеспечении неприкосновенности границ, то теперь перед НАТО открылись новые горизонты возможностей. На встрече глав государств-членов в Риме в ноябре 1991 г. была принята Стратегическая концепция, определившая обновленные подходы к обеспечению безопасности, основанной на диалоге, сотрудничестве и коллективной обороне [1]. На этой же встрече была принята Декларация о мире и сотрудничестве [2], которая определила задачи и направления деятельности НАТО в свете новой общей институциональной основы безопасности в Европе и сфере развития партнерских отношений со странами Центральной и Восточной Европы. Для налаживания более тесных отношений с последними был учрежден специальный орган - Совет североатлантического сотрудничества (далее - ССАС). С развитием этих отношений, расширением количества государств-партнеров за счет стран СНГ и появлением программы НАТО «Партнерство ради мира», в 1997 г. ССАС сменил Совет евроатлантического партнерства (далее - СЕАП).

Самые первые попытки налаживания равных партнерских отношений с Альянсом предпринимались с начала новейшей истории России. Так, 20 декабря 1991 г. первый Президент России Борис Ельцин в своем обращении к

* © Калачев Д.Н.

министрам иностранных дел стран-членов НАТО выразил готовность рассматривать вопрос о вступлении России в НАТО как долгосрочную политическую цель. Тогда же Россия становится одним из государств-основателей Совета североатлантического сотрудничества (с 30 мая 1997 г. – СЕАП). А 22 июня Россия и НАТО подписали рамочный документ программы “Партнерство ради мира” (ПРМ) и специальный протокол, который давал Москве более широкие полномочия, чем другим участникам, и признавал за ней статус “крупной державы”. Однако при этом России не было предоставлено право голоса при принятии решений НАТО. Несмотря на это, принятие программы ПРМ вызвало оптимизм, поскольку она воспринималась как альтернатива расширению НАТО, а не как один из этапов процесса, ход которого отчасти зависел от действий самой России, в том числе и действий упреждающего характера. В 1996 г. она выделила свой воинский контингент в составе 2000 человек - крупнейший среди контингентов стран, не входящих в НАТО, - для участия в первой миротворческой миссии Североатлантического союза в Боснии и Герцеговине. Кроме того, Россия сыграла ключевую дипломатическую роль в урегулировании и Косовского кризиса.

В 1997 г. НАТО и Россия подписали Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности. В соответствии с этим масштабным документом был создан Совместный постоянный совет Россия-НАТО, обеспечивающий «механизм для консультаций, координации и в максимально возможной степени, по мере необходимости, для совместных решений и совместных действий в отношении вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность» [3]. Аналитики отмечали недостатки в процессе принятия решений в СПС, так как члены НАТО договаривались об общей позиции до заседаний СПС, на основе дискуссионного процесса в Североатлантическом союзе, и неохотно шли на отказ от положений, с трудом принятых по принципу консенсуса, при возражениях России. В 1999 г. Россия вышла из Совместного постоянного совета в протест против вмешательства Североатлантического союза в Союзную Республику Югославию. Таким образом, наметился первый кризис в установлении партнерства. Однако в мае 2000 г. Совместный постоянный совет все же возобновил свои заседания, а через год после этого НАТО открыла Информационное бюро в Москве.

Современные цели и направления деятельности НАТО строятся на основе новой Стратегической концепции Североатлантического союза, одобренной в апреле 1999 г. [4] На первое место в ней выдвигается задача обеспечения безопасности Евроатлантического региона, где основными направлениями деятельности являются урегулирование кризисов и развитие партнерских отношений с государствами, не являющимися членами НАТО, в том числе и в свете его расширения, а также контроль за вооружением и нераспространением оружия массового поражения. Специально выделяя «Европейскую составляющую», данная концепция подчеркивает претензии Альянса на ключевую роль в создании системы коллективной безопасности в Европе.

Логическим итогом политики расширения НАТО явилось присоединение 12 марта 1999 г. к блоку Венгрии, Польши и Чехии, трех стран-членов бывшей ОВД. Следом, две недели спустя, Североатлантический альянс, теперь уже в составе 19 государств, в нарушение Устава ООН и всего международно-правового порядка, совершил нападение на Союзную Республику Югославию. Следующая

волна расширения последовала в 2004 г.: Словения, Словакия, Румыния, Болгария, Латвия, Литва и Эстония – и затронула уже бывшие республики СССР.

Заметим, что международная проблематика не может анализироваться обособленно от взаимоотношений внутриполитических сил в обществе, отстаивающих различные, порой диаметрально противоположные представления о предмете при выработке конкретных внешнеполитических решений. Процессу расширения НАТО во многом способствовала пассивность и непоследовательность политической элиты России в 1990-х гг. в защите национальных интересов, зависимость экономического и политического курса от Запада. Российская дипломатия и экспертно-политическое сообщество упустили из виду формирование идеологии и стратегических планов куда более обширной и далеко идущей экспансии, чем формальное расширение.

Таким образом, принятие новой Стратегической концепции НАТО и война на Балканах продемонстрировали трансформацию блока из военного в военно-политический, которая обозначила коренную перемену в существующей структуре глобальной политики.

Вместе с тем новые угрозы международной безопасности со стороны негосударственных образований и рост террористической активности с началом XXI в. [5] стали стимулом к консолидации военно-политического потенциала сторон – как ответа на эти угрозы. Сразу после террористических актов 11 сентября 2001 г. обе стороны отметили, что сотрудничество между ними может принести им только выгоды. 28 мая 2002 г. на авиабазе под Римом (Италия) главы государств и правительств стран-членов НАТО и Российской Федерации подписали Римскую декларацию «Отношения Россия - НАТО: Новое Качество», официально учредив Совет Россия – НАТО (СРН).

Как всякое крупное событие международной жизни, римская встреча вызвала противоречивые отклики. Скептики сетовали на нереалистичность планов интеграции России в НАТО. Оптимисты говорили чуть ли не о вступлении России в Альянс. Сами главы государств и правительств были более сдержанны в своих оценках. В принятом заявлении они лишь отметили, что «полны решимости добиться конкретных результатов, которые принесут пользу миру и безопасности всех наших народов и будут содействовать постоянно развивающемуся сотрудничеству между нами» [6]. СРН как новый орган был призван вывести отношения между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора на качественно более высокий уровень, обеспечив более эффективный, чем прежде, «механизм для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе» [7], а именно: борьба против терроризма, кризисное регулирование, меры по нераспространению оружия массового уничтожения и средств его доставки, проблема противоракетной обороны (ПРО ТВД), поисково-спасательные мероприятия на море, чрезвычайное гражданское реагирование, сотрудничество в сфере военных реформ, совместная оценка новых угроз и вызовов.

В тексте документа подчеркивалось, что в рамках СРН Россия и государства-члены Альянса будут работать как равные партнеры, имея в виду новый национальный формат обсуждения проблем, когда страны-участницы НАТО при изложении точки зрения своих правительств не связаны общей позицией

Альянса, во-первых; и, во-вторых, участники совета будут обсуждать тот или иной вопрос с целью принятия совместного решения до того, как этот вопрос станет предметом обсуждения в НАТО. Более того, предполагалось, что Совет НАТО будет рассматривать данный вопрос лишь в том случае, если «двадцатка» [8] не сможет прийти к консенсусу. Этот механизм позволял сделать обсуждение проблем более гибким и способствовал взаимодействию сторон в принятии решений по вопросам, не имеющим принципиальных разногласий. Тем не менее, новая процедура в рамках СРН не дала России равноправного на деле участия в принятии совместных с государствами-членами НАТО решений в ситуации вокруг Кавказского кризиса в августе 2008 г., когда деятельность Совета была заблокирована США, а вопрос расширения блока за счет Украины и Грузии педалируется.

Таким образом, с момента подписания Основополагающего акта 1997 года в новейшей истории отношений России – НАТО можно констатировать наличие уже двух кризисов, оба из которых демонстрируют принципиальные разногласия сторон в оценке как правовых основ международных отношений, заложенных в документах Организации Объединенных Наций (ООН), так и системы европейской безопасности.

ПРОФИЛЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Рассматривая современный этап отношений Россия - НАТО как целое и политический диалог в рамках СРН в частности, нельзя не принять, что они находятся под непрерывным давлением со стороны различных негативных факторов: внутренних противоречий системы и внешних выявленных и скрытых угроз.

По мнению академика С.П. Капицы, «в настоящее время наиболее существенно то, что человечество переживает демографический переход» [9] (ДП) - фундаментальное явление в развитии цивилизации. ДП характеризуется взрывным ростом численности населения Земли на коротком историческом интервале в пределах ста лет и затрагивает все стороны бытия: экологические, энергетические, информационные, экономические, социально-политические и т.п. Развитые страны уже вступили в завершающую стадию ДП, и его центр сместился в Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Примем для упрощения, что все возможные внешние угрозы лежат внутри этого явления.

Рискуя излишне упростить рассматриваемый объект и не учесть всех возможных взаимосвязей, можно выделить три типа внутренних противоречий.

Во-первых, сохраняются внутренние противоречия в системе Россия – НАТО в целом: (а) идеологические, (б) экономические, (в) военно-политические, - которые находятся в тесной связи между собой, что диктует необходимость рассмотреть этот комплекс подробнее.

«Мир политического невозможно представить себе без идеологии. С самого своего возникновения формы правления и проводимый властью придерживаемыми политический курс нуждались в обосновании, оправдании, легитимизации» [10]. С исчезновением фронтального противостояния двух систем никакой заметной разницы в исповедуемых в России и Западом идеологиях нет. И Россия, и Европа, и США согласны в том, что демократическое устройство – оптимальная политическая система, а рынок должен быть основой экономического устройства. Однако, как отмечается во введении русского издания

«Ежегодника СИПРИ 2006»: «...приход на смену биполярности времен холодной войны нового дуализма, когда «другой» определяется на базе этнических, конфессиональных или культурных различий, создает для политиков гораздо больше проблем, нежели решает» [11].

В рамках идеи «столкновения цивилизаций» [12] как доминанты мировой политики, Россия не включена в понятие «Запад» [13], куда естественным образом входят все старые страны-участницы блока и за некоторым исключением – новые. Другой вопрос: готовы ли к этому россияне с точки зрения самоидентификации. А факт подготовки к вступлению в Альянс Украины и Грузии, имеющих глубокие культурные корни и исторические обусловленные связи с Россией, ограничивает применение такой «цивилизационной» подоплеки, но не снимает противоречия Россия - Запад как такового, а подчеркивает его. Подтверждением может служить высказывание обозревателя Washington Post Ч. Краутхаммер (Charles Krauthammer): «Это, прежде всего, связано с Россией, а потом уже с демократией: Запад хочет закончить то, что начал с падением Берлинской стены, и продолжить марш Европы на Восток: главный приз здесь – Украина» [14].

Следующие противоречия лежат в экономической сфере. С одной стороны, военные расходы государств-членов НАТО в 40 раз больше российских [15], с другой – огромный ресурсный и накопленный научный потенциалы российской экономики. В результате благоприятной внешней и внутренней конъюнктуры, РФ к 2007 г. по объему ВВП сравнялась с такими странами-членами Альянса, как Великобритания и Франция, но несопоставима с совокупным объемом стран-участниц блока [16]. Здесь необходимо отметить, что наличие ракетно-ядерного потенциала страны нивелирует экономический разрыв, но не отменяет последнего. Кроме того, стремительное укрепление российской экономики и, как следствие, активная позиция по отстаиванию национальных интересов «стало неожиданностью для всех ее партнеров, включая США» [17]. Россия остается великой ядерной державой и приобрела статус энергетической сверхдержавы, когда роль энергетического фактора в мире трудно переоценить [18]. «В предстоящие десятилетия наиболее вероятным источником вооруженного конфликта на европейском театре и в прилегающих регионах будет нехватка энергии и манипуляции ею», - так оценил ситуацию сенатор Ричард Лугар (США) [19]. А в ноябре 2006 г. на саммите НАТО в Риге был поставлен вопрос об использовании структур Альянса для предотвращения потенциальных угроз поставкам энергоносителей и формировании в рамках НАТО Сил быстрого реагирования.

Как свидетельствует новейшая история, распад биполярной системы мира, приведший к качественному изменению соотношения сил и доминированию США на международной арене, не разрешил всех противоречий и в военно-политической сфере отношений России и НАТО. Рост благосостояния в РФ с 2000 г. по настоящее время поднял нашу страну не только в экономических рейтингах, но и позволил изменить военно-политический баланс в Евроазиатском регионе. Однако вопрос о расширении НАТО был и остается центральным вопросом, детерминантой отношений. В руководящих доктринах России эта угроза стоит намного выше по приоритетности, чем новая триада, и определяет дислокацию войск и сил страны, систему крупных учений, принципы мобилизационного развертывания, долгосрочную программу вооружений [20]. С одной стороны, надо признать, что процесс является долговременным факто-

ром международной политики. С другой - Россия считает курс на расширение блока ошибочным, а натоцентризм – «системным дефектом» [21] европейской безопасности. Отсюда принципиально иное видение международно-правовых проблем, включая ДОВСЕ, ПРО, суверенитеты Косово, Абхазии и Южной Осетии, а, следовательно, выбор путей и методов их разрешения.

Во-вторых, существуют противоречия внутри НАТО. С одной стороны: доминирование США, на которые приходится около половины всех военных расходов в мире [22], включая 40% бюджета Альянса [23], и односторонние военные операции Вашингтона, с другой – признание европейскими странами «многополярности» мира и существования за пределами евроатлантической зоны других центров силы. Кроме того, разногласия стран-участниц НАТО по ряду центральных вопросов мировой политики базируются на различиях в приоритетах: для американцев – это связь явления с национальными интересами и национальной безопасностью Соединенных Штатов, а для европейцев - концепция прав человека и право на самоопределение. Намечившееся в последнее время усиление политической самостоятельности Европы проявилось в частности в вопросе по Ираку и в активной роли по урегулированию ситуации вокруг недавнего Кавказского кризиса, однако существенно ограничивается ее военно-техническим отставанием от США.

Экономическая составляющая противоречий проявляется в фактическом использовании США военных методов - прямых вторжений - непосредственно в Европе, что заведомо ослабляет союзника по блоку и главного экономического конкурента [24], для решения своих внутриэкономических проблем и с целью недопущения образования альтернативного глобального полюса силы. Можно проследить симметрию вторжения НАТО в Югославию – в момент введения евро и Грузии в Южную Осетию [25] в период разгара экономического кризиса в США, в данный момент сравниваемого с Депрессией тридцатых годов прошлого века, - как попытки дестабилизации в Европейском регионе.

Еще одно противоречие заложено между современным принципом расширяющегося НАТО и первичным принципом консенсуса принятия решений. Как известно, динамические системы со множеством связей стремятся к самоорганизации структуры с выделением иерархии. Таким образом, на определенном этапе, чтобы не потерять устойчивость и управляемость, в структуре Альянса могут возникнуть «старшие» и «младшие» партнеры с неравными весами голосов.

В-третьих, необходимо отметить наличие внутренних противоречий стран-участниц НАТО и России: различный уровень развития демократических институтов, различные циклы экономических и политических процессов, наличие противоборствующих экономических, политических и военных элит, - все то, что может сказываться в той или иной степени на отношениях России и Альянса.

Примером тому может служить обострение предвыборной борьбы в США и антироссийская риторика в духе холодной войны обоих кандидатов в президенты.

ИТОГИ И УРОКИ

Первое: эволюцию отношений Россия – НАТО с момента распада СССР

до настоящего времени можно охарактеризовать как неравномерный процесс от противостояния через кризисы к партнерству. При этом кризисы можно и нужно рассматривать как частный случай взаимодействия системы.

Второе: на современном этапе сохраняются внутренние и внешние противоречия в системе отношений Россия-НАТО, внутри Альянса, а также внутри отдельных стран (включая Россию). Эти противоречия имеют идеологическую, экономическую и военно-политическую составляющие на каждом из рассмотренных уровней.

Третье: современный этап в сложившейся системе отношений Россия – НАТО характеризуется обострением противоречий между сторонами и нарастанием кризисных тенденций, катализатором которых явилась военная агрессия Грузии против Южной Осетии.

Вывод: решение проблемы преодоления кризиса в отношениях Россия-НАТО лежит как на пути поиска новых форм и механизмов взаимодействия, так и на путях, если не устранения, то сглаживания противоречий на основе признания общности заявленных целей – сохранения безопасности в Евроатлантическом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The Alliance's Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. Rome, 8 November 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b911108a.htm>
2. Declaration on Peace and Cooperation issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council (including decisions leading to the creation of the North Atlantic Cooperation Council (NACC)). Rome, 8 November 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b911108b.htm>
3. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. – Париж, 27 мая 1997 г. См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/fndrus.htm>
4. Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. См.: <http://www.nato.int/docu/other/ru/1999/p99-065r.htm>
5. Особеннорезкийросттеррористическойактивностинаблюдаетсяпосле2001года. По данным Национального контртеррористического центра (National Counterterrorism Center (NCTC)) (США), в 2007 г. число терактов в мире достигло 14499, что на 26% больше, чем в 2005 г. и в разы больше, чем в 2001 году. См.: <http://wits.nctc.gov/reports/crot2007nctcannexfinal.pdf>
6. Отношения Россия-НАТО: Новое Качество. Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств-Членов НАТО - Рим, 28 мая 2002 г. См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b020528r.htm>
7. Там же.
8. На данный момент в СРН участвуют 27 стран.
9. Настоящий момент истории характеризуется как демографический переход между двумя фазами развития человечества – гиперболическим ростом и насыщением около стационарного уровня, оцениваемого в пределах 12-13 млрд. чел. См.: Капица С.П. Общая теория роста населения Земли. – М.: Наука, 1999.
10. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. – М.: Андалус, 2007. С.5.
11. Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2007. С.7.
12. См. напр.: Huntington, S. P., The Clash of Civilisations and the Remaking of the World Order. - New York, N.Y., 1996, или С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006.
13. Примечательно, что в ежегоднике ЦРУ США «The World Factbook 2008» местоположение РФ определяется как Северная Азия (Northern Asia) – см.: <https://www.cia.gov/library/>

- publications/the-world-factbook/geos/rs.html
14. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. – М.: Андалус, 2007. С. 66.
 15. Там же. С.71
 16. По данным Международного валютного фонда (IMF) См.: /www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2008/01/pdf/c1r.pdf. С.46
 17. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. – М.: Андалус, 2007. С. 65.
 18. Ни одна из стран-экспортеров нефти не имеет ядерного арсенала, и это, гипотетически, хотят исключить США в случае с Ираном.
 19. Российское агентство международной информации - РИА Новости. См.:<http://rian.ru/economy/20061220/57337818.html>
 20. Арбатов А., Ромашкин П. Оборонный бюджет на 2007 г. и тенденции военной политики РФ. // Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2007. С 947.
 21. Лавров С.В. Российская дипломатия и новое качество международной ситуации / Эксперт. № 36. 15-21 сентября 2008 г. С.68.
 22. Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2007. С. 295-301.
 23. Сборник финансово-экономических данных по оборонному сектору НАТО-Россия. 20 декабря 2007 г. См.: http://www.nato.int/issues/defence_expenditures/index.html.
 24. По данным ежегодника ЦРУ США «The World Factbook 2008», в 2007 году Евросоюз превосходил США по объему ВВП. См. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html>
 25. См. напр.: Интервью председателя правительства РФедерации Владимира Путина американской телекомпании «Си-Эн-Эн». См. текст: <http://www.rian.ru/politics/20080828/150771441.html>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Alliance's Strategic Concept agreed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. Rome, 8 November 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b911108a.htm>
2. Declaration on Peace and Cooperation issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council (including decisions leading to the creation of the North Atlantic Cooperation Council (NACC)). Rome, 8 November 1991. URL: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b911108b.htm>
3. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. – Париж, 27 мая 1997 г. См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/fndrus.htm>
4. Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. См.: <http://www.nato.int/docu/other/ru/1999/p99-065r.htm>
5. Отношения Россия-НАТО: Новое Качество. Декларация Глав Государств и Правительств Российской Федерации и Государств-Членов НАТО - Рим, 28 мая 2002 г. См.: <http://www.nato.int/docu/basicxt/b020528r.htm>
6. Капица С.П. Общая теория роста населения Земли. М.: Наука, 1999.
7. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М.: Андалус, 2007.
8. Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2007.
9. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2006.
10. Арбатов А., Ромашкин П. Оборонный бюджет на 2007 г. и тенденции военной политики РФ. // Ежегодник СИПРИ 2006: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2007.
11. Лавров С.В. Российская дипломатия и новое качество международной ситуации / Эксперт. № 36. 15-21 сентября 2008 г.
12. Сборник финансово-экономических данных по оборонному сектору НАТО-Россия. 20 декабря 2007 г. См.: http://www.nato.int/issues/defence_expenditures/index.html.
13. По данным ежегодника ЦРУ США «The World Factbook 2008», в 2007 году Евросоюз превосходил США по объему ВВП. См. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html>

factbook/rankorder/2001rank.html

14. Интервью председателя правительства РФедерации Владимира Путина американской телекомпании “Си-Эн-Эн”. См. текст: <http://www.rian.ru/politics/20080828/150771441.html>

D. Kalachev

**RUSSIA-NATO RELATIONSHIP AT THE CONTEMPORARY STAGE:
RESULTS AND LESSONS OF COOPERATION**

The events of the end of the XX and the beginning of the XXI centuries show that modern system of Euro-Atlantic security undergoes fundamental changes under influence of demographic, economic, political, social and cultural processes which take place in the world. Global strategic changes connected with the breakup of the Soviet Union and the end of the Cold War altered the character of Russia-NATO relationship. Examining the contemporary stage of this relationship systematically we can reveal the profile of contradictions as possible factors of their development.

Key words: Russia, the NATO, the international relations, contradictions, partnership.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ*

Практическая значимость темы обусловлена современным положением дел на Южном Кавказе и прежде всего – недавней агрессией Грузии против Южной Осетии и признанием Россией и другими странами независимости Абхазии и Южной Осетии. Эта значимость обусловлена также сохраняющейся напряженностью между Азербайджаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха и других проблем, имеющих место между ними в современных условиях. Высокая теоретическая значимость темы статьи, т.к. нет в современной политологической литературе однозначного представления ни о политической культуре, ни об этнополитических конфликтах.

Ключевые слова: этнополитические конфликты, политическая культура, Южный Кавказ, социально-экономическая ситуация, геополитика, сепаратизм.

В настоящее время существует широкий спектр мнений и позиций в трактовке понятия «политическая культура». Нередко ее отождествляют с образовательным и эстетическим уровнем человека, его способностью соответствующим образом вести себя на публике, умением четко и ясно излагать свои политические позиции и т.д. Иногда можно услышать, что у такого-то нет политической культуры, а у другого – высокий или низкий уровень политической культуры [1].

Культура политическая (лат. Cultura – возделывание, обрабатывание) – исторически определенный уровень развития политики как отношение в классовом обществе по поводу власти, т.е. государства, одних над другими, выраженных, с одной стороны, в форме конкретного политического режима, а с другой – в форме той или иной политической идеологии, т.е. материальных и духовных ценностей политики [2].

Разнобой в понимании и толковании политической культуры связан и со сложностью положения в общей культурологии. На сегодняшний день насчитывается свыше 400 определений культуры. Но дело не столько даже в количестве, хотя этот фактор тоже осложняет познавательную ситуацию, сколько в существенном различии подходов к культуре, если не сказать о парадигмальном вакууме из-за ограниченности представления понятия «культура» пределами некой совокупности духовных и материальных ценностей той или иной общности людей. То есть в культурологии применяется лишь рационально-научный метод познания культуры, представляя ее как явление природы. В современной теории культуры доказывается, что феномен «культура» не относится к явлениям природы и не может быть приложен к объектам природы [3]. Как феномен культура так или иначе объективируется в повседневности только посредством человеческой жизнедеятельности, однако сама как явление идеальное всегда остается «за кадром». Поэтому, рассматривая понятие «культура», следует различать термины «культура» - нечто идеальное, и «форма культуры» - как правило, объективная реальность. Термин «культура» в

* © Миронов О.Н.

научной лексике и средствах массовой информации сегодня используется в различном понимании его смыслов.

Если же культуру понимать в более узком смысле, как внутриличностный признак человека или социума (по Р.Г. Нугманову), то двусмысленность исчезает, более того, можно говорить о взаимоотношении между «политической культурой» и, например, «духовной культурой» нации. При этом под «политической культурой» можно будет подразумевать культуру, отраженную в политической сфере жизнедеятельности человека [4].

С другой стороны, особенность политической культуры состоит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью и представляет собой, по словам К.С. Гаджиева, своего рода «субъективный объект». «В узком понимании она составляет не политику, а комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире, политике, политическом, законах и правилах их функционирования» [5]. Хотя, по Р.Г. Нугманову, культуру нельзя представлять как объект, ибо она не сущностное, а признаковое явление. Поэтому «комплекс представлений» К.С. Гаджиева следует понимать в некотором «ментальном» смысле.

Возникновение первых концепций политической культуры относится к середине XX в. Во второй половине 50-х – начале 60-х годов США были опубликованы работы Г. Алмонда, С. Вербы, Л. Пая и ряда их последователей, в которых ставился вопрос о необходимости изучения специфической области общественных явлений, принадлежащих одновременно и к сфере политики, и к сфере культуры – «политической культуры».

Г. Алмонд и С. Верба определяли «политическую культуру» как систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике, т.е. как феномен, показывающий, каким образом «политическая система интернализовалась» в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения [6].

Такое понимание отличалось от подхода, принятого в те годы в политической науке и вызывало многочисленные критические отклики. Вопреки политической традиции тех лет, Г. Алмонд и С. Верба утверждали: для того, что бы сравнивать различные политические системы, необходимо изучать не только институциональные и конституциональные черты этих систем, но также политические ориентации индивидов (то есть социально-психологические составляющие политической культуры).

Начало изучения отечественными исследованиями политической культуры можно отнести к концу 70-х – началу 90-х годов XX столетия, такими исследователями, как Э.Я. Баталов, Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, К.С. Гаджиев, Д.В. Гудименко, Г.В. Каменская, М.М. Назаров и т.д.

Например, Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин отмечали, что «политическая культура в марксистском понимании – это, прежде всего зафиксированный в законах, обычаях и классовом сознании исторический опыт как общества в целом, так и его отдельных классов и слоев» [7]. Необходимо отметить, что «исторический опыт» есть уже нечто идеальное. А культура, по-видимому, не вписывается в пределы материалистического понимания действительности. Ю.А. Тихомиров определяет политическую культуру как «усвоенное гражданами знание существа политики, природы политической власти и понимание

ими, осознание ценности активного участия в функционировании власти» [8].

Из анализа работ вышеперечисленных авторов по исследованию феномена политической культуры можно прийти к выводам, что изучение концепции отечественными учеными получило свое развитие с 70-х – 80-х годов прошлого столетия и имеет разнообразные варианты. Главный недостаток во всех представлениях политической культуры, на наш взгляд, сводится к неопределенности самого понятия «культуры».

При анализе причин и факторов, генерирующих межэтнические напряжения и конфликты на территории южного Кавказа, как правило, рассматриваются экономические, социальные и политические процессы. При этом из внимания незаслуженно выпадают такие важные компоненты политического процесса, как культурные, религиозные, психологические особенности и традиции, то есть политическая культура в широком классическом понимании.

Хотя политический конфликт связан с отношениями политической власти, авторитета доминирования, влияния, борьбы за властные полномочия, ресурсы, но глубинные причины политического конфликта часто лежат за сферой политики, и такой значимый фактор, как представляется, лежит в социальной сфере, в социальном воспитании, семейном укладе индивида, – все, что в итоге составляет национальный менталитет, традиции и ценности общества и народа.

Большинство конфликтов возникает в обществах с неравным уровнем благосостояния, экономическим и социальным неравенством. Плохие жизненные условия и большая разница между богатыми и бедными являются основными причинами возникновения конфликтов. К примеру, можно рассмотреть конфликты чеченцев, осетин, карачаевцев, дагестанцев со славянскими народами Российской Федерации или же конфликт абхазцев, осетин, армян Нагорного Карабаха и других народов Южного Кавказа, проживающих на территории Грузии, Армении и Азербайджана. Действительно, именно такого рода неравенства и различия стали причиной конфликтов в указанных районах. Как мы знаем, основной причиной возникновения «цветных революций» за пределами Российской Федерации является неравенство. С другой стороны, зоны конфликтов в основном находятся в стратегически важных регионах, так называемых буферных регионах, располагающихся между двумя противоборствующими сторонами, к примеру, как получилось с военной ситуацией в Чечне.

С точки зрения геостратегического положения, Кавказ располагается между континентальными и морскими государствами. Восток имеет для России огромное значение: во-первых, Восток – часть Российской Федерации, которая включает территорию между восточным плоскогорьем Уральских гор и Тихим океаном; во-вторых, восточные страны Азии. Исторически у русских сформировался образ Востока, согласно которому этот регион представляется неразвитым и является доступным источником недорогих природных материалов, которые можно использовать в производстве [9].

В Центральной Азии политический конфликт возникнет также на фоне геополитической борьбы между властью и бедностью, между бедными и богатыми. Но власть сосредоточена в руках правящих кругов и конкретного правительства, которое не желает разделять её ни с кем, особенно с народом. Этот регион расположен на юге Российской Федерации. Но, с другой стороны, главным фактором является экономика. Среди всех вышеупомянутых факторов главным все же является геополитический или, точнее, природный, то

есть наличие ресурсов. Нашей главной проблемой является поиск методов в геополитике для разрешения этнополитических проблем и конфликтов, а также обеспечение нормальных жизненных условий, разных этносов, повышение жизненного уровня и благополучия людей. Обязанность неправительственных организаций, а также каждого мыслящего человека - помочь малочисленным этносам, обществу, правительству и другим общественным организациям создать гражданское общество, посредством диалога и общения разрешить их проблемы, а также предотвратить возникновения новых этнополитических конфликтов. Ценности культуры этносов, а также достижения цивилизации - вот что должно быть использовано в первую очередь в качестве инструмента для решения этих задач. Государства же, напротив, всегда применяли власть, силу и военные средства для разрешения культурологических и политических проблем. Но, фактически, любой конфликт возникает на фоне экономических проблем, которые должны решаться мирными, а не военными средствами. Говорят, что люди враждебно относятся к тому, чего не могут понять. Необходимо научить людей понимать и научить их жить. История этнополитических конфликтов на Кавказе и способы их разрешения могут стать уроком в современном мире для государств и политических партий.

Угрозы безопасности в регионе Южного Кавказа можно условно разделить на четыре взаимосвязанные группы. Во-первых, угрозы больших этносов - малым; во-вторых, угрозы малых этносов - большим; в-третьих, транснациональные угрозы; в-четвертых, религиозные, межконфессиональные угрозы. Важно отметить, что все эти четыре группы политических конфликтов тесно взаимосвязаны между собой. В последнее десятилетие геополитическая конкуренция оказывала определенное влияние на этнополитические и религиозные конфликты, порой влекла за собой свержение правительств.

На наш взгляд, из нерешенных конфликтов на Южном Кавказе являются наиболее взрывоопасными следующие этнополитические конфликты: между Арменией и Азербайджаном – по Нагорному Карабаху, а также конфликты в Грузии между центральной властью во главе с Саакашвили и стремящимися к самоопределению народов Абхазии и Южной Осетии.

Так, Нагорный Карабах — это регион в западной части Азербайджана, в основном населенный армянами. Этнополитический конфликт по времени восходит к первому периоду независимости Армении и Азербайджана 1918-1920 гг. А вновь он вспыхнул в горбачевский период из-за стремления разделения народов Кавказа и разрушения Советского Союза в конце 1980 гг. – в период так называемой «гласности» [10].

Горбачевский режим не смог не только предупредить этот конфликт, но и положить конец восстаниям даже после того, как Армения и Азербайджан получили независимость в конце 1991 г. Этнополитический конфликт перерос в войну между двумя странами. Весной 1992 г. Армения и «силы самообороны» Нагорного Карабаха захватили контроль над всей провинцией и создали коридор в Армению. В 1993 г. силы Армении захватили шесть дополнительных населенных азербайджанцами районов за пределами Нагорного Карабаха, которые по сей день остаются под армянской оккупацией, причем была проведена массированная этническая чистка, свыше 700000 временно перемещенных лиц. И только в мае 1994 года было подписано соглашение о прекращении огня, которое пока соблюдается, но надолго ли.

Летом 1992 г. Абхазия официально объявила о своей независимости, что

вызвало нападение грузинских военизированных формирований в середине августа на Абхазию.

Следствием грузино-осетинского этнополитического конфликта 1989 – 1992 гг. были сотни убитых и раненых, а также тысячи беженцев с обеих сторон. Переговоры по мирному урегулированию, начавшиеся в 1995 г. под эгидой ОБСЕ и при посредничестве России, способствовали сближению сторон по многим вопросам. Грузия предложила Южной Осетии формальную автономию, в то время как Южная Осетия не могла отказаться от своей фактической независимости. На переговорах 2000 г. были предприняты существенные шаги к переговорам об окончательном статусе, однако с тех пор не так много было сделано. Хотя грузины и заявляли об упрощенном возвращении беженцев и перемещенных лиц, но на практике создавали препятствия для возвращения. Все это и привело к тому, что Абхазия обратилась за защитой своих интересов к России летом 2008 г.

Южная Осетия так же была одним из самых угнетаемых регионов Грузии. Разбой и насилие очень часто становились характерной чертой жизни стремящейся к независимости республики. Постоянными стали нападения со стороны Грузии на миротворческие силы, контрабанда процветала по пути следования автомобильных перевозок из России. А завершился конфликт агрессией Грузии по отношению к Южной Осетии и бомбежками Цхинвала летом 2008 г.

Сепаратизм подпитывается целым рядом факторов, и в таком государстве, как Грузия, центральное правительство осуществляет агрессивную власть, осуществляет геноцид малых этносов, но заигрывает на местах с элитами и кланами этих этносов, приватизируя местные региональные активы и устанавливая жесткий контроль над этими этносами. К примеру, некоторые члены этих кланов были назначены на высшие правительственные посты в Тбилиси и самом Джавахети. Однако регион объективно не может интегрироваться в политические процессы Грузии, поскольку основная часть малых этносов, включая правительственных чиновников и гражданских служащих, не знает грузинского языка и не желает жить под игом Грузии.

В последнее десятилетие в трех кавказских государствах: Азербайджане, Армении и Грузии наблюдается высокий уровень политического насилия, что ведет к страху населения за будущее этих стран. Политическая нестабильность и постоянные конфликты и так уже серьезно ухудшили экономическую ситуацию в регионе и отрицательно сказались на благосостоянии населения. В свою очередь, неудовлетворенность народов политикой существующих правительств усиливается хроническим дефицитом энергоресурсов, повышением тарифов на электроэнергию, разгулом коррупции, безответственностью правительства, растущим разрывом между властвующей «элитой», в руках которой сосредоточена вся экономическая и политическая власть.

В такой ситуации основной акцент в этноконфликтологической экспертизе, как представляется, необходимо сделать на выявлении конфликтогенных факторов, вызывающих и обостряющих типичные политические и этнополитические конфликтные ситуации во взаимоотношениях этносов в различных регионах Кавказа, в особенности тех, которые ведут к вооруженному насилию. На раскрытие дестабилизирующих и деструктивных последствий действия этих факторов, а также на поиск и обоснование возможных мер по их нейтрализации и должна быть направлена деятельность как государства, так и уче-

ных по предупреждению возможных политических и этнополитических конфликтов, а если они уже возникли, то по их мирному разрешению.

На этом принципе, на наш взгляд, как на фундаменте, должна базироваться национальная политика, если она хочет быть адекватной, эффективной и ориентированной на людей труда, а не на капитал.

Пока что этого о национальной политике сказать нельзя, как впрочем, нельзя сказать и того, что мы вообще имеем сейчас последовательную, целенаправленную и принципиальную политику в сфере национальных отношений и присущих им коллизий. Скорее, в этом отношении со стороны нынешних властей наблюдается сугубо ситуативный подход, стремление воздействовать на разворачивающиеся и обостряющиеся межнациональные конфликты с точки зрения «целесообразности», задаваемой определенной политической позицией Запада и оценкой, зачастую весьма слабо опирающейся на предварительную конфликтологическую экспертизу и вытекающие из нее рекомендации.

Вот почему, на наш взгляд, правительству необходимо всесторонне изучать и технологически прорабатывать вопросы повышения политической культуры в регулировании межнациональных противоборств и развивать в политике такие ценности, как партнерские взаимоотношения Центра и регионов, без которых невозможно обеспечить разворачивание и укрепление федеративных начал в национальной политике, по предупреждению и разрешению уже возникших как политических конфликтов в целом, так и этнополитических конфликтов в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 255 с.
2. Бергер П.Л. Общество в человеке. Социология. – М., 1997. – 168 с.
3. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: «Логос», 1997. – 544 с.
4. Нугманов Р.Г. – Культурология: курс лекций. – Казань, 2002. – 68 с.
5. Политические исследования. «Полис». 2002. – № 2. – 192 с.
6. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России. «Социс». 1998. – № 5. – 95 с.
7. Университетская политология России / Сборник статей. – М.: Полис, 1999. – 256 с.
8. <http://www.cornellcaspain.com/sida/sida-cfl-2.html>, Erik Cornell

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества – М.: Наука, 1990. – С. 25.
2. Краткий политический словарь. – М.: Политиздат, 1983. – С. 162.
3. Нугманов Р.Г. Социальный анализ явлений культуры и выработка экзистенциональной концепции культурологи. Дисс. На соискание ученой степени доктора культурологи. – Казань., КГУ, 1999.
4. Нугманов Р.Г. – Культурология: курс лекций. – Казань: КГЭУ, 2002. – С. 68.
5. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: «Логос», 1997. – С. 440.
6. Almond GA., Verba S., The Civic Culture. 1995 p. 13.
7. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. – М.: междунар. отношения, 1974. – С.113.
8. Тихомиров Ю.А. Политическая культура в обществе зрелого социализма. – Политическое самообразование, 1978. – № 7. – С. 29.
9. Политические исследования, «Полис» 2002 . – № 2. – С. 58.
10. <http://www.cornellcaspain.com/sida/sida-cfl-2.html>, Erik Cornell.

O. Mironov

POLITICAL CULTURE IN ETHNOPOLITICAL CONFLICTS ON SOUTHERN CAUCASUS

The practical importance of a theme is caused by a modern state of affairs on Southern Caucasus and first of all – recent aggression of Georgia against South Ossetia and a recognition Russia and other countries independence of Abkhazia and South Ossetia. This importance is caused as by remaining intensity between Azerbaijan and Armenia concerning Nagornogo Karabaha and other problems which are available between them in modern conditions. The high theoretical importance of a theme of article since is not present in the modern politological literature of unequivocal representation either on political culture, or on ethno-political conflicts.

Key words: ethnopolitical conflicts, political culture, Southern Caucasus, social and economic situation, geopolitics, separatism.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ*

Данная статья посвящена исследованию влияния политических процессов в ближнем зарубежье на национальную безопасность России. Ее авторы уделяют особое внимание попыткам стран Запада и, прежде всего, США, изменить его вектор развития в нужном для себя направлении. В статье также рассматриваются ответные меры, предпринимаемые руководством Российской Федерации для нейтрализации этой угрозы, и приводятся практические рекомендации, направленные на реализацию интересов национальной безопасности России.

Ключевые слова: современные политические процессы, национальная безопасность, Ближнее зарубежье.

Проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации со всей остротой встала в начале 90-х годов прошлого столетия, после развала Советского Союза, когда в результате драматических, а подчас и трагических событий перестало существовать государство, на протяжении десятилетий являвшееся гарантом стабильности сложившегося мирового порядка, противовесом гегемонистским устремлениям США. В период с 1991 по 2000 год состояние национальной безопасности РФ стремительно ухудшалось практически по всем параметрам, и Россия вплотную подошла к опасной черте, за которой разрушение государства могло стать неизбежным.

Принятый в 1992 году Закон Российской Федерации «О безопасности»¹, рассматривавший безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, не отвечал в полной мере тем сложнейшим вызовам и угрозам, с которыми столкнулась страна. Позитивным моментом, однако, является то, что он закрепил качественно новый для России подход к проблеме безопасности, означающий прекращение практики полного игнорирования интересов личности и общества в деле обеспечения безопасности.

Со временем стало очевидно и терминологическое несовершенство данного законодательного акта, поскольку согласно общепринятому лингвистическому толкованию понятия «безопасность» под отсутствием опасности подразумевается достижение идеальной ситуации «без опасности». В реальной жизни всегда существовали, существуют и будут существовать опасности самого различного характера. Поэтому категория «безопасность» не абсолютна, а только относительна и смысловое значение приобретает лишь в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира².

Термин «национальная безопасность» был впервые официально использован в 1995 году в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации», а его определение дано в первом послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности» 1996 года. В этом документе сказано: «Национальная безопасность пони-

* © Юдин М.В., Шестаков В.В.

мается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства»³.

В настоящее время под национальной безопасностью понимается создание и поддержание такого политического, экономического, социального, военно-стратегического потенциала и международного положения страны, которые привели бы к формированию благоприятных условий для развития личности, общества и государства, исключили бы опасность ослабления его роли как субъекта международного права, особенно в плане реализации своих национальных интересов на международной арене. Иначе говоря, содержанием данного типа безопасности является безопасность многонационального народа РФ «как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»⁴.

В свою очередь, наши основные внешнеполитические оппоненты – Соединенные Штаты – выдвинули в феврале 1995 года новую внешнеполитическую концепцию – «Стратегия вовлеченности в международные дела и распространение демократии в мире»⁵, в которой основной акцент сделан на безусловном сохранении лидерства США в мире, то есть на построении однополярной системы мирового порядка. Фактически, в данном документе речь идет о глобальном распространении демократии и участии США в создании демократических институтов и формировании рыночной экономики по всему миру.

При этом Россия и ее ближнее зарубежье воспринимается некоторыми близкими к Белому дому политическими аналитиками как «черная дыра в самом центре Евразии»⁶. Что же касается возможного участия нашей страны в современных международных политических процессах, то, по мнению этих экспертов, «для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером»⁷.

Несмотря на то, что более реалистично оценивающие международную обстановку западные авторы отмечают необходимость сотрудничества с Россией, в первую очередь, в решении глобальных проблем безопасности⁸, их точка зрения не получила поддержки Белого дома. Напротив, судя по высказываниям, а также по действиям отдельных политических сил и коалиций на Западе, они не оставили цель сделать Россию главной жертвой вероятных глобальных потрясений. Так, в обнародованном на сайте Национального совета по разведке США прогнозе «Global Trends 2020» делается вывод, что к 2020 году РФ фактически утратит возможность проводить независимую внешнюю политику на международной арене, для нее будут четко очерчены границы региональной державы, и даже наличие ядерных вооружений, места хранения которых к тому времени, возможно, будут охраняться совместными усилиями России и США, не позволит ей поддержать свой статус как «Великой державы». Членство в Совете Безопасности ООН станет по большей части номинальным – ключевые решения по применению военной силы США и их союзниками, как и прежде, будут приниматься единолично, без оглядки на мировое сообщество. Внешнеполитический курс России все больше будет выверен в соответствии с таковым в США и, отчасти, – в ЕС⁹.

В качестве инструмента реализации своих планов, направленных на ослабление Российской Федерации, Соединенные Штаты активно используют определенные политические процессы, происходящие на постсоветском пространстве, которые иногда сами же сознательно инспирируют. При этом одним

из основных приоритетов в этой сфере для Белого дома является всемерная поддержка ГУАМ – прозападно ориентированного блока государств, созданного при непосредственном участии Белого дома.

10 октября 1997 года в Страсбурге во время саммита Совета Европы руководители Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии обнародовали совместное коммюнике глав государств, в котором подчеркнули необходимость развития четырехстороннего сотрудничества для укрепления стабильности и безопасности в Европе на основе принципов уважения суверенитета, территориальной целостности, незыблемости государственных границ, демократии, верховенства закона и уважения прав человека. Собственно, первые буквы названий стран и сформировали аббревиатуру ГУАМ как название нового международного объединения государств.

Официально в его основу было положено намерение стран-участниц «разработать новые действенные механизмы кооперации, восстановить в значительной мере ослабленные экономические связи, укрепить климат дружеских взаимоотношений и направить их на гармонизацию процессов экономического развития на пространстве бывшего СССР»¹⁰. Между тем, главная неофициальная цель блока – ограничение российского влияния на постсоветском пространстве и продвижение в регионе интересов стран Запада, в первую очередь, США.

Среди приоритетных проектов ГУАМ, направленных на решение этой задачи, – создание совместного воинского подразделения, которое могло бы в перспективе заменить российские миротворческие силы, а также разработка и реализация маршрутов транспортировки углеводородов, альтернативных российским.

Другим инструментом экспансии стран Запада на постсоветское пространство, создающим непосредственную угрозу национальной безопасности РФ, являются состоявшиеся в 2003 – 2005 году «цветные революции». Как справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза, их модели были апробированы еще в 70 – 80-х годах прошлого столетия, когда определенные структуры стран Запада разработали и применили достаточно эффективные способы делегитимизации центров власти в стабильно устроенных обществах¹¹. Показательно, что через несколько лет после крушения политических режимов в государствах – союзниках СССР перестал существовать и сам Советский Союз...

Безусловно, в последние годы руководству РФ удалось значительно улучшить социально-экономическую обстановку в стране, укрепить ее положение на международной арене. Сейчас нет главного условия глобальных социальных потрясений – достаточного числа факторов общественно-политического кризиса (именно достаточного, поскольку некоторые из них присутствуют и говорить о полной стабилизации обстановки, особенно в условиях углубляющегося экономического кризиса, представляется преждевременным).

Так, например, по официальной российской статистике, ниже уровня бедности в нашей стране находятся 22 миллиона человек, а по оценкам ООН – две трети населения. В советский период соотношение доходов 10% наименее обеспеченных граждан к 10% наиболее обеспеченных было 1 : 3,2, а сейчас – 1 : 25¹². К сожалению, в настоящее время активно идет расслоение российского общества не просто на богатых и бедных, а на очень богатых и очень бедных.

Россия еще не сумела до конца преодолеть значительные внутренние раз-

ломы, сохраняющиеся со времени распада СССР и формирования нового постсоветского общества. Действительно, за последние несколько лет удалось ослабить или устранить многие внешние симптомы кризиса, но не их внутренние причины. Следствием этого является то, что кризисная симптоматика может достаточно быстро расти как за счет внешнего давления (искусственное создание неблагоприятной экономической конъюнктуры, создание и/или поддержка субъектов оппозиции и т.д.), так и за счет последствий неудачной внутренней политики.

Подобное давление извне на нашу страну оказывалось ранее и продолжает оказываться сейчас. Так, в июле 2008 года в США был создан Гражданский корпус быстрого реагирования, основная цель которого – при помощи «мирных» методов оказывать содействие в экспорте американской демократии. Главными объектами его «работы», по словам тогдашнего главы Белого дома Джорджа Буша, станут Кавказ и Средняя Азия¹³. Примечательно, что впервые идея создания подобной структуры под эгидой Госдепартамента была озвучена Бушем еще в 2005 году, сразу после «цветных революций» в Грузии, Киргизии и на Украине.

Выступая тогда на торжественном приеме, который устроил в Вашингтоне Международный республиканский институт – один из основных центров разработки планов по свержению неугодных США режимов, – американский лидер заявил, что миссия его страны по распространению мировой демократии далека от завершения и что следующими объектами «цветных революций» должны стать страны Кавказа и Средней Азии. «По всему Кавказу и Средней Азии растут ожидания в связи с перспективами перемен, и перемены наступят», – заверил Буш и объявил о необходимости создания специального корпуса быстрого реагирования для осуществления этой задачи¹⁴.

Состав корпуса должен быть полностью гражданским – это будут дипломаты, медики, инженеры и т. д. Формальный круг их обязанностей сведется к «предоставлению различной помощи столкнувшимся с кризисом государствам в течение считанных дней и недель». В действительности это будет очередная американская сеть неправительственных организаций (НПО), только работающая в экстренном режиме. С учетом той деятельности, которую активно ведут на постсоветском пространстве другие НПО, становится все более очевидно, что Вашингтон стремится переустроить пространство СНГ по своему сценарию, и неудачные попытки осуществить «цветные революции» в Армении и Узбекистане отнюдь не заставили Белый дом отказаться от этих планов.

Несмотря на то, что в названии нового корпуса по экспорту демократии есть слово «гражданский», его функции фактически носят военный характер – это содействие в организации и проведении госпереворотов. Современная технология ведения войны изменилась – на первый план выходит не боевая составляющая, а манипулирование массовым сознанием. Поэтому сама по себе работа американского корпуса быстрого реагирования, а также других НПО США на территории ближнего зарубежья фактически означает начало нового витка смены режимов вокруг России и, возможно, в субъектах самой Российской Федерации.

Кроме того, Вашингтон, как и прежде, стремится подорвать национальную безопасность РФ руками своих союзников, ближайшим из которых на постсоветском пространстве является Грузия. Недавние трагические события

в Южной Осетии убедительно продемонстрировали, что ради достижения своих целей они готовы пойти на любые преступления, включая убийство женщин, детей, стариков, как это было, например, во время обстрела грузинскими военными Цхинвали и других осетинских населенных пунктов. При этом российские эксперты полагают, что завершение операции по принуждению Грузии к миру, к сожалению, не станет окончанием «битвы за Кавказе» между Соединенными Штатами и Российской Федерацией¹⁵. В настоящее время США и их союзники хотят не только взять под контроль территорию от Черного до Каспийского моря, но и распространить свое влияние через Центральную Азию вплоть до самой Монголии. Этот «коридор» позволит им контролировать и так называемые «страны-изгои» – Иран и Северную Корею, и – что гораздо важнее – Россию с Китаем.

Что может и должна противопоставить Россия этому агрессивному давлению извне? Прежде всего, взвешенную и прагматичную внешнюю политику, с одной стороны, всесторонне учитывающую складывающиеся на сегодняшний день реалии международных отношений, а, с другой, – с максимальной выгодой для нашей страны реализующую те возможности, которые предопределены ее особым геополитическим положением, политическими, экономическими, военными и иными факторами. Безусловно, положительным шагом в этом направлении является разработка новой Концепции внешней политики Российской Федерации, подписанной Президентом РФ Медведевым, в которой развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ названо приоритетным направлением внешней политики России¹⁶.

По мнению заместителя председателя Комитета Совета Федерации по международным делам В.Н. Лихачева, принципиально важным моментом является продолжение в Концепции той линии внешней политики, которая была разработана и успешно реализовывалась В.В. Путиным, в том числе и в выстраивании страноведческих приоритетов, главный из которых – государства СНГ¹⁷.

Безусловно, одним из важнейших внешнеполитических решений нового Президента РФ Д.А. Медведева, имевшим огромный резонанс не только на постсоветском пространстве, но и на международной арене, стало подписание им 26 августа 2008 года Указов о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Таким образом, руководство России дало жесткий и, одновременно, адекватный ответ на провокационные действия Соединенных Штатов и Грузии, в результате которых возникла непосредственная угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Становится все более очевидно, что современная политическая обстановка на территории ближнего зарубежья настоятельно диктует необходимость создания специального государственного ведомства, которое занималось бы продвижением российского влияния в ближнем зарубежье. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, 12 мая 2008 года Президент РФ Д.А. Медведев подписал Указ «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти», один из пунктов которого предписывает структурам исполнительной власти «образовать федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств», находящееся в ведении МИД¹⁸. В упомянутом указе также записано, что руководство деятельностью нового агентства, как,

собственно, и МИД, будет осуществлять глава государства. При этом предполагается, что профильные департаменты министерства будут по-прежнему осуществлять внешнюю политику по отношению к СНГ, а новое ведомство сосредоточит свою работу на реализации практических проектов, призванных помочь странам Содружества в решении их проблем под эгидой России.

В интересах национальной безопасности России следует также в кратчайшие сроки разработать и принять Концепцию внешней политики РФ на территории ближнего зарубежья, в которой было бы четко указано на особое место постсоветского пространства во внешней политике нашей страны и определены основные направления взаимодействия с республиками бывшего СССР.

Становится все более очевидно, что для успешного решения стратегических задач, стоящих перед Россией, в том числе и задачи обеспечения национальной безопасности, следует активно проводить на постсоветском пространстве «наступательную» политику, активно воздействовать на политические процессы в этом регионе. Только подобный подход, включающий в себя использование всех возможных рычагов влияния на политическую обстановку, позволит нашей стране распространить свое влияние в политической, экономической и военных сферах на территорию бывших советских республик, а также будет способствовать эффективному решению целого комплекса проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Закон Российской Федерации «О безопасности». № 2446-1 от 5 марта 1992 г. // Российская газета. – 1992. – 6 мая.
2. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М., Изд-во РАГС, 2002. С. 4.
3. «О национальной безопасности». Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996. С. 3-4.
4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 10.01.2000 г. № 24 (в новой редакции). // Независимое военное обозрение. – 2000. – 14 января.
5. Штоль В.В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М., 2003. С. 24.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., Международные отношения, 1999. С. 108.
7. Там же. С. 143.
8. См. Пауэлл К. Стратегия партнерства // Россия в глобальной политике. – 2004. № 1; Йонсон Л. Политика России в Центральной Азии после 11 сентября 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. № 1.
9. http://cia.gov/nic/NIC_2020_project.html.
10. История ГУАМ // <http://www.guam.org.ua/history.phtml>.
11. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М., Алгоритм, 2005. С. 21.
12. Коломийцев В.Ф. Классы: устаревшее понятие? // Социально-гуманитарные знания. – 2008. № 1. – С. 290.
13. Царегородцева И. США готовят вторжение на постсоветское пространство и в Россию // <http://www.rbcdaily.ru/print.shtml?2008/07/17/focus/362064>.
14. Там же.
15. Являнский И. Битва на Кавказе еще впереди // Известия. – 2008. – 14 августа.
16. Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>.
17. Лихачев В.Н. Россия в мире: Курс Дмитрия Медведева // Российская газета. – 2008. – 15 июля.
18. Соловьев В. СНГ попадет под влияние России // Коммерсант. – 2008. – 31 июля.

M. Yudin, V. Shestakov

INFLUENCE OF MODERN POLITICAL PROCESSES IN EX-SOVIET COUNTRIES ON NATIONAL SAFETY OF RUSSIA

This article is devoted to the analysis of political processes taking place in ex-Soviet (neighboring foreign countries) on national safety of Russia. The authors pay special attention to the west countries' (and mainly the USA) efforts to change the direction of development for their benefit. The article also examines some counter steps taken by the Russian Federation authorities to neutralize this threat as well as gives some practical advice aimed at realization of national safety interests of Russia.

Key words: modern political processes, national safety, the Near abroad.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ СИСТЕМНЫХ РЕФОРМ 1985-1999 гг.*

Статья посвящена комплексному анализу взаимодействия государственной власти и студенческой молодежи Российской Федерации в непростой период отечественной истории последней четверти XX в. В работе показана эволюция государственной политики Российской Федерации в отношении студенчества, выявлены новые требования власти к подготовке кадров, рассмотрены основные формы студенческого движения в России.

Ключевые слова: государственная власть, студенчество, молодежь, общественно-политическая система, молодежная политика.

Студенческая молодежь является социально-интеллектуальной опорой любого современного государства. Социокультурная и политическая активность студенчества во многом определяют векторы и перспективы развития нации, темпы ее включения в глобализирующееся мировое сообщество. Высокая адаптивность студенчества способствует преодолению межнациональных, религиозных и иных барьеров, препятствующих углублению интеграционных процессов в мире.

Высокая социальная значимость студенчества выдвигает особые требования к деятельности органов власти, отвечающих за разработку и реализацию молодежной политики. Суть проблемы состоит в противоречии между социальными потребностями молодого поколения (образование, работа, быт, отдых) и реальными возможностями для их удовлетворения. Подтверждением такого противоречия является сложное социально-экономическое положение студенческой молодежи в различных сферах жизнедеятельности современного российского общества. Завершение на современном этапе переходного периода российской истории выдвигает новые требования к материальному обеспечению студенческой молодежи, росту ее благосостояния. Речь идет не только о повышении стипендии, но и о создании предпосылок для качественного изменения социально-экономического статуса студенчества в современном российском обществе.

В СССР студенчество традиционно считалось наиболее перспективной социальной группой общества, что определило высокий уровень заботы партийно-государственного руководства о его развитии. Вплоть до окончания перестройки 1985-1991 гг. система органов ВЛКСМ непрерывно совершенствовала свою работу по защите интересов учащейся молодежи. ЦК и обкомы ВЛКСМ решали молодежные проблемы через профессиональные союзы, осуществляли функцию социально-правовой защиты студенчества. Учащейся молодежи предоставлялись бесплатное образование, отдых, оздоровление и гарантии трудоустройства.

В годы перестройки студенчество, как самая активная часть населения, с интересом наблюдало за развитием политической жизни в стране. Не случайно именно в студенческой среде наблюдались наиболее радикальные формы не-

* © Караулов С.А.

согласия с официальным вектором развития СССР. Цели и организационные формы самоопределения молодых людей были различны: от кружков по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма в поисках «истинного социализма» до подпольных молодежных групп, требовавших изменения государственного строя.[1]

Все еще опасаясь прямого участия в политическом и правозащитном движении, студенты часто выступили с требованиями изменения учебных программ. В частности, предлагалось ввести в учебные программы материал по экономическому и общественно-политическому развитию стран, не входящих в социалистический лагерь, уделять больше внимания вопросам культуры, устранить партийно-политический надзор за обучением и развитием науки.[2] В студенческой среде все чаще стали критиковать преподавание политических дисциплин, в том числе занятия по истории партии. Выразителем настроений части оппозиционно настроенного по отношению к учебному процессу студенчества стали студенты - журналисты МГУ.[3] На низкий уровень преподавания общественно-политических дисциплин, вызывавший скуку и протест студентов, подавлявший интерес к изучению, влиявший на качество знаний, обращали внимание участники всесоюзных совещаний обществоведов,[4] сами студенты,[5] проверявшие инспекции.[6]

В студенческой среде активно обсуждались изменения в идеологии и политике советского государства на рубеже 1980-1990-х гг. Далеко не всегда политические перемены получали позитивные оценки. Чаще всего студенческая молодежь была обеспокоена ухудшением качества обучения. Согласно опросам, лишь 10% студентов оценивали ход реформы образования положительно, а 41% преподавателей и 33% работников вузов считали, что положение ухудшилось.[7] Лишь 16% респондентов считали возможным оплачивать обучение в вузах, 76% высказались за полное бесплатное обучение. За платное обучение в высшей школе высказались только 1,4% опрошенных.[8]

Несмотря на повышенное внимание власти к проблеме формирования квалифицированных кадров, на рубеже 1980-1990-х гг. высшая школа, как и вся страна, оказалась в состоянии затянувшегося кризиса. Отраслевой характер развития советских вузов препятствовал широкой университетской подготовке специалистов. Социальные реалии предъявляли новые, возросшие требования к вузовской системе, уровню подготовки её выпускников. Молодые специалисты должны были обладать не только глубокими и современными знаниями и компьютерной грамотностью, но и способностью к творческому мышлению, самостоятельному поиску, являющимися необходимыми компонентами современных сложных профессий.

Изменение общественно-политической системы Российской Федерации в начале 1990-х гг. внесло серьезные коррективы в разработку и реализацию молодежной политики власти. В ноябре 1991 г. был упразднен Комитет РСФСР по делам молодежи, функции которого были переданы Министерству народного образования. Под сомнение была поставлена деятельность немногочисленных органов по делам молодежи на местах.[9] Ликвидация Госкомитета приостановила реализацию молодежных и студенческих программ и проектов, заложенных Законом СССР и деятельностью местных органов по делам молодежи. Органы по делам молодежи не смогли принять на себя государственные функции, выполняемые ранее молодежными общественными организациями.

В условиях распада ВЛКСМ начался неконтролируемый процесс утраты собственности, создаваемой на взносы всей молодежи. Происходил отток кадров из молодежных структур.[10] Содержание молодежной политики начала 1990-х гг. ярко характеризуют слова бывшего первого секретаря ЦК Российского Союза молодежи В. Лащевского: «Традиционная «отеческая» опека государства молодежи трансформировалась в «демократическое» безразличие к нуждам молодежи».[11]

Студенчество, как политически наиболее активная часть социума, крайне негативно оценивало инициативы власти в реорганизации молодежной политики. По данным исследования НИЦ (1991 г.), 78% молодых людей считало, что органы государственной власти не заботятся о росте образования и дальнейшем трудоустройстве студенчества.[12] Опрос, проведенный перед VII Съездом народных депутатов РСФСР в конце ноября 1992 г., показал, что отношение молодежи к властным структурам стало еще радикальнее.

Отдельные позитивные перемены в политике государства в отношении студенчества наметились после утверждения в январе 1993 г. Положения о Комитете РФ по делам молодежи.[13] В соответствии с возложенными на него задачами Комитет осуществлял функцию разработки предложений и нормативных актов по вопросам государственной молодежной политики, участвовал в разработке федеральных целевых программ, направленных на решение проблем труда, занятости, образования, социальной защиты, физического и духовного развития, поддержки студенческих объединений.[14]

В 1990-е гг. происходили многочисленные изменения в управлении системой высшего образования, которые непосредственно отражались на уровне и качестве подготовки специалистов. Далеко не всегда организация учебно-воспитательного процесса в высшей школе соответствовала потребностям текущего момента. С распадом СССР распалась строго централизованная структура системы образования, ее высшей школы. Требовалось выработать положения, тактику и механизмы адаптации системы высшего образования к иной экономической, социальной, идеологической и политической ситуации, к новой демографической обстановке.[15] Предпосылки для глубокого реформирования высшей школы России были заложены принятым в июне 1992 г. Законом РФ «Об образовании», который занял центральное положение в этой сфере.[16]

Глубокий экономический кризис, в котором оказалась Российская Федерация в начале 1990-х гг. существенно осложнил проведение реформ высшей школы, максимально обострил финансовые, организационные и кадровые проблемы развития вузов. Если в 1992 г. доля расходов на образование в федеральном бюджете составляла 5,85%, то в последующие годы она неуклонно снижалась и составила в 1998 г. лишь 3,45%.[17] Обычной практикой стала задержка работникам образования заработной платы, стипендии учащимся. Например, в 1999 г. задолженность перед работниками общеобразовательных учреждений по заработной плате составляла 5,9 млрд. рублей.[18] В своем Послании Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. Президент РФ В.В. Путин отметил, что в 1990-е гг. Правительство ни разу не выделило вузам 3% бюджетных средств, положенные по Закону «Об образовании». Реальные размеры финансирования никогда не превышали 40% от нормативов.[19]

Значительное снижение государственного финансирования вузов в 1990-е гг. сказалось, главным образом, на гуманитарном образовании, которому было

труднее приспособиться к условиям рыночных реформ. Отсутствие полноценной государственной поддержки повлекло за собой не только уход преподавательского состава в иные сферы деятельности и расширение спектра коммерческих образовательных учреждений, но и, в конечном итоге, крайне негативно отразилось на качестве преподавания обществоведческих дисциплин.

В наиболее критическом положении оказалось гражданско-патриотическое и трудовое воспитание студентов. Гражданско-патриотическое воспитание в России объективно являлось ключевым в обеспечении устойчивого политического, социально-экономического развития и национальной безопасности Российской Федерации. Это одна из наиболее значимых и сложных сфер воспитания, поскольку в ней формировались не только соответствующие мировоззренческие ориентации, идеалы и принципы, но и необходимые личностные качества, обеспечивающие жизнедеятельность студентов в условиях политических и экономических перемен в стране. Воспитание гражданственности предполагало формирование активной гражданской позиции личности, гражданского самоопределения, осознания ответственности за свободный моральный и политический выбор.

Законодательная база государственной политики в сфере воспитания студенческой молодежи была крайне противоречива и несовершенна. Принятый Закон РФ «Об образовании» в первой редакции (1992 г.) с одной стороны, провозглашал, что «под образованием ... понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства», с другой стороны, в Законе не формулировались цели и задачи воспитания. Эти вопросы не получили отражения и в государственных образовательных стандартах. В вузах были упразднены штатные должности работников, которые занимались воспитанием, общественные организации выведены за рамки образовательных учреждений, а пионерская организация и комсомол, непосредственно участвовавшие в воспитании, ликвидированы. Фактически была разорвана связь обучения и воспитания, что нанесло системе образования существенный урон.[20]

В новой редакции Закона РФ «Об образовании» (1996 г.) воспитание рассматривалось как «целенаправленная деятельность, осуществляемая в системе образования, ориентированная на создание условий для развития духовности обучающихся на основе общечеловеческих и отечественных ценностей; оказание им помощи в жизненном самоопределении, нравственном, гражданском и профессиональном становлении; создание условий для самореализации личности».[21]

О противоречивости образовательной политики говорит содержание Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. К основным задачам высшего учебного заведения отнесены: удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду. Но понятие «воспитание студенческой молодежи» в тексте закона полностью отсутствовало.

В 1990-е гг. в документах государственных органов крайне мало говорилось о роли преподавателя в воспитании студентов. Статья 81 Типового положения о высшем учебном заведении, утвержденного Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации весьма кратко упомина-

ла, что преподаватели обязаны развивать у студентов самостоятельность, инициативу, творческие способности. В документ был внесен специальный раздел о педагогических кадрах.

В конце 1990-х гг. Правительство РФ значительно увеличило выделение средств на реализацию мероприятия федеральной программы “Молодежь России” по развитию гражданственности и патриотизма российского студенчества, поддержке военно-патриотических молодежных и детских объединений, поисковых формирований. Тем самым начала создаваться финансово-материальная база патриотической и военно-патриотической работы.[22]

Серьезной проблемой для органов власти стал рост наркомании, алкоголизма, девиантного поведения в молодежной, в том числе студенческой среде. Стремясь преодолеть негативные социальные последствия переходного периода, в середине 1990-х гг. руководство Российской Федерации способствовало активному развитию специальных социальных служб, организаторами которых выступили министерства, ведомства, комитеты по делам молодежи. Так, например, по линии Министерства высшего образования в крупных городах создавались особые подразделения, оказывавшие психологическую помощь нуждающимся. По линии Федеральной службы занятости были созданы программы по предотвращению молодежной безработицы (ярмарки вакансий для молодых, переобучение и обучение и др.), проводились мероприятия по сезонному трудоустройству студентов на период летних каникул.[23]

В исследуемый период кардинально изменилось отношение учащейся молодежи к Родине, наметился рост пацифистских, антиармейских настроений в студенческой среде. Фактическая легализация пацифизма произошла в стране в начале 1990-х гг. Под влиянием демократически ориентированных СМИ происходила переоценка внешнеполитических союзников и противников Российской Федерации. Внутренняя логика прозападных демократических реформ предполагала временное забвение таких ценностей, как Отечество, патриотизм, верность культурно-национальным традициям предков, память о павших за Родину, знание истории своего народа.[24]

Как результат, в 1990-е гг. резко снизился престиж нравственности, возросли интересы сугубо личного, прагматичного и конъюнктурного плана. В студенческой среде господствовало безразличное либо негативное отношение к понятию гражданского долга, ответственности перед обществом. Значительная часть студенческой молодежи утратила такие традиционные нравственно-психологические черты, как романтизм, самоотверженность, готовность к подвигу, честность, добросовестность, вера в добро и справедливость, стремление к правде и поиску идеала, к позитивной реализации не только личных, но и социально значимых интересов и целей.[25]

Студенчество, как наиболее восприимчивая социальная группа, оказалось наиболее уязвимым для пропаганды антироссийской идеологии. Не случайно в 1990-е гг. массовым стало негативное отношение населения к армии, которое выражалось в стремительном увеличении доли не желающих идти на воинскую службу.[26] Только в 1998 г. в России было более 40 тыс. уклонистов. Это более 10% призывного контингента. С 1989 по 1997 гг. число их увеличилось почти в 20 раз.[27] Молодые люди открыто заявляли, что не интересуются историей России и родного края (40% опрошенных), им безразлична военная и патриотическая тематика (55% опрошенных).[28]

Долгое время работа по патриотическому воспитанию молодежи велась без продуманной концепции. Большой потенциал патриотических объединений, сохранившихся еще с советских времен, был во многом потерян или использовался неэффективно. Не случайно в 1990-е гг. в России наблюдался невиданный ранее межпоколенный культурный разрыв. Даже в высокообразованной студенческой среде обозначилась проблема социального идеала.

Разрушение единых национально-государственных ценностей, патриотических ориентаций народа осложняло решение задач формирования духовно-нравственных основ российского студенчества. Лишь на рубеже 1990-х – 2000-х гг. наметился сдвиг в политике государства, отход от деидеологизации и космополитизма к формированию ценностных ориентиров национального развития. В сложных, противоречивых условиях началось вызревание новых подходов к формированию патриотизма, вернулось осознание необходимости исторической преемственности в духовной жизни общества, в том числе и в сфере воспитания подрастающего поколения на принципах патриотизма.

К концу 1990-х гг. в результате сложной эволюции политическая стратегия Правительства России в отношении студенческой молодежи стала более продуманной, избавилась от перекосов, свойственных переходному времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 121–122; Ф. 5. Оп. 35. Д. 210. Л. 252.
2. Калкутин Д.Л. Деятельность молодежной оппозиции в СССР. Курск, 2000. С. 52.
3. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 30. Д. 11. Л. 64.
4. ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 7. Д. 210. Л. 18; Ф. 605. Оп. 1. Д. 1418. Л. 24.
5. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 533. Л. 57–62.
6. Там же. Д. 530. Л. 102; Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 122–123.
7. Чемберс Э. Мировое сообщество выиграет, если поддержит российскую науку // Финансовые известия. 1996. С. 113.
8. Высшая школа сегодня: цифры и факты. М., 1993. С. 31.
9. Комсомольская правда 1991. 29 ноября.
10. Молодежная политика: Опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. - Киев, 1991.
11. Российская газета. 1992. 26 июня.
12. Молодежь России: положение, тенденции, перспективы / Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи / - М., 1993. С.75.
13. Об утверждении Положения о Комитете РФ по делам молодежи: Постановление Совета Министров - Правительства РФ № 36 от 19.01.93 г.
14. Текущий архив Государственного Комитета РФ по делам молодежи. Д. 14/3, 1995 г. Л. 25.
15. Ладыжец Н.С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск, 1992. С. 54.
16. Закон Российской Федерации «Об образовании» // Высшее образование в России. 1992. №3.
17. Вузовские вести. 2000. №2. С. 2 – 3.
18. Учительская газета. 1999. 5 мая.
19. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. М., 2000. С.17.
20. Белый Е.А. Политико-правовые и научно-организационные основы воспитания студенческой молодежи на современном этапе. М.: Социум. 2004. С. 62.
21. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об образовании”» от 13 января 1996 г. №12-ФЗ // Бюллетень Государственного Комитета Российской Федерации по высшему образованию. 1996. №2.
22. Федеральная программа “Молодежь России”. - Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 18.06.1997. №746.

23. Материалы “круглого стола”: “Формирование и развитие рынка социальных услуг для молодежи” 12 апреля 1996 года.
24. Волков А.П. Пацифизм и защита Отечества.- М., 1992. - С. 11-13.
25. Митницкая Е.В. Тенденции и противоречия патриотического воспитания российской молодежи в 1990-е гг. // Материалы научной сессии факультета социологии, экономики и права МПГУ по итогам научно-исследовательской работы за 2005 г. Сб. научных трудов факультета социологии, экономики и права МПГУ. М.: Гном-Пресс. 2006. С. 74.
26. ГАРФ. - Ф. 7021. Оп. 2, Д. 1 Л. 66.
27. Иванов А.Н. Армия России: состояние и перспективы.- М., 1999. - С. 194-195.
28. Регионы России. Социально-экономические показатели, - М., 2004. - С.318.

S. Karaulov

THE GOVERNMENT AND STUDENT’S YOUTH OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING AN EPOCH OF SYSTEM REFORMS 1985-1999

This article is dedicated to the complex analysis of the Russian Federation authorities` collaboration with students in the problematic period of state history in the last quarter of the 20th century.

The article touches upon the evolution of the Russian Federation state policy towards student community, it exposes new governmental demands for personnel training, it highlights the major forms of student movement in Russia.

Key words: government, students, youth, political system, the youth policy.

НАШИ АВТОРЫ

Азаренков Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре; e-mail: yuriym@softline.ru

Александровский Иван Сергеевич, соискатель кафедры Отечественной истории и музееведения, Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова; e-mail: Kutruslin2001@mail.ru

Афанасьев А.Д., кандидат экономических наук, заведующий кафедрой издательства и полиграфии, Московский государственный открытый университет; тел.: 683-51-85

Глушаченков Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского; тел.: 155-18-40

Давыдова-Мартынова Елена Игоревна, аспирант кафедры политологии и права заочного отделения аспирантуры, Московский государственный областной университет; тел.: 8-499-197-51-62

Долгих Аркадий Наумович, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет; e-mail: v.zakharov@inbox.ru

Еремеев Павел Юрьевич, аспирант заочного отделения кафедры Новейшей истории России, Московский государственный областной университет; e-mail: Bers88@Gnext.ru

Завражин Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры истории Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, заведующий кафедрой гуманитарных наук Московского государственного университета экономики, статистики и информатики; e-mail: zavan51@mail.ru

Калачев Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет; тел.: 704-98-83

Капранова Елена Геннадьевна, аспирант кафедры методологии истории и исторической информатики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: kapranova_elena@mail.ru

Караулов С.А., профессор кафедры истории России, доктор исторических наук, Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова; тел.: 8-903-761-25-24

Карпычева Елена Вячеславовна, соискатель кафедры новейшей истории, Московский государственный областной университет; тел.: 8-926-246-88-61

Миронов Олег Николаевич, аспирант кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет; e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Муравьева Любовь Михайловна, соискатель при аспирантуре, кафедра истории России, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина; тел.: 8-920-638-01-09

Николаева Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет; тел.: 160-96-82

Платицына Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры об-

щественно-гуманитарных дисциплин Московского государственного педагогического университета им. Шолохова, соискатель кафедры истории Военного Университета; e-mail: vporov54@mail.ru

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: gregormoltke@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет; e-mail: safronov1477@yandex.ru

Скрыпников Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова; тел.: 8-926-606-34-62

Слободенюк Наталия Владимировна, аспирант кафедры истории и политологии, Воронежский государственный технический университет; e-mail: goncharova@csn.ru

Смоленский Николай Иванович, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет; тел.: 499-265-08-17

Тестов Виталий Николаевич, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, Военный авиационно-инженерный университет; тел.: 073-2-26-60-13

Трофимова Ирина Николаевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Института социологии РАН; тел.: 8-903-582-88-11

Туаева Берта Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владикавказского института управления; e-mail: amaga@ru.ru

Федоренко Николай Георгиевич, Московский государственный областной университет; тел.: 8-910-440-38-45

Федотова Лидия Владимировна, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; тел.: 499-615-28-43

Шестаков Владимир Влдимирович, соискатель кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; e-mail: vest@mgou.ru

Юдин Михаил Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет; e-mail: vest@mgou.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

СМОЛЕНСКИЙ Н.И. Философские основы российской историографии: проблемы обучения и исследования.....	3
---	---

СРЕДНЕВЕКОВАЯ И НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОПОВ Г.Г. Демографические циклы кочевников Евразии в контексте исторического процесса средневековой Руси.....	21
ПЛАТИЦЫНА Т.В. Мухаджирство горцев Кавказа как отражение политического противоборства России и Турции в XIX в.	27
ТУАЕВА Б.В. Терское казачество в российском социокультурном пространстве.....	34
ДОЛГИХ А.Н. Вопрос об освобождении владельческих крестьян в политике Александра I в 1801-1803 гг.	40
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ И.С. «Язык» или «наречие»? Полемика вокруг украинского языка в XIX в.	46
ЗАВРАЖИН А.В. Теория «официальной народности» и реорганизация системы образования в России.....	54
КАПРАНОВА Е.Г. Участие общественных организаций в просветительной деятельности в провинции (на примере Нижегородской губернии 1860-начало 1900 гг.).....	63
ТЕСТОВ В.Н. Важнейшие проблемы строительства и эксплуатации Екатерининской железной дороги в 80-х – 90-х гг. XIX в.	71
ФЕДОТОВА Л.В. К вопросу о начале журнала «Сын Отечества».....	79
ОСТРОУХОВ А.И. Положение чехов и словаков в российском плену в период Первой мировой войны (по материалам пражских архивов)	85

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ГАВРИЛОВ А.Ю. Большеви́стская революция в оценках «Социалистического вестника» начала 1920-х годов.....	93
АЗАРЕНКОВ А.А. Демократические доктринёры и идея дальневосточного государства-«буфера» в конце 1919 – начале 1920 г.: шанс на политическое выживание?.....	99
АЗАРЕНКОВ А.А. Большеви́стский марионеточный «буфер» в Прибайкалье и провозглашение Дальневосточной республики.....	108
КАРПЫЧЕВА Е.В. Возникновение и процесс формирования личных дел лишенных избирательных прав за занятие частной торговлей в Тверском регионе (1918 – 1936).....	117
СКРЫПНИКОВ А.В. НЭП: столкновение тенденций в государственном строительстве.....	121

СЛОБОДЕНЮК Н.В. К вопросу о комплексном освоении ресурсов района Курской магнитной аномалии.....	127
---	-----

АФАНАСЬЕВ А.Д. Проблема участия государственно-общественных структур в управлении качеством учебной книги (1960-1980-е гг.).....	131
---	-----

МУРАВЬЕВА Л.М. Современные проблемы внешней трудовой миграции в регионах России (по материалам Рязанской области).....	138
---	-----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

САФРОНОВ А.В. К трактовке сткк. 51 – 52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу.....	144
---	-----

НИКОЛАЕВА Н.А. Древнеевропейцы II тыс. до н.э. в Восточной Европе (механизм формирования раннекатакомбного горизонта).....	153
---	-----

НИКОЛАЕВА Н.А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы.....	162
--	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

ТРОФИМОВА И.Н. Коммуникативные аспекты реформы местного самоуправления в Российской Федерации.....	174
---	-----

ФЕДОРЕНКО Н.Г. Политические партии современной России: федеральный и региональный уровни функционирования.....	181
---	-----

ЕРЕМЕЕВ П.Ю. Проблема миграционных процессов в отечественной научной литературе.....	188
---	-----

ГЛУШАЧЕНКОВ А.А. Социальные проблемы армии в 1992 -1999 годах (по материалам центральной печати).....	195
--	-----

ДАВЫДОВА-МАРТЫНОВА Е.И. Проблема экстремизма в виртуальном пространстве сети Интернет.....	202
---	-----

КАЛАЧЕВ Д.Н. Отношения Россия-НАТО на современном этапе: итоги и уроки взаимодействия.....	207
---	-----

МИРОНОВ О.Н. Политическая культура в этнополитических конфликтах на Южном Кавказе.....	216
---	-----

ЮДИН М.В., ШЕСТАКОВ В.В. Влияние современных политических процессов в Ближнем зарубежье на национальную безопасность России.....	223
---	-----

КАРАУЛОВ С.А. Государственная власть и студенческая молодежь Российской Федерации в эпоху системных реформ 1985-1999 гг.	230
--	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	237
------------------	-----

Краткие сведения о «Вестнике МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году. Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых и научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2008 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй - 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2008, агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура);
 - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
 - номера контактных телефонов (желательно и мобильного);
 - номер факса с кодом города;
 - адрес электронной почты;
 - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и одном из иностранных языков (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) текст статьи;
- г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов - по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно: 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: vest@mgou.ru. Конт.тел. (499) 265-41-63 Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями «Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском языке	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Объем статьи — от 16000 до 20000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком «Литература»

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал — полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем — не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекустовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» — декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, факультет истории, политологии и права. Телефон 8(495) 261-19-19.

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 1

Подписано в печать: 05.02.2009.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».

Уч.-изд. л. 15,25. Усл. п. л. 15,75. Тираж 355 экз. Заказ № 59.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. (499) 265-41-63, факс (499) 265-41-62.